

АСИММЕТРИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ
ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ
XXI ВЕКА

Ministry of Education and Science of the Russian Federation
Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

**ASYMMETRIES OF REGIONAL
INTEGRATION PROJECTS
OF THE 21ST CENTURY**

Ekaterinburg
Ural University Press
2018

УДК 327
ББК Ф4(0).3
А902

Editor-in-chief

doctor of sciences, professor, director of Department of Theory and History of International Relations of Ural Federal University *Valery I. Mikhaylenko*

Peer-reviewed by:

Yury A. Borko, Doctor of Sciences, professor, chief research associate
at the Institute of Europe of Russian Academy of Sciences, Honoured President
of the Russian Association of European Studies

Vatanyar S. Yagya, Doctor of Sciences, professor, Director of the Department
of World Politics of St Petersburg State University

Yakov Ya. Grishin, Doctor of Sciences, professor of the Department of International
Relations, World Politics and Regional Studies of Kazan Federal University

Authors:

A. Bibnev (chap. 25), A. Caruzo, A. Perevalova (chap. 28), A. Chesnokov (chap. 26),
N. Dovzhik, V. Mikhaylenko (chap. 10), K. Fedorenko, A. Umland (chap. 9), E. Fomicheva
(chap. 20), V. Kamynin (chap. 15), V. Konyshchev, M. Lagutina (chap. 18), V. Konyshchev,
A. Sergunin, L. Heininen (chap. 27), V. Konyshchev, A. Sergunin, S. Subbotin (chap. 5),
Yu. Kovalev, A. Burnasov, A. Stepanov (chap. 23), M. Lagutina (chap. 2), E. Lazareva,
A. Lyamzin (chap. 13), [E. Litsareva](chap. 19), O. Lushnikov (chap. 11), E. Maslova
(chap. 8), E. Mikhaylenko (chap. 3), V. Mikhaylenko (Intro.), V. Mikhaylenko,
E. Mikhaylenko (chap. 6, Conclusion), K. Muratshina (chap. 21), A. Naronkaia
(chap. 14), E. Savkovich (chap. 16, 24), K. Tabarintseva-Romanova, T. Pospelova (chap. 7),
G. Toropchin (chap. 22), N. Vasilyeva (chap. 12), L. Voronkov (chap. 1), D. Zhelobov
(chap. 17), K. Zubkov (chap. 4)

Asymmetries of regional integration projects of the 21st century /
А902 [ed.-in-chief V.I. Mikhaylenko]. Ekaterinburg: Ural Univ. Press, 2018.
476 p.

ISBN 978-5-7996-2328-9

The collective monograph contains the results of the research on a variety of
global, regional and sub-regional integration processes in contemporary world.
The research demonstrates that regions and regionalism are pivotal for the global
agenda today (the so-called “world of regions”). The concept of regions cannot be
limited to a single pattern, as they are characterized by diversity and asymmetry
of institutions, objectives, organizational models. The research also displays the
diversity of theoretical solutions in this field.

УДК 327
ББК Ф4(0).3

This publication was supported by the European Union ERASMUS+ Programme,
Jean Monnet, project number 575043-EPP-1-2016-1-RU-EPPJMO-CHAIR

ISBN 978-5-7996-2328-9

© Ural Federal University, 2018

Министерство образования и науки Российской Федерации
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

АСИММЕТРИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ XXI ВЕКА

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2018

УДК 327
ББК Ф4(0).3
А902

Научный редактор
доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений
Уральского федерального университета *В. И. Михайленко*

Рецензенты:

Ю. А. Борко, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института Европы РАН, почетный президент Ассоциации европейских исследований (АЕВИС-Россия);
В. С. Ягья, заведующий кафедрой мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета, профессор, доктор исторических наук;

Я. Я. Гришин, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений, мировой политики и зарубежного регионоведения Казанского (Приволжского) федерального университета

Авторы:

А. А. Бибнев (гл. 25), Н. А. Васильева (гл. 12), Л. С. Воронков (гл. 1), Н. Р. Довжик, В. И. Михайленко (гл. 10), Д. Е. Желобов (гл. 17), К. И. Зубков (гл. 4), А. Карузо, А. А. Перевалова (гл. 28), В. Д. Камынин (гл. 15), Ю. Ю. Ковалев, А. С. Бурнасов, А. В. Степанов (гл. 23), В. Н. Конышев, М. Л. Лагутина (гл. 18), В. Н. Конышев, А. А. Сергунин, С. В. Субботин (гл. 5), В. Н. Конышев, А. А. Сергунин, Л. Хейнинен (гл. 27), М. Л. Лагутина (гл. 2), Е. В. Лазарева, А. В. Лямзин (гл. 13), Е. Ю. Лицарева (гл. 19), О. В. Лушников (гл. 11), Е. А. Маслова (гл. 8), Е. Б. Михайленко (гл. 3), В. И. Михайленко (введение), В. И. Михайленко, Е. Б. Михайленко (гл. 6, заключение), К. Г. Муратшина (гл. 21), А. Г. Наронская (гл. 14), Е. В. Савкович (гл. 16, 24), К. М. Табаринцева-Романова, Т. В. Поспелова (гл. 7), Г. В. Торопчин (гл. 22), К. Федоренко, А. Умланд (гл. 9), Е. А. Фомичева (гл. 20), А. С. Чесноков (гл. 26)

Асимметрии региональных интеграционных проектов XXI века / [под.
А902 ред. В. И. Михайленко] ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал.
федер. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. – 476 с.

ISBN 978-5-7996-2328-9

В монографии с применением разнообразных теоретико-методологических инструментов рассматриваются современные глобальные, региональные и суб-региональные интеграционные процессы. Показано, что регионы и регионализм играют центральную роль в современной глобальной повестке («мир регионов»). При этом регионы не сводимы к единому универсальному образцу, а отличаются разнообразием (асимметрией) институтов, целей, форм организации.

Для специалистов в области международных отношений и политологии, преподавателей, студентов, работников госструктур и всех интересующихся международной тематикой.

УДК 327
ББК Ф4(0).3

Издание осуществлено при поддержке программы
Европейского союза ERASMUS+ Jean Monnet,
проект 575043-EPP-1-2016-1-RU-EPPJMO-CHAIR

ISBN 978-5-7996-2328-9

© Уральский федеральный университет, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. Новый мировой порядок и асимметрии международных интеграционных процессов.....	11
--	----

Раздел 1

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

<i>Глава 1.</i> О сути и разнообразии интеграционных процессов.....	29
<i>Глава 2.</i> Понятие «международная интеграция» и теории интеграционных процессов.....	40
<i>Глава 3.</i> Современный интеррегионализм: формирование региональных и межрегиональных отношений.....	69
<i>Глава 4.</i> Роль региональной интеграции в реструктуризации международных отношений.....	83
<i>Глава 5.</i> Теории международных отношений о роли интеграционных проектов в новом мировом порядке (на примере БРИКС).....	103

Раздел 2

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЕВРОАТЛАНТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ

<i>Глава 6.</i> Европейский интеррегионализм в XXI в.....	117
<i>Глава 7.</i> Межкультурный диалог как инструмент публичной дипломатии Европейского союза.....	127
<i>Глава 8.</i> Черноморское экономическое сотрудничество: сферы взаимодействия и перспективы развития организации.....	142
<i>Глава 9.</i> Концепт регионального блока в Центрально-Восточной Европе.....	161
<i>Глава 10.</i> Конструирование концептов субрегиональных блоков в польском научном сообществе.....	173

Раздел 3
**ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ
НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

<i>Глава 11.</i> Евразийская идея в теории и политической практике XX — начала XXI в.....	193
<i>Глава 12.</i> Особенности сопряжения национально-государственных интересов стран-участниц в интеграционном строительстве ЕАЭС.....	204
<i>Глава 13.</i> Диспаратеты региональной интеграции в Центральной Азии.....	218
<i>Глава 14.</i> Проблемы и перспективы региональной интеграции между Российской Федерацией и Республикой Казахстан.....	233
<i>Глава 15.</i> Особенности Шанхайской организации сотрудничества как регионального объединения.....	245
<i>Глава 16.</i> Китайская инициатива «Один пояс, один путь»: глобальный проект для развития одной страны.....	260
<i>Глава 17.</i> Вариативность маршрутов «Экономического пояса Шелкового пути» как фактор евразийской политики.....	270
<i>Глава 18.</i> Проблемы и перспективы сопряжения ЕАЭС и проекта «Один пояс, один путь».....	280

Раздел 4
**ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ
В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ**

<i>Глава 19.</i> Основные направления региональной интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе.....	297
<i>Глава 20.</i> Проблема единства АСЕАН в новых геополитических условиях.....	307
<i>Глава 21.</i> Транстихоокеанское партнерство: между свободной торговлей и геополитикой.....	318

Раздел 5
**ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЕ РЕГИОНОВ
И СОПЕРНИЧЕСТВО ВНЕРЕГИОНАЛЬНЫХ АКТОРОВ
В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИИ**

<i>Глава 22. Объединение БРИКС: политическая природа и перспективы институционализации.....</i>	<i>333</i>
<i>Глава 23. Инновационное развитие и диспаритеты экономик стран БРИКС.....</i>	<i>343</i>
<i>Глава 24. Особенности китайской модели регионализации: попытки преодоления регионального дисбаланса.....</i>	<i>364</i>
<i>Глава 25. Современный латиноамериканский регионализм: столкновение двух моделей интеграции.....</i>	<i>387</i>
<i>Глава 26. Проблемы интеграционных процессов в Восточной Африке.....</i>	<i>402</i>
<i>Глава 27. «Глобальная Арктика» как регион нового типа.....</i>	<i>412</i>
<i>Глава 28. Геополитические интересы Италии в Арктике.....</i>	<i>427</i>
<i>Заключение.....</i>	<i>444</i>
<i>Сокращения.....</i>	<i>449</i>
<i>Об авторах.....</i>	<i>451</i>
<i>On the authors.....</i>	<i>458</i>
<i>Abstracts.....</i>	<i>464</i>

CONTENTS

Introduction. New world order and asymmetries of international integration processes.....	11
--	----

Part 1 THEORETICAL ASPECTS OF INTEGRATION PROCESSES

<i>Chapter 1.</i> On nature and diversity of integration processes.....	29
<i>Chapter 2.</i> The phenomenon of “international integration” and theories of integration processes.....	40
<i>Chapter 3.</i> Contemporary interregionalism: formation of regional and interregional relations.....	69
<i>Chapter 4.</i> The role of regional integration in restructuring the international relations.....	83
<i>Chapter 5.</i> Theories on the role of integration projects in a new world order (the case of BRICS).....	103

Part 2 INTEGRATION PROCESSES IN EURO-ATLANTIC REGION

<i>Chapter 6.</i> European interregionalism in the 21 st century.....	117
<i>Chapter 7.</i> Intercultural dialogue as a tool of EU public diplomacy.....	127
<i>Chapter 8.</i> Black Sea Economic Cooperation: fields of cooperation and perspectives.....	142
<i>Chapter 9.</i> A regional bloc concept for Central-Eastern Europe.....	161
<i>Chapter 10.</i> Construction of subregional blocs concepts in Polish academic community.....	173

Part 3
**INTEGRATION PROCESSES
 IN EURASIA**

<i>Chapter 11.</i> Eurasian idea in theory and political practice of the 20 th — early 21 st centuries.....	193
<i>Chapter 12.</i> The case of national interests of the Eurasian Economic Union integration participants.....	204
<i>Chapter 13.</i> Disparities of regional integration in Central Asia.....	218
<i>Chapter 14.</i> Issues and trends of regional integration between the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan.....	233
<i>Chapter 15.</i> Shanghai Cooperation Organisation as a regional integration unit.....	245
<i>Chapter 16.</i> China’s “One Belt, One Road” initiative: global scale and internal development goals.....	260
<i>Chapter 17.</i> Variability of Silk Road Economic Belt routes as a factor of Eurasian policy.....	270
<i>Chapter 18.</i> Problems and prospects of conjunction of the Eurasian Economic Union and “One Belt, One Road” project.....	280

Part 4
**INTEGRATION PROCESSES
 IN ASIA-PACIFIC**

<i>Chapter 19.</i> Basic integration trends and areas in Asia-Pacific.....	297
<i>Chapter 20.</i> The problem of ASEAN unity under the new geopolitical conditions.....	307
<i>Chapter 21.</i> Trans-Pacific Partnership: at odds between free trade and geopolitical tensions.....	318

Part 5
**REFORMATTING OF REGIONS AND COMPETITION
 BETWEEN NON-REGIONAL PARTICIPANTS
 IN INTEGRATION PROCESSES**

<i>Chapter 22.</i> BRICS association: political foundations and opportunities for institutionalisation.....	333
---	-----

<i>Chapter 23. Innovative development and disparity of BRICS economies</i>	343
<i>Chapter 24. Regionalization policy of the PRC: attempts to correct regional disparities</i>	364
<i>Chapter 25. Modern Latin American regionalism. Clash of two models of integration</i>	387
<i>Chapter 26. The problems of integration in the East African region</i>	402
<i>Chapter 27. “The Global Arctic” as a new-type region</i>	412
<i>Chapter 28. Italy’s geopolitical interests in the Arctic</i>	427
Conclusion.....	444
Abbreviations.....	449
On the authors.....	458
Summary.....	464

ВВЕДЕНИЕ

НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК И АСИММЕТРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Кризис Ялтинского мира и особенности перехода к новому мировому порядку

Попытки осмыслить эволюцию мирового порядка предпринимаются зарубежными и отечественными специалистами. Российский исследователь А. Д. Богатуров подразумевает под международным порядком порядок, складывающийся между всеми странами мира, совокупность которых условно именуется международным сообществом¹. Ф. Содербаум полагает, что мир, международные регионы как территориальные единицы шире, чем государства, но меньше, чем глобальные системы².

Р. Кокс считает, что мировой порядок характеризуется взаимодействием трех категорий силы: это материальные условия, институты и преобладающие идеи. Мировая гегемония действует только тогда, когда существует взаимодействие всех трех структур вместе. Р. Кокс полагает, что на трансформацию мирового порядка будут оказывать влияние развивающееся энергичное гражданское сообщество, новые интеллектуалы, представляющие интересы разноуровневых маргинальных слоев, плюрализм и многосторонность участвующих акторов («органических интеллектуалов»). Р. Кокс не исключает упадок гегемонии США и прихода ей на смену

---

¹ Богатуров А. Международный порядок в наступившем веке // *Международные процессы*. 2003. № 1. С. 6–23.

² Soderbaum F. *Rethinking Regionalism.*, 2016. P. 6.

множественного мира с несколькими центрами мировых сил³. В современных теориях международных отношений говорится об изменившейся природе конфликтов, которые стоят за трансформацией мирового порядка.

Нововведения 1990-х гг., такие как право гуманитарной интервенции и нелегитимность авторитарных режимов, «пенитенциарные интервенции» («интервенции возмездия») и «превентивные вмешательства», идут вразрез с классическим принципом невмешательства в дела суверенных государств, на который со времен Вестфальского мира опирались отношения между государствами. Этот принцип сегодня оспаривается прежде всего США и их европейскими союзниками. Кроме того, США с 2003 г. стали отходить от консенсусной логики «многостороннего согласования» мировой политики, все более полагаясь на собственные национальные интересы. Для характеристики нового типа политики США исследователи ввели определение «авторитарный патернализм»⁴.

Межгосударственные отношения более не определяют трансформацию глобального порядка. В связи с этим Б. Бедье предлагает использовать понятие «межсоциальных отношений» вместо «международных отношений». То, что мы подразумеваем под международными отношениями, на самом деле является «наукой о человеческих страданиях». «Мы должны отказаться от нашего вестфальского видения и создать новые аналитические подходы к международным отношениям, которые восприняли бы эти изменения в качестве отправной точки»⁵. Р. Кеохейн, Р. Н. Лебоу и С. Райх в разное время и с разных позиций подошли к выводу об окончании Вестфальского мирового порядка⁶.

---

³ Cox R. W. Social Forces, States and World Orders : Beyond International Relations Theory // Millenium — J. of Intern. Studies. 1981. Vol 10. Iss. 2. URL: https://www.uni-erfurt.de/fileadmin/public-docs/Internationale_Beziehungen/cox.pdf (mode of access: 10.10.2017).

⁴ Богатуров А. Д. Международный порядок в наступившем веке.

⁵ Bertrand Badie on the Trump Moment, the Science of Suffering, and IR between Power and Weakness // Theory Talks [official website]. URL: <http://www.theory-talks.org/> (mode of access: 10.10.2017).

⁶ Keohane R. O. After Hegemony : Cooperation and Discord in the World Political Economy. Princeton Univ. Press, 1984 ; Reich S., Lebow R. N. Goodbye Hegemony! Power and Influence in the Global System. Princeton Univ. Press, 2014.

Л. Миллер и Р. Купер считают, что системный порядок в международных отношениях определяется прежде всего наличием свода правил поведения, и именно смена этих правил может характеризовать смену одного порядка другим⁷.

Для оценки современного этапа эволюции мирового порядка используются такие понятия, как «пост-ялтинский мир», «постбиполярный мир», «пост-европейский», «post-cold war order», «постгегемонический глобальный порядок». В более широком смысле рассматривается завершение эпохи суверенных мировых акторов (государств), а вместе с ней и Вестфальского мирового порядка. Современный мировой порядок находится в нестабильном переходном состоянии, чреватом глобальными и региональными конфликтами. Вслед за исчезновением биполярной системы, которая, как обруч, связывала региональные пространства, и распадом СССР, осуществлявшего роль полицейского в своей сфере влияния, последовала волна распада ряда стран (Югославии, Ливии, Ирака, Сирии) и идет переформатирование регионов, которые сложились в рамках договоренностей Версальской и Ялтинской систем.

Дж. Най-мл. обоснованно полагает, что в отсутствие глобального управления безопасность народов, их процветание и благополучие, охрану окружающей среды должны взять на себя организованные под руководством великих держав региональные интеграционные проекты⁸.

А. Ачария в книге «Конец американского мирового порядка» вводит в научный оборот понятие «мультиплексного мира» (multiplex world). Ачария подчеркивает, что речь идет именно о многосоставном, а не о многополярном мире, и полагает, что современный мир является более сложным, чем это было при американском либерально-гегемоническом порядке (american-led liberal hegemonic

---

⁷ См. об этом: *Иноземцев В. Л.* Крушение Ялтинской системы и судьбы демократии: надуманная связка // Отеч. зап. [официальный сайт]. URL: <http://old.strana-oz.ru/?numid=47&article=1769> (дата обращения: 10.10.2017).

⁸ *Nye Jr. J. S.* Will the Liberal Order Survive? The History of an Idea // Foreign Affairs [official website]. Jan./Febr., 2017. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2016-12-12/will-liberal-order-survive> (mode of access: 10.10.2017).

order)⁹. Можно дискутировать относительно данного определения современного мирового порядка, но не относительно сущности произошедших и продолжающихся в нем изменений. А. Ачария отмечает, что «это мир с множеством модернов, где западная либеральная современность (и ее предпочтительные пути к экономическому развитию и управлению) является лишь частью того, что предлагается. Мультиплексный мир похож на мультиплексный кинотеатр, который дает своей аудитории выбор различных фильмов, актеров, режиссеров и сюжетов под одной крышей. Д. Трамп и Брексит показали, что существуют серьезные различия в сценарии мирового порядка даже на Западе — не только между Западом и остальными, как это принято считать. В то же время мультиплексный мир — это мир взаимосвязей и взаимозависимости. Это не унитарный глобальный порядок, либеральный или иной, а комплекс перекрестных, если не конкурирующих международных порядков и глобализмов»¹⁰.

Дж. Най — мл. более жестко ставит вопрос о том, «выживет ли либеральный порядок»¹¹. 11 октября 2017 г. газета «Нью-Йорк таймс» обратила внимание на «германский манифест», написанный группой немецких экспертов по внешней политике. В нем говорится о том, что действия президента Трампа поставили под угрозу «либеральный мировой порядок». Победа Трампа «нанесла тяжелый удар по нормативным основам западного либерализма». В «германском манифесте» отмечается важность либеральных ценностей и институтов для процветания Германии и настаивается на корректировке с учетом европейской специфики участия Германии в трансатлантических отношениях¹².

---

⁹ Acharya A. The end of American world Order. Cambridge Polity Press, 2014 ; Acharya A. After Liberal Hegemony : The Advent of a Multiplex World Order // Ethics and International Affairs [official website]. URL: <https://www.ethicsandinternationalaffairs.org/2017/multiplex-world-order/> (mode of access: 10.10.2017).

¹⁰ Acharya A. After Liberal Hegemony : The Advent of a Multiplex World Order.

¹¹ Nye J. S. Will the Liberal Order Survive? The History of an Idea.

¹² In Spite of It All, America : A Transatlantic Manifesto in Times of Donald Trump — A German Perspective // The New York Times. Oct. 11, 2017 (mode of access: 12.10.2017).

Автор критического разбора «германского манифеста» призывает посмотреть истине в глаза. Кризис «либерального мирового порядка» возник до прихода Д. Трампа к власти, показав тем самым, что и сам Трамп явился его порождением. «Либеральный порядок взрывается, и идея либерального сообщества становится мифом»¹³. В современном мире происходят фундаментальные изменения, характеризующиеся ростом негосударственных акторов, фрагментированием глобального управления, появлением новых идей и норм, многие из которых не являются либеральными, расширением глобальной и функциональной взаимозависимости. Необходимо признать, что возврат к старому либеральному порядку невозможен. США и Европа должны приспособливаться к новым реалиям мировой политики, в которой либеральные функции будут сочетаться с иными. Будущее мира заключается в развитии более универсального сообщества и порядка, который согласуется с разнообразием и плюрализмом в его нормах, способах взаимодействия и лидерстве. Узкий акцент только на либеральном порядке привел к игнорированию разнообразия голосов в глобальной политике¹⁴.

«Поднимающиеся» новые акторы глобализации, такие как Китай и Индия, не являются промоутерами либеральных идей и институтов, но и не занимают антилиберальные позиции, прагматично и избирательно используя накопленный опыт либерального мира. А. Ачария, описывая «комплексный мир», находит в нем сочетание сохранившихся элементов либерального порядка и совокупность характеристик множественных международных порядков. По его мнению, глобализация не прекращается, а принимает иные формы, возможно, с акцентом не на мировую торговлю, а на обеспечение устойчивости и развитие инфраструктуры¹⁵.

А. В. Кортунов определяет формирующуюся новую реальность как «неомодернизм» и обосновывает неомодернистскую повестку

¹³ Nye J. S. Op. cit.

¹⁴ Busby J. Entering the Global Multilogue — A Replique to the German ZEIT Manifesto // Duck of Minerva [official website]. URL: <http://duckofminerva.com/2017/10/entering-the-global-multilogue-a-replique-to-the-german-zeit-manifesto.html> (mode of access: 30.10.2017).

¹⁵ Acharya A. After Liberal Hegemony : The Advent of a Multiplex World Order.

дня. Он выделяет четыре базовые характеристики неомодернизма. Это *национализм*, проявляющийся в акцентировании внимания на специфических национальных интересах своих стран в противовес глобальному универсализму постмодернистов. *Трансакционный подход* к внешней политике, уподобляющий взаимодействие с партнерами и оппонентами на международной арене отношениям в бизнесе, когда каждый из участников переговоров старается выторговать для себя максимально выгодные условия будущей сделки. *Принцип холизма*, который лишает экономику ее центрального места во внешнеполитических приоритетах, объявляя не менее важными такие понятия, как национальная безопасность, этнокультурная идентичность, государственный суверенитет. *Принцип историзма*, согласно которому неомодернисты гораздо охотнее обращаются в поисках политических ориентиров к национальному прошлому, чем к глобальному будущему. «Для большинства неомодернистов вопрос о демократии и авторитаризме уходит на второй план, уступая место куда более важному для них вопросу о границе между порядком и хаосом в международных отношениях. ...сохранение акцента на продвижение демократии представляется непозволительной роскошью. Ибо речь сегодня идет не столько о развитии, сколько о выживании, не столько о процветании, сколько о безопасности», — делает вывод А. В. Кортунов¹⁶.

Фрагментация мирового управления и роль глобальных акторов в переформатировании регионов

Сегодня нет ни одного государства, которое не было бы причастно к региональной политике и региональным интеграционным проектам. Вместе с тем практически нет ни одного международного регионального проекта, который не находился бы в зависимости от миросистемных процессов, эволюции международного поряд-

---

¹⁶ Кортунов А. От постмодернизма к неомодернизму, или Воспоминания о будущем // Российский совет по международным делам [официальный сайт]. URL: <http://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/ot-postmodernizma-k-neomodernizmu-ili-vospominaniya-o-budushch/> (дата обращения: 30.10.2017).

ка. Все региональные и субрегиональные проекты в большей или меньшей степени включены в пространство мировой политики.

Изменение ситуации в странах под влиянием внутренних и внешних факторов привело к созданию немалого количества «серых зон» безопасности. Возвышение Китая и очевидная усталость США в роли лидера созданного в 1945 г. «либерального международного порядка» являются одним из вызовов Ялтинскому мировому порядку. Дж. Най-мл. утверждает, что основы мирового порядка разрушаются из-за затянувшегося глобального перемещения силы, связанного с резким ростом азиатских экономик, таких как Китай и Индия¹⁷. Однако ни Китай, ни Индия не являются эталонами либеральных ценностей.

США. Согласно опросу, проведенному в мае 2016 г. *Pew Research Center*, 57 % американцев предпочитают, чтобы США сконцентрировались на решении внутренних проблем, а не занимались глобальным управлением¹⁸. Дж. Най-мл. отмечает, что президент Д. Трамп оценивает стоимость поддержания современного мирового порядка как слишком высокую для США и предлагает разделить ее с другими государствами¹⁹.

В 2017 г. Женевский учебный институт международных отношений и развития (The Graduate Institute of International and Development Studies) провел исследование под общим названием «Демократия в риске: новая повестка глобальных вызовов»²⁰. Авторы исследования (было привлечено около 500 специалистов) обратили внимание на глобальный феномен подъема «нелиберальных демократий» в период с 2006 по 2016 г. Под этот знаменатель были подведены политические процессы в США, России, Польше, Венгрии, Уганде, Венесуэле, Бразилии, Боливии, на Филиппинах, в странах

¹⁷ Nye J. S. Will the Liberal Order Survive? The History of an Idea.

¹⁸ Public Uncertain, Divided Over America's Place in the World // Pew Research Center [official website]. URL: <http://www.people-press.org/2016/05/05/public-uncertain-divided-over-americas-place-in-the-world/> (mode of access: 10.10.2017).

¹⁹ Nye J. S. Will the Liberal Order Survive? The History of an Idea.

²⁰ Democracy at Risk: new issue of Global Challenges // Graduate Institute of International and Development Studies [official website]. URL: http://graduateinstitute.ch/home/research/publications/news-at-the-institute/news-archives.html/_/news/corporate/2017/democracy-at-risk-new-issue-of-g (mode of access: 10.10.2017).

Ближнего Востока, отмечено усиление националистической риторики в ряде европейских стран и в Японии²¹. В 2016 г. демократический индекс журнала «Экономист» (The Economist's Democracy Index) понизил оценку США до уровня «недостаточной демократии» (flawed democracy)²².

Китай. По оценке директора Китайского института современных международных отношений Цуй Лижу, последние четверть века китайская внешняя политика была сконцентрирована на создании мирных условий для экономического роста. Аналитики справедливо задаются вопросом, насколько она изменится, когда Китай достигнет уровня глобальной гегемонии, равнозначной США. Заданная Дэн Сяопином стратегия экономической модернизации предусматривает создание рыночной экономики через интеграцию во внешний мир в процессе глобализации. Чтобы избежать двусмысленности в оценке китайской стратегии, китайская сторона аккуратно вводит понятие «мирное развитие» (peaceful development) вместо имеющего двусмысленное значение слова «подъем» (rise). Китайское руководство акцентирует внимание на том, что рассматривает «мирное развитие» в рамках целостного глобализационного процесса и дальнейшей интеграции в современную международную систему. Замысел китайской модели заключается в том, чтобы соединить западную и восточную цивилизации в эпоху глобализации. Глубокая интеграция, «открытость и включенность» (openness and inclusiveness) китайской модернизации в глобализационные процессы рассматривается китайскими аналитиками как проявление «мягкой силы». Китай намерен использовать «мирное развитие» для усиления своей роли в качестве регионального и глобального актора. Речь идет прежде всего о реформатировании соседних с Китаем регионов, особенно Юго-Восточной Азии. Последняя становится новым геополитическим и геоэкономическим мировым центром. Представления Китая об изменяющемся мировом балансе сил связаны с развитием много-

---

²¹ Democracy at the Crossroads // Global Challenges [official website]. URL: <http://globalchallenges.ch/issue/2/democracy-at-the-crossroads/> (mode of access: 10.10.2017).

²² Ibid.

полярности и утраты современным мировым порядком западоцентричности²³.

Индия. Оценки «державности» Индии в научной литературе отличаются разнообразием — от признания Д. Брустером Индии «азиатско-тихоокеанской державой», чье влияние распространяется на Северо-Восточную и Юго-Восточную Азию, до статуса «региональной державы» в районе Индийского океана или «глобальной державы в стадии становления»²⁴.

М. С. Пардеси доказывает, что Индия уже является великой державой в АТР. Ряд государств Юго-Восточной Азии такие как Вьетнам, Сингапур, Филиппины, хотели бы, чтобы Индия играла возрастающую роль в регионе. «Региональные государства, как и великие державы, действующие в ЮВА, в данный момент, похоже, готовы признать за Индией статус великой державы в этом регионе»²⁵. В совместном индийско-китайском документе 2008 г. обе стороны согласовали намерение изучить «новую архитектуру для более тесного регионального сотрудничества в Азии и предпринять совместные усилия для осуществления региональной интеграции в Азии»²⁶. До сих пор Китай не признавал Индию в качестве ведущей силы в Восточной и Юго-Восточной Азии²⁷. Участие Индии в БРИКС и других региональных проектах показывает, что ее геополитические интересы не ограничиваются АТР.

Россия. После распада Советского Союза «вставшая на ноги» Россия пытается сформировать новую идентичность. Если в самом начале 1990-х гг. ориентиром являлись либерально-демократические ценности и курс на интеграцию в евроатлантическое

---

²³ *Cui Liru*. Peaceful Rise : China's Modernisation Trajectory // The International Spectator : Italian J. of Intern. Affairs. 2012. Vol. 47. Iss. 2. P. 14–17.

²⁴ *Brewster D.* India as an Asia Pacific Power. N. Y., 2012 ; *Ghani U., Chandio K.* Indian Great Power Aspirations: An Analysis // IPRI Journal. № 2. 2013 (mode of access: 05.11.2017).

²⁵ *Pardesi M. S.* Is India a Great Power? Understanding Great Power Status in Contemporary International Relations // Asian Security. 2015. Vol. 11. № 1.

²⁶ *Pardesi M. S.* India: the emerging Asian super power // The Hindu Business Line [official website]. URL: <http://www.thehindubusinessline.com/opinion/india-the-emerging-asian-super-power/article7122861.ece> (mode of access: 10.10.2017).

²⁷ *Ibid.*

пространство безопасности, то в 2000-е гг. Кремль продвигает образ России как знаменосца антилиберальной Европы, или антизападной европейской цивилизации²⁸. Россия добивается признания ее сферы влияния на укороченном геополитическом пространстве, ограниченном бывшими советскими республиками, и стремится создать опорные пункты влияния в глобальном пространстве. После мюнхенской речи Президента В. В. Путина 2007 г. стал формироваться и недавно приобрел видимые контуры российский региональный мегапроект «Большого евразийского партнерства». Президент В. В. Путин заявил о наличии такого мегапроекта на заседании Петербургского международного экономического форума 17 июня 2016 г.²⁹ Его целью является превращение России в главный центр интеграционной активности и экономического притяжения в Большой Евразии. Для реализации мегапроекта Россия использует свое привилегированное положение в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) и конкретно в азиатских постсоветских странах. Как отмечает А. Цветов, Россия выдвинула региональный интеграционный проект, равноценный американскому, китайским и европейским мегапроектам. В первом случае речь идет о многоуровневой интеграционной модели, сети партнерств. Во втором случае это Евразийское экономическое партнерство как многосторонний институт по типу АСЕАН, ЕАЭС и др.³⁰

Для достижения своих целей Россия активно использует гибридные инструменты влияния в широком диапазоне от «мягкой силы» до военного принуждения к сотрудничеству, ведет подрывную деятельность на территории соперников (противников) с целью ослабления их наступательного потенциала. В евроатлантиче-

---

²⁸ Ларюэль М. Россия как антилиберальная европейская цивилизация // Контрапункт. 2015. № 2.

²⁹ Путин В. В. Выступление на пленарном заседании XX Петербургского международного экономического форума, 17 июня 2016 г. // Президент России [официальный сайт]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52178> (дата обращения: 10.10.2017).

³⁰ Цветов А. Вместо поворота : АСЕАН и евразийский проект России // Московский центр Карнеги [официальный сайт]. URL: <http://carnegie.ru/2017/10/17/ru-pub-73368> (дата обращения: 24.10.2017).

ском мире это рассматривается как серьезный вызов ценностным основам Ялтинского мирового порядка, как попытка России отказаться от своей европейской идентичности³¹. Бобо Ло отмечает, что «для многих на Западе действия Москвы в начале 2014 г. означали конец иллюзий относительно сотрудничества и возвращение к геополитической и идеологической конфронтации. Россия после длительного нахождения на периферии стала центральным актором в новой глобальной драме»³².

Россия и Китай выступают за многополярность в современном мире и против гегемонии одной державы³³. В связи с этим неизбежно возникает вопрос о согласованных действиях России и Китая в рамках глобальной и региональной повестки.

В 2008 г. вышла книга Бобо Ло, в которой он назвал стратегическое партнерство России и Китая «стратегическим притворством». Обе державы разделяет больше, чем объединяет³⁴. С тех пор прошло немало времени, и дискуссии относительно общности интересов России и Китая, значения их взаимодействия на глобальном, региональном и конкретно на постсоветском пространстве не стихают. Начнем с того, что в Китае и России сформировались различные подходы к глобализации. Китай продолжает получать дивиденды от свободного мирового рынка и говорит о «новой волне глобализации» с решающим китайским участием в глобальном управлении³⁵. Российская сторона руководствуется антиглобалистской логикой и настаивает на незыблемости одного из фундаментов

---

³¹ Ларюэль М. Указ. соч.

³² Lo B. *Russia and the Shifting Global Order* // Chatham House : The Royal Institute of International Affairs [official website]. URL: https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/field/field_document/20150708RussiaandtheShiftingGlobalOrder.pdf (mode of access: 10.10.2017).

³³ Путин В. В. Выступление на заседании международного дискуссионного клуба Валдай. 2014 // Президент России [официальный сайт]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/46860> (дата обращения: 10.10.2017).

³⁴ Lo B. *Axis of Convenience : Moscow, Beijing, and the New Geopolitics*. Brookings Inst. Press, 2008.

³⁵ He Yafei. China's role in steering the future of globalization // China Daily [official website]. URL: http://www.chinadaily.com.cn/opinion/2017-04/26/content_29094145.htm (mode of access: 03.11.2017).

Вестфальской системы международных отношений — государственного суверенитета³⁶.

Спустя почти десять лет Бобо Ло провел ревизию российско-китайских отношений и пришел к выводу, что несмотря на то, что отношения между двумя странами успешно развиваются, обе из них преследуют собственные прагматичные национальные интересы, и никакого реального альянса между ними так и не сложилось³⁷. А. Габуев однозначно считает, что руководство и Китая, и России исходит из того, что никакому военному союзу на антизападной почве не бывать. «Китайцы рассматривают масштабный конфликт с США в качестве абсолютно нереалистичного сценария. В это мало кто верит, потому что связи Китая с США совершенно несопоставимы с Россией»³⁸. «Поэтому отношения России и Китая — вполне возможно, не „недосоюз“ и не „квазисоюз“, а нормальная форма асимметричных взаимозависимостей между крупными странами в середине XXI в.»³⁹.

Европейский союз. ЕС проявляет себя одновременно в трех ипостасях: как подсистема международных отношений, актор процесса международных отношений и вектор силы в международных отношениях. Как актор международных отношений он может рассматриваться в качестве самостоятельного международного порядка, который отстаивает и экспортирует либеральные европейские ценности, нормы и институты в трансформирующемся современном мировом порядке. В связи с этим М. Смит предлагает рассматривать три уровня взаимодействия ЕС с международным

---

³⁶ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России: [официальный сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55882> (дата обращения: 03.11.2017).

³⁷ *Lo B. A Wary Embrace: What the China — Russia relationship means for the world.* Melbourne, 2017.

³⁸ *Габуев А.* Россия слишком отсталая, чтобы интересовать Китай // Тайга.инфо [официальный сайт]. URL: <http://tayga.info/135770> (дата обращения: 24.10.2017).

³⁹ *Габуев А.* Рец. на кн.: Bobo Lo. A Wary Embrace. What the China — Russia relationship means for the world // Контрапункт [официальный сайт]. URL: http://www.counter-point.org/wp-content/uploads/2017/08/bobo_lo_review8.pdf (дата обращения: 24.10.2017).

порядком: собственно международный порядок самого ЕС, ЕС в европейском порядке и ЕС в глобальном порядке⁴⁰.

Внешняя региональная политика ЕС в 2000-х гг. характеризовалась экспортом либеральных ценностей и институтов с практически мессианской настойчивостью.

С принятием в 2016 г. нового документа — «Глобальной стратегии Европейского союза» (European Union Global Strategy) — ЕС подтвердил либеральный внешнеполитический курс на экспорт демократических ценностей, приверженность общечеловеческим ценностям и интересам, таким как мир и безопасность, процветание, демократия, основанный на праве международный порядок, и на использовании «нормативной силы» и убеждений для достижения целей. Вместе с тем в документе прозвучали такие принципы внешней политики ЕС, как «устойчивость» (resilience), «эффективная многосторонность», «комплексный подход», «принципиальный прагматизм»⁴¹. В «Глобальной стратегии» отмечается: «Мы живем во времена экзистенциального кризиса, как внутри Европейского союза, так и за его пределами. Наш союз находится под угрозой. Наш европейский проект, который принес беспрецедентный мир, процветание и демократию, подвергается сомнению»⁴². Под сомнение поставлены «либеральный мир» и западный интервенционизм⁴³.

В ЕС оценивают международную обстановку как сложную и неопределенную, в которой затруднительно осуществить точное прогнозирование вызовов и угроз и невозможно полностью устранить международную неопределенность. В связи с вышесказанным устойчивость (resilience) рассматривается как внутренняя

---

⁴⁰ *Smith M.* The European Union and International Order : European and Global Aspects. URL: <http://www.archiviofscpo.unict.it/europa/smith.pdf> (дата обращения: 24.10.2017).

⁴¹ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy // European Union External Action [official website]. URL: http://www.eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (mode of access: 24.10.2017).

⁴² Ibid.

⁴³ *Junkos A. E.* Resilience as the new EU Foreign Policy paradigm: a pragmatist turn // European Security : Online Journal. URL: <https://eucivcap.files.wordpress.com/2017/02/ana-e-juncos-resilience-as-the-new-eu-foreign-policy-paradigm.pdf> (mode of access: 24.10.2017).

способность обществ преодолевать кризисы, используя не внешние ресурсы, а самоорганизацию, внутренние возможности и ресурсы. Таким образом, новая парадигма устойчивости требует от ЕС проявлять сдержанность по отношению к другим международным субъектам и не использовать принуждение как способ распространения либеральной модели. В теоретических науках это привело к обращению к философскому прагматизму, отказу от конструирования универсальных моделей и к акцентированию внимания на местных практиках и микропроцессах. Внешнее вмешательство должно содействовать той практике, которая идет снизу, а не пытаться навязывать универсальный план⁴⁴.

В связи с использованием методики «устойчивости» в международном управлении возникает естественный вопрос относительно того, означает ли переход к прагматичной внешней политике отказ ЕС от экспорта либеральных форм правления, или прагматизм следует рассматривать как ее продолжение с использованием новых форм.

ЕС не отказывается от реализации собственного глобального либерального проекта. Парадигма устойчивости основана на существующих дискурсах и практике ЕС, таких как всеобъемлющий подход или эффективный многосторонний подход, и подводит их под объединяющую логику. Этот подход имеет в качестве своей основы прагматизм и гибкость и требует нескольких элементов, важнейшим среди которых является опора на локальные (национальные) власти, сообщества, отдельные лица, которые должны научиться справляться со сложными ситуациями, вызовами, рисками⁴⁵.

В документе «Стратегический подход к устойчивости во внешней политике ЕС» (A Strategic Approach to Resilience in the EU's External Action) отмечается, что ЕС будет продолжать поддерживать усилия местных властей, ориентированные на создание устойчивых демократических государств, подотчетных и транспарентных институтов, реформирование сектора безопасности, укрепление верховенства закона, всесторонний рост и занятость на широкой основе, принятие решений на основе общественного участия и пуб-

⁴⁴ *Junkos A. E.* Resilience as the new EU Foreign Policy paradigm.

⁴⁵ *Ibid.*

личный доступ к информации. Особое внимание будет уделено привлечению местных органов власти, обществ и заинтересованных сторон гражданского общества⁴⁶.

Повышение устойчивости дома и за рубежом означает создание более гибкого союза. ЕС будет укреплять устойчивость государств и обществ, поддерживая хорошее управление (good governance), подотчетные прозрачные институты и тесно сотрудничая с гражданским обществом. Поддержка будет нацелена, в частности, на соседние с ЕС регионы на востоке и юге, от Центральной Азии до Центральной Африки⁴⁷. Роль ЕС заключается в том, чтобы помочь государствам и обществам повысить свою устойчивость посредством передачи знаний через обучение, мониторинг, наставничество, консультирование и финансовую поддержку. Партнерство остается ключевой концепцией внешней политики ЕС. Партнерские отношения устанавливаются с государствами, региональными и международными организациями. Исходя из «принципиального прагматизма», ЕС намеревается сотрудничать как с демократическими, так и с авторитарными государствами. Это будет своего рода обращение к *Realpolitik* с современными европейскими характеристиками. Снижение уровня амбиций связано с учетом реальностей. В плане международного имиджа ЕС должен позиционировать себя в качестве наставника, партнера и дистанцироваться от любых рассуждений относительно внешнего вмешательства⁴⁸.

Новая «Глобальная стратегия ЕС» подвергается критике со стороны ряда европейских политиков и ученых, которые рассматривают ее как уступку авторитарным режимам, использование двойных стандартов, отказ от принципов демократического управления и гражданских свобод.

---

⁴⁶ A Strategic Approach to Resilience in the EU's external action // European Union External Action [official website]. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/join_2017_21_f1_communication_from_commission_to_inst_en_v7_p1_916039.pdf (mode of access: 24.10.2017).

⁴⁷ State and Societal Resilience // European Union [official website]. URL: <http://europa.eu/globalstrategy/en/state-and-societal-resilience> (mode of access: 24.10.2017).

⁴⁸ *Junkos A. E.* Op. cit.

Самодостаточность регионов и обновление теорий регионализма

Дж. Най — мл. констатирует размывание власти со стороны суверенных государств и переход ее части к негосударственным акторам⁴⁹. В плюралистической многосоставной модели современного мира регионы, с одной стороны, являются проектами великих держав, результатами сопряжения их интересов и политики, но, с другой стороны, обладают самостоятельной субъектностью и собственным влиянием в мировом балансе сил. По мнению А. Ачарии, запрос на глобальное управление останется, несмотря на то, что мировая архитектура будет продолжать фрагментироваться и децентрализоваться, предвещая начало мультиплексного мира⁵⁰.

В условиях кризиса либерального мирового порядка, отсутствия единства стран «ялтинской четверки» по глобальной и региональной повестке открываются «окна возможностей» для пересмотра ялтинских институтов управления и международных режимов со стороны «растущих» государств и региональных блоков. В 2016 г. впервые в истории Ялтинской системы под эгидой ООН сформировалась международная коалиция (более ста государств), которая внесла изменения в уже существующий режим ядерного нераспространения, оспаривающие ядерную гегемонию «ялтинской четверки». Новые глобальные и региональные игроки сами переформируют регионы, создавая собственные политические, военные, финансовые, экономические региональные институты, такие как АСЕАН, ШОС, БРИКС, ЕАЭС, ОДКБ, АКТ, КОМЕСА, АБИИ, Новый банк развития БРИКС и др. Мир становится все более многослойным и менее управляемым.

***

В предлагаемой читателям монографии предпринята попытка научного анализа происходящих в мире региональных процессов, которые являются одной из главных движущих сил транс-

⁴⁹ Nye J. S. Will the Liberal Order Survive? The History of an Idea.

⁵⁰ Acharya A. After Liberal Hegemony : The Advent of a Multiplex World Order.

формации современного мирового порядка. Авторы монографии не стремились подвести публикации к единому методологическому основанию, что, на наш взгляд, в данной быстро изменяющейся ситуации просто невозможно. Мы хотели бы надеяться, что наша работа позволит показать современное состояние российской регионалистики и обозначить исходные точки ее дальнейшего развития.

*В. И. Михайленко, доктор исторических наук,
профессор кафедры теории и истории
международных отношений
Уральского федерального университета*

Раздел 1

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Глава 1

О сути и разнообразии интеграционных процессов

Среди российских экспертов распространено мнение о том, что всякая страна с развитой рыночной экономикой обречена быть втянутой в воронку региональных интеграционных процессов.

Между тем, существует несколько крупных торговых держав (например, США, Япония, Южная Корея, Австралия), которые исповедуют философию свободной торговли, не проявляют склонности к участию в региональных интеграционных группировках, ориентируют своё производство на потребности мирового рынка, заинтересованы в заключении соглашений о свободной торговле с возможно большим числом стран и экономических группировок и не планируют согласовывать свою торговую политику, не говоря о внутренней и внешней политике, с соседями по региону.

Рост объемов взаимной торговли между государствами не перерастает автоматически в интеграцию. Канадско-американское соглашение о свободной торговле (КУСФТА) 1988 г., учреждение Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА) с участием США, Канады и Мексики в 1994 г., образование Транстихоокеанского партнерства с участием, помимо США, Австралии, Брунея, Вьетнама, Канады, Малайзии, Мексики, Новой Зеландии, Перу, Сингапура, Чили и Японии или переговоры о создании зоны

свободной торговли между НАФТА и ЕС отнюдь не свидетельствуют о начале интеграционных процессов между государствами-участниками, например, между США и Мексикой.

Для этого, как минимум, необходимо сформулировать общие политические и экономические цели, которых они хотели бы достичь через переплетение и сращивание своих экономик и углубление экономической и политической взаимозависимости. Если государства не преследуют совместных целей, достигаемых с помощью интеграции, то ни зона свободной торговли, ни таможенный союз стадиями интеграции не становятся, а остаются инструментами развития торгово-экономических связей. Относить их в этом случае к интеграционным образованиям нет оснований.

Подключаясь к интеграции, государства, руководствуясь собственными политическими и экономическими интересами, согласуют их с другими участниками интеграционного процесса и фиксируют ту или иную общность этих интересов в основополагающем договоре интеграционной группировки с целью достижения совпадающих интересов совместными усилиями. Это согласование должно предполагать возможность для стран-участниц влиять на определение такой общности и принимать суверенные решения об условиях и степени их вовлеченности в интеграционные процессы. Без принятия осознанного политического решения о присоединении к такому договору, без его добровольной ратификации данное государство не может полнокровно участвовать в интеграции. Принимаемые политические решения такого рода не являются результатом неконтролируемых, навязываемых объективными обстоятельствами процессов, вынуждающих государства помимо их воли становиться на этот путь. Это в большинстве случаев их суверенный и самостоятельный выбор.

В случае с ЕС страны-кандидаты в соответствии с Копенгагенскими критериями членства обязаны принять весь пакет правовых норм, который уже существует в ЕС, изменить свое законодательство и за свой счет привести свою хозяйственную практику в соответствие с этими нормами до формального вступления в ЕС. Об учете специфических интересов стран-кандидатов на вступление в ЕС речи, за редким исключением, не идет. Как известно,

Европейская комиссия уполномочена принимать в ряде областей акты, обязательные для исполнения всеми государствами-членами, без их одобрения их законодательными органами и правительствами. Решения о том, соглашаться или нет на такие условия интеграции, принимают сами государства. Участие в интеграционных процессах для стран с рыночной экономикой не является неизбежной закономерностью, а служит одним из инструментов их сознательной государственной политики, к использованию которого они могут прибегать или не прибегать по собственному усмотрению.

В происходящие ныне интеграционные процессы в мире, как правило, вовлечены государства, отличающиеся уровнем экономического развития, численностью населения, размерами, демографической ситуацией, природными ресурсами, местом в международном разделении труда, степенью развития рыночных отношений, спецификой решаемых политических и экономических проблем, участием в различных международных экономических организациях и соглашениях и другими показателями. Ясно, что интеграция как инструмент государственной политики во всех отличных друг от друга государствах не может подчиняться единым правилам, подходящим для любых стран и каких угодно условий, как не может быть одинаковой государственная политика различных стран.

По этим причинам цели, к которым стремятся различные интеграционные объединения, не могут быть идентичными, как и инструменты их достижения. В зависимости от характера поставленных целей выстраивается цепочка различных по содержанию и последовательности интеграционных мер, учитывающих конкретные социально-экономические и иные условия присоединяющихся к интеграционным процессам государств.

Общепринятых стандартов интеграции, применимых для любых стран, вне зависимости от особенностей их экономического положения и развития, а также от преследуемых ими с помощью интеграции целей, не может существовать в принципе. Поэтому в ходе участия в интеграционных процессах государства не могут решать одни и те же задачи, подчиняться одним и тем же законо-

мерностям, проходить одни и те же стадии интеграции в predeterminedной последовательности, опираться на схожие по характеру органы и институты, обладающие идентичными полномочиями и использующие в своей практической деятельности совпадающие инструменты.

Мотивация участия в интеграции не может быть универсальной в различных регионах Европы и мира и в разных социально-экономических условиях. Об этом весьма красноречиво свидетельствует опыт развития интеграционных процессов в них.

Западноевропейские страны — родоначальники современного ЕС — жертвы недавней фашистской агрессии Франция и страны Бенилюкс, с одной стороны, и бывшие фашистские государства-агрессоры Германия и Италия, с другой стороны, на начальном этапе рассчитывали с помощью развития интеграционных процессов положить конец бесконечной цепочке войн между Германией и Францией, сотрясавших Европу в течение веков, и создать условия для мирного будущего континента.

Предполагалось, что создание условий для тесного переплетения и взаимопроникновения экономик государств, прежде всего великих европейских держав, постепенно приведет к возникновению «критической массы» их взаимозависимости и будет побуждать их и другие государства — участники интеграции искать не военное, а политическое разрешение их противоречий.

Одновременно на интеграционные процессы (в сочетании с сохранением присутствия на территории ФРГ войск западных союзников и включением ее в состав Североатлантического договора) возлагались надежды создать реальные препятствия для возрождения германского милитаризма и надежные инструменты контроля за экономическим и политическим развитием Германии. По этой причине был заключен договор о создании Европейского объединения угля и стали.

Подключение малых западноевропейских государств — Бельгии, Нидерландов и Люксембурга — к интеграционным процессам сопровождалось опасениями с их стороны попасть в экономическую и политическую зависимость от ФРГ, Франции и Италии. Поэтому при подписании договора о ЕЭС они добились включения

в него статьи, оговаривающей возможность сохранения региональных союзов в рамках ЕЭС «в той мере, в какой цели этих региональных союзов не достигаются за счет применения настоящего договора»¹. Подписав 17 июня 2008 г. новый договор о создании Союза Бенилюкс, страны-члены наряду с участием в органах и институтах ЕС сохраняют свою субрегиональную институциональную структуру для совместного отстаивания общих позиций внутри ЕС, избегая перспективы полностью раствориться в более широкой интеграционной группировке.

В условиях послевоенного периода ФРГ оставалась в Европе политическим карликом, находившимся под жестким военным, политическим и экономическим контролем западных держав. Вступив в НАТО и встав на путь развития интеграционных связей с Францией, Италией и странами Бенилюкса, ФРГ рассчитывала быстро восстановить и нарастить свой экономический потенциал, обрести политический вес в европейских и мировых делах и таким путем освободиться от контроля союзных держав, используя для этого влияние объединенной Европы, в которой не без оснований рассчитывала занять ведущие позиции.

В последующем Германия в своей внешнеэкономической экспансии стала опираться на экономический потенциал и возросший политический вес всей интеграционной группировки в создании благоприятных условий для развития своих торгово-экономических отношений с другими странами и государственными объединениями, а также для деятельности своих компаний на новых рынках.

К европейской интеграции подключилась и сторонница свободной торговли Великобритания, создавшая в 1959 г. в противовес ЕЭС Европейскую ассоциацию свободной торговли — ЕАСТ. Однако, находясь вне процессов интеграции в рамках ЕЭС, британцы вскоре ощутили сокращение своих политических возможностей на континенте. Это никак не соответствовало интересам политической элиты страны, которая привыкла играть роль европейского политического «тяжеловеса». Великобритания решила

---

¹ Цит. по: *Воронков Л. С.* О многообразии интеграционных процессов в Европе // Вест. МГИМО-ун-та. 2013. № 4. С. 100.

добиваться членства в ЕЭС по политическим соображениям для того, чтобы получить возможность влиять на его развитие изнутри, используя полномочия государства-члена и опираясь на свои «особые отношения» с США.

Войдя в состав ЕЭС, Великобритания не отказалась от фунта стерлингов, не присоединилась к Шенгенской зоне, сохраняя особую позицию по отношению к единой сельскохозяйственной политике, проявляет сдержанность в отношении сотрудничества в рамках общей политики безопасности и обороны ЕС, отдавая явное предпочтение сотрудничеству в рамках НАТО, последовательно выступает против наращивания полномочий Брюссельской администрации. «Британия желает добиться для себя привилегированного положения в европейском клубе, — писал журнал „Экономист“, — в котором она могла бы пользоваться режимом свободной торговли без соблюдения других обязательных правил для государств-членов»². Достигнутое в феврале 2016 г. соглашение между Великобританией и ЕС стало практической реализацией этих давних замыслов Великобритании.

Пришедшие к власти в результате «бархатных революций» новые политические элиты стран Центральной и Восточной Европы были заинтересованы в обеспечении необратимости произошедших в их странах перемен и в сохранении политической власти. Средством достижения этих политических целей они избрали присоединение к НАТО, ЕС и другим структурам Запада под лозунгами защиты от угрозы реставрации старых порядков, в которой якобы была заинтересована Российская Федерация. Руководствуясь такими политическими соображениями, новые лидеры этих стран не имели реальных возможностей оговорить какие-то специальные условия своего членства в ЕС, как это удалось сделать Дании, Швеции и Великобритании, и приняли условия, продиктованные им руководством ЕС.

Для того, чтобы отсечь возможное влияние России на развитие внутренних процессов в странах Прибалтики, их новые власти объявили ее продолжателем Советского Союза, русскоговоря-

² Goodbye Europe. A British exit from the European Union looks increasingly possible : It would be a reckless gamble // The Economist. 2012. Dec. 8th–14th. P. 15.

щее население лишили политических прав, представляя его чуть ли не агентурой Кремля, предъявили России территориальные претензии и требования финансовой компенсации за «советскую оккупацию», призванные сделать любой политической диалог с Россией максимально затрудненным. Эту задачу они успешно решили, создав труднопреодолимые завалы на пути развития добрососедских отношений с Россией. Новые политические элиты прибалтийских государств рассчитывали побудить Россию более внимательно прислушиваться к их требованиям и нуждам, используя приобретённые с вступлением в ЕС возможности реально влиять на динамику развития и глубину сотрудничества между ЕС и Россией. И в случае с прибалтийскими государствами каких-либо особых условий своего присоединения к ЕС они не выдвигали.

Интеграционный опыт ЕС отражает специфику его стран-членов, а не объективные закономерности общественного развития, характерные для любых стран с рыночной экономикой, вступающих на путь интеграции, а потому не имеет универсального характера.

Очередность использования тех или иных мер и механизмы, обеспечивающие углубление их интеграционного эффекта, организация деятельности, характер и полномочия органов и институтов интеграционных группировок могут существенно отличаться друг от друга и учитывать характер целей межгосударственной интеграции, особенности развития, структуру экономик и специфические интересы конкретных государств, осознанно вступающих на этот путь. Подобные меры, как показывает опыт, далеко не обязательно должны вводиться одномоментно, в какой-то строгой и нерушимой последовательности и в определенных организационных и институциональных рамках.

Субрегиональные интеграционные процессы на севере Европы начались с создания общего рынка труда и с серии мероприятий, обеспечивавших высокую мобильность трудовых ресурсов в рамках региона. Начиная с 1962 г. северные страны используют присущие интеграционным процессам меры для расширения сфер их общих интересов и создания прочной экономической основы для сотрудничества в области внешней политики и обороны. Такая

направленность субрегиональных интеграционных процессов позволяет странам Северной Европы наращивать свое влияние в международных делах и эффективно защищать свою независимость, суверенитет и безопасность. По вопросам, по которым их позиции и интересы расходятся, они действуют как самостоятельные и независимые суверенные государства.

Опыт участия стран Бенилюкс и государств Северной Европы в интеграционных процессах в рамках ЕС и одновременно в субрегиональных интеграционных усилиях по своим целям и моделям, полностью не совпадающим с ЕС, позволяет утверждать, что такое совмещение возможно и что государства-участники могут одновременно преследовать разные цели своей политики, используя интеграционный инструментарий.

Среди объявленных целей АСЕАН фигурируют ускорение экономического роста, социального прогресса и культурного развития в регионе посредством совместных действий в духе равноправия и партнерства и соблюдение принципа справедливости в международных отношениях. Страны МЕРКОСУР поставили перед собой цель содействовать свободной торговле между участниками этого объединения, гибкому движению товаров, людей и валюты между ними. В различных интеграционных группировках стран Латинской Америки ставятся цели либерализации внешней торговли между странами-членами и защиты регионального рынка, разработки механизмов промышленного и финансового сотрудничества и методов регулирования отношений с иностранными инвесторами, а также систем защиты национальных интересов.

Декларируемые в настоящее время цели ЕАЭС — укрепление и модернизация экономик стран-участниц, их сближение друг с другом, повышение их конкурентоспособности на мировых рынках — носят весьма общий и расплывчатый характер и оставляют очевидную неопределенность в том, что касается роли интеграционных мер в их достижении. Эти цели достижимы и без использования интеграционных рычагов. Они не содержат жизненно важной для государств-участников мотивации и ориентиров, которые побуждали бы их сознательно, целенаправленно и синхронно создавать законодательные, экономические, политические, социаль-

ные и иные условия для обеспечения теснейшего взаимопроникновения и сращивания их экономик.

Процессы интернационализации всех сторон жизни современных государств и их глобализации происходят не спонтанно, в силу случайного стечения обстоятельств. Различные группы государств пытаются придать им экономическое и политическое содержание, отвечающее их базовым интересам.

После завершения холодной войны отчетливо проявляется тенденция к консолидации политических, экономических, финансовых, военных и пропагандистских сил группы стран, относимых по числу жителей в них к «золотому миллиарду», которые располагают наиболее конкурентоспособными компаниями и стремятся выстраивать процессы глобализации на основе неолиберальной концепции развития рынков. Неолиберальные лозунги снижения роли государства при регулировании экономических процессов в условиях рыночной экономики призваны расчистить путь для внешнеэкономической экспансии в государства с развивающимися рынками крупнейших компаний западных стран, многие из которых по своим экономическим и финансовым ресурсам значительно превосходят показатели отдельных стран — объектов такой экспансии, не говоря об их компаниях.

Установление режима свободной конкуренции в них было бы губительно для менее конкурентоспособных отечественных компаний таких государств, так как неолиберальная концепция развития не предусматривает поддержки государством отечественного производства и требует сокращения мер по его защите. Важным инструментом укрепления позиций Европейской комиссии по управлению общим экономическим пространством стран — членов ЕС на неолиберальных основах является концепция «Европы регионов», с помощью которой центральная бюрократия ЕС предпринимает попытки обойти главное тормозящее препятствие — национальное государство и суверенные права отдельных государств — членов ЕС³.

---

³ Воронов К. Рискованные маневры ЕС-элит в рецессивные времена // Око планеты [информ.-аналитич. портал]. URL: <http://oko-planet.su/politik/>

Так как именно регулирующая роль государства служит наиболее существенным политическим препятствием для освоения новых рынков, понятна приверженность политического руководства «клуба богатых стран» теориям неолиберализма. Главными инструментами достижения их целей являются рыночная экономика, построенная на неолиберальных принципах, контроль над мировой торговлей и мировыми финансами, осуществляемый через систему международных межправительственных организаций типа ВТО, МВФ, Всемирного банка и других международных финансовых институтов, находящихся под их определяющим влиянием, обладание основными резервными валютами современного мира, а также западные демократические ценности, которым они стремятся придать универсальный характер, сохраняя за собой монополию на оценку их соблюдения другими странами. Членов этого неформального клуба богатейших стран вполне устраивает построение однополярного мира во главе с США, так как они видят в американском лидерстве гарантии сохранения и упрочения своего привилегированного и доминирующего положения в мировой экономике и политике и дальнейшего освоения экономического пространства «мировой периферии» в своих интересах и на своих условиях.

Подобная внешнеэкономическая экспансия крупнейших и наиболее конкурентоспособных западных компаний, политически обеспечиваемая их государственными машинами, отличается от политики прежних колониальных империй лишь методами и инструментами достижения поставленных целей, но никак не самими целями. Для объектов такой экономической экспансии решающее значение приобретает их способность защищать, сохранять и обеспечивать свой экономический и государственный суверенитет, развивать конкурентоспособное отечественное производство товаров и услуг, противостоять дальнейшей экономической экспансии государств «золотого миллиарда» на их условиях и подчинению своих государств их экономическому диктату. Они стремятся не разрушить экономические устои существующего мира,

а переписать действующие в нем правила игры эволюционным путем в направлении гармонизации интересов всех стран⁴.

Средствами достижения этих целей являются разработка собственных моделей развития, учитывающих национальные особенности этих государств и социально-экономические факторы, содействие развитию отечественного производства товаров и услуг и повышению их конкурентоспособности, объединение их усилий, направленных на изменение характера и алгоритмов деятельности существующих международных торговых, экономических и финансовых институтов, создание и укрепление международных объединений, торговых и финансовых институтов, свободных от диктата западных единомышленников и строящих свою деятельность на основе суверенного равенства государств-участников.

Их базовым интересам отвечает, в частности, развитие международной торговли с использованием национальных валют, создание собственных резервных валют, способных обслуживать мировую торговлю, а также отстаивание ценностей, включающих их культурные, социальные, экономические и политические приоритеты и учитывающих их национальные традиции.

Важное значение для отстаивания линии этих государств на международной арене имеет укрепление двусторонних и многосторонних отношений между государствами, противившимися диктату западных единомышленников, оказание взаимной политической и экономической поддержки. Интеграционные процессы, развивающиеся между этими государствами, призваны обеспечить благоприятные условия для решения приоритетных задач национального развития с безусловным учетом особенностей их экономического и социального положения и одновременно создать условия для совместной эффективной защиты их экономических пространств от экспансии компаний стран с наиболее конкурентоспособной экономикой, поддерживаемых на политическом уровне их государственными структурами.

---

⁴ Панова В., Толорая Г. Страны БРИКС готовы сами начать формировать правила мирового устройства // МГИМО-Университет [официальный сайт]. URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document271694.phtml> (дата обращения: 28.02.2017).

***

Таким образом, новое, оформляющееся после окончания холодной войны основное противоречие мировой политики находит одно из своих проявлений в концепциях и моделях современных интеграционных процессов. При определении целей и выстраивании механизмов их осуществления на постсоветском пространстве, в том числе в рамках ЕАЭС, следует принимать во внимание различные модели интеграции и решить, какая из них оптимальна для обеспечения задач социально-экономического развития государств-участников. Следует при этом отдавать себе отчет в том, что принятие Россией и другими странами — членами ЕАЭС неолиберальной модели интеграции на постсоветском пространстве позволило бы ЕС закрепить за странами — членами ЕАЭС подчиненную вспомогательную роль объектов экономической политики ЕС на его интеграционной периферии. Объявленные ЕС санкции против России в связи с событиями на Украине являются откровенной попыткой использовать имеющуюся экономическую взаимозависимость для политического давления на Россию. Указанный урок следует учитывать при выстраивании стратегии экономического взаимодействия России и ЕС. Не очень продуманное использование интеграционного опыта ЕС на постсоветском пространстве может иметь весьма негативные последствия для ЕАЭС и его стран-членов, их социально-экономического развития и для интеграционных процессов на постсоветском пространстве в целом.

Глава 2

Понятие «международная интеграция» и теории интеграционных процессов

Современную интеграцию можно рассматривать как инструмент мировой политики, при помощи которого мировое сообщество объединяется для эффективного решения глобальных и региональных проблем современности («вызовы» глобализации). Для

эффективного использования властных полномочий в мировом масштабе необходимы тесное взаимодействие между акторами мировой политики, четкая координация их действий, а также разработка общих норм и правил поведения на мировой арене. Сама мировая политика содержит в себе интеграционные начала.

Концептуальные подходы к определению понятия «международная интеграция»

Само понятие «интеграция», согласно экономисту Ф. Махлупу, появилось в 1942 г.¹ Термин «интеграция» стал активно использоваться при анализе социально-экономических процессов лишь в XX в., ранее он применялся исключительно в естественных науках². Сегодня под интеграцией (*от лат. integratio* — «восстановление, восполнение некоего единства») в широком значении понимается возникновение новой общности из прежде разрозненных частей³. В более узком смысле интеграция — это процесс интенсификации взаимосвязей и добровольного сближения государств на основе общих признаков (политических, экономических, культурных и др.) и интересов. Это взаимовыгодное объединение отдельных частей в некую самостоятельную целостность, в результате чего участники интеграционного объединения получают преимущества, каких они не имели бы, действуя автономно. Именно ожидание выгоды и заставляет различные государства включаться в интеграционные процессы, где практически все страны могут найти свое место, независимо от положения в мире, потенциала и уровня развития.

Первая волна развития интеграционных процессов (примерно начало XIX — середина XX в.) в основном затронула экономическую и торговую сферы, а потому, как замечает Ю. В. Шишков,

¹ *Machlup F. A History of Thought on Economic Integration. L., 1977. P. 62.*

² Считается, что в научный оборот термин «интеграция» был введен в математике Г. Лейбницем и И. Бернулли в конце XVII — начале XVIII в. Так, Лейбниц полагал, что интегральное исчисление отражает некий всеобщий закон природы (см.: *Лейбниц Г. В. Избранные философские сочинения. М., 1908.*)

³ *Стрежнева М. В. Интеграция и вовлечение как инструменты глобального управления // Современная мировая политика: прикладной анализ / под ред. А. Д. Богатурова. М., 2009. С. 537–557.*

«первыми исследователями тех экономических явлений, которые позднее стали основой международной интеграции, были специалисты в области внешней торговли и торговой политики. Еще в XVIII–XIX вв. осмысливались экономические последствия первых международных выгод торговых соглашений: англо-португальского договора 1703 г., англо-французского договора 1860 г. и в особенности германского Таможенного союза (1834–1871)»⁴. Международная экономическая интеграция со временем приобрела характер сложного комплексного процесса, для осмысления которого сформировалась серьезная теоретическая база. Современные теории международной экономической интеграции изначально стали обосновываться также в рамках экономической теории. Так, например, представители теории «дирижизма» (например, Я. Тинберген, И. Штолер и др.) исходят из того, что функционирование интеграционных структур основывается на общей экономической политике и согласованном законодательстве. Отсутствие же регуляции порождает серьезные экономические проблемы (безработицу, бедность и т. д.). Процесс интеграции рассматривался дирижистами как поэтапный (от простых форм к более сложным), ведущий к созданию наднационального политико-правового института или системы институтов (на практике — экономического союза).

Один из наиболее ярких представителей данного подхода Я. Тинберген разработал два типа интеграции: «негативную», которая состоит в отмене пошлин, налогов и сдерживающих законодательных норм, и «позитивную», сосредоточенную на создании наднациональных органов и политике по формированию интеграционного объединения⁵.

Наиболее известным является также подход американского исследователя Б. Балассы, который определил интеграцию как процесс, включающий в себя «меры, призванные устранить дискриминацию между хозяйственными единицами, относящимися к разным государствам; рассматриваемая в качестве состояния,

⁴ Шишков Ю. В. Интеграционные процессы на пороге XXI века : Почему не интегрируются страны СНГ. М., 2001. С. 29.

⁵ Tinbergen J. International Economic Integration. Amsterdam, 1954. P. 78.

она может быть представлена как отсутствие различных форм дискриминации между национальными экономиками»⁶. Другими словами, Б. Баласса определил интеграцию двояко: как «процесс» и «состояние». Кроме того, именно он предложил схему развития интеграции, которая стала классической и сегодня активно востребована для описания развития любого регионального интеграционного объединения: создание зоны свободной торговли; образование таможенного союза; формирование общего рынка; проведение единой экономической и валютной политики; переход на высшую ступень развития интеграционных процессов — этап интеграции в политической сфере⁷.

Как известно, на данном этапе все ступени интеграционной схемы Б. Балассы прошел только ЕС, который, однако, столкнулся с серьезными проблемами на последнем этапе политической интеграции (например, провал проекта Конституции ЕС). Остальные интеграционные объединения прошли первый и частично второй уровни экономической интеграции.

Важно отметить, что в изданиях и аналитических докладах большинства международных организаций — ООН, Всемирного банка⁸, МВФ⁹ — феномен интеграции отождествляется с понятием «региональная экономическая интеграция» и определяется достаточно узко — как процесс формирования региональных торговых блоков. Так, например, в словаре ООН упоминается лишь понятие «экономическая интеграция», под которой понимаются «все меры, принимаемые двумя и более государствами в целях создания

⁶ *Balassa B. Towards a Theory of Economic Integration // Kyklos. 1961. Vol. 14. Iss. 1. P. 1.*

⁷ *Balassa B. The theory of economic integration. L., 1961.*

⁸ См.: *Schiff M., Winters L. A. Regional Integration and Development. The International Bank for Reconstruction and Development. The World Bank; Univ. Press, 2003. P. 1–6 ; World Bank Development Report 2009: Reshaping Economic Geography. P. 23 // World Bank [official website]. URL: http://www-wds.worldbank.org/external/default/WDSPContentServer/WDSP/IB/2008/12/03/000333038_20081203234958/Rendered/PDF/437380REVISED01BLIC1097808213760720.pdf (mode of access: 31.03.2017).*

⁹ См.: *Deichmann U., Gill J. The Economic Geography of Regional Integration // Finance and Development : A quarterly magazine of the IMF. Dec. 2008. Vol. 45. № 4. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2008/12/deichmann.htm> (mode of access: 31.03.2017).*

общего экономического пространства»¹⁰. Другими словами, если несколько стран подписали договор о свободной торговле или о таможенном союзе, то эти страны автоматически попадают в разряд интегрированных. Такой подход означает, что интеграция — это не процесс нарастания хозяйственной взаимозависимости и политического взаимодействия тех или иных стран, а лишь формальное закрепление намерений. При этом, по мнению российского исследователя Ю. В. Шишкова, в рамках данного подхода остаются непонятными причины, по которым государства решают интегрироваться¹¹.

Тем не менее, со временем понятие «интеграция» стало приобретать более широкое значение, выходящее за рамки исключительно международных экономических отношений. Наряду с утвердившимся понятием «экономическая интеграция», в обиход стали входить такие понятия, как «политическая интеграция», «интеграция военных структур различных стран», «культурная интеграция» и т. д. По наблюдениям Ю. В. Шишкова, «все это различные проявления (стороны, грани) некоего глубинного процесса — нарастающей взаимосвязанности, взаимозависимости, взаимообусловленности различных стран и в экономическом, и в политическом отношении»¹². В результате стали разрабатываться комплексные многоаспектные подходы к исследованию феномена интеграции.

Первыми разработчиками понятия «интеграция» в социально-политических исследованиях стали представители немецкой политической школы в начале 1920-х гг., в числе которых Х. Кельзен¹³ и Р. Сменд¹⁴, считавшие интеграцию неким теоретическим прообразом плюрализма и классовой борьбы. Так, Х. Кельзен, ха-

---

¹⁰ Экономическая интеграция // Библиографическо-информационная система ООН. Тезаурус ЮНБИС. Библиотека им. Дага Хаммаршельда [официальный сайт]. URL: <http://lib-thesaurus.un.org/LIB/DHLUNBISThesaurus.nsf/MultiRus/957CF2EA3985A76485256AA0005F8E76?OpenDocument> (дата обращения: 31.03.2017).

¹¹ Шишков Ю. В. Интеграционные процессы на пороге XXI века. С. 20.

¹² Там же. С. 16.

¹³ Kelsen H. Allgemeine Staatslehre. Berlin, 1925.

¹⁴ Smend R. Verfassung und Verfassungsrecht. Berlin, 1928.

рактизуя формы правительства, считал тип политической интеграции одним из важнейших критериев, отличающих автократии от демократий: вторым присуща «динамичная интеграция», в то время как «статичная» является чертой первых¹⁵. При этом «динамичная интеграция» подразумевает наличие гармонии в системе, которую обеспечивает постоянное обновление договоренностей большинства с меньшинством, а «статичная» не приемлет проведения переговоров в процессе распределения властных полномочий в обществе. Р. Сменд рассматривал государство как часть духовной реальности, которая существует в результате взаимодействия индивидуумов — интегрируется. По Р. Сменду, интеграция — это динамичный процесс объединения граждан в государство, под которым он подразумевал не гипотетическое или историческое, но духовное единение¹⁶.

В середине XX в. свой вклад в разработку понятия «интеграция» в политической мысли внесли такие исследователи, как Т. Парсонс¹⁷, Д. Истон¹⁸, М. Каплан¹⁹, Э. Хаас²⁰, А. Этциони²¹, Х. Булл²² и др. В своей книге «Теории европейской интеграции» американский исследователь Б. Розамонд сгруппировал целый ряд определений: интеграция — это «формирование новой политической системы из существовавших до этого разделенных систем» (М. Ходжес); это «создание сообщества безопасности между государствами региона» (К. Дойч); это «создание и поддержание интенсивных и разносторонних систем взаимодействия между ранее автономными частями» (У. Уоллас)²³.

¹⁵ *Baume S.* Hans Kelsen and the Case for Democracy. Colchester, 2012. P. 29.

¹⁶ *Paulson S. L., Stolleis M.* Hans Kelsen : Staatsrechtslehrer und Rechtstheoretiker des 20. Jahrhunderts. Tübingen, 2005. S. 324.

¹⁷ *Parsons T., Shils E.* Toward a general theory of action. Cambridge ; Mass., 1952.

¹⁸ *Easton D.* A Systems Analysis of Political Life. N. Y., 1965.

¹⁹ *Kaplan M.* System and Process in International Politics. N. Y., 1957.

²⁰ *Haas E. B.* The Uniting of Europe: Political, Social and Economic Forces. Stanford, 1958.

²¹ *Etzioni A.* Political Unification: a Comparative Study of Leaders and Forces. N. Y., 1965.

²² *Bull H.* International theory: the case for a classical approach // World Politics. Apr. 1966. Vol. V. P. 18.

²³ *Rosamond B.* Theories of European Integration. L., 2000. P. 11.

Важный вклад в развитие теории интеграции внесли представители отечественной школы Ю. А. Борко, В. Г. Барановский, Ю. В. Шишков, Г. И. Чуфрин, Н. К. Арбатова, О. В. Буторина, В. В. Михеев, М. В. Стрежнева, А. А. Байков и др. Стоит отдельно отметить ученых ИМЭМО РАН, исследования которых фактически заложили основы отечественной теории интеграции еще в 1970–1980-е гг. и продолжают развивать ее сегодня. По оценке Ю. В. Шишкова, важным отличием отечественной школы интеграции является то, что «с самого ее зарождения упор делался на содержательную сторону... <...> Интеграция в полном соответствии с реалиями рассматривалась как сложный многоаспектный саморазвивающийся исторический феномен, который поначалу зарождается в наиболее развитых с технико-экономической и социально-политической точки зрения регионах мира и шаг за шагом втягивает в этот процесс все новые страны по мере созревания их до необходимых экономических, политических и правовых кондиций»²⁴.

В современной научной литературе мы не встретим двух одинаковых определений понятия «интеграция». По мнению российского исследователя Н. Е. Овчаренко, это можно объяснить, «во-первых, наличием множества моделей, типов интеграционных процессов, которые различаются по целям и функциям, и, во-вторых, различиями национальных интересов, которые преследуют отдельные государства или группы государств»²⁵.

Из практического опыта интеграции следует, что существуют большие отличия между интеграционными типами, союзами и их формами, что затрудняет выработку общего определения понятия «интеграция». Об этом же пишет А. А. Байков: «само понятие „интеграция“ существенно меняется, что ведет к размыванию казавшегося 20 и 30 лет назад незыблемым „европейского интеграционного канона“. Трактовки интеграции вбирают в себя опыт не-

---

²⁴ Шишков Ю. Отечественная теория региональной интеграции: опыт прошлого и взгляд в будущее // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 4. С. 56.

²⁵ Овчаренко Н. Е. Модели современных интеграционных процессов // XServer.ru [онлайн-библиотека]. URL: <http://www.xserver.ru/user/msipr/> (дата обращения: 31.03.2017).

европейских интеграционных очагов...»²⁶ Действительно, вплоть до недавнего времени европейский опыт интеграции рассматривался в качестве универсального образца для развития региональных интеграционных процессов на других континентах: «макросрегонализация и региональная интеграция стала распространяться на другие части мира, превратившись в одну из основных стратегий модернизированного межгосударственного взаимодействия с целью укрепления коллективного или индивидуального потенциала стран-участниц»²⁷. Однако с течением времени стало очевидно, что европейская модель не вполне применима к формирующимся на других континентах региональным моделям. В результате сегодня выделяют азиатский, латиноамериканский, евразийский типы интеграции и др., каждый из которых имеет свои типологические особенности²⁸.

В существующем многообразии определений феномена «интеграция» четко видны разногласия по поводу того, что является движущей силой интеграции — экономическая выгода или политическая идея. Эти разногласия легли в основу теоретической дискуссии во второй половине XX в. и привели к формированию нескольких теоретических направлений в исследованиях феномена международной интеграции. Среди них федералистский и неофедералистский, функционалистский и неофункционалистский подходы, а также либеральный межправительственный подход.

Представители **федералистского похода** (А. Спинелли, А. Гамильтон, К. Уэйр и Р. Уотс, А. Этциони, и др.) делают акцент на политической составляющей и под интеграцией понимают процесс формирования межгосударственного объединения в форме федерации для решения конкретных задач, стоящих перед государства-

---

²⁶ Байков А. А. Сравнительная интеграция : Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии. М., 2012. С. 236.

²⁷ Практика зарубежного регионоведения и мировой политики / под ред. А. Д. Воскресенского. М., 2015. С. 225.

²⁸ См., например: *Kuhnhardt L. Region-building. Vol. 1. The Global Proliferation of regional Integration.* N. Y., Oxford, 2010 ; *Matti W. The Logic of Regional Integration : Europe and beyond.* Cambridge Univ. Press, 1999.

ми, и для реализации общих интересов²⁹. Теория была разработана А. Спинелли еще в годы Второй мировой войны, а затем нашла свое отражение в известной речи У. Черчилля 1946 г., в которой он призвал народы Европы к объединению в формате федералистского государства³⁰. Федерализм рассматривается как «метод разделения властей таким образом, чтобы центральное и региональное правительства сотрудничали в определенной сфере, но при этом сохраняли независимость»³¹. При этом, если представители классического федерализма (например, А. Гамильтон) считали возможным такое объединение государств исключительно при условии передачи ими части полномочий наднациональным органам, то, по мнению представителей **неофедерализма** (например, А. Этциони), «целью интеграции является создание „политического сообщества“, которое бы обладало необходимыми средствами насилия, имело право на принятие решений и придерживалось собственных идеологических установок, направленных на формирование соответствующих идентификационных ориентиров»³². В итоге теоретики федерализма и неофедерализма определяют конечную цель интеграции следующим образом: создание союза граждан в противоположность союзу государств.

Преимуществами федералистского подхода являются, во-первых, сохранение разнообразия при создании общности, во-вторых, создание барьера против деспотизма центральной власти путем предоставления государствам автономной власти и их участия в федеральном правительстве, и, в-третьих, эффективное экономическое планирование и регулирование³³. Главной же проблемой федерализма является его неспособность объяснить медленную, постепенную интеграцию (интеграцию «снизу»).

---

²⁹ Euro-Politics : Institutions and Policy Making in the European Community / ed. by A. M. Sbardia. L., 1992. P. 110–112 ; Barnes P. M. The Enlarged European Union. L., 1995. P. 4–5.

³⁰ Spinelli A. Federalism in Europe and in the World. Milano, 1990.

³¹ Mackay R. W. G. Towards a United States of Europe. L., 1969. P. 140.

³² Цит. по: Асанбеков М. К. Общие теории интеграционных процессов // Времена Востока [информ.-аналитич. портал]. URL: <http://easttime.ru/analytics/tsentralnaya-azija/obshchie-teorii-integratsionnykh-protsessakh/7903#sdendnote3sym> (дата обращения: 31.03.2017).

³³ Harrison R. J. Europe in question. Theories of Regional International Integration. L., 1974. P. 55.

Представители **функционалистского подхода** (Д. Митрани, Я. Тинберген, П. Райнш, А. Клоуда и др.) концентрируют свое внимание на экономическом аспекте и определяют интеграцию как «процесс распространения властного влияния одного обладающего юрисдикцией центра на конкретную территорию, происходящий в результате делегирования этому центру субъектами политической жизни национальных государств части своих функций»³⁴. По мнению функционалистов, мир является расколотым на противоборствующие общности, сконцентрированные на себе, и результатом их борьбы является насилие, которое можно предотвратить, лишь создав элементы международной общности. Таким образом, функционалисты концентрируются на создании «очевидных общих нужд» и «уменьшении значения границ путем постоянного непрерывного развития общих интересов и инициатив» для достижения конечной цели — сохранения мира и предотвращения войны в международных отношениях и перехода от системы государств к международному сообществу³⁵. Общность интересов фактически становится базой для социопсихологического единого образования³⁶. Предполагается, что индивидуумы достаточно рациональны в своих интересах, чтобы положительно отвечать на сигналы внешнего мира, которые отвечают таким интересам. Внимание индивидуумов должно быть смещено от национальных проблем и национальных решений на транснациональные проблемы и очевидные выгоды от их решений.

Наиболее полно основы классического функционализма изложены в работах одного из его основателей Д. Митрани. Интересно отметить, что, по мнению Д. Митрани, региональная интеграция не обязательно должна быть ограничена географическими принципами, а регионы рассматриваются им как некие функциональные зоны, в рамках которых осуществляются различные функции³⁷.

---

³⁴ Асанбеков М. К. Указ. соч.

³⁵ *Mitrany D. A. Working Peace System. Chicago, 1966. P. 62.*

³⁶ См.: *Mitrany D. A. Working Peace System. P. 10–15; Marks G. Governance in the European Union. L., 1996. P. 5–7.*

³⁷ *Mitrany D. The Functional Theory of Politics. N. Y., 1975. P. 105.*

Несомненно, функционализм оказал существенное влияние на развитие региональной интеграции как в Европе, так и на других континентах, однако, несмотря на свой комплексный характер, он также не лишен проблем, что связано с его концентрацией на экономических аспектах интеграции: во-первых, слишком большая децентрализация международного сообщества, во-вторых, на практике оказалось, что функциональное сотрудничество не ведет автоматически к «отмиранию суверенитета», в-третьих, само по себе функциональное сотрудничество все же нуждается в подкреплении политическими действиями³⁸. Но главным недостатком классического функционалистского подхода стала недооценка политического фактора в международной интеграции³⁹. Подобные упущения и потребность в комплексном подходе к исследованию такого многозначного феномена, как региональная интеграция, привели к созданию новой теории — неофункционализма.

Неофункционалисты (Э. Б. Хаас, Ф. Шмиттер, Л. Шейнеман, Л. Линдберг и др.) определяют региональную интеграцию как процесс, посредством которого национальные государства «добровольно смешиваются, сливаются и объединяются с соседями так, что теряют свои фактические атрибуты суверенитета, но при этом приобретают новые механизмы урегулирования конфликтов между собой»⁴⁰. Основателем данного направления является Э. Хаас, связавший свою теорию непосредственно с практикой становления и развития европейской интеграции.

В отличие от функционалистов, представители неофункционализма подчеркивают преимущества регионализма над глобальными решениями. Э. Хаас отмечает, что «центральные институты власти в значительной степени будут иметь влияние на интеграционные процессы, причем их участие является не пассивным, а системообразующим, так как именно они вырабатывают решения

³⁸ Теория международных отношений : хрестоматия / под ред. П. А. Цыганкова. М., 2002. С. 318.

³⁹ Современные теории международных отношений / под ред. В. Н. Коньшева, А. А. Сергунина. М., 2013. С. 159.

⁴⁰ Haas E. B. The Study of Regional Integration : Reflections on the Joy and Anguish of Pretheorizing // Regional Integration : Theory and Research / eds. L. N. Lindberg and S. A. Scheingold. Cambridge, 1971. P. 3–44.

проблем»⁴¹. При этом подразумевается, что интеграция постепенно переходит от одной сферы жизни общества в другие, а участники политической жизни переориентируют доверие с национального уровня на наднациональный. Движущей силой интеграции, согласно неофункционализму, являются общественные потребности и перемены в технологической сфере.

В рамках неофункционалистского подхода было исследовано соотношение политической и экономической интеграции, и в результате выдвинута гипотеза, что экономическая интеграция по своей природе ведет к политической интеграции, которая является финальной стадией всего процесса: «наднациональный стиль подчеркивает не прямое проникновение политики в экономику, поскольку экономические решения всегда приобретают политическое значение в умах участников интеграционного процесса»⁴². Таким образом, принципиальным отличием неофункционализма от классического подхода стало признание важности политического фактора в процессе региональной интеграции.

Наиболее подробно свое видение феномена региональной интеграции Э. Хаас представил в своей книге «Единство Европы: политические, социальные и экономические силы, 1950–1957» (1958), где он выделяет базовые предпосылки интеграции: «индустриально развитая экономика, активно вовлеченная в международную торговлю; наличие политически мобильных общественных масс; конкурирующие между собой группы элит; взаимоотношения элит, регулируемые конституцией, традициями или парламентской (президентской) демократией»⁴³. Результатом же интеграции, по мнению Э. Хааса, могут быть три варианта: региональное государство, региональная община, асимметричная региональная надстройка⁴⁴.

Ключевой для понимания неофункционализма является так называемая концепция «эффекта перетекания» (*spill-over*), подразумевающая в качестве важнейшего условия своего существова-

---

⁴¹ Haas E. B. The Uniting of Europe. P. 33.

⁴² Ibid. P. 43.

⁴³ Ibid.. P. 16.

⁴⁴ Ibid.

ния связанность экономик государств и заключающаяся в том, что интеграция в одной сфере приводит к взаимодействию и в других сферах, так как достижение поставленной цели невозможно без комплексного процесса интеграции во всех областях⁴⁵. Интеграционное переливание должно начинаться в сфере так называемой «низкой» политики (межгосударственные технократические моменты, связанные с функционированием интеграционного объединения) и быть направлено к «высокой» (действия стратегического характера, для которых нужна реальная политическая воля). При этом развитие сотрудничества происходит в определенных секторах экономики, наиболее подходящих для «переливания», которое, в свою очередь, осуществляется по цепочке: зона свободной торговли — таможенный союз — общий рынок — экономический союз — полная экономическая интеграция⁴⁶.

Таким образом, неофункционалистский подход несет серьезную угрозу национальному суверенитету, так как предусматривает передачу властных полномочий наднациональным институтам. Интеграция рассматривается в рамках данного подхода как принципиально новое явление в международной практике, меняющее не столько форму, сколько содержание государственной деятельности. Многие постулаты неофункционализма были со временем опровергнуты практикой европейской интеграции и вызвали критику (например, неясность конечных целей интеграции и вера в безусловно положительный характер и пользу международной интеграции), но, несомненно, неофункционализм оказал существенное влияние на развитие теории интеграции⁴⁷.

Однако споры по поводу природы и механизмов международной интеграции на этом не закончились, и в результате появилось еще одно направление — **либеральный межправительственный подход** (Э. Моравчик, Р. Патнэм, Дж. Рагги, Р. Кеохейн и др.). В рамках этого направления оформилось несколько подходов

---

⁴⁵ Rosamond B. The Uniting of Europe and the Foundation of EU Studies : Revisiting the Neofunctionalism of Ernst B. Haas // J. of Europ. Public Policy. 2005. Vol. 12. № 2.

⁴⁶ Ушкалова Д. И., Головин М. Ю. Теоретические подходы к исследованию международной экономической интеграции. М., 2011. С. 16.

⁴⁷ Современные теории международных отношений. С. 164.

к определению понятия «международная интеграция»: межправительственный, институциональный и коммуникативный⁴⁸.

Что касается **межправительственного подхода** (В. Уоллес, Э. Моравчик), то он относится к школе неореализма и в соответствии с этим отводит ключевую роль в интеграционных процессах национальным государствам, которые имеют некие общие интересы и проблемы. Результатом их взаимодействия становится появление общих институтов управления.

Представители данного подхода выдвинули тезис о том, что национальные государства сохраняют ведущую роль в процессе интеграции (формальная интеграция), но следует учитывать и роль отдельных индивидов, частных бизнес-структур и прочих негосударственных акторов, интеграция между которыми получила название неформальной.

В соответствии с данным подходом интеграция основывается на взаимодействии на двух уровнях: внутригосударственном («спрос на интеграцию») и межгосударственном («предложение»). Таким образом, на первом уровне — уровне внутренней политики государства — происходит процесс согласования интересов государства и общества, которое выражает «специальные интересы» большого бизнеса, гражданского общества и в результате оказывает влияние на политику правительства⁴⁹. Когда от общества исходит «запрос» на интеграцию, государство соглашается с ним, так как желает сохранить свою власть. Далее этот «спрос» переходит на международный уровень, где государство, защищая свои интересы, представляет «предложение» в виде интеграционных инициатив, которые, как отмечает Э. Моравчик, возможны только при наличии у государства «общего знаменателя» под его интересами⁵⁰.

В свою очередь, **институциональный (или плюралистический) подход** в основе своей имеет неолиберальные основы, и его

---

⁴⁸ Там же. С. 165.

⁴⁹ Бусыгина И., Филиттов М. Политическая система Европейского союза: какие изменения вносит европейский договор? // Аналитические записки ИМИ. Вып. 2 (42). 2009. Март.

⁵⁰ Moravcsik A. Preferences and Power in the EU: a Liberal Intergovernmentalist Approach // J. of Common Market Studies. 1993. Vol. 31. № 4.

представители (Э. Хаас, Дж. Питерсон, А. С. Суитт и У. Сандхольц) рассматривают процесс международной интеграции как трансформацию национальных практик взаимодействия с различными международными институтами, что ведет к созданию многоуровневой системы управления с множеством центров принятия решений.

Наконец, **коммуникативный подход** (К. Дойч) трактует международную интеграцию как «процесс эффективного взаимодействия между социальными общностями в различных областях международной жизни, а также создания новых сообществ в ответ на новые вызовы и потребности»⁵¹. Другими словами, представители данного направления пытались найти способ стабилизации международной системы, не разрушая ее связей. Так, К. Дойч определял интеграцию как «достижение государствами на определенной территории „чувства общности“ и создание и распространение институтов, способных обеспечить возникновение долговременных „мирных изменений“»⁵². При этом в его понимании «чувство общности» означает веру общества в то, что индивидуумы должны соглашаться хотя бы в одном — в том, что общие социальные проблемы должны и могут быть решены только «мирными изменениями», что определяет новый этап в развитии всей международной системы. Кроме того, К. Дойч определил задачи интеграционного процесса:

- «сохранение и поддержание мира путем создания различных политических союзов, применения дипломатических усилий и т. д.;
- достижение общих многосторонних целей;
- выполнение специальных заданий (например, увеличение ВВП);
- приобретение нового имиджа и ролевой идентичности»⁵³.

На основании применения этих критериев предлагается оценивать эффективность исследуемого интеграционного объединения.

---

⁵¹ Современные теории международных отношений. С. 166.

⁵² *Deutsch K. W. Political Community and the North Atlantic Area : International Organization in the Light of Historical Experience.* Princeton ; N. Y., 1957. P. 5.

⁵³ *Ibid.*

Рассмотренные выше теоретические подходы, несомненно, определяют феномен международной интеграции как высокую степень развития сотрудничества акторов международных процессов, что находит свое выражение в перераспределении управленческих функций с целью эффективного решения общих для всех актуальных проблем. Представители всех направлений согласны в том, что процесс интеграции является объективным и закономерным трендом современного мирового развития, являя собой эффективный и востребованный инструмент регионального и даже глобального управления. Различия же сводятся в основном к разному пониманию и видению способов объединения и форм взаимодействия, а также роли экономического и политического факторов в процессе региональной интеграции.

От «старого» регионализма к «новому»

Как отмечают в своей работе «Регионализация в глобализирующемся мире» исследователи М. Шульц, Ф. Седербаум и И. Ожендаль, регионализм является феноменом периода после Второй мировой войны, хотя протекционистские тенденции 1930-х гг. иногда рассматриваются как «первая волна регионализма»⁵⁴. В послевоенный период идейным источником региональной интеграции служили классические федерализм и функционализм. По мнению М. Шульца, Ф. Седербаума и И. Ожендаля, в период 1950–1960-х гг. регионализм рассматривался как важнейшая стратегия обеспечения безопасности, мира, развития и роста благосостояния населения. При этом представители экономической науки были склонны сводить суть феномена к созданию схем свободной торговли и таможенных союзов, в то время как большинство политологов попытались обосновать феномен наднациональности в процессе интеграции и образования регионов.

К концу 1950-х гг., когда мировому сообществу удалось достичь определенного уровня стабильности, востребованным оказался коммуникативный подход К. Дойча, который доминировал вплоть до 1990-х гг. В это же время рождается неофункционализм,

⁵⁴ Schulz M., Söderbaum F., Öjendal J. Regionalization in a globalizing world: a comparative perspective on forms, actors, and processes. N. Y., 2001. P. 5.

который также занимает лидирующие позиции вплоть до второй половины 1960-х гг. В частности, сильной критике основные положения неофункционализма были подвергнуты со стороны С. Хоффмана, который отдавал приоритет межправительственному сотрудничеству.

Примерно к 1970-м гг. интерес к региональной интеграции заметно снизился, что было связано с тем, что постепенно стало очевидно наличие большого количества различного рода ограничений при создании интеграционных объединений регионального характера⁵⁵. В первую очередь кризис коснулся европейской интеграции, которая в этот период сопровождалась такими терминами как «евросклероз», «евроскептицизм», «европессимизм» и т. д. Однако скорее «положение дел в Европейском экономическом сообществе (ЕЭС) и в мире можно было охарактеризовать как кризис и одновременно как трансформацию международной системы как таковой»⁵⁶. В результате в этот период исследовательский интерес сместился больше в сторону не региональной, а глобальной взаимозависимости, транснационализма⁵⁷.

Новый всплеск интеграции пришелся на середину 1980-х гг. В этот период интеграционные процессы «уже невозможно было объяснить с позиций межгосударственного подхода, т. е. феномен наднациональности в работе институтов был налицо», что привело к возрождению идей неофункционалистов⁵⁸. Сегодня же наблюдается своего рода ренессанс исследований феномена регионализма на абсолютно новых основаниях.

Феномен регионализма представляет собой «совокупность идей, ценностей и конкретных целей, направленных на создание, поддержание или повышение степени обеспечения безопасности и благосостояния населения, мира и развития в регионе, т. е. стремление при участии различных акторов реорганизовать то

⁵⁵ Schulz M., Söderbaum F., Öjendal J. Regionalization in a globalizing world.

⁵⁶ Хохлов И. И., Сидорова Е. А. Наднациональность в политике Европейского союза. М., 2014. С. 28.

⁵⁷ Nye J. S., Keohane R. O. Transnational Relations and World Politics : An Introduction // Intern. Organization. Sum. 1971. Vol. 25. № 3. P. 329–349 ; Keohane R., Nye J. Power and Independence : World Politics in Transition. Boston, 1977 ; et al.

⁵⁸ Хохлов И. И., Сидорова Е. А. Указ. соч. С. 29.

или иное региональное пространство»⁵⁹. Другими словами, регионализм в широком понимании представляет собой *стратегию реорганизации регионального пространства* с целью повышения уровня безопасности и стабильности в регионе.

Нынешняя волна регионализма относится к так называемому «новому» регионализму, который характеризуется интенсивностью и разнообразием форм и участников интеграционных процессов. В современных региональных исследованиях отсутствует однозначное согласие относительно определения этапов в историческом развитии региональных процессов⁶⁰. Например, Л. ван Лангенхове выделяет три поколения регионализма: экономический (основанный на создании зоны свободной торговли, преобразуемой затем в таможенный союз, общий рынок и, наконец, экономический союз), новый (предполагающий интеграцию в политическом и социальном аспектах) и регионализм третьего поколения (создающий возможность интеграции внешнеполитических доктрин и, соответственно, развития межрегиональных связей)⁶¹.

М. Дойдж также разделил историю развития регионализма на три фазы, но предложил иные определения каждой из них: «имперский регионализм» (1920–1930-е гг.), «закрытый регионализм» (после Второй мировой войны до середины 1970-х гг.), «открытый регионализм» (с конца 1980-х гг.). По его мнению, последние два этапа характеризуются также как периоды «старого» и «нового» регионализма⁶². В итоге в современной научной литературе однозначно сформировалось представление о таких типах регионализма как «старый» и «новый», «открытый» и «закрытый». Изучение «старого регионализма» началось в середине XX в., и данный подход доминировал примерно до середины 1980-х гг. В соответствии

⁵⁹ Schulz M., Söderbaum F., Öjendal J. Op. cit. P. 10.

⁶⁰ Mambeeva E. A. Типология международного регионализма в исторической перспективе // Изв. Алтай. гос. ун-та [официальный сайт]. URL: <http://izvestia.asu.ru/2012/4-2/hist/TheNewsOfASU-2012-4-2-hist-30.pdf> (дата обращения: 17.04.2016).

⁶¹ Langenhove L., Costea A.-N. The EU as a Global Actor and the Emergence of 'Third Generation' Regionalism // UNU-CRIS Occasional Papers 0-2005/14. United Nations Univ., 2005.

⁶² Dojdz M. The European Union and Interregionalism : Patterns of Engagement. Ashgate Publ., 2011.

с этим подходом ключевая категория региональных исследований — регион — понимался как группа близлежащих стран, представляющих собой отдельный экономико-географический, или близкий по национальному составу и культуре, или однотипный по общественно-политическому строю район мира⁶³.

Таким образом, «старый» регионализм сформировался в условиях биполярного контекста холодной войны, когда формирование региона происходило исключительно «сверху», при ведущей роли государств. Окончание холодной войны, появление и постепенное усиление веса «новых центров силы» (например, ЕС, НАФТА, АТР как результат успешного экономического развития), а также переориентация стратегий экономического развития в странах «третьего мира» привели к появлению более децентрализованной международной экономической системы. Это, в свою очередь, стимулировало развитие автономии регионов и сделало их ведущими субъектами мировой политики. Региональные процессы были также усилены процессами транснационализации, глобализации, демократизации и информатизации, новой позицией многих стран в отношении сотрудничества на международном уровне⁶⁴. Именно это сформировало новый подход в исследованиях — «новый» регионализм. Считается, что данный термин был введен в научный оборот Э. Харреллом⁶⁵. «Новый» регионализм — это «выражение многополюсного мирового порядка, интеграционный феномен, распространяющийся по всему миру, содержание которого — экономическая взаимозависимость, большой вес позитивной интеграции (т. е. политического участия), культурная и коммуникативная гомогенность (более высокая степень регионализации), что в ко-

⁶³ Мурадян А. А. Регионализм как проблема политологии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 1995. № 3. С. 83–89.

⁶⁴ См.: Hettne B., Inotai A. The new regionalism: implications for global development and international security. UNU World Institute for Development Economics Research, 1994; Regionalism in World Politics: Regional Organization and International Order / ed. by L. Fawcett and A. Hurrell. L., 1995; Hettne B., Inotai A., Sunkel O. Globalism and the New Regionalism. L., 1999, etc.

⁶⁵ Hurrell A. Explaining the Resurgence of Regionalism in World Politics / A. Hurrell // Rev. of Intern. Studies. 1995. Vol. 21. № 4.

нечном итоге может привести к формированию региональной идентичности»⁶⁶.

По мнению М. Шульца, Ф. Седербаума и И. Ожендаля, принципиально важным является изменение содержания «нового» регионализма⁶⁷. В отличие от «старого» регионализма, который главным образом навязывался извне ведущими державами (гегемонистский регионализм), «новый» представляет собой спонтанный процесс, направленный «снизу» и «изнутри» регионального пространства. Кроме того, по мнению исследователей, «новый» регионализм является комплексным и многоаспектным феноменом в противоположность «старому», который имел четкие конкретные цели и задачи (создание зоны свободной торговли или альянса по обеспечению региональной безопасности).

Российский исследователь И. А. Неклесса отмечает, что наиболее динамичный процесс, который происходит на планете, стоит охарактеризовать как «новый» регионализм, а именно формирование макрорегиональных пространств⁶⁸. Главными его атрибутами являются расширенный формат и открытость для других стран. «Новый» регионализм не стремится к автаркии, но концентрирует и объединяет политическое и экономическое могущество стран, которые хотят повысить свою конкурентоспособность в глобальной экономике. Новые региональные группировки существенно отличаются от предшествующих, так как они включают в себя большее число стран, у них более широкие возможности интеграции государств, находящихся на разных уровнях экономического развития. Теоретически «новый» регионализм должен гарантировать странам выгодную интеграцию с главными центрами мировой экономики. Об этом же пишут М. Шульц, Ф. Седербаум и И. Ожендаль: «Феномен „нового“ регионализма не может быть понят лишь с точки зрения изучения одного региона, но

---

⁶⁶ Попович А. Интеграция: теоретические аспекты // Студенческий сайт факультета мировой политики МГУ [интернет-портал]. URL: <http://fmp-gugn.narod.ru/pop2.html> (дата обращения: 31.03.2017).

⁶⁷ Schulz M., Söderbaum F., Öjendal J. Op. cit. P. 7.

⁶⁸ Неклесса А. И. Этнос глобального мира // Русский Архипелаг: сетевой проект «Русского мира» [информ.-аналитич. портал]. URL: <http://www.archipelag.ru/authors/neklessa/?library=1189&version=forprint> (дата обращения: 31.03.2017).

должен быть осмыслен в глобальной перспективе. В связи с этим наблюдается *глобализация региональной интеграционной теории и практики*⁶⁹. Действительно, если в случае «старого» регионализма речь в основном шла о европейской интеграции, и большая часть теоретических подходов к исследованию региональной интеграции, рассмотренных выше, основывалась на опыте именно строительства ЕС, то теперь внимание исследователей обращено и к опыту создания региональных объединений на других континентах. В результате многие исследователи отмечают, что обновленный и расширенный тренд феномена регионализма не ограничивается простыми формальными межгосударственными рамками, а наоборот — «новый» регионализм характеризуется сложностью и многоаспектностью⁷⁰. Это, в частности, выражается во включении в процессы интеграции как государственных, так и негосударственных акторов, которые совместно создают различные неформальные сети и многосторонние мультиакторные коалиции («новая многосторонность» Ф. Нушелера⁷¹) на разных уровнях современной мировой системы.

Данный подход следует воспринимать не как альтернативу государствоцентричному миру, а скорее как стратегию усиления возможностей и защиты национальных интересов государств в новых условиях глобального развития и взаимозависимости⁷². Таким образом, нынешний регионализм представляет собой сложный феномен, обусловленный процессами на глобальном, региональном и национальном уровнях взаимодействия, предусматривающий участие как национальных государств, так и негосударственных акторов. Однако, несомненно, роль государства серьезно меняется, так как перед лицом новых вызовов и угроз

⁶⁹ Schulz M., Söderbaum F., Öjendal J. Op. cit. P. 7–8.

⁷⁰ См.: Hettne B., Inotia A., Sunkel O. Globalism and the New Regionalism ; Hettne B. The new regionalism revisited // Theories of new regionalism : A Palgrave Reader / eds. T. Soberbaum, T.M. Shaw. Basingstoke, 2003 ; Schulz M., Söderbaum F., Öjendal J. Op. cit.

⁷¹ Nuscheler F. Multilateralism vs unilateralism, cooperation vs hegemony in transatlantic relations. Bonn, 2001. Policy paper 16, Jan.

⁷² Axline W.A. The Political economy of regional cooperation : Comparative case studies. L., 1994.

национальное государство вынуждено передавать часть своих управленческих полномочий на другие уровни с целью повышения эффективности решения глобальных и региональных проблем современности. «Новый» регионализм представляет собой важнейшую часть современного процесса трансформации мировой системы, в результате чего формируется сложная система многоуровневого управления, включающая в себя вертикальные и горизонтальные взаимодействия.

Что касается соответствующих «старому» и «новому» регионализму двух других типов — «закрытого» и «открытого», то следует отметить, что в случае «закрытого» регионализма речь идет об объединении государств конкретного региона как ответе на вызовы глобализации с целью защиты своих экономик. По мнению А. Д. Воскресенского, «„закрытый регионализм“ фактически противостоит макрорегионализации и трансрегиональному сотрудничеству и в долгосрочной перспективе снижает конкурентоспособность регионов»⁷³. В случае «открытого» регионализма речь идет также о реакции на глобальные процессы современности, но при этом ключевую роль играют не столько государства, сколько бизнес-структуры. Кроме того, данная форма регионализма позволяет выйти за рамки сугубо экономической сферы, включая политические, социальные и культурные аспекты интеграции. «Открытый» регионализм также предполагает создание и развитие сети внешних связей и контактов трансрегионального и транснационального характера («новый» интеррегионализм)⁷⁴. На данном этапе наиболее востребованным является «открытый» регионализм как наиболее востребованная в современных условиях мирового развития форма регионализма.

Концептуальные основы «нового» регионализма

В рамках новых подходов регион рассматривается как динамически развивающаяся единица, которая может «как констру-

---

⁷³ Мировое комплексное регионоведение / под ред. А. Д. Воскресенского. М., 2014. С. 110.

⁷⁴ См., например: *Hänggi H., Roloff R., Rüländ J. Interregionalism and International Relations. Routledge, 2006.*

ироваться, так и деконструироваться в идеально-символическом и в пространственно-географическом отношениях»⁷⁵.

В результате наряду с уже традиционными теоретическими подходами к изучению феномена международной интеграции в конце XX в. получает развитие новое направление — *социальный конструктивизм* (А. Вендт, М. Файнмор, К. Сиккинк, П. Катценштейн и др.), основные положения которого во многом легли в основу «нового» регионализма. В большинстве своем конструктивисты анализируют международные отношения, основываясь на восприятии таких ключевых элементов международной социальной действительности, как цели, интересы, вызовы и угрозы безопасности, культура и т. д. в качестве социальных конструкций. Другими словами, представители данного направления исходят из того, что политические структуры и практики не являются объективной реальностью, а создаются в ходе социальных отношений. При этом национальные интересы государств также не имеют объективного характера, так как те же социальные конструкты — политические структуры и практики — формируют идентичности акторов⁷⁶.

Как отмечает А. Макарычев, обобщенная схема анализа в отношении регионального строительства А. Вендта может быть представлена следующим образом: «субагенты (внутренние регионы) — агенты (государства) — микроструктуры (трансграничные регионы) — макроструктуры (глобальные факторы). Такая цепочка дает возможность увидеть две различные, но сопряженные друг с другом грани феномена регионализма, базирующиеся на понятиях микроструктур и субагентов»⁷⁷. А. Макарычев предлагает рассматривать предложенный А. Вендтом *микроструктурный уровень* более широко — как включающий в себя не только отношения

---

⁷⁵ *Кирабаев Т.* Теоретические подходы к исследованию процессов регионализации и региональной интеграции // *Международная жизнь* [официальный сайт]. 2004. № 11. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1171> (дата обращения: 31.03.2017).

⁷⁶ *Wendt A.* Constructing International Politics // *Intern. Security*. 1995. Vol. 20. № 1. P. 71–81.

⁷⁷ *Макарычев А. С.* Регионализм глазами конструктивизма: агенты, структуры, идентичности // *Неприкосновенный запас* [официальный сайт]. 2010. № 3 (71). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/3/ma14.html> (дата обращения: 31.03.2017).

между государствами, но и более сложный процесс формирования транснациональных регионов с участием других субъектов международного взаимодействия (например, Балтийский, Черноморский, Средиземноморский регионы). Что касается *субагентов*, то здесь можно представить несколько моделей:

– «*унитарная модель*, при которой “внутренние регионы” административно полностью подчиняются “своим” государствам и таким образом изолируются от структурных факторов международной динамики;

– *модель трансграничного регионализма*, при которой “внутренние регионы” ориентированы преимущественно на вхождение в рамки формирующихся (в том числе и с их участием) микроструктур в форме международных регионов (допустим, Калининградская область в качестве составной части Балтийского региона);

– *модель глобальной интеграции “внутренних регионов”*, при которой они ставят перед собой более амбициозные цели, не ограниченные теми или иными территориальными рамками»⁷⁸.

Наконец, на уровне *макроструктурных факторов* А. Вендт предлагает следующие механизмы их воздействия на процесс регионалстроительства:

– *социализация* — это процесс интеграции регионов в систему международных отношений, при котором внешняя среда оказывает ключевое влияние на формирование региональных идентичностей, заставляя их быть отзывчивыми к социальным условиям, частью которых они являются;

– *интернализация* — полное усвоение и принятие «внешних» норм и правил;

– «*культурный отбор*», который выступает в двух формах: имитации успешного опыта и обучения, требующего взаимодействия между источником опыта и реципиентом;

– «*эффект Фуко*», согласно которому идентичность субъекта есть результат его подчинения определенному типу культурного дискурса как формы власти»⁷⁹.

⁷⁸ Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge, 2004.

⁷⁹ Ibid.

На основе анализа работ конструктивистов А. Макарычев предлагает две гипотезы: во-первых, «регионализм представляет собой феномен, который нельзя ни замыкать во внутреннем пространстве того или иного государства, ни представлять в качестве элемента исключительно мировой политики», так как это явление многоаспектное и сложно структурируемое; во-вторых, согласно основным положениям А. Вендта, «наиболее прочные формы социальных взаимоотношений устанавливаются при условии определенной гармонии между различными элементами этой схемы», то есть для регионов в их международной деятельности важно принимать во внимание и соизмерять собственную стратегию развития с ведущими тенденциями макроструктур⁸⁰. Таким образом, конструктивизм нацеливает регионы на активное участие в международных процессах в качестве самостоятельного элемента глобальной сетевой структуры.

Регионализм и регионализация

Важно определить соотношение понятий «регионализм» и «регионализация». В российских и зарубежных исследованиях нет единого мнения по этому вопросу. Ряд исследователей настаивает на их различии, другие его не видят.

М. Шульц, Ф. Седербаум и И. Ожендаль настаивают на разделении двух понятий и определяют регионализм как совокупность идей, ценностей и конкретных целей, направленных на реорганизацию какого-либо регионального пространства, тогда как регионализация, согласно их пониманию, представляет собой «(эмпирический) процесс... изменения от состояния относительной неоднородности и отсутствия сотрудничества в сторону расширения сотрудничества, интеграции, конвергенции, комплементарности и идентификации в различных областях, таких как культура, безопасность, экономическое развитие и политика, в рамках определенного географического пространства»⁸¹. По существу, под регионализмом понимается стратегия формирования регионального пространства, а под регионализацией — непосредственно практи-

⁸⁰ Макарычев А. С. Указ. соч.

⁸¹ Schulz M., Söderbaum F., Öjendal J. Op. cit. P. 10.

ческая реализация этой стратегии. На наш взгляд, данный подход имеет комплексный характер, так как предполагает, что регионализм может быть осуществлен не только с помощью национальных государств, рынка, но может предполагать участие широкого круга участников гражданского общества. Именно такой подход наиболее соответствует нынешнему состоянию мировой системы, так как региональные организации и институты, несомненно, важны как непосредственные составляющие региональных процессов, но в то же время недостаточны для понимания динамики процесса регионализации.

Тем не менее, на сегодняшний день в отечественной и зарубежной научной литературе не сложилось единого мнения по этому вопросу. Существующее разнообразие свидетельствует о процессе теоретического поиска концептуальных основ для изучения новых форм и тенденций в развитии региональных процессов в условиях современного глобального развития.

Глобальная регионализация

Соотнесение глобального и регионального уровней политики всегда было проблемным полем в рамках классической теории международных отношений. Большинство исследователей либо сосредоточиваются на глобальных процессах (глобализм), либо занимаются исследованием проблем конкретного региона (регионализм), что фактически ведет к недооценке общемирового системного контекста, в рамках которого на данном этапе развития реализуются мирополитические процессы. В связи с этим перед современным научным сообществом стоит актуальная задача разработки концептуальных основ для исследования целостной мирополитической картины мира, где и глобальному, и региональному аспектам уделялось бы равное внимание. На наш взгляд, одной из попыток выработки такого комплексного системного подхода является *концепт глобальной регионализации*.

В основе данного концепта лежит проблема соотнесения двух трендов современного мирового развития — глобализации и регионализации. На первый взгляд, эти две тенденции противоположны друг другу. Глобализация определяется как процесс интеграции

различных обществ и экономик, вне зависимости от национальных границ по всему миру, в результате чего наблюдается усиление их взаимозависимости. Глобализация «размывает» классическую Вестфальскую систему международных отношений и границы между национальными государствами. Регионализация, в свою очередь, представляет процесс формирования региональных пространств, в рамках которого происходит перераспределение властных полномочий национальных государств, передача функций от национального на региональный уровень, а также появление и развитие новых институциональных форм.

Определение соотношения процессов регионализации и глобализации (ведь именно глобализация традиционно рассматривается в качестве определяющего фактора развития форм международного регулирования) является важным аспектом в контексте анализа феномена глобальной регионализации. Эта сфера мирополитических исследований характеризуется крайним разнообразием подходов, которые, тем не менее, можно соединить в три основные гипотезы:

- регионализация — способ сопротивления государств тенденциям, сопровождающим глобализацию в определенных сферах (в том числе в экономической);
- регионализация представляет собой один из механизмов формирования глобального миропорядка;
- регионализация является одним из направлений глобализационных процессов.

Очевидно, что формирование первоначальных институтов экономической регионализации может восприниматься в качестве шагов противодействия глобальной либерализации трансграничной торговли и перемещению финансовых потоков, так как при этом происходит искусственное перераспределение ресурсно-производственных комплексов и изменение конкурентоспособности его авторов (достаточно вспомнить, что ЕЭС зародилось в контексте предоставления взаимных преференций в сфере производства стали). Тем не менее, другого пути организации эффективного процесса интеграции не существует. Развитие экономических объединений более высокого уровня и формирование единого политического пространства уже позволяют говорить о «складывании

нового мирового порядка на основе процесса формирования макрорегиональных геоэкономических пространств, который можно охарактеризовать как „новый“ регионализм»⁸². Соответственно, происходит изменение оценки региональной интеграции с негативной на позитивную. Действительно, в настоящее время вряд ли известен способ более эффективной организации наднационального управления, чем создание политико-экономических интегративных образований. С другой стороны, полномочия подобного рода объединений распространяются только на их внутренние пространства, в то время как межрегиональное взаимодействие остается прерогативой государственных структур. Такое положение дел может быть изменено только в контексте перехода к регионализму третьего поколения (о котором писал Л. ван Лангенхове), в рамках которого внешнеполитические полномочия передаются общерегиональным органам⁸³. В этом случае границы между глобализацией и регионализацией практически стираются. Сторонницей данного подхода является С. Сассен, с точки зрения которой «глобализация включает как формирование глобальных институтов и процессов (ВТО, глобальные рынки), так и ряд процессов, не обязательно протекающих на глобальном уровне, но являющихся ее неотъемлемой частью, поскольку они включают трансграничные сети и образования, состоящие из локальных и национальных субъектов...»⁸⁴

Можно предположить, что сосуществование различных видений соотношения глобализации и регионализации обуславливается асинхронностью мирового политического развития, в результате которого в современном мире наличествуют все три поколения форм регионализма, в том числе высшая форма региональной интеграции — внешнеполитическая интеграция в рамках программ взаимодействия ЕС с другими объединениями (соглашения ЕС — МЕРКОСУР, программа АСЕМ и т. д.). Скорее всего, регламента-

---

⁸² Неклесса А. И. Указ. соч.

⁸³ *Langenhove L. van.* Building Regions: The Regionalization of the World Order. Ashgate Publ., 2011.

⁸⁴ *Sassen S.* Globalization or Denationalization // Rev. of Intern. Political Economy. 2003. 10 Febr. P. 1–2.

ция и формирование стабильных механизмов межрегионального сотрудничества являются процессами отдаленной перспективы (особенно в контексте последних проблем во взаимоотношениях стран — участниц ЕС в связи с массовой миграцией из Северной Африки), однако в последнее время наблюдается развитие еще одной тенденции — формирование «гибридного регионализма», включающего в себя регионализм, трансрегионализм и интеррегионализм⁸⁵. Большинство исследователей связывает этот процесс с АТР, «где наблюдается сочетание экономической и политической регионализации с одновременным развитием межструктурных связей и трансрегионализма»⁸⁶. Региональные образования АТР получают возможность избежать необходимости прохождения всех стадий интеграции, что может способствовать ускорению межрегиональной институционализации.

***

Таким образом, глобальная регионализация представляет собой новое поколение регионализации и может быть определена как объективный процесс современного мирового развития, направленный на формирование региональных пространств с учетом глобального мирополитического контекста. Данный процесс имеет многоуровневую природу, следствием чего является разнообразие формирующихся интеграционных форм (от субрегиональных организаций до трансрегиональных структур и даже взаимодействий на цивилизационном уровне). Наряду с традиционными участниками интеграционных процессов — национальными государствами, в процессе глобальной регионализации участвуют и негосударственные акторы, что позволяет направить интеграционные процессы не только «сверху», но и «снизу». Процессы глобальной регионализации можно рассматривать как сложно структурированное проявление современного политического, экономического, социального и культурного развития мирового социума.

---

⁸⁵ Katzenstein P., Shiraiishi T. *Beyond Japan : The Dynamics of East Asian Regionalism*. Cornell ; N.Y., 2006.

⁸⁶ Weixing Hu R. *Building Asia Pacific regional Architecture: the Challenge of hybrid regionalism : The Brookings Institution. Centre for North-East Asia Studies*, 2009.

Глава 3

Современный интеррегионализм: формирование региональных и межрегиональных отношений¹

Современные региональные процессы имеют разнообразные формы и причины становления. Процесс построения региональных отношений может быть обусловлен экономическими, политическими, нормативными факторами. Регионы становятся важными акторами международных отношений. Они начинают выходить за пределы своих традиционных географических границ, формируя новые мегарегионы. Это явление получило название интеррегионализма.

Становление теорий интеррегионализма

По определению Р. Ролоффа, международная система после окончания холодной войны имеет четыре характерные черты, а именно верховенство США, развитие процессов глобализации, процессы регионализации, фрагментация международных отношений и распад ряда государств².

Фактор неопределенности в образовании контуров международных отношений в начале 1990-х гг. стал импульсом к формированию региональных и межрегиональных отношений. Разные варианты интеграционных проектов стали ответом на ситуацию неопределенности, привели к созданию механизмов для коллективных действий в новых экономических и политических условиях. Параллельно стал формироваться комплекс отношений между странами, регионами, негосударственными акторами международных отношений. В теориях регионализма уделяется внимание новым интеграционным и институциональным изменениям. Регионализм рассматривается как политика государств одного региона, нацеленная на формирование регионального блока с целью решения практических задач в области экономики, политики, безо-

---

¹ Работа выполнена при поддержке программы Европейского союза ERASMUS+ Jean Monnet, проект 575043-EPP-1-2016-1-RU-EPPJMO-CHAIR.

² *Roloff R. Interregionalism in theoretical perspective. State of Art // Interregionalism and International Relations. Routledge, 2006. P. 17–18.*

пасности в ответ на вызовы глобализации³. Регионы начинают играть роль самостоятельных единиц международной системы и проявлять свою внешнеполитическую акторность. ЕС становится не только примером эффективного интеграционного проекта, но и глобальным игроком, имеющим свои внешнеполитические амбиции.

Регионализм стал ответом на параллельные процессы глобализации и регионализации. Национальные государства нашли форму самосохранения в ответ на вызовы регионализации и глобализации. Интеррегионализм является продолжением политики регионализма. Национальные государства используют инструменты интеррегиональных связей для исключения эффекта дискриминации в рамках динамики межрегиональных связей.

Развитие интеррегиональных отношений не является совершенно новым феноменом. ЕС в настоящее время имеет около 20 межрегиональных соглашений с другими крупными региональными группировками по всему миру, в том числе с региональными группами и организациями в Африке, Азии, Северной и Южной Америке. Тем не менее, внешние региональные отношения ЕС начали формироваться еще в 1950–1960-х гг. Европейские экономические сообщества в 1963 г. подписали соглашения с целой группой государств Африки о преференциальной торговле (в основном с бывшими французскими и бельгийскими колониями) сроком на пять лет. Появление института Общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ) и институциональных структур в ЕС, отвечающих за его внешнюю политику, позволило ЕС выйти на новый уровень взаимоотношений с разными регионами и частями мира. Активизация внешней политики ЕС и усиление межрегиональных связей между Европой, Азией и Америками вызвало необходимость комплексного изучения межрегиональных процессов.

Х. Хаенги, Р. Ролофф и Ю. Руланд, анализируя развитие интеррегионализма, констатируют, что в 1990-е гг. началось активное изучение разных форм межрегиональных отношений: мегарегио-

---

³ Hettne B. Beyond the 'new' regionalism // *New Political Economy*. Vol. 10. Iss. 4. 2005. P. 543–571.

нализм, трансрегионализм, трансконтинентализм, интерконтинентализм, панрегионализм. Тем не менее, они не смогли дать четкое понимание того, какую роль играет интеррегионализм в системе международных отношений⁴.

В середине 2000-х гг. появились исследования, посвященные новому феномену интеррегионализма. В 2006 г. были опубликованы две работы — «Интеррегионализм и система международных отношений»⁵ и «Европейский союз как глобальный игрок: политики интеррегионализма»⁶. В 2008–2009 гг. вышла книга А. Роблеса, посвященная международной организации, объединяющей страны Восточной Азии и Европы⁷, и работа Ф. Ломберде и М. Шульца, исследующая политику ЕС под углом глобального регионализма⁸.

Мировой экономический кризис, трансформация мировой политической системы, усиление межрегиональных связей в 2008–2010 гг. вызвали новую волну исследований интеррегионализма⁹. ЕС остается в центре их внимания, тем не менее, география и направления исследований постоянно расширяются. Интеррегионализм стал предметом исследований нескольких научных направлений и школ. Количество монографий, посвященных интеррегионализму, насчитывает более десятка за последние десять лет, что подтверждает сложность и неоднозначность данного явления.

---

⁴ См. об этом: *Hänggi H., Roloff R., Ruland J.* Interregionalism : A new phenomena in international relations // *Interregionalism and International Relations*. Routledge, 2006. P. 4.

⁵ *Hänggi H., Roloff R., Ruland J.* Interregionalism and International Relations. L., 2006.

⁶ *Soderbaum Fr., Langenhove L.* The EU as a Global Player : The Politics of Interregionalism. L., 2006.

⁷ *Robles A. C., Jr.* The Asia-Europe Meeting : The theory and practice of interregionalism. L., 2008.

⁸ *Lombaerde Ph., Schultz M.* The EU and World Regionalism : The Makability of Regions in the 21st Century. L., 2009.

⁹ *Allison L.* The EU, ASEAN and Interregionalism : Regionalism Support and Norm Diffusion between the EU and ASEAN. Palgrave Macmillan, 2015 ; *Telo M., Fawcett L., Ponjaert Fr.* Interregionalism and the European Union: a post-revisionist approach to Europe's place in a changing world. Ashgate Publ. Ltd, 2015 ; *Baert Fr., Scaramagli T., Soderbaum F.* Intersecting Interregionalism // *Regions, Global Governance and the EU*. N. Y., 2014.

По определению Т. Берцель и Т. Риссе, интеррегионализм — это «институционализированное многомерное сотрудничество между, по крайней мере, одной региональной группировкой и другой региональной или крупной державой, принадлежащей к другому региону»¹⁰. Другой исследователь интеррегионализма М. Тело вводит понятия «чистого» или «гибридного» интеррегионализма¹¹.

По мнению А. Ачарии, нарождающийся мировой порядок выглядит скорее как многосложный мир (*multiplex world*), речь идет о «перезапуске гегемонистского регионализма». По его мнению, *multiplex world* состоит из нескольких ключевых акторов, взаимоотношения между которыми определяются сложными формами взаимозависимости¹².

Эта взаимозависимость не ограничивается торговлей, но включает совместные производственные мощности, транснациональное производство, финансовую взаимозависимость. Кроме этого, взаимозависимость включает проблемы окружающей среды, борьбы с глобальными эпидемиями, наркотрафиком, нелегальной иммиграцией, защитой прав человека, социальные связи. Реальностью становится многоуровневое управление, включающее глобальный, интеррегиональный, региональный, государственный, субгосударственный уровни. Современный регионализм, с одной стороны, является открытым, а, с другой стороны, пересекается с региональными блоками, созданными в имперскую эпоху. Теоретики интеррегионализма прогнозируют децентрализованный мировой порядок, возможное доминирование одной державы, но с разделенным негегемонистским лидерством. При этом региональное доминирование и иерархии силы могут сохраниться. Интеррегионализм создает собственный механизм поддержания

---

¹⁰ Borzel T., Risse T. The EU and the Diffusion of Regionalism // *Interregionalism and the European Union : A Post-Revisionist Approach to Europe's Place in a Changing World* / ed. by M. Telo, L. Fawcett and F. Ponjaert. Routledge, 2016. Chapt. 3.

¹¹ Telo M. Three Reasons for Reasserting the Autonomy of Regionalist and Interregionalist Research Agenda // *Interregionalism and the European Union : A Post-Revisionist Approach to Europe's Place in a Changing World*. Chapt. 5.

¹² Acharya A. *The End of American World Order*. Cambridge, 2014. P. 101. URL: <http://yaleglobal.yale.edu/content/end-american-world-order> (mode of access: 09.11.2016).

международного равновесия, диалога цивилизаций, предотвращения столкновения культур и цивилизаций и строительства нового мирового порядка. Для того, чтобы реализовать себя в этом качестве, интеррегионализм должен преодолеть государствоцентризм и расширить свои рамки до трансрегионализма¹³.

Концепция интеррегионализма

Концепция интеррегионализма становится актуальной после окончания холодной войны и определяется как новый уровень взаимоотношений между организациями, институтами, странами из разных регионов. Эксперты по-разному оценивают причины возникновения данного феномена. Б. Бузан и О. Уэйвер объясняют необходимость выстраивания отношений на межрегиональном уровне по причине секьюритизации, необходимости решения задач безопасности (логика безопасности)¹⁴. В. Аггарвал выделяет три причины выстраивания интеррегиональных отношений: (1) продолжающаяся интеграция мировой экономики; (2) дальнейшая неопределенность вокруг многостороннего процесса сотрудничества в ВТО; (3) необходимость выстраивания правил для ведения международных коммерческих отношений (экономическая логика)¹⁵. Ряд экспертов отмечают, что в европейском случае межрегиональное строительство само по себе является вариантом претензии ЕС на глобальный статус. Ф. Содербаум также отмечает, что изменяющийся мир с неясными контурами толкает Европу на поиск собственного места в мире (статус ЕС)¹⁶. Интеррегионализм является многомерным явлением, в некоторой степени ускользающим, постоянно меняющимся. В широком смысле интеррегионализм может быть

---

¹³ Interregionalism and the European Union : A Post-Revisionist Approach to Europe's Place in a Changing World.

¹⁴ *Buzan B., Waever O. Regions and Powers: the structure of international security.* Cambridge Univ. Press, 2003.

¹⁵ *Aggarwal V. Explaining Trends in EU Interregionalism // European Union Trade Strategies: Between Globalism and Regionalism / eds. V. Aggarwal, E. Fogarty. L., 2004. URL: <http://basc.berkeley.edu/pdf/articles/Explaining Trends in EU Interregionalism.pdf> (mode of access: 09.11.2016).*

¹⁶ *Soderbaum F. Intersecting Interregionalism.*

определен как ситуация или процесс, в котором два (или более) региона взаимодействуют, то есть в котором существует взаимодействие «регион — регион».

Выделяют несколько волн развития интеррегиональных связей. Ф. Седербаум предлагает концепцию «старого» интеррегионализма периода холодной войны и «нового» интеррегионализма, появившегося в постбиполярный период. «Старым», или «ранним» типом интеррегионализма называют взаимоотношения ЕЭС с другими региональными институтами с начала 1970–1980-х гг.: АСЕАН (1978), ССАГПЗ (1980) и ЦАОР (1984). Таким образом, «старый» интеррегионализм был способом международного сотрудничества между региональными институтами в рамках биполярной системы.

В результате структурных изменений в системе международных отношений, которые возникли с окончанием холодной войны, и заметного усиления неолиберальной глобализации с конца 1980-х гг., группы государств во многих частях мира реагировали на внутренние и системные вызовы через процесс выстраивания региональных связей регионализма¹⁷. Л. Фосетт утверждает, что распад старой биполярной системы и ослабление антагонизмов, которые были свойственны этой системе, представляют собой одно из наиболее очевидных объяснений нового интереса к региональным, да и вообще ко всем иным формам международного сотрудничества¹⁸.

ЕС сыграл важную роль в распространении идей интеррегионализма в других частях мира. М. Тело определяет опыт европейской интеграции как историю успеха. По его мнению, ЕС справляется как с традиционными внутренними конфликтами и национальными различиями путем преобразования структуры, так и играет важную роль в качестве эталона (не модели и не контрмодели) для нового регионализма в других регионах мира¹⁹. Первоначально

---

¹⁷ *Fawsett L. Regionalism from an Historical Perspective // Global Politics of Regionalis : Theory and Practice. L., 2005. P. 21–37.*

¹⁸ *Ibid. P. 30.*

¹⁹ *Telo M. European Union and New Regionalism : Regional Actors and Global Governance in a Post-Hegemonic Era / ed. by M. Telo. 2nd ed. Cornwall, 2007.*

группы развивающихся государств стремились повторить успех, достигнутый Европейским объединением угля и стали и ЕЭС в рамках содействия миру и развитию в Европе, особенно после повторного запуска европейской интеграции в связи с Единым европейским актом в 1986 г. и созданием Европейского единого рынка в 1992 г. ЕС вновь стал примером для подражания при создании подобных интеграционных моделей в других регионах.

Схемы интеграции и сформировавшегося в ходе этой второй волны регионализма заметно отличались от тех, которые были характерны для первой волны. Процесс региональной интеграции начала 1990-х гг. стал более многомерным и открытым. Появление новых региональных организаций во время второй волны регионализма повлияло на формирование новых форм межрегиональных связей. Если «новый» регионализм стал ответом государств региона на системные и внутренние вызовы в период после окончания холодной войны, то развитие межрегиональных связей начало рассматриваться как формирование нового уровня в системе международных отношений, как нечто среднее между региональным и глобальным уровнями. ЕС сохраняет свою роль в качестве основной движущей силы межрегиональных связей. Старые межрегиональные отношения, такие как ЕС — АСЕАН, ЕС и страны Центральной Америки, получили новый импульс, в том числе во взаимоотношениях с новыми региональными субъектами, как в случае ЕС — МЕРКОСУР. Стали появляться новые межрегиональные отношения и без участия ЕС.

Как системное явление новый интеррегионализм оказывает большое влияние на переформатирование международной системы. Быстрый рост сети межрегиональных отношений в последние десятилетия и интеграция практически всех стран в той или иной степени в эту сеть превращают интеррегионализм в характерное явление современной международной системы.

Формы и виды интеррегионализма

Интеррегионализм как научное понятие достаточно сложен для точного определения. Эксперты до сих пор затрудняются в определении критериев отличий интеррегионализма от мульти-

латерализма, регионализма и других схожих понятий. Тем не менее, существует несколько классификаций интеррегионализма. Например, Ф. Содербаум выделяет три типа интеррегионализма: чистый интеррегионализм (*pure interregionalism*), трансрегионализм (*transregionalism*) и квазиинтеррегионализм (*quasi-interregionalism*)²⁰.

Чистый интеррегионализм является классическим и наиболее изученным видом интеррегионализма. Он характеризуется взаимодействием двух четко идентифицируемых региональных организаций, установивших институциональные рамки сотрудничества²¹.

Термин «трансрегионализм» стал применяться для того, чтобы выйти за пределы узкого определения взаимодействия между двумя институционализированными регионами в рамках формальной и в основном межправительственной структуры. Трансрегионализм характеризует взаимоотношения в том числе между негосударственными акторами.

«Квазиинтеррегионализм» характеризует межрегиональные связи, выходящие за пределы двустороннего интеррегионализма и трансрегионализма. Этот термин используется для описания отношений между региональной организацией, региональной группой и третьей страной в другом регионе.

Х. Хаенгги предлагает две классификации интеррегионализма в соответствии с двумя логиками — эмпирической и теоретической²². Он отмечает, что современные международные отношения имеют различные варианты межрегиональных связей, которые можно эмпирически разделить на три группы: отношения между региональными группами («старый» интеррегионализм); двусторонние региональные или транснациональные соглашения (например, соглашения в рамках трех мировых экономических регио-

---

²⁰ Baert F., Scaramagli T., Soderbaum F. Introduction: Intersecting Interregionalism. P. 5–7.

²¹ Ibid.

²² Hänggi H. Interregionalism: empirical and theoretical perspectives // Dollars, Democracy and Trade : External Influence on Economic Integration in the Americas // Center for Applied Policy Research [official website]. URL: <http://www.cap.lmu.de/transatlantic/download/Haenggi.PDF> (mode of access: 05.06.2016).

нов — Европы, Америки, Азии); гибридный тип (отношения между региональными группами и отдельными странами, акторами, например, ЕС — Китай)²³.

Х. Хаенгги предлагает анализировать интеррегиональные отношения посредством использования триады теоретических подходов в международных отношениях: реализм, либерально-институциональная школа и социальный конструктивизм. С точки зрения реалистических подходов основное внимание уделяется динамике конкуренции на региональном уровне, балансу сил между различными региональными субъектами. В противоположность этому, либерально-институционалистский подход подчеркивает необходимость совместных усилий в целях управления сложной системой международных отношений на межрегиональном уровне. И наконец, социально-конструктивистские подходы анализируют вопросы формирования идентичности через призму межрегионального взаимодействия²⁴.

Следуя вышесказанному, можно выделить три причины построения межрегиональных связей: баланс сил, глобальное управление и построение идентичности. Классическим примером интеррегионализма по принципу баланса сил является НАТО. Однако сегодня можно назвать и более сложные формы построения баланса сил. Например, форум АСЕМ и АТЭС не являются примерами альянсов безопасности, но эксперты считают, что эти организации преследуют цель сохранения баланса сил в рамках тихоокеанского сотрудничества между двумя географическими акторами — Европой и Восточной Азией. Это вариант триады, в которой две стороны играют против третьей²⁵.

Глобальное управление или участие в нем являются одной из целей интеррегионализма. Для ЕС интеррегиональные связи являются возможностью создания управляемых международных отно-

---

²³ *Hänggi H.* Interregionalism: empirical and theoretical perspectives.

²⁴ *Ibid.*

²⁵ *Chen Zh.* NATO, APEC and ASEM: triadic interregionalism and global order // *Asia Europe Journal*. 2005. Iss. 3. URL: http://works.bepress.com/zhimin_chen/7/ (mode of access: 09.11.2016).

шений. Для Азии это возможность равноправного участия в ВТО и других международных организациях.

С точки зрения социального конструктивизма, практика выстраивания межрегиональных связей может привести к построению идентичности как на региональном, так и на межрегиональном уровнях. С одной стороны, ЕС может служить нормативным примером формирования коллективной идентичности. Формирование коллективной идентичности в Азии можно считать ответом на формирование общей европейской идентичности в рамках ЕС. С другой стороны, ЕС является региональным нормативным гегемоном²⁶. Программы, которые иницируются ЕС в отношении соседних регионов, стран, являются нормообразующими. В. Аггарвал и Е. Фогарти утверждают, что ЕС использует свои сильные стороны для продвижения своей нормативной силы в рамках международной системы, применяя свою коммерческую мощь и привлекательность²⁷.

Таким образом, интеррегионализм как научное понятие остается достаточно неоднозначным концептом, попытки его классификации и типологизации многочисленны. Тем не менее, можно отметить, что глобального противоречия в подходах разных школ и авторов нет. Происходит накопление теоретического опыта, и предпринимаются попытки анализировать современные межрегиональные связи на их основе.

Мультилатерализм, билатерализм и интеррегионализм

Понятие «интеррегионализм» противопоставляется таким концептам, как «мультилатерализм» и «билатерализм». Билатерализм, унилатерализм и мультилатерализм являются терминами, обозначающими определенную систему взаимоотношений между акторами в мировой политике. Эти концепции близки к понятию «международный режим», который определяется как совокупность норм и целей, характеризующих поведение государств в конкрет-

---

²⁶ Haukkala H. The European Union as a Regional Normative Hegemon : The Case of European Neighbourhood Policy // *Europe-Asia Studies*. 2008. Vol. 60. No. 9. P. 1607–1608.

²⁷ EU Trade Strategies: Between Regionalism and Globalism. P. 231.

ной области²⁸. Режим возникает в том случае, когда у инициаторов его создания имеется достаточное количество ресурсов, проявляется собственный интерес к созданию режима и возникает некая насущная проблема, требующая решения²⁹. В теоретической литературе мультилатерализм противопоставляется билатерализму с точки зрения поставленных стратегических задач и эффективности их решения³⁰. Многосторонний формат требует построения более сложных систем взаимосвязей. С точки зрения ряда экспертов двусторонний формат сегодня доминирует в международных отношениях.

Р. Кеохейн в работе «Мультилатерализм: повестка дня для исследования», опубликованной в 1990 г., определяет мультилатерализм как «практику координации национальной политики трех и более государств посредством подписания соглашений или создания институтов»³¹. Кеохейн предпринял попытку выделения концепции мультелатерализма из широкого круга других видов интеграционных объединений. С точки зрения Кеохейна, мультилатерализм касается только взаимоотношений между государствами. Отличительная особенность мультилатерализма от иных интеграционных объединений заключается в том, что страны могут проводить встречи, заключать краткосрочные соглашения для решения конкретных проблем³².

Дж. Капорасо в статье «Теория международных отношений и мультилатерализм: поиск оснований»³³, опубликованной в 1992 г., проанализировал мультилатерализм, используя при этом два понятия — мультилатеральный институт и институт мультилатерализма. В первом случае он выделяет многосторонние институ-

²⁸ Krasner S. D. *International Regimes*. Cornell Univ. Press, 1983.

²⁹ Keohane R. O. *After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy*. Princeton Univ. Press, 1984.

³⁰ Thompson A., Verdier D. *Multilateralism, Bilateralism and Regime Design* // Intern. Studies Quarterly. 2014. Vol. 58, no. 1. P. 15–28 URL: <http://politic.alscience.osu.edu/faculty/athompson/Lateralisms.pdf> (mode of access: 09.11.2016).

³¹ Keohane R. O. *Multilateralism: an agenda for research* // Intern. J. 1990. Vol. 45. No. 4. P. 731–764.

³² Ibid.

³³ Caporaso J. A. *International relations theory and multilateralism: the search for foundations* // International Organization. 1992. Vol. 3 (46). Sum., 19. P. 599–632.

ты, имеющие структуру, дислокацию, штат и т. п. Во втором случае он отмечает отсутствие кодифицированных практик, идей и норм международного общества. Это своего рода принцип организации мировой системы, равноценный двусторонним отношениям, имперской иерархии и т. п.³⁴

Современные интерпретации мультилатерализма отличаются от ранних интерпретаций. Л. ван Лангенхове вводит понятие «мультилатерализм 2.0». Кроме государств, в многосторонних отношениях начинают играть роль наднациональные акторы (например, регионы) и субнациональные акторы (внутригосударственные). Лангенхове подчеркивает, что существующая система ООН не учитывает такой современный круг международных акторов, как регионы³⁵. Формируется новая система международных отношений, в которой Вестфальский порядок не является определяющим. Это требует, с одной стороны, реформ существующих многосторонних институтов, с другой стороны, готовности региональных акторов, например ЕС, выступить на мировой арене единым голосом.

Отличительной особенностью мультилатерализма является концепт построения системы международных отношений, альтернативный унитарной системе. Вместе с тем, к примеру, авторы книги «Мультилатерализм в XXI веке» приходят к выводу, что до сих пор нет четкого определения мультилатерализма³⁶. Если политику ЕС определять в рамках данного концепта, какой тип мультилатерального порядка строит ЕС? Как определить эффективность мультилатерализма? С точки зрения авторов работы, мультилатерализм как явление варьируется от региона к региону, поэтому ЕС вынужден учитывать динамику и баланс сил в каждом регионе в отдельности. Далее авторы утверждают, что есть особая

---

³⁴ Caporaso J. A. International relations theory and multilateralism.

³⁵ Langenhove L., van. Multilateralism 2.0: The transformation of international relations// United Nations University [official website]. URL: <http://unu.edu/publications/articles/multilateralism-2-0-the-transformation-of-international-relations.html> (mode of access: 09.11.2016).

³⁶ Bouchard C., Peterson J., Tocci N. Multilateralism in the 21st century. Europe's quest for effectiveness. N. Y., 2013.

политика мультилатерализма ЕС как на региональном, так и на глобальном уровне³⁷.

Отталкиваясь от интерпретации мультилатеральных связей на разных уровнях, региональном и глобальном, можно определить концепцию интеррегионализма как вариант политики мультилатерализма на уровне межрегиональных связей.

Билатерализм рассматривается как система преимущественно двусторонних связей, доминирующих в рамках международной системы. Под двусторонними связями понимаются отношения между странами, регионами, институтами и негосударственными акторами. Билатеральные связи, как правило, противопоставляют многосторонним форматам построения торговых, политических и других отношений.

К. Л. Мейсснер, оценивая взаимоотношения между ЕС и АСЕАН, приходит к заключению, что это пример «неудачного» интеррегионализма. Критерием неэффективности межрегиональных отношений стала оценка автором торговых отношений между странами ЕС и АСЕАН и другими участниками в региональных отношениях в связи с отсутствием выработки единого подхода в торговле, а также наличием острой конкурентной борьбы между ними. Таким образом, билатерализм зачастую доказывает свое превосходство над интеррегионализмом³⁸.

Работы, посвященные сравнению многосторонних форматов и двусторонних связей, преимущественно используют экономические инструменты анализа. Это приводит к упрощению восприятия эффективности многосторонних форматов сотрудничества. Интеррегионализм является новым феноменом, в рамках которого межрегиональное сотрудничество стало использоваться в качестве инструмента доминирования одного региона в другой региональной группе³⁹. Более того, по мнению Р. Ролоффа, происходит формирование сложных многоуровневых связей, которые могут привести к институциональному перенапряжению в рамках гло-

---

³⁷ Ibid. P. 300–301.

³⁸ *Meissner K. L.* A case of failed interregionalism? Analyzing the EU-ASEAN free trade agreement negotiations // *Asia Europe J.* 2016. Vol. 4. № 3. P. 319–336.

³⁹ *Hänggi H., Roloff R., Ruland J.* Interregionalism and International Relations. P. 15.

бального управления⁴⁰. Современная система международных отношений состоит из мультилатеральных, транснациональных, глобальных, континентальных, региональных, интеррегиональных, национальных и субрегиональных уровней, которые пересекаются, взаимодействуют друг с другом, соперничают и дополняют друг друга⁴¹. Таким образом, современный мир является комплексом сложных взаимосвязей на разных уровнях, и интеррегионализм является его неотъемлемой частью.

***

Теоретическое осмысление региональных интеграционных процессов и попытки их осмысления зачастую ведут к построению недостаточно обоснованных теоретических конструктов. На эту особенность обращает внимание Дж. Ловеринг в своем исследовании «Теория, ведомая политикой: недостатки “нового регионализма” в экономической географии, иллюстрируемые примером Уэльса»⁴². Он отмечает, что авторы теорий регионализма строят зыбкие проекты на основе множества спекуляций и гипотез. Эти проекты могут не иметь никаких историко-экономических основ. Здесь можно соглашаться или не соглашаться с Ловерингом, но современные интеграционные проекты зачастую опережают реальные процессы регионализации. Современный мир превращается в конкурентную среду разных проектов. Регионализм и интеррегионализм являются проектами, но с разным целеполаганием. В первом случае цель проекта — построение региона как целостного явления. Во втором случае целью становится усиление присутствия и влияния одного региона в другом за счет вовлечения в свою интеррегиональную деятельность ряда государств региона либо взаимодействие с региональными институтами, нацеленное на усиление своей роли в сложной мировой системе. Поэтому крайне сложно дифференцировать те или

---

⁴⁰ *Roloff R.* Interregionalism in theoretical perspective. P. 17–18.

⁴¹ *Ibid.*

⁴² *Lovering J.* Theory Led by Policy : The Inadequacies of the ‘New Regionalism’ (Illustrated from the Case of Wales) // *Intern. J. of Urban and Regional Research.* 1999. Vol. 23. Iss. 2. P. 379–395.

иные формы сотрудничества. Так, например, политика Восточного партнерства ЕС может интерпретироваться как практика регионализма, если рассматривать возможность дальнейшей интеграции стран проекта в состав ЕС. Если не брать во внимание перспективу участия стран Восточного партнерства в ЕС, то тогда эта программа может быть вариантом интеррегионализма. В то же самое время К. Е. Смит утверждает, что Восточное партнерство является формой билатериальных связей, поскольку, по его мнению, Центральная и Восточная Европа не отождествляют себя как регион⁴³. К. Е. Смит считает, что интеррегионализм имеет право на существование только там, где речь идет о взаимосвязях между регионами или субрегионами⁴⁴. С нашей точки зрения, его подход сужает сущность интеррегионализма.

Глава 4

Роль региональной интеграции в реструктуризации международных отношений

Региональная, прежде всего экономическая интеграция, без сомнения, является одним из системообразующих факторов развития современного мира. С окончанием холодной войны политическое мышление очень быстро стало склоняться к новому структурному видению мировой сцены, в котором традиционную геополитику должна была вытеснить геоэкономика, а прежний диктат великих держав (после 1945 г. — сверхдержав), порождавший экономический монополизм, — глобальный «экономический секционизм», основанный на относительном равновесии «торговых блоков», спонтанно формирующихся в разных

---

⁴³ *Smith K. E.* The EU and Central and Eastern Europe: the Absence of Interregionalism // *The EU as a Global Player*. 2013. P. 112.

⁴⁴ *Ibid.* P. 100.

частях мира¹. По сути, эти взгляды экстраполировали на перспективу тенденции, проявившиеся еще в эпоху холодной войны. Стартовавший в 1950-х гг. процесс европейской экономической интеграции, продемонстрировавший успешную модель стимулирования экономического роста, был подхвачен в 1988 г. соглашением США и Канады, положившим начало созданию Северо-Американской зоны свободной торговли (НАФТА). Усилившийся в 1970-х гг. поток японских инвестиций в страны Восточной Азии и доминирование иены во взаиморасчетах стран региона наметили и в этой части света контуры нового торгового блока. «Скелет» новой глобализирующейся мировой экономики, образованный этой триадой интеграционных ядер, не без оснований стал рассматриваться и как прообраз будущего экономического и политического порядка. Эта модель стала приобретать еще более сложную структуру, когда по примеру лидеров процесса инициативы по заключению региональных торговых соглашений охватили и другие части мира — Латинскую Америку, Африку, Юго-Восточную Азию². Окончание холодной войны окончательно высвободило кинетику этого процесса из-под гнета той прежней «блоковой дисциплины», которая определялась не сближением и консолидацией экономических интересов, но геостратегическим соперничеством двух сверхдержав.

Динамизм экономической интеграции и ее повсеместное позитивное восприятие объясняются, на наш взгляд, двумя обстоятельствами. Во-первых, региональный масштаб интеграции обеспечивает удачный компромисс между набирающей силу и, в идеале, снимающей все барьеры глобализацией и возможностью использовать протекционистские меры для защиты от ее негативных последствий. Так, интеграция дает возможность крупным компаниям расширять свои рынки сбыта в рамках интеграционного объединения и использовать к своей выгоде эффект экономии масштаба, одновременно защищая их этими же рамками от глобальной конкуренции. Свобода торговли внутри интеграционных блоков

¹ Taylor P. Unity and Division in Global Political Geography // Companion Encyclopaedia of Geography : The Environment and Humankind / ed. by J. Douglas, R. Huggett and M. Robinson. L. ; N. Y., 1996. P. 347.

² Agnew J., Colbridge S. Mastering Space: hegemony, territory and international political economy. L. ; N. Y., 1995. P. 155–156.

обеспечивает и другие выигрыши, существенно облегчая переход к более глубоким формам экономического сотрудничества (валютный союз, производственная кооперация, общая регулятивно-правовая среда и т. п.), но удерживая их при этом под эффективным контролем. Интеграционное объединение — это зачастую и тот формат, в рамках которого в силу культурной близости и общих стратегических интересов объединяющиеся государства легче достигают договоренности по спорным вопросам, чем в случае присоединения к международным соглашениям универсального типа³. В этом смысле региональную интеграцию можно рассматривать двояко — и как определенную ступень развертывания экономической глобализации, и как инструмент ее сбалансирования и модерации. Американский экономист М. Фратианни отмечает, что глобализация как полная (в идеале) интеграция национальных рынков вряд ли вообще осуществима в ближайшее время, и региональная интеграция как раз воплощает собой ее несовершенный аналог, который считается с целым рядом ограничительных условий и факторов, включая стоимость транспортировки, риски работы на незнакомых рынках, позицию фирм, уже господствующих на отдельных рынках и не желающих открывать их для глобальной конкуренции⁴.

Во-вторых, региональная экономическая интеграция усиливается благодаря тому, что находит более или менее четкое соответствие процессу естественной (и в этом смысле закономерной) трансформации международных отношений, которая началась еще в годы холодной войны и с возросшей интенсивностью продолжается после ее окончания. Для биполярной системы международных отношений и порождаемой ею «блоковой дисциплины» была характерна модель саморегуляции, позволявшая ограниченному числу мировых держав (сверхдержав, великих держав) контролировать поведение своих «союзников»-клиентов, разбросанных по разным частям света, избегая возникновения непреодолимых кризисов. В этом смысле биполярная система, если и не была вовсе иррелевантна регионализму, то все же отводила ему второстепенную

³ Ibid. P. 156.

⁴ *Fratianni M. Borders and Integration // Regional Economic Integration / ed. by M. Fratianni. Oxford ; Amsterdam ; San Diego, 2006. P. 12.*

роль в определении общей конфигурации международных отношений. Эрозия такого порядка и формирование регионоцентричной мультиполярности, как отмечал С. Коэн, происходили уже в разгар холодной войны как закономерный результат разрывов и зазоров, возникающих в плотной системе противостояния сверхдержав, особенно в ситуациях, когда ни одна из них не имела возможности подчинить тот или иной регион своему безраздельному влиянию. Определяющую роль в ускорении этого процесса, придании ему устойчивого характера уже с 1960–1970-х гг. как раз играл социально-экономический фактор, более конкретно — способность ряда держав «второго уровня» (то есть, говоря современным языком, региональных держав) предложить своим соседям по региону эффективную экономическую альтернативу дистанционной опеке сверхдержав и других внерегиональных сил, затрагивавшей преимущественно узкую сферу военной безопасности. В ряде регионов эта тенденция находила зримое, почти символическое выражение — например, замещение СЕАТО форматом АСЕАН⁵.

Восхождение — еще в рамках биполярной системы — новых, относительно самостоятельных от диктата сверхдержав центров силы в лице тех или иных региональных держав или объединений государств приобрело особенно интенсивный характер после окончания холодной войны. Начавшийся по ее завершении хаотичный процесс перераспределения статусов, ролей и идентичностей в отношениях между государствами резко понизил уровень стабильности и предсказуемости всей системы международных отношений. В этой связи бурное развитие региональных интеграционных процессов, как и динамическую неустойчивость их форматов, необходимо рассматривать как симптом и важнейший фактор реструктуризации постбиполярной системы международных отношений, которая в этом контексте предстает лишь как затянувшееся переходное состояние с пока еще неопределенным итогом. Эта тенденция получает и мощную политическую поддержку, поскольку регионализация на базе интеграционного сближения государств позволяет минимизировать возрастающую недетерминирован-

⁵ *Cohen S. B. A New Map of Global Geopolitical Equilibrium : A Developmental Approach // Political Geography Quarterly. 1982. July. Vol. 1, no. 3. P. 226–227.*

ность и случайность в ходе трансформации системы международных отношений, компенсировать свойственные ей избыточную плюрализацию и хаотичность посредством воссоздания в ее рамках более агрегированной и предсказуемой крупноблочной структуры⁶.

Роль региональной интеграции как универсального по диапазону своего действия фактора реструктуризации международных отношений обусловлена и тем, что ее наиболее устойчивые и жизнеспособные форматы, зарождаясь, как правило, в сфере экономики, почти повсеместно приобретают комплексный характер, эволюционируя от чисто экономических форм к многоаспектному стратегическому сотрудничеству, которое охватывает и важнейшую для внешней политики любого государства сферу безопасности. Обнаруживается теснейшее переплетение экономических аспектов интеграции и проблем обеспечения региональной и национальной безопасности: в одних случаях усиление экономической взаимозависимости интегрирующихся государств заметно снижает уровень конфликтности внутри региональных объединений, переводя разрешение существующих межгосударственных конфликтов в отложенный режим (примером чему может служить опыт АСЕАН),⁷ в других — сама экономика становится приоритетным объектом широко понимаемой политики безопасности. Уроки азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. и мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. обещают лишь усилить стремление интегрирующихся государств обеспечить за счет более емких общих рынков большую устойчивость по отношению к кризисным явлениям мировой экономики.

На уровне макроструктуры международных отношений возросшая детерминирующая роль региональной интеграции проявляется в существенном изменении соотношения между различными системообразующими измерениями мировой политики. Общая тенденция такова, что благодаря влиянию региональной интеграции прежние, во многом традиционные, в современных условиях

---

⁶ *Зубков К. И.* Региональная интеграция в системе международной безопасности // *Глобальная и региональная безопасность в XXI веке : материалы науч. конф.* Екатеринбург, 2014. С. 53.

⁷ *Колдунова Е. В.* Интеграция без конфликта или конфликт при интеграции? // *Международные процессы.* 2011. Т. 9, № 3 (27). С. 106.

все менее применимые (и еще менее легитимные) способы реализации геополитических интересов (как правило, военно-политическими средствами) постепенно сменяются богатым арсеналом «мягкой силы» — в первую очередь растущим влиянием геоэкономических блоков государств. Если это по-прежнему не ставит под сомнение способности сильнейших в военном отношении держав решающим образом влиять на международную политику, то, по крайней мере, уравнивает отчасти это влияние скоординированной экономической мощью менее крупных государств, активно участвующих в интеграции и превращающих ее в эффективный инструмент реализации политики глобального уровня. Таким образом, по мере того, как интеграция начинает определять общую структуру международных отношений, на нее возлагаются не только экономические функции. Внешние границы региональных интеграционных объединений одновременно очерчивают сферы влияния тех или иных центров силы и отстаиваемых ими на международной арене принципов хозяйствования, права и политики.

Не следует, однако, переоценивать это влияние. Региональная интеграция не ставит под сомнение роль государств как основных акторов системы международных отношений, поскольку степень консолидации позиций участников даже в таком продвинутом, институционально оформленном, приближающемся к квазигосударственному формату интеграционного объединения, как ЕС, не может пока сравниться с той, которая генерируется в политической структуре суверенного государства. Региональная интеграция может агрегировать интересы государств, обнимать их общим контуром, но она не делает их полностью тождественными.

Вместе с тем, интеграция способна существенно влиять на позиционирование отдельных групп государств в международной системе, обеспечивая им для этого дополнительные возможности и ресурсы. Опыт экономического союза Бенилюкс, одного из самых ранних в истории интеграционных проектов, может служить примером того, как благодаря региональной интеграции малые и средние государства могут получить важные экономические и политические экстерналии, заметно повышая свои роль и значение и в более широком интеграционном формате, и в системе международных от-

ношений в целом. Представляя собой небольшие государства с открытой экономикой, очень зависимой от международной торговли, Бельгия, Нидерланды и Люксембург за счет снижения издержек во внутрирегиональной торговле и расширения регионального рынка смогли усилить позиции своих производителей на мировом рынке в целом, в то время как их совокупный голос стал более весомым и с точки зрения влияния на международную политику⁸.

Унаследованный от эпохи холодной войны алгоритм поведения малых и средних государств, заключавшийся в игре на противоречиях между полюсами международной системы, во многом определяет их приверженность модели многовекторной политики. Особенно это характерно для государств, переживших кардинальную смену внешнеполитических ориентаций и еще не определивших четко свое место в международной системе нового постбиполярного мира. Однако по мере нарастания общемирового интеграционного тренда альтернативой продолжению многовекторной политики все чаще становится присоединение государств к тем или иным интеграционным объединениям.

Притягательную силу интеграционных объединений в целом определяла их экономическая успешность, но логика экономического выигрыша уже не является единственно значимым, а порой и доминирующим мотивом, заставляющим государства стремиться к вхождению в те или иные интеграционные группировки. Среди важнейших факторов интеграции можно назвать также стремление государств избавиться от экзистенциального страха стратегического одиночества, компенсировать неблагоприятные последствия избыточной хаотичности и непредсказуемости изменений в системе международных отношений — иными словами, гарантировать себе посредством интеграционных скреп достаточный уровень безопасности (во всей полноте определяющих ее параметров). С позитивной стороны как внутренние побудительные силы процессов интеграции в сфере безопасности огромную роль играют рост взаимного доверия, наличие общих ценностей, формирование коллективной идентичности (идушее часто поверх государственных гра-

---

⁸ National Politics and European Integration: From the Constitution to the Lisbon Treaty / ed. by C. M. Cheltenham. Northampton, 2010. P. 144.

ниц, через взаимное общение граждан разных стран) — факторы, возрастающее значение которых подробно раскрыто в различных конструктивистских концепциях, развивающих теорию плюралистического «сообщества безопасности» К. Дойча⁹.

Если говорить об экономической интеграции, то зачастую страны склонны искать членства в региональных объединениях не столько с расчетом на экономический выигрыш, который мог бы проистекать из их эффективного включения в систему разделения труда на том или ином региональном рынке, сколько из-за боязни потерь, которые могут последовать в результате их исключения из этих отношений¹⁰. Не менее значимым мотивом для ряда государств является стремление повысить свой международный статус и авторитет путем вхождения в те или иные интеграционные объединения, особенно в тех случаях, когда присоединение к ним отождествляется с прогрессивным цивилизационным выбором и повышением стратификационного ранга в системе международных отношений. Особенно это актуально для стран региональной периферии, присоединяющихся к более развитому ядру своего региона (например, страны ЦВЕ — к Евросоюзу, Мексика — к НАФТА, Вьетнам и Камбоджа — к АСЕАН)¹¹. Не следует исключать и влияния на интеграционный выбор популярных политико-идеологических дискурсов, благодаря которым интеграционные цели устойчиво закрепляются в сознании объединяющихся народов как символическое выражение их вековых чаяний. Так, вступление в Евросоюз в 2004 г. посткоммунистических государств Центральной и Восточной Европы расценивается как самый важный шаг на пути преодоления исторического раскола Европы, воссоединения континента, обретения им собственной идентичности и распространения демократии на всем его пространстве¹². Вся эта сложная,

⁹ Подробнее об этом см.: *Нефедова Е. В.* Теория сообщества безопасности в работах Карла Дойча и его последователей // Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер. История. 2008. № 2 (3). С. 85–92.

¹⁰ *Agnew J., Colbridge S.* Op. cit. P. 156.

¹¹ *Буторина О. В.* Понятие региональной интеграции: новые подходы // Космополис. 2005. № 3 (13). С. 142–143.

¹² *Sedelmeier U.* Europe after the Eastern Enlargement of the European Union: 2004–2014 // Heinrich Böll Stiftung [official website]. June 10, 2014. URL:

не сводящаяся только к экономике структура мотивов в разной степени определяла привлекательность европейского выбора для государств Центральной и Восточной Европы и постсоветского пространства.

Влияние этой сложной структуры мотиваций проявляется в том, что уровень развития и прогрессивная структура экономики стран-членов, призванные обеспечить однородность и нужную степень консистентности интеграционного объединения, уже не являются главными критериями для включения в него новых участников. К долгосрочным целям формирования в его рамках более или менее однородного социально-экономического пространства в краткосрочном горизонте могут присоединяться механистически понимаемые интересы геоэкономической экспансии (повышения мировой конкурентоспособности за счет расширения ресурсной базы, завоевания новых рынков и т. п.). Как зеркальное отражение этого для тех стран, которые стремятся вступить во влиятельное на международной арене и экономически сильное интеграционное объединение, привлекательность этого выбора зачастую начинает связываться не столько с возможностью за короткий срок добиться выгодного использования своих сравнительных экономических преимуществ, сколько с расчетами обрести стабильный источник структурной финансово-экономической помощи — даже ценой принятия на себя роли зависимого партнера. Так, за семилетний программный период 2007–2013 гг., совпавший по времени с мировым финансовым кризисом 2008–2009 гг. и последующей рецессией, суммарный объем субсидий, предоставленных из структурных фондов ЕС, Фонда сплочения и Европейского социального фонда 11 странам Центральной и Восточной Европы, составил 175,99 млрд евро, что в среднем обеспечило каждой из этих стран финансовые средства в объеме до 15,5 % ее ВВП¹³. Средства фондов ЕС, предназначавшиеся в странах ЦВЕ

<https://en.boell.org/en/2014/06/10/Europe-after-eastern-enlargement-european-union-2004–2014> (mode of access: 30.10.2017).

¹³ EU Funds in Central and Eastern Europe : Progress Report 2007–2014 // Doingbusiness.ro [информ.-аналитич. портал]. URL: <http://mcr.doingbusiness.ro/uploads/5582a5d18370eEU-Funds-in-Central-and-Eastern-Europe-2007–2014.pdf> (mode of access: 30.10.2017).

для проведения реструктуризации — целевого решения проблем, являвшихся серьезными факторами их отставания от стран — лидеров ЕС, в основном выполнили эту роль, хотя в процессе их освоения в ряде стран отмечалось отношение к ним скорее не как к инструменту, призванному облегчить рыночную адаптацию, а как к самостоятельной цели¹⁴. Это отчасти объяснялось низкими «абсорбционными» возможностями новых государств — членов ЕС, неясностью с выбором приоритетных сфер поддержки, недостаточной подготовленностью национальных бюрократий стран ЦВЕ для управления проектами. По этой причине в ряде «новых демократий» ЦВЕ средства фондов ЕС стали и крупным источником коррупции правящих политических элит¹⁵. Эта финансовая помощь сыграла важную роль в сокращении разрыва между «старыми» и «новыми» членами ЕС в уровне развития рыночной инфраструктуры, однако она была лишь одним из элементов «догоняющей» стратегии развития, которой придерживались государства ЦВЕ. По этой причине их нельзя считать решающим мотивом присоединения последних к ЕС. Однако и вовсе сбрасывать со счетов этот фактор в сложной структуре мотивов, определявших присоединение к ЕС, тоже не следует. Психолого-мобилизующая роль самого факта получения финансовой помощи от Евросоюза заметно возросла перед проведением национальных избирательных кампаний, оказывая влияние не только на политиков, но и на широкие слои общества¹⁶.

За первое пятилетие пребывания в составе ЕС страны ЦВЕ добились заметных успехов в устранении разрывов и структурных диспаритетов, проистекающих из разности уровней и динамики экономического развития между «старыми» и «новыми» членами ЕС, показав более высокие темпы прироста ВВП, производи-

---

¹⁴ Enlarging the European Union : Effects on the new member states and the EU / ed. by G. Avery, A. Faber, A. Schmidt. Brussels, 2009. P. 97.

¹⁵ Johnson B. EU funds 'the largest source of corruption in Central and Eastern Europe' // Acton Institute [official website]. June 01, 2017. URL: <https://acton.org/publications/transatlantic/2017/06/01/eu-funds-largest-source-corruption-central-and-eastern-europe> (mode of access: 30.10.2017).

¹⁶ Enlarging the European Union... P. 97.

тельности труда и занятости, чем у 15 «старых» членов ЕС¹⁷. Эти реальные успехи процесса *конвергенции* «старой» и «новой» Европы позволили некоторым аналитикам говорить об этом процессе как об «игре с позитивной суммой», даже несколько превысившей классические выгоды экономической интеграции, если учитывать финансовую помощь из фондов ЕС¹⁸. Этот экономический бум, однако, объяснялся в основном конъюнктурным эффектом, связанным с резким открытием доступа на рынок ЕС для стран ЦВЕ: либерализацией торговли, притоком передовых технологий и прямым иностранным инвестициям из стран Западной Европы, резким расширением внутреннего спроса благодаря доступности заемного иностранного капитала, концентрацией инвестиций на наиболее быстрорастущих секторах экономики, отчасти преимуществами ценового и социального демпинга, которыми не преминули воспользоваться «новые» члены ЕС. Финансовый кризис 2008–2009 гг., обрушив эту динамику и приведя к дефициту текущих счетов и катастрофической внешней задолженности большинства «новых» стран — членов ЕС (в особенности стран Балтии), показал, что их экономике еще присущи структурные слабости и риски, особенно в части возможностей поддерживать макрофинансовую стабильность¹⁹. Позиции «новых» стран — членов ЕС по сравнению со «старыми» существенно слабее также в технологическом уровне и конкурентоспособности продукции, возможностях создания сильных производственных компаний, способных уверенно работать на общеевропейском рынке. Природа *структурных диспаритетов*, разделяющих страны «старой» и «новой» Европы, носит, таким образом, более глубокий и сложный характер, чем это представлялось ранее.

---

¹⁷ Five Years of an Enlarged EU : Economic Achievements and Challenges (provisional version) // European Commission // European Economy [official website]. 2009. No. 1. URL: http://ec.europa.eu/economy_finance/publications/pages/publication14078_en.pdf (mode of access: 30.10.2017).

¹⁸ Five Years of an Enlarged EU: A Positive Sum Game. Heidelberg ; Dordrecht ; L. ; N. Y., 2009. P. 3.

¹⁹ Darvas Z. Assistance to Emerging Europe. Febr. 23, 2010 // VOX CERP's Policy [web-portal]. URL: <http://voxeu.org/article/assistance-central-and-eastern-europe> (mode of access: 30.10.2017).

Посткризисный период обнаружил не только незавершенность процесса конвергенции между «старыми» и «новыми» членами ЕС, но и породил по ряду направлений интеграции совершенно противоположные реакции на последствия «восточного» расширения 2004 г. В странах «старой» Европы это выразилось в многоплановом синдроме «усталости от расширения», который связан как с необходимостью продолжать нести бремя финансовой поддержки «новых» стран-членов (при наличии других претендентов на нее из числа наиболее экономически слабых стран Западной Европы — Португалии, Ирландии, Греции), так и с рядом других дестабилизирующих последствий расширения (избыточная миграция рабочей силы с востока Европы, проблемы квотирования сельскохозяйственной продукции, обостряемая демпингом конкуренция на рынках и т. п.). На востоке ЕС, напротив, более частыми становятся сетования на недостаточность регулирующей финансовой поддержки для «новых» стран-членов, институциональное доминирование «старой» Европы при принятии важнейших экономических и политических решений. Кроме того, несмотря на то, что руководящие органы ЕС довольно последовательно придерживались курса на всемерную помощь «новым» странам-членам, позволяющую им быстрее пройти фазу адаптации к новым условиям социально-экономического развития, этот процесс вызвал в странах ЦВЕ целый ряд структурных проблем, связанных с быстрой деградацией и утратой под воздействием конкуренции ряда традиционных секторов экономики, ослаблением позиций национального бизнеса на фоне доминирования компаний и фирм, представляющих страны «старой» Европы, прежде всего Германию. Хотя для вступивших в ЕС стран ЦВЕ баланс экономических выгод и утрат оказался в целом положительным, и негативные структурные последствия интеграции для их национальных экономик с лихвой перекрываются этим эффектом, общая картина выглядит не настолько благоприятной, если оценивать ее не с позиций возрастания экономической и политической мощи интеграционного целого, а с более узкой национально-политической точки зрения. Приход к власти в ряде стран ЦВЕ консервативно-националистических партий (ФИДЕС в Венгрии в 2010 г., «Право и справедливость» в Польше в 2015 г.) имел среди

прочих причин глубокую экономическую подоплеку — недовольство той моделью распределения экономических ролей (а, соответственно, и выгод от интеграции), которую реализует, пользуясь своим экономическим, а фактически и институциональным доминированием в ЕС, «локомотив» и лидер союза — Германия.

В той же мере, в какой сохраняющаяся экономическая «периферийность» стран ЦВЕ подкреплялась неформальным институциональным доминированием стран «старой» Европы (прежде всего Германии), эти структурно-экономические противоречия приобретали политическое и даже геополитическое звучание, выливаясь в открытое недовольство стран ЦВЕ своей миноритарной, зависимой ролью в ЕС. Усиление противоречий в отношениях между «старой» и «новой» Европой на почве структурно-экономических последствий интеграции не только провоцировало с обеих сторон настроения евроскептицизма, но и поставило в повестку дня признание факта дивергенции между двумя группами стран и реальности модели «двухскоростной» интеграции.

Дальнейшей политизации противоречий между «старыми» и «новыми» странами объединенной Европы в сильнейшей степени способствовал миграционный кризис 2015–2016 гг., который обозначил довольно резкий водораздел между Западной Европой и странами ЦВЕ не только относительно их экономических возможностей принять, обустроить и адаптировать массы прибывающих иммигрантов с Ближнего Востока, но и на уровне ценностей, а именно в плане культурно-психологической готовности населения отдельных стран ЕС придерживаться толерантных принципов в отношении мигрантов. Недовольство стран ЦВЕ миграционной политикой Евросоюза вылилось в более серьезную критику системных изъянов в его политическом механизме — того, что в институционально-правовых рамках ЕС при принятии важнейших решений игнорируется суверенное право демократически избранных национальных правительств самим определять политику в тех областях, которые непосредственно связаны с обеспечением безопасности своих граждан²⁰.

²⁰ Na kontynencie rośnie frustracja i rozczarowanie europejskim projektem // Kresy24.pl, 3 października 2017 [web-portal]. URL: <https://kresy24.pl/na-kontynencie-rosnie-frustracja-i-rozczarowanie-europejskim-projektem/> (mode of access: 30.10.2017).

Фактически миграционный кризис в ЕС послужил спусковым механизмом для консолидации стран ЦВЕ в их стремлении восстановить национальную независимость и суверенитет в целом ряде областей регулирования, в том числе зарезервировать за собой право не исполнять общие решения ЕС, которые идут вразрез с позицией граждан той или иной страны. Если же говорить шире, то налицо стремление «новых» стран-членов поставить под сомнение целесообразность курса на углубление интеграции путем дальнейшего расширения прерогатив общего права ЕС и сокращения юрисдикции национальных правительств в ряде вопросов, особенно чувствительных для молодых демократий ЦВЕ. Впечатляющая активность и лидерская роль польской дипломатии в создании субрегиональных объединений на востоке Европы (попытки реанимации программ Восточного партнерства и возрождения активности Вышеградской группы, проекты «Междуморья» и «Троеморья») — в большей степени под патронатом США и НАТО, чем собственно стран «старой» Европы», — говорят о довольно далеко зашедшем процессе дивергенции между востоком и западом Европы в определении перспектив развития Евросоюза²¹.

Это особенно наглядно видно на фоне того, что страны «старой» Европы стремятся реагировать на кризис в ЕС в совершенно противоположном направлении, предлагая для его оживления преимущественно экономический путь углубления интеграции, основанный на дальнейшей либерализации торговли, борьбе со всеми видами протекционизма, новых шагах в области налоговой и правовой унификации, повышении бюджетно-финансовой дисциплины в еврозоне (вплоть до бюджетной унификации), что фактически делает весьма реальным переход к модели «двускоростной» интеграции и известное обособление двух групп государств — членов ЕС. Симптоматично, что намечаемый план по преодолению кризиса предлагается осуществлять не под анонимным покровом общей политики органов ЕС, то есть фактически брюссельской

---

²¹ *Michalek M.* Wielki plan małych państw : Jak Trójmorze wzmocni lub podzieli Unię // TVN24 [web-portal]. URL: <https://www.tvn24.pl/magazyn-tvn24/wielki-plan-malych-panstw-jak-trojmorze-wzmocni-lub-podzieli-unie,106,1968> (mode of access: 30.10.2017).

бюрократии, а с субрегиональной опорой на инициативу ведущих стран «старой» Европы, прежде всего через возрождение франко-германской оси сотрудничества (план Э. Макрона — А. Меркель)²².

Опыт ЕС как наиболее передового и институционально оформленного интеграционного объединения убеждает в том, что процесс интеграции не элиминирует и не подменяет политической роли национальных государств как акторов международных отношений, но скорее переводит ее в другой план, порождая в целом более сложную многоуровневую архитектуру этих отношений. Наднациональные институты интеграционных объединений, обретая международную субъектность через консолидированную волю объединяющихся государств, сами остаются с точки зрения внутренней социально-экономической, политической и гуманитарной гармонизации в сильнейшей и постоянной зависимости от политики «национальных предпочтений», которой руководствуются суверенные государства, вступая на путь интеграции. С этой точки зрения наиболее адекватной, соответствующей реалиям моделью объяснения динамики интеграционных отношений является разработанный на примере ЕС либеральный межправительственный подход Э. Моравчика, который подчеркивает сохраняющуюся за национальными государствами ключевую роль в процессе интеграции. Согласно этой теории, каждый новый шаг по пути интеграции проходит через серию межправительственных сделок, в процессе которых устанавливается та или иная форма наднациональной институциональной координации, иногда достигающая функциональной завершенности, иногда оставляющая зазоры для разных трактовок и игры интересов. Реализуемые в процессе интеграции национальные интересы государств, в свою очередь, рационализируются как результирующий итог позитивного баланса выгод и потерь, с которыми связано вступление каждого из них в интеграционное объединение. Этот баланс, или система нацио-

---

²² *Dempsey J.* Macron Shapes Old and New Europe // Carnegie Europe [official website]. URL: <http://carnegieeurope.eu/strategieurope/71292> (mode of access: 30.10.2017); *Macron's Ideas Can Bolster Franco-German Axis — Merkel* // The New York Times [official website]. Sept. 28, 2017. URL: <https://www.nytimes.com/reuters/2017/09/28/world/Europe/28reuters-eu-summit-merkel.html> (mode of access: 30.10.2017).

нальных предпочтений, определяется, как правило, социетальным давлением гражданских обществ внутри государства и его стратегическим окружением извне²³.

Это вовсе не исключает и даже предполагает возможность возникновения противоречий между государствами внутри самих интеграционных объединений, в частности, по причине дисбаланса различных функциональных направлений интеграции, разной степени готовности государств принимать те или иные формы координации общей политики. В этих противоречиях следует видеть источник возникновения диспаритета экономических выгод, а, следовательно, и кристаллизации различных групп интересов внутри региональных интеграционных объединений и, как следствие, даже образования субрегиональных группировок, также стремящихся стать более или менее самостоятельными акторами международной политики. Это существенно усложняет внутреннюю композицию интеграционных объединений, не позволяя считать нынешнюю форму законченной, оптимальной и стабильной. Справедливое распределение выгод и преимуществ интеграции между странами-членами является сегодня критической проблемой практически для всех существующих интеграционных объединений. Формальное равенство стран-членов и демократические процедуры принятия решений в рамках интеграционных объединений лишь отчасти способны компенсировать возникающие диспаритеты. Все это создает серьезную почву не только для пролонгации динамических процессов реструктуризации международных отношений, но и для более широкого вторжения в процессы региональной интеграции геополитических мотивов и расчетов.

На современном этапе региональная интеграция, тем не менее, сталкивается и с рядом других серьезных противоречий и препятствий, источник которых лежит уже за пределами их внешнего периметра. Это в еще большей степени провоцирует все более глубокое вмешательство политических факторов в эти процессы. Это вмешательство обнаруживается на всех уровнях функциони-

---

²³ См.: *Moravcsik A. Preferences and Power in the European Community : A Liberal Intergovernmentalist Approach // J. of Common Market Studies. 1993. Dec. Vol. 31, no. 4. P. 473–524.*

рования региональных экономических группировок. Характерной чертой современных интеграционных процессов становится их отчетливая политизация — точнее говоря, геополитизация.

Особенностью современного этапа является то, что поступательное, относительно плавное нарастание интеграционных процессов, служившее до сих пор признаком синхронно охватывающей разные зоны мира экономической глобализации, сменяется заметно обострившейся конкуренцией и конфликтно трактуемой несовместимостью различных интеграционных проектов. Это во многом связано с тем, что крупнейшие из этих проектов по мере расширения своих перспективных горизонтов с неизбежностью приобретают характер фактора уже не региональной, но мировой политики, проецируя свои долгосрочные интересы на будущие пропорции распределения экономической мощи в глобальном масштабе.

Наглядной иллюстрацией этого несовпадения и конфликта интеграционных форматов могут служить взаимоотношения ЕС и развивающихся структур евразийской интеграции. Со стороны ЕС длительное время наблюдалось полное игнорирование всех существующих на постсоветском пространстве интеграционных форматов (не только Таможенного союза, но даже СНГ) — и не только как рецидива возрождения «советской империи». В рамках перспективы создания «большой Европы», по крайней мере, шесть постсоветских государств (Украина, Молдавия, Азербайджан, Армения, Грузия, Белоруссия) рассматривались ЕС исключительно в орбите своих перспективных экономических интересов. В однозначности и надежности такой перспективы убеждали и то огромное влияние, которое европейские ориентиры имеют в системе многовекторной внешней политики постсоветских государств, и доминирование ЕС в торгово-экономических связях с этими государствами. Целый арсенал инструментов, разработанный для этой группы постсоветских государств (от договоров об ассоциации с ЕС до программы Восточного партнерства), не открывая им перспектив вступления в ЕС, одновременно был нацелен на то, чтобы исключить их участие в институтах евразийской интеграции. Внутренние

трудности ЕС, переключение внимания европейских политиков на преодоление последствий мирового экономического кризиса и начавшиеся в 2013 г. переговоры с США о создании Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП) на фоне интенсификации процессов евразийской интеграции на время создали, по мнению экспертов, определенное «окно возможностей» для начала диалога между ЕС и институтами евразийской интеграции (Таможенный союз, ЕЭП) — как минимум, о взаимном признании интересов на постсоветском пространстве. Как примирительный жест со стороны Российской Федерации в октябре 2013 г. даже последовало предложение строить в духе «открытого» регионализма, на базе постепенного согласования интеграционных форматов ЕС и будущего ЕАЭС глобальную зону свободной торговли от Лиссабона до Владивостока²⁴. Однако дальнейшие события — в частности, государственный переворот на Украине в феврале 2014 г. — перечеркнули эти надежды и вновь перевели проблему согласования интеграционных форматов в режим жесткой и практически взаимоисключающей конфронтации.

Подобные проблемы, как можно ожидать, со временем — по мере того, как интеграционные проекты стремятся обрести глобальный размах — будут только нарастать, при этом не исключено и возникновение на этой почве если не конфликтов, то, по крайней мере, острых споров и трений даже между стратегическими партнерами. Серьезные споры велись, например, по вопросу создания Трансатлантического партнерства: признавая очевидные, лежащие на поверхности и уже хорошо просчитанные плюсы интеграции ЕС и НАФТА, критики этой инициативы отмечали возможность усиления противоречий на более глубинном уровне — между возрастающими в случае реализации проекта возможностями крупного корпоративного (прежде всего американского) бизнеса и принципами социально-либеральной модели экономики, харак-

---

²⁴ Стрежнева М. Евразийская интеграция в контексте партнерства России — ЕС // Российский совет по международным делам [официальный сайт]. 2013. 15 марта. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=15468active_id_11=53#top (дата обращения: 30.10.2017).

терной для ЕС²⁵. Далеко не безоблачным видится взаимодействие России и Китая как стратегических партнеров в их отношении к интеграционным процессам в Евразии. Если Китай стремится усилить экономическое измерение в деятельности ШОС вплоть до создания в его рамках зоны свободной торговли (такое предложение поступило от Китая на саммите организации в Пекине в 2012 г.), то Россия обоснованно усматривает в такой перспективе угрозу своему экономическому присутствию в Центральной Азии, и прежде всего существующему формату евразийской экономической интеграции²⁶.

При этом, оценивая воздействие региональной интеграции на структуру международных отношений, надо иметь в виду еще несколько важных обстоятельств. Нарастающая комплексность политики интеграции, при которой каждое ее функциональное направление в конечном итоге оказывается связано с общей стратегией того или иного регионального объединения, создает гораздо больше препятствий согласованию позиций между региональными блоками (особенно объективно находящимися в состоянии конкуренции) и достижению консенсуса по общемировым проблемам, чем при односторонних, функционально ограниченных формах интеграции, когда принципиальное расхождение позиций региональных группировок по какому-то одному функциональному направлению может быть отчасти компенсировано тесным взаимодействием на другом. По мнению ряда авторов, международная система, которая опирается на «крупноблочную» структуру, состоящую из региональных интеграционных объединений, является ожидаемо более предсказуемой и удобной для глобального управления, поскольку даже теоретически система международных отношений с меньшим числом полюсов легче может быть приведена к балансу сил. Однако одновременно более вероятными и резко выраженными

---

²⁵ Longman N. The Pros and Cons of TTIP // Business Rev. Europe [official website]. 2015. 15 Aug. URL: <http://www.businessrevieweurope.eu/leadership/569/The-Prosand-Cons-of-TTIP> (mode of access: 30.10.2017).

²⁶ ШОС: противоречия или консолидация? // Region.kg. URL: http://www.region.kg/index.php?option=com_content&view=article&id=571:2012-07-30-04-55-52&catid=4:politika&Itemid=5 (дата обращения: 30.10.2017).

становятся и «разрывы» в международной системе, вызванные ростом силы и влияния региональных блоков²⁷. Линии этих разрывов возникают прежде всего там, где региональные группировки непосредственно граничат друг с другом. Это связано не только с тем, что основные векторы межгосударственного взаимодействия в рамках каждой региональной группировки направлены преимущественно внутрь, но и с тем, что, вступая в региональную интеграционную группировку, каждое из государств с необходимостью подчиняет себя ее общим принципам и той дисциплине поведения на внешнеполитической арене, которая из них вытекает. В этих условиях могут быстро терять значение прежние исторически традиционные межгосударственные (экономические, культурные и др.) связи с теми соседними государствами-партнерами, которые остаются за пределами данной региональной группировки. Иллюстрацией такого разрыва могут служить последствия украинского кризиса 2014 г. для российско-украинских отношений. Устранению этих разрывов в международной системе не всегда способствуют даже мощные универсальные тренды (например, экономическая глобализация), которые также с неизбежностью сегментируются, с большим успехом достигая транснациональных эффектов в рамках региональных объединений, чем на глобальном уровне.

***

Рассмотренные выше противоречивые тенденции, сопровождающие развитие региональной интеграции, говорят о том, что этот охватывающий глобальную сцену и набирающий силу процесс становится важным фактором перестройки всей системы международных отношений. Последняя не только весьма непросто проходит стадию этой реструктуризации, но и испытывает серьезные напряжения в связи с тем, что и сама региональная интеграция зачастую не избавлена от инерции прошлого — от того опасного крена, который ведет к превращению интеграционных объединений в обновленное орудие утверждения старых отношений политической зависимости, закрепления традиционных сфер

²⁷ Braillard Ph., Djalili M.-R. Les relations internationales. 7e éd. mise à jour. Paris, 2004. P. 88.

влияния региональных держав-гегемонов, возведения новых границ и барьеров на пути экономического сотрудничества. То, что сегодня эти проблемы остро осознаются и подвергаются анализу, свидетельствует о том, что региональная интеграция находится на критическом, переломном этапе своего развития.

Глава 5

Теории международных отношений о роли интеграционных проектов в новом мировом порядке (на примере БРИКС)¹

БРИКС как новый феномен мировой политики привлекает к себе внимание не только с практически-политической стороны как востребованный и быстро развивающийся институт, но и с концептуальной точки зрения. Теоретическая рефлексия помогает избежать известной ограниченности чисто эмпирического подхода в понимании того, как объяснить природу, механизмы и перспективы эволюции БРИКС. Что возникает на наших глазах — очередной институт межгосударственного взаимодействия, вполне вписывающийся в ряд уже существующих, или это принципиально иная модель отношений, которая способна серьезно поменять тенденции мировой политики? Что движет политикой государств, входящих в БРИКС? Способен ли БРИКС стать альтернативой доминированию западных держав, которое оформлено в систему международных институтов и союзов? Обеспечит ли этот институт принципиально новые условия для развития международного сотрудничества в противовес силовому давлению? Можно ли считать БРИКС новым механизмом глобального управления, или это не более чем временное межгосударственное объединение? Современные теории международных отношений предлагают несколько подходов к объяснению феномена БРИКС.

---

¹ Работа выполнена в рамках проекта, поддержанного Санкт-Петербургским государственным университетом (ИАС 17.37.226.2016).

Теория изменения соотношения сил

Среди западных экспертов наибольшей популярностью пользуется *теория изменения соотношения сил* (power transition theory, ТИСС), впервые предложенная А. Органски². ТИСС, развиваемая в рамках парадигмы неореализма, исходит из допущения о том, что соотношение сил в мировой политике меняется постоянно. Эта теория считает возникновение конфликтов и войн результатом роста влияния государств, конкурирующих с доминирующими державами. В этом плане все государства делятся на сторонников «статус-кво» и «ревизионистов». Мощные и влиятельные государства, такие как США, пользуются преимуществами установленного мирового порядка и попадают в категорию «статус-кво», а государства, недовольные своим местом и ролью в международных отношениях, становятся «ревизионистами». Именно они склонны к радикальному изменению существующего международного порядка на иных условиях. И здесь в фокусе внимания оказываются прежде всего Россия и КНР.

Согласно ТИСС, современная «путинская» Россия является типичным «ревизионистским» государством. Эксперты американского консервативного фонда «Наследие» усматривают в этой связи несколько проблем, которые создает Россия для США и их союзников. По их мнению, режим В. В. Путина порождает вызов демократическим ценностям, что проявляется в сочетании неуважения к политическим, гражданским и экономическим правам граждан и слабой экономики. Восстановление военной мощи, политического и дипломатического влияния создает стратегический вызов Западу и его союзникам. В частности, растет угроза дружественным США государствам — Украине, Грузии, Польше, странам Балтии, Финляндии, Швеции. Наконец, проблему создает сотрудничество России со странами-«изгоями», включая Сирию, Иран, Северную Корею³. Аналогичные оценки даются политике КНР⁴.

² Organski A. F. K. World Politics. N. Y., 1958.

³ US Comprehensive Strategy Toward Russia / ed. J. Carafano. Washington, 2015. P. 1. URL: <http://thf-reports.s3.amazonaws.com2015/SR173.pdf> (mode of access: 12.08.2017).

⁴ Cheng D. China: Ready to Assume a Leadership Role? 2016 // The Heritage Foundation [official website]. URL: <http://www.heritage.org/research/commentary/2016/3/china-ready-to-assume-a-leadership-role> (mode of access: 12.08.2017).

Если «ревизионисты» рассматриваются как источник дестабилизации мирового порядка, и в этом смысле их роль ассоциируется с негативными последствиями, то действия доминирующих (статус-кво) государств рассматриваются как позитивные, поскольку они выполняют охранительные системные функции. Поэтому такие случаи, как военная интервенция НАТО в Косово и фактический раздел Югославии, проект ЕвроПРО, расширение НАТО на восток, спонсирование «цветных революций» на постсоветском пространстве, военная помощь Тайваню со стороны США, демонстративное введение Вашингтоном принципа свободного мореплавания в Южно-Китайском море не считаются угрозами для России или КНР⁵.

Среди представителей ТИСС источники «ревизионистского» поведения оцениваются по-разному. Более умеренные считают таковыми неудачи в построении демократии внутри России и КНР, которые не дают им полноценно интегрироваться в международную экономику и глобальные институты управления⁶. Более радикальная точка зрения сводится к рассуждениям о принципиальной неспособности этих стран к интеграции с Западом, например, в силу исторически сложившихся тенденций развития России и Китая⁷.

Не случайно, что и политика государств, входящих в БРИКС, оценивается по-разному. Часть экспертов склонна видеть БРИКС в качестве инструмента, позволяющего некоторым его участникам закрепить статус великих держав и противостоять западным институтам на региональном и глобальном уровне. Большинство все же по-разному оценивают роль России и КНР: если Китай находится на подъеме, то Россия — на стадии упадка из-за экономических проблем. В качестве ответных мер предлагаются различные варианты политики сдерживания.

Однако не все представители ТИСС видят в России и Китае «ревизионистов». Согласно этой точке зрения, даже политика

---

⁵ US Comprehensive Strategy Toward Russia. P. 3.

⁶ A Rude Awakening: Ramifications of Russian Aggression Towards Ukraine / eds. N. Granholm, J. Malminen, G. Persson. Stockholm, 2014. P. 10, 26–29.

⁷ US Comprehensive Strategy Toward Russia. P. 3.

В. В. Путина в отношении Украины рассматривается как политика «статус-кво», направленная на сохранение российского влияния на постсоветском пространстве в противовес расширению НАТО⁸. Аналогичная ситуация складывается и на глобальном уровне, где Россия и КНР скептически относятся к идее реформы ООН. Правда, некоторые другие участники БРИКС (Бразилия и Индия), наоборот, заинтересованы в реформе, надеясь повысить свой статус в Совете Безопасности.

Сторонники тезиса о «статус-кво» считают, что проблема заключается в том, что страны БРИКС не удалось включить в качестве равных партнеров в систему международной безопасности, которая формируется после окончания холодной войны. Так, в ряде случаев Запад пересек «красные линии», которые были обозначены Россией на постсоветском пространстве. Ясным сигналом такого рода стало, например, вмешательство России в грузино-южноосетинский конфликт в августе 2008 г. Другой случай — украинский кризис, длящийся поныне. Когда после свержения режима В. Януковича новые киевские власти явно высказались за вступление в ЕС и НАТО, Москва вернула Крым в состав России и оказала помощь жителям Донбасса.

За этой политикой стоят не только геополитические, но и геоэкономические интересы России, связанные с ее проектом интеграции на постсоветском пространстве, который конкурирует с планами евроинтеграции через программу «Восточное партнерство»⁹. Сторонникам этой точки зрения перспектива видится в налаживании сотрудничества с Россией, а не в конфронтации с ней. Аналогичный подход предлагается и в отношении Китая.

---

⁸ Charap S., Shapiro J. A New European Security Order : The Ukraine Crisis and the Missing Post-Cold War Bargain. Paris, 2014 ; Charap. S., Shapiro J. How to Avoid a New Cold War // Current History. 2014. Vol. 113, no 765. P. 265–271 ; Kuhn U. Understanding Russia // Russian Analytical Digest. 2015. № 162. Febr. 10. P. 5–8.

⁹ Collins J. Daunting Challenges and Glimmers of Hope in Ukraine // Carnegie Endowment for International Peace [official website]. 2015. P. 3. URL: <http://carnegieendowment.org/2015/11/20/dauntingchallengesandglimmersofhopeinukraine/im6s> (mode of access: 12.08.2017) ; Sergunin A. Bridging a (mis)perceptual gap: the EU's Eastern Partnership and Russian policies in the Trans-Caucasus // Bilge Strateji. 2013. Vol. 5, № 8. P. 24–25.

Несмотря на ряд достоинств, ТИСС имеет немало недостатков. Эта теория более применима к периоду холодной войны, когда две супердержавы были заинтересованы в поддержании статус-кво из-за угрозы взаимного уничтожения в случае войны. Современная система находится лишь в стадии формирования новой структуры и условий стабильности. В этих обстоятельствах ТИСС мало что может объяснить в поведении государств, входящих в БРИКС. ТИСС не учитывает существование государств третьего типа — реформистского, которые не во всем согласны с мировым устройством, но предпочитают не менять радикально «правила игры», а приспособить их к изменившимся условиям. Страны БРИКС ближе как раз к этому типу политического поведения, что видно хотя бы по их совместным усилиям по созданию альтернативных финансовых институтов, которые бы способствовали недопущению нового мирового финансово-экономического кризиса¹⁰. В целом страны БРИКС показывают стремление построить более эффективные модели миропорядка по сравнению с западными, причем делают это на неконфронтационной основе¹¹. Таким образом, дополнение ТИСС новым («реформистским») типом государств сделало бы ее более отвечающей современным реалиям.

Теория мирного сосуществования

Одной из отличительных черт политики России, Индии и Китая долгое время была и остается идея мирного сосуществования. Ее в разных версиях разрабатывали представители неолиберализма, глобализма, неореализма. В России она появляется еще в первые годы существования советского государства, попавшего во враждебное капиталистическое окружение. Мирное сосуществование не отменяло конфронтации, но, попав в изоляцию, советское руководство во главе с В. И. Лениным предпочло перевести непримиримый конфликт с Западом из военной в иные формы соперничества. В ле-

---

¹⁰ Михайленко Е. Б. Альтернативный регионализм БРИКС // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 3, Общественные науки. 2016. Т. 11. № 3. С. 194–206 ; Russia Says BRICS Development Bank Ready to Launch // The Moscow Times [official website]. 9.07.2014. URL: <http://www.themoscowtimes.com/business/article/russia-saysbrics-development-bank-ready-to-launch/503183.html> (mode of access: 12.08.2017).

¹¹ Там же.

нинской интерпретации избегание вооруженной борьбы вовсе не означало мира с враждебным по определению лагерем капитализма. Наоборот, он рассматривал мирное сосуществование как перевод войны в иные формы соперничества, прежде всего по линии экономического соревнования, которое должно было обеспечить преимущество социалистической модели общественного развития¹².

В СССР эта концепция оставалась востребованной после Второй мировой войны вплоть до перестройки М. С. Горбачева, когда ей была придана новая конфигурация. Однако с окончанием холодной войны интерес к этой теме угас на фоне несбывшихся надежд российских элит войти на равных в международные институты, а термин исчез из доктринальных документов.

Китай, который никогда не отказывался от концепции мирного сосуществования, после операции НАТО в Косово в 1999 г. поставил ее в ряд основополагающих принципов, которыми необходимо руководствоваться в международной политике: уважение суверенитета и территориальной целостности, невмешательство во внутренние дела, равенство, ведущая роль ООН как универсальной международной организации¹³. Китай противопоставил принцип мирного сосуществования американскому «неоинтервенционизму». В Индии идея мирного сосуществования претерпела некоторые изменения, приобретая форму концепции *Vasudhaiva Kutumbakam* («Весь мир как одна семья»), где нет места гегемонии¹⁴.

Доктринальные документы Бразилии в сфере внешней политики формально не упоминают мирное сосуществование с 1960-х гг., однако политическая практика государства ей вполне соответствовала. Это установление двустороннего сотрудничества независимо от политического и экономического режима государства-партнера, уважение суверенитета, развитие многостороннего сотрудничества¹⁵.

¹² Ленин В. И. Собрание актива московской организации РКП(б). 6 дек. 1920 г. Доклад о концессиях // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1970. С. 78.

¹³ Строительство нового мирового порядка // Рос. газ. [официальный сайт]. 1999. 4 сент. URL: <http://www.rg.ru/prilog/es/0904/1.htm> (дата обращения: 12.08.2017).

¹⁴ The BRICS and Coexistence : An Alternative Vision of World Order / eds. C. de Coning, T. Mandrup, L. Odgaard. Abingdon, 2014. P. 115–124.

¹⁵ Ibid. P. 49–74.

В Южно-Африканской Республике принцип мирного сосуществования в виде концепции *Ubuntu* был официально зафиксирован в «Белой книге» по внешней политике 2011 г., где он определяется как «уважение ко всем государствам, народам и культурам», а национальная безопасность включает безопасность личности как приоритетную цель¹⁶.

Внимание стран БРИКС к концепции мирного сосуществования можно объяснить объективными обстоятельствами. С определенного момента эти государства перестала устраивать прежняя система отношений с Западом, которая оказалась нежизнеспособной. Так, Россия столкнулась с провалом идеи «всеобъемлющей безопасности» (М. С. Горбачев), с ролью «младшего партнера» Запада (Б. Н. Ельцин), а затем с неэффективностью стратегического партнерства с США (первые два президентства В. В. Путина и период администрации Д. А. Медведева). Запад не считался с региональными и глобальными интересами стран БРИКС, довольно жестко критиковал их за «авторитаризм», дефицит демократии и неуважение прав человека. Подобная политика Запада подтолкнула не только страны БРИКС, но и другие государства, не желающие принимать диктат «золотого миллиарда», к осознанию того факта, что они предпочитают другие модели общественного развития. Единственным принципом, на котором можно и нужно строить отношения между государствами разного типа, является концепция мирного сосуществования.

Конечно, в современных условиях концепция мирного сосуществования имеет иное содержание, чем в годы холодной войны, поскольку не стало непримиримого соперничества социально-политических систем. Страны БРИКС не стремятся нанести поражение мировой капиталистической системе, как это было со странами социалистического лагеря в прошлом. Они хотят всего лишь интеграции в мировое хозяйство и системы глобального управления на равноправной основе. В геополитическом плане Россия утратила статус супердержавы и не может претендовать на прежний уровень соперничества, а другие страны БРИКС и вовсе избегают глобальной конфронтации с США.

¹⁶ Цит. по: Ibid. P. 150–151.

Современную трактовку идеи мирного сосуществования, характерную для стран БРИКС, можно свести к следующим положениям:

- страны с различными экономическими и социально-политическими системами могут мирно сосуществовать;
- доминирование одной или нескольких стран в мировой политике неприемлемо;
- предпочтение должно отдаваться инструментам «мягкой силы», а военная сила должна быть лишь крайним средством;
- странам-членам объединения необходимо быть готовыми к сотрудничеству с международными политическими и экономическими структурами, созданными Западом, даже несмотря на сохраняющиеся противоречия с ними.

Концепция мирного сосуществования пока не вошла в постоянный политический лексикон стран БРИКС (за исключением КНР). Отчасти это объясняется аллергией на марксистско-ленинскую терминологию. Но в той или иной форме эта концепция присутствует в их внешнеполитическом арсенале.

Концепция «мягкой силы»

Неолиберальная концепция «мягкой силы» востребована в странах БРИКС, с одной стороны, для того, чтобы преодолеть негативный образ, который возник на Западе. С другой стороны, она помогает сделать более эффективными методы геополитической и геоэкономической экспансии.

В странах БРИКС «мягкая сила» трактуется по-разному, не всегда совпадая с тем содержанием, которое вкладывал ее автор Дж. Най. Если он подчеркивал, что в основе «мягкой силы» лежит привлекательность тех или иных государств для других участников международных отношений, то в реальной политике России и Китая чаще доминирует сугубо прагматический интерес, не учитывающий предпочтения партнеров. По мнению Дж. Найа, это вызывает не просто неприятие, но и враждебность в отношении инициатив по линии «мягкой силы»¹⁷.

---

¹⁷ Nye J. What China and Russia Don't Get About Soft Power. 2013 // Foreign Policy [official website]. URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2013/04/29/what_china_and_russia_don_t_get_about_soft_power (mode of access: 12.08.2017).

Власти России и Китая рассматривают «мягкую силу» лишь как вспомогательный инструмент в политике по защите национальных интересов, в то время как многие эксперты справедливо усматривают в этой концепции более широкое прочтение безопасности. Оно состоит во включении в понятие безопасности невоенной составляющей, а также в большей мере опирается на сотрудничество в отношениях с партнерами¹⁸.

Следует отметить ряд особенностей в интерпретации странами БРИКС концепции «мягкой силы». Прежде всего этот термин используется как зонтичный, объединяя такие близкие по употреблению термины, как «публичная дипломатия», «народная дипломатия», «гуманитарное измерение политики», «НГО-дипломатия». Среди инструментов «мягкой силы» предпочтения отдаются финансовым рычагам (особенно КНР), культурным связям и этническим диаспорам, системам образования и церкви. Страны БРИКС создали специализированные учреждения для реализации политики «мягкой силы» (КНР — Институты Конфуция, Россия — Россотрудничество, фонд «Русский мир»).

При этом политика «мягкой силы» в большой степени контролируется и направляется государством, что в известной мере лишает ее гибкости. По мнению Дж. Ная¹⁹, Россия и КНР совершают ошибку, недооценивая важность гражданской инициативы, в то время как в США источником «мягкой силы» выступает не государство, а университеты, кинематограф, поп-культура. Государству следует не ограничивать институты гражданского общества, а усиливать эффект от их работы.

В целом страны БРИКС идут достаточно самостоятельным путем в использовании «мягкой силы», не стараясь копировать за-

---

¹⁸ Гронская Н. Э., Макарычев А. С. Идея империи и «мягкая сила»: мировой опыт и российские перспективы // Вопросы управления. 2010. № 10. С. 22–27; Цыганков А. Всесильно, потому что верно? // Россия в глобальной политике [официальный сайт]. 2013. Дек. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Vsesilno-ibo-verno-16251> (дата обращения: 12.08.2017); Sergunin A., Karabeshkin L. Understanding Russia's Soft Power Strategy // Politics. 2015. Vol. 35. № 3–4. P. 347–363; Tsyganov A. Moscow's Soft Power Strategy // Current History. 2013. Vol. 112. № 756. P. 259–264.

¹⁹ Nye J. Op. cit.

падный опыт и отойдя от трактовки концепции по Дж. Наю. В их практике пока преобладает подход инструменталистский, прагматический, ориентированный на важные государственные политические цели. Правда, как в доктринальных документах этих государств, так и в академической среде не выработано четкого терминологического аппарата, что в конечном счете негативно сказывается на концептуальной проработке и эффективности этого инструмента. В то же время страны БРИКС обладают достаточно мощным потенциалом «мягкой силы», который способен значительно усилить политику в традиционных сферах влияния, особенно если удастся достичь привлекательности этой политики по Дж. Наю.

Статусные теории

Статусные теории оказываются особенно полезными для тех случаев, когда политика стран БРИКС оценивается партнерами как «эмоциональная», «иррациональная» и «непредсказуемая» и когда она не вписывается в теории, построенные по принципу рационализма, к которым относятся ТИСС, а также концепции мирного сосуществования и «мягкой силы». Статусные теории обращаются к мотивам политики, связанным с самооценкой, репутацией, честью и достоинством, славой, симпатиями и другими эмоционально-психологическими категориями, которые вносят элемент хаоса в политическое поведение лидеров и общественных групп. Первые работы, в которых связывались конфликт и недооценка статуса государства, появились в конце 1960-х гг.²⁰

Возврат к теме статуса наблюдается с 2000-х гг., когда к ней обратились представители разных теоретических парадигм. Такие школы, как неореализм и неолиберализм, в основном фокусировались на интересах выживания и экономической целесообразности, считая статус производной от военной и экономической мощи. Для постпозитивистских школ статус также не был важной

---

²⁰ *Midlarsky M.* Status Inconsistency and the Onset of International Warfare : PhD Dissertation. Evanston, 1969 ; *Wallace M.* Alliance Polarization, Cross-Cutting and International War, 1815–1964: a Measurement Procedure and Some Preliminary Evidence // *J. of Conflict Resolution*. 1973. Vol. 17, № 4. P. 575–604.

аналитической категорией, хотя именно они обратили серьезное внимание на психологические аспекты политического поведения. Например, социальный конструктивизм считает, что движущими силами политики являются идентичность и норма, а не соображения статуса или престижа²¹.

Применительно к БРИКС тема статуса впервые была поднята в связи с дискуссией о том, что главная цель современной России состоит в усилении своего значения в мировой политике и возврате прежних позиций великой державы²². Поводом стал поворот в политике России, которая более решительно стала защищать свои интересы при президенте В. В. Путине. Российский президент воспринял крушение СССР как «величайшую геополитическую катастрофу XX века». Статус России потерял определенность, поскольку наличие ядерного потенциала и место постоянного члена Совета безопасности ООН удерживали ее среди наиболее влиятельных стран, но по остальным показателям она скатилась на уровень периферийного государства. В связи с этим некоторые западные эксперты оценивали состояние российских элит как «статусную панику»²³.

Интерес к статусным теориям подогрели и дискуссии о природе конфликтов на постсоветском пространстве. Часть исследователей, последователей идей конструктивизма и постструктурализма, усматривает здесь проявление страха России окончательно утратить

²¹ Onuf N. *Making Sense, Making Worlds : Constructivism in Social Theory and International Relations*. Abingdon, 2013.

²² Kanet R. *Russian Foreign Policy in the 21st Century*. L. ; N.Y., 2010 ; Kuhn U. *Understanding Russia // Russian Analytical Digest*. № 162. 2015. 10 Febr. P. 5–8 ; Larson D., Shevchenko A. *Status Seekers : Chinese and Russian Responses to U.S. Primacy // Intern. Security*. 2010. Vol. 34. № 4. P. 63–95 ; Neumann I. *Russia as a Great Power // J. of Intern. Relations Development*. 2007. Vol. 11. № 2. P. 128–151 ; Neumann I. *Russia as a Great Power // Russia as a Great Power : Dimensions of Security Under Putin / eds. J. Hendskog, V. Konnander et al. Abingdon, 2005. P. 13–28.*

²³ Forsberg T., Heller R., Wolf R. *Introduction // Communist and Post-Communist Studies*. 2014. № 47. P. 261–268 ; Hansen F., Sergunin A. *Russia, BRICS, and peaceful coexistence: between idealism to instrumentalism // The BRICS and Coexistence: An Alternative Vision of World Order / eds. C. de Coning, M. Thomas, L. Odgaard. Abingdon, 2014. P. 94 ; Smith H. *Russia as a great power : Status inconsistency and the two Chechen wars // Communist and Post-Communist Studies*. 2014. № 47. P. 355–363.*

статус великой державы. Причем эта мотивация способна стать даже более важной, чем собственно вопрос безопасности или экономического процветания²⁴. Еще дальше идут авторы, утверждающие, что статус-ориентированная внешняя политика России имеет глубокие исторические корни, поскольку на протяжении столетий Москва стремилась доказать свой высокий статус в Европе²⁵.

С Китаем, который прежде не имел статуса великой державы, складывается несколько иная ситуация. Быстрый экономический рост после окончания холодной войны перестал соответствовать прежнему характеру политических и экономических отношений с Западом. Поначалу Китай стремился добиться статуса великой державы путем адаптации капиталистических норм, но так и не был принят на равных в западное сообщество. Тогда Пекин занял состязательную позицию, не входящую в противостояние, и довольно успешно добивается изменения собственного оригинального имиджа в глазах Запада в позитивную сторону как государства, которое не ищет гегемонии, но требует уважения, соответствующего новому статусу.

Индия и Бразилия также стремятся к статусу великих держав, опираясь на большие территории и численность населения, достигнутый экономический и военный потенциал, завоеванный авторитет. Их поведение носит скорее символический характер и направлено на повышение уважения со стороны других государств²⁶. О таком символизме говорят слова президента Бразилии по поводу принятия Олимпийских игр — 2016: выбор Бразилии в качестве хозяина игр вывел ее в круг ведущих стран. Южно-Африканская Республика не имеет амбиций великой державы, но на региональном уровне стремится играть ведущую роль.

В политическом плане государства, стремящиеся повысить свой международный статус, могут пытаться примкнуть к лидирующей группе государств (стратегия мобильности), вступить

²⁴ *Sergunin A.* Has Putin the Pragmatist Turned into Putin the Ideologue? // *Vlaams Marxistisch Tijdschrift*. 2014. Vol. 48. № 2. P. 68–69.

²⁵ *Neumann I.* Russia as a Great Power. P. 13–28.

²⁶ *Михайленко Е. Б.* Альтернативный регионализм БРИКС; *Larson D., Shevchenko A.* Status Seekers: Chinese and Russian Responses to U.S. Primacy // *Intern. Security*. 2010. Vol. 34, № 4. P. 70.

в соревнование с лидерами (стратегия соревнования) или пытаться достичь преимуществ в какой-либо области (стратегия креативности). Выбор конкретной стратегии или их комбинации зависит от степени открытости международной иерархии и степени близости ценностей социально-экономического и культурного развития.

Например, со времени после окончания холодной войны государства БРИКС пошли на либерально-демократические реформы, чтобы войти в экономические и политические институты Запада, такие как МВФ, ВТО, Совет Европы, G-7. В то же время закрытость таких организаций, как ЕС или НАТО, побуждает Китай и Россию перейти к стратегии соревнования²⁷. На пути креативной стратегии Россия пытается опираться на неоконсервативные идеи коллективизма, духовности и православия в противовес индивидуализму, материализму и либеральной морали Запада²⁸. Креативность создается и на уровне высокой дипломатии харизматическими лидерами. Например, за счет этих качеств президент В. В. Путин сумел добиться признания своего плана по уничтожению сирийского химического оружия. Концепция «Один пояс, один путь» другого харизматичного лидера Си Цзиньпина была воспринята как глобальный проект взаимовыгодной экономической интеграции Евразии.

***

Несмотря на всю привлекательность, статусные теории пока оставляют без ответа ряд важных вопросов: каковы индикаторы статуса? когда статус становится важнее материальных интересов? какие инструменты использует государство для изменения статуса? до какой степени внутривнутриполитические институты могут влиять на рост или снижение чувства неуважения в обществе?

Таким образом, различные теории дают свои оригинальные объяснения политическому поведению стран БРИКС. Если говорить об относительной ценности или доказательности каждой из них, то более продуктивным представляется принцип комплимен-

²⁷ Larson D., Shevchenko A. Op. cit. P. 72–73.

²⁸ Laruelle M. Russian Eurasianism, an Ideology of Empire. Baltimore, 2008 ; Serunian A. Has Putin the Pragmatist Turned into Putin the Ideologue?

тарности, согласно которому каждая теория оказывается продуктивной в зависимости от поставленной цели исследования. Вместе они создают основу для изучения такого сложного политического явления, как БРИКС, на основе междисциплинарности.

Раздел 2

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЕВРОАТЛАНТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ

Глава 6

Европейский интеррегионализм в XXI в.¹

Асимметрия международных интеграционных процессов предполагает организационное оформление институтов на основе ценностных, идеологических, экономических, торговых, безопасности и других интересов. Внешняя региональная политика ЕС как практика продвижения европейской модели регионализма представляет собой уникальный и неоднозначный материал для исследования.

В западноевропейской интеграции были реализованы антифашистские демократические идеалы и ценности победителей во Второй мировой войне. «Национализму, — утверждает Ю. А. Борко, — была противопоставлена давняя идея единства европейской цивилизации»². Формирование ценностной платформы ЕС завершается с принятием Хартии основных прав Европейского союза³. В преамбуле хартии отмечается, что «народы Европы,

---

¹ Работа выполнена при поддержке программы Европейского союза ERASMUS+ Jean Monnet, проект 575043-EPP-1-2016-1-RU-EPPJMO-CHAIR.

² Борко Ю. А. Уроки европейской интеграции // Большая Европа : Идеи, реальность, перспективы / под ред. Ал. А. Громько, В. П. Федорова. М., 2014. С. 210.

³ Charter of Fundamental Rights of the European Union (2000/C364/01) // Official J. of the Europ. Communities C364/1 [website]. URL: <http://www.europarl.europa>.

образуя все более сплоченный и тесный союз, приняли решение строить вместе мирное будущее на основе общих ценностей», «Европейский союз основывается на неделимых и всеобщих ценностях — достоинстве человека, свободе, равенстве и солидарности; он опирается на принципы демократии и правового государства. Он ставит человека во главу угла своей деятельности, учреждая гражданство ЕС и создавая пространство свободы, безопасности и правосудия»⁴.

В своей внешней региональной политике ЕС реализует амбициозные цели распространения демократических ценностей и институтов, которые сфокусированы в концепциях европейской идентичности, программе «экспорта институтов эффективного государственного управления (*good governance*)»⁵, своде правовых норм и правил ЕС *acquis communautaire*⁶.

Европейские лидеры исходят из того, что распространение европейских ценностей и институтов на сопредельные регионы и принятие «стандарта цивилизованности» может сделать мир более безопасным. Утверждение в сопредельных странах и регионах сотрудничества режимов эффективного государственного управления (*good governance*) будет способствовать повышению уровня безопасности в этих странах и их устойчивому развитию, что станет действенным средством борьбы против коррупции, будет благоприятствовать созданию новых рабочих мест, а значит, сократит нелегальную миграцию из этих стран в ЕС, создаст условия для

---

eu/charter/pdf/text_en.pdf (mode of access: 27.11.2016) ; Хартия основных прав Европейского союза (Ницца, 07.12.2000.). URL: http://gerasimovich.pro/news/Harty_ES.pdf (дата обращения: 27.11.2016).

⁴ Charter of Fundamental Rights of the European Union // Official J. of the European // European Parliament [official website]. URL: http://www.europarl.europa.eu/charter/pdf/text_en.pdf (mode of access: 09.11.2016).

⁵ Communication from the Commission to the Council, the European Parliament and the European Economic and Social Committee: Governance and development. 20 Oct. 2003 // European Commission [official website]. URL: https://ec.europa.eu/europeaid/sites/devco/files/communication-governance-com2003615-20031020_en.pdf (mode of access: 09.11.2016).

⁶ Interregionalism and International Relations / ed. by H. Hänggi, R. Roloff, J. Ruland. N. Y., 2006. P. 4.

региональной безопасности и взаимовыгодного интеррегионального сотрудничества.

Реализация европейского интеррегионализма происходит в обстановке кризиса глобального управления, метко названного А. В. Кортунным «геополитической деконструкцией», вызванной переходом от постмодернизма к неомодернизму в международных отношениях. Основными характеристиками неомодернизма А. В. Кортуннов называет национализм, транзакционализм, холизм и историзм, которые дезавуируют универсалистские гуманистические основания предыдущего мирового порядка⁷. Парадоксальным образом отцы-основатели Ялтинского мирового порядка Россия (как преемница СССР) и США не настаивают более на универсалистских гуманистических ценностях, противопоставляя им внешнеполитический эгоизм и прагматизм⁸. Кроме того, *Brexit* обнажил наличие центробежных тенденций внутри самого ЕС под воздействием набирающих силу «национальных интересов». К примеру, в Италии впервые с 1945 г. тема «национального интереса» вошла в обновленную военно-политическую доктрину⁹.

В широком контексте под *европейским интеррегионализмом* следует понимать внешнеполитические стратегии ЕС в отношении других регионов, организаций, стран, региональных групп и субгрупп¹⁰. Европейское интеррегиональное строительство само по себе является вариантом претензии ЕС на статус глобального актора. Фр. Содербаум, П. Сталгрэн и Л. ван Лангехове отмечают, что благодаря практике интеррегионализма ЕС продвигает свою либеральную международную повестку, распространяет европей-

---

⁷ Кортуннов А. В. От постмодернизма к неомодернизму, или Воспоминания о будущем // Российский совет по международным делам [официальный сайт]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=8641#top-content (дата обращения: 24.11.2016).

⁸ Acharya A. The End of American World Order. L., 2014. P. 101.

⁹ Михайленко В. И., Перевалова А. А. Итальянский национальный интерес в обновленной военно-политической стратегии // Современная Европа. 2017. № 2.

¹⁰ Hänggi H. et al. Interregionalism : A new phenomena in international relations. L., 2006. P. 4.

скую идентичность, а также содействует усилению роли ЕС и повышению его конкурентоспособности¹¹.

Асимметрии европейского интеррегионализма

Европейский союз является не единственным, но признанным мировым лидером политики интеррегионализма. Для реализации своих амбициозных внешнеполитических целей он использует широкий арсенал инструментов внешнеполитического влияния в зонах своих региональных интересов, включая «жесткую силу» (*hard power*), «мягкую силу» (*soft power*), «умную силу» (*smart power*), «гражданскую силу» (*civilian power*), а также переходные между ними формы «мягкого манипулирования» (*soft manipulation*), «манипулятивной силы» (*manipulative power*), «придания вооруженного характера мягкой силе» (*weaponization of soft power*), «гибридной мягкой силы» (*hybrid soft power*)¹².

Новая Глобальная стратегия ЕС ««Общее видение, общее действие: более сильная Европа», принятая в июне 2016 г., предусматривает, наряду с решением проблем безопасности и урегулирования конфликтов, создание комплексов кооперативных региональных порядков¹³.

В настоящее время ЕС использует дифференцированные подходы во внешней региональной политике. В Африке к югу от Сахары Евросоюз занимается созданием нового региона. В Европейской политике соседства (2003) Евросоюз использует модель сотрудничества, связанную с перенесением ценностей и институтов в соседние страны, оказывает поддержку в строительстве регионов (*institution-building*). ЕС ожидает от соседей конкретного

---

¹¹ Soderbaum F., Stalgren P., Langenhove L. van The EU as a Global Actor and the Dynamics of Interregionalism: a Comparative Analysis // Soderbaum Fr., Langenhove L. The EU as a Global Player : The Politics of Interregionalism. L., 2006. P. 117.

¹² The different faces of “soft power” : the Baltic States and Eastern Neighborhood between Russia and the EU // ed. by T. Rostoks and A. Sprūds. Latvian Inst. of Intern. Affairs, 2015. P. 6–7.

¹³ Shared Vision, Common Action: Stronger Europe : A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. June 2016 // European Union External Action [official website]. URL: www.eeas.europa.eu/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (mode of access: 25.11.2016).

прогресса в приобщении к общим ценностям и эффективной имплементации политических, экономических и институциональных реформ, включая приведение законодательств в соответствие с *Aquis*¹⁴. ЕС предлагает привилегированное партнерство, основанное на совместной приверженности общим ценностям (таким как демократия и права человека, верховенство закона, хорошее управление, принципы рыночной экономики и устойчивое развитие). Эффективность и масштаб такого партнерства будут зависеть от того, насколько эти ценности являются общими. Программа не ставит конечной целью подготовку стран-участниц к вступлению в ЕС. Она направлена на установление более тесных политических связей, частичную экономическую интеграцию, поддержку соответствия стандартам ЕС, экономическим и социальным реформам¹⁵.

В настоящее время используются дифференцированные подходы в политике ЕПС, а именно ЕПС — Юг (*EU Neighbours South*) и ЕПС — Восток (*EU Neighbours East*)¹⁶. В рамках Восточного партнерства (2009) преследуются цели политической ассоциации и экономической интеграции участвующих в проекте стран с ЕС. В политике партнерства Евросоюз реализует принцип «больше за большее» и предлагает большую финансовую помощь в ответ на более активную поддержку странами-партнерами европейских принципов и ценностей.

Напротив, при заключении Пакта балканской стабильности (*Balkan Stability Pact*) с государствами Западных Балкан в 1999 г. использовался принудительный вариант соглашения, включавший принятие европейских правовых норм со стороны послед-

---

¹⁴ *Wider Europe — Neighbourhood: A New Framework for Relations with our Eastern and Southern Neighbours*. Commission of the European Communities. Brussels, 2000 // Communication from the Commission to the Council and the European Parliament [official website]. URL: http://eeas.europa.eu/enp/pdf/pdf/com03_104_en.pdf (mode of access: 27.11.2016).

¹⁵ *Reports on the Implementation of the European Neighbourhood Policy in 2014 adopted* // European Union External Action [official website]. URL: <http://eeas.europa.eu/enp/> (mode of access: 27.11.2016).

¹⁶ *European Neighbourhood Policy Partners* // EU Neighbours [official website]. URL: <http://www.euneighbours.eu/en> // (mode of access: 27.11.2016).

них. В большинстве других ситуаций ЕС использует заинтересованность в региональных блоках или региональных государствах в европейских программах стабильности, безопасности, защите окружающей среды, финансовой поддержке, предоставлении собственного рынка для товаров и услуг. В третьем случае ЕС использует принцип «социализации» сотрудничества, то есть экспорта идей, европейских норм и правил с целью вовлечения региональных государств в международное сообщество. При этом ЕС опирается как на межгосударственные институты, так и на неправительственные организации.

Особое место в политике ЕС занимает Средиземноморский регион. Амбициозная цель, изложенная в Барселонской Декларации (1995), звучала следующим образом: «включить Средиземноморский бассейн в зону диалога, обмена и сотрудничества в предоставлении мира, стабильности и процветания»¹⁷. В своих отношениях со странами Средиземноморья ЕС стремится представлять себя в качестве «экспортера норм». Барселонская декларация включает большинство принципиальных разделов *acquis communautaire*. Предлагая партнерство южным соседям, бюрократия ЕС исходила из твердой уверенности в том, что экономическое развитие и сокращение масштабов нищеты могут быть достигнуты только с функционированием демократических институтов и подотчетности правительств, и что только демократическое плюралистическое правительство, уважающее права меньшинств, может привести к внутренней стабильности¹⁸.

На примере реализации стратегии ЕС в **Латиноамериканском регионе** проявляется дифференцированный подход к странам и региональным объединениям в проведении отдельных

---

¹⁷ Barcelona Plus Towards a Euro-Mediterranean Community of Democratic States // A EuroMeSCo Report [website]. P. 15. URL: <http://www.mafhoum.com/press9/262P1.pdf> (mode of access: 27.11.2016).

¹⁸ European Commission. The European Union's Role in Promoting Human Rights and Democratization in Third Countries, Communication from the Commission to the Council and the European Parliament, 8 May 2001, COM(2001) 252 final. European Commission, 2003, Communication on Reinvigorating EU actions on Human Rights and Democratization with Mediterranean partners, COM (2003) 294 final, Brussels 21.05.2003.

переговоров с каждым субрегиональным интеграционным объединением¹⁹.

В отношении Латиноамериканского региона ЕС использует пять институциональных механизмов. Первый из них выстраивается на высшем уровне по принципу «диалога между регионами» (*region-to-region dialogue*), в который вовлекаются все латиноамериканские страны и страны, входящие в ЕС. Второй предусматривает соглашение об ассоциации, в котором стороны определяют их интересы и берут на себя определенные обязательства в области торговли, поощряют политический диалог и сотрудничество, вовлекают в него парламентские институты и гражданское общество. Третий связан с созданием институционального механизма сотрудничества через двусторонние торговые соглашения. Четвертый механизм — это стратегическое партнерство, которое вносит вклад в углубление двусторонних отношений, хотя и не претендует на глубокую институционализацию. Пятый механизм используется в форме сотрудничества с группой карибских стран и не переносится на другие регионы Латинской Америки²⁰. В августе 2014 г. ЕС принял Многолетнюю индикативную программу для Латинской Америки (*Multiannual indicative programme for Latin America*). Общая сумма ассигнований на региональные программы для Латинской Америки в 2014–2020 гг. составит 925 млн евро. Она предусматривает финансирование расходов на безопасность, реализацию институтов «хорошего управления», социальное и экологическое устойчивое развитие, содействие обмену в области высшего образования, финансирует субрегиональную интеграцию латиноамериканских стран в областях экономики, безопасности и правопорядка, прав человека, предотвращения стихийных бедствий и климатических изменений²¹.

---

¹⁹ Börzel T. A., Risse T. Diffusing (Inter-)Regionalism : The EU as a Model of Regional Integration // Working Paper KFG [official website]. URL: http://userpage.fu-berlin.de/kfgeu/kfgwp/wpseries/WorkingPaperKFG_7.pdf (mode of access: 30.11.2016).

²⁰ Dominguez R. EU Foreign Policy towards Latin America. Palgrave Macmillan, 2015.

²¹ Development Cooperation Instrument. 2014–2010 : Multiannual Indicative Regional Programme for Latin America // International Cooperation and Devel-

Под влиянием европейского интеррегионализма происходит переформатирование латиноамериканского регионального объединения МЕРКОСУР, которое позаимствовало опыт Евросоюза в создании собственной Комиссии постоянных представителей, Фонда структурной конвергенции МЕРКОСУР, Парламента МЕРКОСУР²².

Андское сообщество позаимствовало некоторые институты у ЕС, в частности, избираемый прямым голосованием Андский парламент; созданы Андский совет министров, Андский верховный суд, который установил превосходство и прямое действие Андского права; введен единый Андский паспорт.

В **Восточной Азии** ЕС осуществляет влияние через Восточно-азиатское сообщество и взаимодействует с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии. Впервые политические принципы сотрудничества ЕС с азиатскими странами появляются в повестке отношений между ЕС и АСЕАН в 2001 г. В качестве одной из задач сотрудничества было обозначено «способствовать защите прав человека и распространению демократии, хорошего управления и верховенства закона»²³. В принятом в 2007 г. Уставе АСЕАН нашли свое место многие положения базовых документов ЕС и институционального строительства.

Евросоюз оказывает содействие в интеграции территориально граничащих региональных организаций, в частности АСЕАН и Южно-Азиатской ассоциации регионального сотрудничества (SAARC). По типу политических режимов страны региона не отличаются единообразием и в связи с этим избирательно используют европейские подходы к институциональному строительству региональной интеграции²⁴.

Реинтеграция Евразийского пространства рассматривается в ЕС в качестве одной из приоритетных задач. Тем не менее, в ЕС признают, что европейский проект Центрально-Азиатского сове-

---

opment [official website] URL: http://ec.europa.eu/europeaid/sites/devco/files/dci-multindicativeprogramme-latinamerica-07082014_en.pdf (mode of access: 27.11.2016).

²² Borzel T., Risse T. The EU and the Diffusion of Regionalism. Chapt. 3.

²³ Ibid. P. 59.

²⁴ Ibid.

та провалился в связи с недоверием по отношению друг к другу, расхождением интересов его потенциальных членов и борьбой за гегемонию в регионе, неурегулированными территориальными и торговыми спорами, борьбой за водные ресурсы, а также в связи с давлением со стороны Китая и России, стремящихся сохранить центральноазиатские государства в своих орбитах влияния²⁵.

***

Ряд экспертов, называющих себя «постревизионистами», подвергают критике внешнюю региональную политику ЕС прежде всего за слишком догматическое следование концепции универсальной модели «нормативной силы» (*normative power*) или, другими словами, «единого подхода ко всем» (*one-size-fits-all approach*). Речь идет о продвижении Евросоюзом моделей «хорошего управления» (*good governance*) по типу западных демократий и правовых норм, либерально-демократических ценностей, социальной рыночной экономики²⁶.

Как показывает недавняя практика «арабской весны», «глобальный Юг» с недоверием относится к моделям «хорошего управления», а попытки их навязать только ухудшают внутривнутриполитическую ситуацию. Кризис Еврозоны, выход Великобритании из ЕС только усиливают скептицизм относительно успешности европейской модели интеррегионализма. Европейские эксперты считают, что в переговорах с арабскими странами ЕС должен отказаться от чрезмерных ожиданий и реализации амбициозных планов. Методы переговоров и комплексы соглашений, которые используются

---

²⁵ Kazakhstan Factsheet // European Commission [official website]. 20.10.2015. URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2006/september/tra-doc_111670.pdf (mode of access: 27.11.2016); Nurzhan Zhambekov. Central Asian Union and the Obstacles to Integration in Central Asia // The Central Asia-Caucasus Analyst [website]. URL: <https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13116-central-asian-union-and-the-obstacles-to-integration-in-central-asia.html> (mode of access: 27.11.2016).

²⁶ Telo M. Three Reasons for Reasserting the Autonomy of Regionalist and Inter-regionalist Research Agenda // Interregionalism and the European Union. A Post-Revisionist Approach to Europe's Place in a Changing World / ed. by M. Telo, L. Fawcett, F. Ponjaert. Routledge, 2016. Chap. 5.

в отношении восточных стран Программы соседства, должны претерпеть существенную корректировку в отношении средиземноморских партнеров²⁷.

В связи с этим, несмотря на обширные внешние региональные связи, ЕС испытывает проблемы в проведении политики интеррегионализма. Эти концепции не всегда срабатывают даже в столь успешных проектах, как Евро-Средиземноморское партнерство (Eugomed), особенно в той части, которая касается нелегальной иммиграции из стран Южного и Восточного Средиземноморья.

Несмотря на очевидные трудности, ЕС продолжает последовательно утверждать себя на международной арене как один из ведущих международных акторов в проведении внешней региональной политики. Положительный опыт политики «нормативной силы» проявляется в таких областях, как стандартизация и регулирование рынка, институционализация региональной торговли, создание совместных предприятий и др. ЕС извлекает уроки из собственных ошибок в проведении внешней региональной политики, использует асимметричные подходы. Однако среди тех, кто занимается пересмотром Европейской политики соседства, преобладает мнение, что подход ЕС должен быть более гибким и больше учитывать внутреннюю специфику каждой страны глобального региона²⁸.

---

²⁷ Van der Loo G. Enhancing the Prospects of the EU's Deep and Comprehensive Free Trade Areas in the Mediterranean : Lessons from the Eastern Partnership. 24 June 2015 // Ceps.eu [official website]. URL: http://www.ceps.eu/system/files/GVdL_MedDCFTAs_0.pdf (mode of access: 27.11.2016)

²⁸ Вааль де Т., Янгс Р. Упорно реформировать: чем должно заниматься Восточное партнерство // Московский Центр Карнеги [официальный сайт]. URL: <http://carnegie.ru/2015/05/21/ru-60173/i8xe> (дата обращения: 26.11.2016).

Глава 7

Межкультурный диалог как инструмент публичной дипломатии Европейского союза¹

В условиях роста культурного многообразия Евросоюз нуждается в адекватной и эффективной модели построения межкультурных отношений, которую он мог бы предложить для более тесного взаимодействия с третьими государствами. Такой инструмент сотрудничества появился в рамках культурной политики ЕС и получил название «межкультурный диалог»; он также направлен на формирование внутреннего и внешнего образа ЕС как организации, способной построить мультикультурное общество, в котором успешно сосуществуют различные культуры, являющиеся ценным ресурсом для данного сообщества.

Отметим, что в теоретическом аспекте изучения межкультурных отношений предтечей концепции межкультурного диалога являлась теория мультикультурализма. Последний, появившись в первую очередь в так называемых «мигрантских» по своему происхождению странах в 1960–1970-х гг. XX в. (Канада, Австралия)², никогда не был закреплен в качестве официальной политики ни в государствах Западной Европы (где приобрел наибольшую популярность в общественно-политическом дискурсе в 1990-х гг.)³, ни на уровне каких-либо интеграционных объединений в Европе. Тем не менее, идея мультикультурализма была подхвачена политическими лидерами. Наиболее популярным стал тезис о признании различных культурных групп в рамках одного общества и о возможности их равного сосуществования⁴. Такая модель не тождественна

---

¹ Работа выполнена при поддержке программы Европейского союза ERASMUS+ Jean Monnet, проект 565442-EPP-1-2015-1-RU-EPPJMO-MODULE.

² *Taylor C.* Interculturalism or multiculturalism? // *Philosophy & Social Criticism* [website]. May 2012. URL: <http://psc.sagepub.com/content/38/4-5/413> (mode of access: 29.03.2017).

³ *Малахов В.* Мультикультурализм в Западной Европе: по ту сторону риторики // Российский совет по международным делам [официальный сайт]. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/multikulturalizm-v-zapadnoy-evrope-po-tu-storonu-ritoriki> (дата обращения: 20.04.2017).

⁴ *Multiculturalism* // *Stanford Encyclopedia of Philosophy* [official website]. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/multiculturalism> (mode of access: 20.04.2017).

модели ассимиляции⁵ — напротив, она предполагает сохранение культурных групп без необходимости их взаимовлияния друг на друга и взаимных изменений. Наиболее подробно феномен мультикультурализма и межкультурного диалога в европейском опыте проанализирован зарубежными исследователями, в то же время он мало изучен в отечественных трудах. Среди авторов, занимавшихся его исследованием, стоит отметить Ч. Тэйлора⁶, В. Брэдли⁷, Т. Лахдесмаки⁸, Г. Леви⁹, С. Вертовека и С. Вессендорфа¹⁰, Н. Мира и Т. Модуда¹¹, Г. Марранчи¹².

Допущение того, что мультикультурное общество, построенное по такому типу, может успешно функционировать, не привело европейские государства, взявшие на вооружение данные принципы, к успеху в этой области, что выразилось в том числе в политических заявлениях европейских лидеров Д. Кэмерона¹³, А. Меркель¹⁴ и Н. Саркози¹⁵ в 2010–2011 гг. о провале мультикультурализма. Мультикультурализм стал примером неудачной политики, так как было замечено, что он ведет к этническому сепаратизму и отри-

⁵ *Bradley W.* Is there a post-multiculturalism? Shiga, 2009. P. 6.

⁶ *Taylor C.* Op. cit.

⁷ *Bradley W.* Op. cit.

⁸ *Lähdesmäki T.* Politics of affect in the EU heritage policy discourse: an analysis of promotional videos of sites awarded with the European Heritage Label // *Intern. J. of Heritage Studies*. 2017. P. 1–14.

⁹ *Levey G. B.* Interculturalism vs. Multiculturalism : A Distinction without a Difference? // *J. of Intercultural Studies*. 2012. Vol. 33, no. 2. P. 217–224.

¹⁰ *Vertovec S., Wessendorf S.* Assessing the backlash against multiculturalism in Europe. Göttingen, 2009.

¹¹ *Meer N., Modood T.* How does Interculturalism Contrast with Multiculturalism? // *J. of Intercultural Studies* [website]. 2012. Vol. 33. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/007256868.2011.618266> (mode of access: 29.03.2017).

¹² *Marranci G.* Multiculturalism, Islam and the clash of civilisations theory: rethinking Islamophobia // *Culture and Religion: An Interdisciplinary J.* [website]. 2004. Vol. 5. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/0143830042000200373> (mode of access: 30.03.2017).

¹³ *Tubella P.* David Cameron da por fracasado el multiculturalismo en Reino Unido // *El País* [official website]. URL: http://internacional.elpais.com/internacional/2011/02/05/actualidad/1296860429_850215.html (mode of access: 20.04.2017).

¹⁴ *Ibid.*

¹⁵ *Sarkozy: Le multiculturalisme, un «échec»* // *Le Figaro.fr* [official website]. URL: <http://www.lefigaro.fr/flash-actu/2011/02/10/97001-20110210FILWWW00731-sarkozy-le-multiculturalisme-un-echec.php> (mode of access: 20.04.2017).

данию национальных ценностей, а также не способствует социальной интеграции (при этом отрицаются социальные проблемы, связанные с мигрантами и меньшинствами, и поощряются культурные практики, нарушающие права и свободы человека, с одной стороны, и допускающие существование терроризма, с другой)¹⁶. Все вышеперечисленное привело к отчуждению культурных групп друг от друга. Как следствие, активизировался процесс маргинализации мигрантов.

Появление идеи межкультурного диалога на уровне культурной политики ЕС в 2007 г. стало ответом на необходимость поиска модели построения межкультурных отношений в обществе, которая бы способствовала его консолидации, а не разобщению. Понятие «межкультурный диалог» в рамках культурной политики ЕС впервые появляется в Решении по европейской культурной повестке от 16 ноября 2007 г.¹⁷, где его достижение заявлено как одна из главных целей. Процесс межкультурного диалога напрямую описывается как способствующий созданию европейской идентичности, гражданства и социальной сплоченности, что исключает маргинализацию каких-либо общественных групп.

ЕС противопоставляет межкультурный диалог мультикультурализму, суть которого, как уже было сказано, состоит в сохранении, признании и автономном существовании разных культур в рамках одного сообщества. Межкультурный диалог, напротив, предполагает установление связей и определение точек соприкосновения между различными культурами, сообществами и народами ради понимания и взаимодействия между ними¹⁸. Мы, таким образом, можем утверждать, что концепция межкультурного диалога формулируется в качестве ответа на кризис мультикультура-

---

¹⁶ Vertovec S., Wessendorf S. Op. cit. P. 14.

¹⁷ Resolution of the Council of 16 November 2007 on a European Agenda for Culture // Eur-lex: official j. of the European Union [website]. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32007G1129%2801%29> (mode of access: 06.04.2017).

¹⁸ Intercultural dialogue // European Commission [official website]. URL: http://ec.europa.eu/culture/policy/strategic-framework/intercultural-dialogue_en (mode of access: 06.04.2017).

лизма, в то время как сообщество нуждается в эффективной модели построения межкультурных отношений.

При этом имеют место довольно существенные разногласия в рамках теоретических подходов к пониманию межкультурного диалога (интеркультурализма). С одной стороны, он рассматривается как альтернатива мультикультурализму, предлагающая новый взгляд на усиление социальной сплоченности¹⁹. Интеркультурализм рассматривается как идея эпохи постмультикультурализма²⁰, то есть одна из идей, приходящих на смену мультикультурализму. Сопоставляя концепции мультикультурализма и межкультурного диалога в европейском опыте, исследователи отмечают, что межкультурный диалог ориентирован на установление отношений между гражданами и группами в гражданском обществе, в отличие от мультикультурализма, который был скорее сосредоточен на выстраивании отношений между государством и меньшинствами²¹. Кроме того, акцент в данном понятии делается именно на диалог, а также не на деление на группы, а на «синтез» внутри общества²².

С другой стороны, некоторые исследователи не склонны переоценивать теоретическое содержание концепции межкультурного диалога в современной европейской политике. Так, например, существует точка зрения, согласно которой мультикультурализм «был принесен в жертву, чтобы умиротворить популистские антииммигрантские политические партии и их сторонников»²³. Понятие «мультикультурализм» было, таким образом, заменено понятием «межкультурный диалог», в то время как в своей сущности сам подход не изменился. Тем не менее, мы все-таки можем разделить эти два подхода и утверждать, что межкультурный диалог — это успешная попытка выхода за рамки мультикультурализма, и создать принципиально новую модель построения межкультурных отношений.

---

¹⁹ Bello V., Bloom T. *Interculturalism in Times of Crisis // Intern. migration*. 2017. № 2. P. 6.

²⁰ Bradley W. *Op. cit.* P. 6.

²¹ Levey G. B. *Op. cit.* P. 217–218.

²² Meer N., Modood T. *Op. cit.* P. 177.

²³ Bradley W. *Op. cit.* P. 8.

Итак, как мы уже упоминали, концепт межкультурного диалога стал активно отражаться в документах ЕС с 2007 г. В Европейской культурной повестке от 16 ноября 2007 г. развитие межкультурного диалога было представлено в качестве одной из стратегических целей культурной политики ЕС и рассматривалось как вклад в поддержание европейской идентичности (*European identity*), гражданства (*European citizenship*) и социальной сплоченности (*social cohesion*), включая развитие межкультурных компетенций граждан²⁴. В преамбуле документа также утверждается важность более глубокого межкультурного диалога и на международном уровне, включая «страны с нестабильной внутренней ситуацией». В соответствии с целью продвижения культурного разнообразия и межкультурного диалога устанавливаются следующие меры для обеспечения публичного доступа к различным формам культурного и языкового самовыражения: поощрение мобильности деятелей искусства и других профессионалов в сфере культуры; продвижение культурного наследия, а именно оказание содействия в организации выставок, создание виртуальных гидов по самым известным музеям и т. д.²⁵

При этом в указанном документе межкультурный диалог рассматривается как важное направление не только на уровне внутренней политики ЕС. Этому же принципу ЕС обязуется следовать и на уровне взаимодействия по линии культурной политики с третьими странами: «Относительно роли культуры в качестве неотъемлемого элемента международных отношений [необходимо отметить] ...стимулирование межкультурного диалога и взаимодействия между гражданскими обществами стран — членов ЕС и третьих стран»²⁶.

В конце 2006 г. принимаются и начинают свое действие с 2007 г. две базовые программы: «Культура» (2007–2013)²⁷ и «Европа для

---

²⁴ Resolution of the Council of 16 November 2007 on a European Agenda for Culture // European Commission [official website]. URL: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32007G112_9%2801%29 (mode of access: 06.04.2017).

²⁵ Ibid.

²⁶ Ibid.

²⁷ Decision № 1855/2006/EC of the European Parliament and of the Council of 12 December 2006 establishing the Culture Programme (2007 to 2013) // Eur-lex:

граждан» (2007–2013)²⁸. Перед программой «Культура» (2007–2013) была поставлена такая основная цель как «расширение культурного пространства, близкого европейцам, с целью сделать вклад в возникновение чувства европейского гражданства (European citizenship)». Среди традиционного набора центральных задач для достижения этой цели, которые включают в себя мобильность профессионалов в сфере культуры, а также мобильность произведений искусства и продуктов культуры, появляется и «продвижение межкультурного диалога»²⁹. «Европа для граждан», в свою очередь, имея целью обеспечить активную вовлеченность граждан в процесс интеграции, предлагает создать условия для объединения народов Европы и повышения их чувства европейской идентичности как граждан ЕС. Межкультурный диалог вновь рассматривается как одно из условий достижения главной цели, что обеспечивается повышением толерантности и взаимного понимания между гражданами Европы через уважение и продвижение лингвистического и культурного разнообразия. При этом очень важно отметить, что документ закрепляет постулат о том, что «развитие европейской идентичности среди граждан Европы базируется на общепризнанных ценностях, истории и культуре»³⁰.

Следующим знаковым событием стало проведение Европейского года межкультурного диалога в 2008 г. (который был провозглашен решением Европейского парламента и совета от 19 декабря 2006 г.³¹). Основной его задачей стало формирование общих

---

official j. of the European Union [website]. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:32006D1855> (mode of access: 06.04.2017).

²⁸ Decision № 1904/2006/EC of the European Parliament and of the Council of 12 December 2006 establishing for the period 2007 to 2013 the programme 'Europe for Citizens' to promote active European citizenship // Eur-lex: official j. of the European Union [website]. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:32006D1904> (mode of access: 06.04.2017).

²⁹ Culture programme (2007–13) Summary // Eur-lex: official j. of the European Union [website]. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:129016> (mode of access: 06.04.2017).

³⁰ Ibid.

³¹ Decision № 1983/2006/EC of the European Parliament and of the Council of 18 December 2006 concerning the European Year of Intercultural Dialogue (2008) // Eur-lex: official j. of the European Union [website]. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal->

контуров культурной политики, необходимой для формирования уважения к культурному разнообразию, для улучшения условий сосуществования в современных мультикультурных обществах, а также для обеспечения роста европейского гражданского самосознания.

Межкультурный диалог рассматривается как логическое продолжение инициатив и приоритетов Лиссабонской стратегии (2005)³², так как он способен внести вклад и в достижение установленных в документе экономических целей. Объясняется это следующим образом: экономика, основанная на инновациях и науке, нуждается в людях, которые способны адаптироваться к изменениям и извлекать выгоду из всех возможных источников инноваций. Целями Европейского года межкультурного диалога также были провозглашены повышение репрезентативности результатов реализации проектов в области культуры и согласованности всех европейских программ и действий, что делают вклад в межкультурный диалог (таких как, например, уже рассмотренные выше программы «Европа для граждан» и «Культура»); повышение осведомленности о пользе активного гражданского участия культурной жизни ЕС; вовлечение стран-кандидатов в процессы Европейского года межкультурного диалога³³.

В рамках Европейского года межкультурного диалога предлагалось сосредоточиться на следующих типах действий: действия на европейском уровне, состоящие из информационных кампаний и кампаний по продвижению, исследований и опросов, консультаций со стейкхолдерами в сфере культуры, символические действия на европейском уровне по повышению осведомленности о целях Европейского года межкультурного диалога, в частности среди молодых людей, действия на национальном уровне, которые имеют

---

content/EN/TXT/?qid=1491414557747&uri=CELEX:32006D1983 (mode of access: 06.04.2017).

³² A new start for the Lisbon Strategy (2005). Summary // Eur-lex: official j. of the European Union [website]. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:c11325> (mode of access: 06.04.2017).

³³ Año Europeo del diálogo intercultural (2008) // Eur-lex: official j. of the European Union [website]. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/ES/TXT/?uri=LEGISUM:l29017> (mode of access: 06.04.2017).

ярко выраженное европейское измерение. Бюджет проекта оценен в 10 млн евро³⁴.

Понятие межкультурного диалога мы находим и в решении Совета по европейской стратегии мультилингвизма 2008 г.³⁵ Там это явление в Европе рассматривается как значимая часть развития межкультурного диалога внутри нее, а также с другими регионами мира. Мультилингвизм предлагается продвигать в качестве фактора европейского экономического роста. Например, лингвистические компетенции граждан с «иммигрантским прошлым» представляют ценность и могут быть востребованы, что укрепит и межкультурный диалог, и конкуренцию на рынке труда³⁶.

Также в 2008 г. Еврокомиссией был принят «Рабочий план по культуре» на период 2008–2010 гг. В него вошли приоритеты, установленные Европейской повесткой по культуре 2007 г., в том числе работа и по направлению межкультурного диалога. Она заключается в исполнении целей «Европейского года межкультурного диалога» в 2008 г. в условиях тесного взаимодействия с национальными органами координации, а в 2009–2010 гг. — во вкладе в устойчивую реализацию, поддержание данной стратегии, включая развитие межсекторального подхода к межкультурному диалогу, то есть внедрение его принципов в различные отрасли производства и области знаний: творческие направления, туризм, образование и мобильность, цифровые технологии, статистику и т. д.³⁷

Следующий «Рабочий план по культуре», охватывающий период 2011–2014 гг., имеет шесть приоритетных направлений, и первым из них становится «Культурное разнообразие, межкультурный диалог и доступная и инклюзивная культура»³⁸. Появление такого

³⁴ Año Europeo del diálogo intercultural (2008).

³⁵ Council Resolution on a European strategy for multilingualism // European Council: Council of the European Union [official website]. URL: http://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressData/en/educ/104230.pdf (mode of access: 06.04.2017).

³⁶ Ibid.

³⁷ Council Conclusions on the Work Plan for Culture (2008–2010) // Council of the European Union [official website]. URL: http://www.eu2008.si/en/News_and_Documents/Council_Conclusions/May/0521_EYC2.pdf (mode of access: 06.04.2017).

³⁸ Conclusions of the Council and of the Representatives of the Governments of the Member States, meeting within the Council, on the Work Plan for Culture (2011–2014)

приоритета, а также широкий набор направлений действий в рабочем плане, соответствующий духу данной идеи — подчеркивание межкультурного характера культурного наследия, развитие межкультурных компетенций, продвижение мультилингвизма, а также роли культуры в преодолении маргинализации отдельных групп в обществе и др., — свидетельствует о закреплении данного концепта в культурной политике, а также об укреплении в политике подхода, учитывающего влияние культурной сферы на социальные и политические процессы в обществе. Кроме того, межкультурный диалог является составляющей двух других приоритетов данного плана: «Навыки и мобильность» и «Культурное наследие, включая мобильность коллекций».

В рамках культурной политики ЕС не дается собственного определения межкультурного диалога, однако принимается его широкое понимание с опорой на определения, данные в Конвенции ЮНЕСКО 2005 г. и в «Белой книге» Совета Европы³⁹. В них межкультурный диалог определяется как «открытый и уважительный обмен взглядами между людьми и группами, принадлежащими к разным культурам, что ведет к более глубокому взаимопониманию»⁴⁰, а также как «сосуществование и равноправное взаимодействие разнообразных культур и возможность генерирования общих культурных продуктов самовыражения через диалог и взаимоуважение»⁴¹.

(2010/C325/01) // Eur-lex: official j. of the European Union [website]. URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:2010:325:0001:0009:EN:PDF> (mode of access: 06.04.2017).

³⁹ Report on the role of public arts and cultural institutions in the promotion of cultural diversity and intercultural dialogue // European Commission [official website]. 2014. URL: http://ec.europa.eu/assets/eac/culture/library/reports/201405-omc-diversity-dialogue_en.pdf (mode of access: 20.04.2017).

⁴⁰ White Paper on intercultural dialogue: Living together as equals in dignity // Council of Europe [official website]. 2008. P. 10. URL: http://www.coe.int/t/dg4/intercultural/Source/White%20Paper_final_revised_EN.pdf (mode of access: 20.04.2017).

⁴¹ Convention on the protection and promotion of the diversity of Cultural Expressions 2005 // UNESCO [official website]. URL: http://portal.unesco.org/en/ev.php-URL_ID=31038%26URL_DO=DO_TOPIC%26URL_SECTION=201.html (mode of access: 20.04.2017).

В конце 2013 г. принимается новая культурная программа «Креативная Европа» на период 2014–2020 гг.⁴² В документе говорится, что для содействия расширению общего культурного пространства важно делать вклад в транснациональную мобильность деятелей и предметов искусства, тем самым способствуя обмену культурными традициями и межкультурному диалогу. «Креативная Европа» предоставляет возможности для действий, которые продвигают идею открытости другим культурам и интеграции беженцев и мигрантов⁴³.

В соответствии с «Рабочим планом по культуре 2015–2018 гг.» межкультурный диалог является важной составляющей трех из четырех имеющихся приоритетов в культурной политике: доступная и инклюзивная культура, культурное наследие, продвижение культурного разнообразия, культуры в международных отношениях ЕС и мобильности⁴⁴. Важно отметить, что в свете миграционного кризиса данный план было решено дополнить пунктом о необходимости изучить вопрос о том, каким образом культура и искусство могут помочь объединить людей и народы, расширить их участие в культурной и общественной жизни, а также содействовать межкультурному диалогу и культурному разнообразию. Полезный опыт применения межкультурного диалога должен был быть использован в целях интеграции мигрантов и беженцев в общество через искусство и культуру⁴⁵.

---

⁴² Regulation (EU) № 1295/2013 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2013 establishing the Creative Europe Programme (2014 to 2020) and repealing Decisions № 1718/2006/EC, No 1855/2006/EC and № 1041/2009/EC // Eur-lex: official j. of the European Union [website]. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1491507368907&uri=CELEX:32013R1295> (mode of access: 06.04.2017).

⁴³ Intercultural dialogue.

⁴⁴ Conclusions of the Council and of the Representatives of the Governments of the Member States, meeting within the Council, on a Work Plan for Culture (2015–2018) (2014/C463/02) // Eur-lex: official j. of the European Union [website]. URL: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.C_.2014.463.01.0004.01.ENG (mode of access: 06.04.2017).

⁴⁵ Conclusions of the Council and of the Representatives of the Governments of the Member States, meeting within the Council, amending the Work Plan for Culture (2015–2018) as regards the priority on intercultural dialogue // Council of the Euro-

Отдельным пунктом необходимо отметить несколько примеров того, как повестка дня в сфере культуры начала изменяться в рамках национальных государств с момента продвижения идеи межкультурного диалога как фактора, способствующего объединению Европы. Например, Совет по искусству Северной Ирландии в 2007 г. принял первую в истории «Стратегию межкультурного сотрудничества в искусстве» на период 2007–2012 гг. В 2011 г. он же принял стратегический план (2011–2013), где впервые сделал частью национальной стратегии культурное разнообразие. В соответствии с ним искусство стало рассматриваться как средство усиления социальной сплоченности и противодействия расизму⁴⁶.

С момента своего появления в культурной повестке Европы в 2007 г. межкультурный диалог является обязательным направлением культурной политики как в основных культурных программах, так и в планах по культуре ЕС. При этом он всегда идет рука об руку с целью построения идентичности «европейского гражданина» и укрепления и расширения европейского культурного пространства. Установление межкультурного диалога необходимо между всеми культурными группами в мультикультурном обществе, однако с 2015 г. мы можем отметить его акцентированную направленность на включение в сообщество групп, которым это особенно необходимо, — это мигранты и беженцы.

Межкультурный диалог, согласно документам, имеет два направления действия — внутри ЕС в отношениях его государств-членов и при культурном сотрудничестве с третьими странами.

В качестве практического примера реализации идеи межкультурного диалога могут быть рассмотрены Год межкультурного диалога ЕС и Китая (2012), а также проекты, реализуемые в настоящий момент в рамках программы «Креативная Европа» (2014–2020).

---

pean Union [official website]. URL: <http://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-14444-2015-INIT/en/pdf> (mode of access: 06.04.2017).

⁴⁶ Report on the role of public arts and cultural institutions in the promotion of cultural diversity and intercultural dialogue // European Commission [official website]. 2014. P. 21–22. URL: http://ec.europa.eu/assets/eac/culture/library/reports/201405-omc-diversity-dialogue_en.pdf (mode of access: 20.04.2017).

По результатам совместной декларации ЕС и Китая 2007 г.⁴⁷ было решено усилить культурное сотрудничество, следствием чего в итоге стало проведение Года межкультурного диалога ЕС и Китая. Его целями стали продвижение и укрепление межкультурного диалога и взаимопонимания между ЕС и Китаем через культурные обмены, укрепление взаимодействия между культурными институтами и организациями ЕС и Китая, устойчивый политический диалог, укрепление стратегического партнерства⁴⁸. Результаты года были оценены позитивно: было проведено в общей сложности 194 мероприятия, повышен уровень культурного сотрудничества, а по завершении года была принята новая Декларация по культурному сотрудничеству ЕС и Китая от 30 ноября 2013 г.⁴⁹

Программа «Креативная Европа» стала логическим продолжением программы «Культура». Она позиционируется как программа, защищающая и продвигающая культурное и лингвистическое разнообразие Европы, что осуществляется через реализацию проектов транснационального сотрудничества как стран — членов ЕС, так и третьих стран, через поддержку кино и т. д.⁵⁰ Общий бюджет семилетней программы составляет 1,46 млрд евро и предполагает распределение средств посредством грантов на международные проекты, в том числе и с участием третьих стран — аналогичным образом, как это было предусмотрено в предыдущих программах, таких как «Культура» или «Европа для граждан» (2007–2013). Также стоит отметить тот факт, что ответом на миграционный кризис в ЕС стало появление целого ряда действующих на настоящий момент проек-

---

⁴⁷ Joint Declaration 2007 // European Commission [official website]. URL: http://ec.europa.eu/assets/eac/culture/tools/documents/eu-china-year/joint-declaration_en.pdf (mode of access: 01.07.2017).

⁴⁸ 2012 EU — China Year of Intercultural Dialogue: Joint Concept // European Commission [official website]. URL: http://ec.europa.eu/assets/eac/culture/tools/documents/eu-china-year/joint-concept_en.pdf (mode of access: 01.07.2017).

⁴⁹ EU — China Year of Intercultural Dialogue // European Commission [official website]. URL: https://ec.europa.eu/culture/initiatives/eu-china-intercultural_en (mode of access: 01.07.2017).

⁵⁰ Refugees, migration and intercultural dialogue // European Commission [official website]. URL: https://ec.europa.eu/programmes/creative-europe/cross-sector/refugees-migration-intercultural-dialogue_en (mode of access: 01.07.2017).

тов в рамках «Креативной Европы», направленных на интеграцию мигрантов и беженцев в европейское общество. Например, в настоящий момент реализуется 12 таких проектов с бюджетом 2,35 млн евро при участии 62 организаций из 20 государств.

Проект «Исполнительское искусство между двумя берегами: арабские артисты в Европе» (с 1 июня 2016 по 31 декабря 2017 г.) с бюджетом в 195 тыс. евро имел целью развитие навыков и компетенций арабских артистов, которые недавно оказались в Европе. Проект состоит из двух основных частей: первая направлена на развитие навыков и передачу знаний, вторая — на создание событий, выступлений, в которые можно вовлечь аудиторию и сообщества, в настоящее время исключенные из общественных культурных процессов и из общества в целом, в том числе мигрантов и беженцев. Также задачами проекта являются расширение возможностей транснационального сотрудничества и межкультурных навыков, продвижение создания и межнациональной циркуляции культурных работ и повышение мобильности артистов в Европе и за ее пределами (страны-участницы — Франция, Германия, Нидерланды, Великобритания, Швеция, Бельгия).

Проект «Новые вызовы» (с 1 июня 2016 по 31 мая 2020 г.) с бюджетом в размере 1,57 млн евро направлен на исследование, создание, распространение и продвижение современного междисциплинарного искусства, связанного с наукой, особенно с социальными и прикладными ее направлениями. Проект призван подчеркнуть важность такого искусства в связи с мультикультурной интеграцией в ЕС: с его помощью не только произойдет вовлечение мигрантов в культурный процесс, но и аудитория получит новые навыки, знания и опыт, что, по словам его авторов, поможет противостоять нетерпимости, стереотипам, предрассудкам и социальным страхам (Словения, Венгрия, Хорватия, Сербия, Нидерланды, Латвия, Греция, Великобритания, Польша, Франция).

Проект «Другие арабские мигранты. Европейская идентичность через 8 авторов второго поколения» (с 1 сентября 2015 по 31 августа 2017 г.) с грантом в размере 60 тыс. евро имеет своей целью борьбу с исламофобией в Европе. По итогам проекта будет издано восемь томов работ авторов арабского происхождения обоих

полов первого и второго поколения родом из Франции, Великобритании, Германии, Нидерландов и Швеции, рожденных в период с 1971 по 1992 г. В содержании этих работ должны быть отражены вопросы, связанные с чувством принадлежности и национальной идентичности людей, оказавшихся в Европе, с конфликтом самоидентификации и дискомфорта, который они испытывают. Издание таких работ также позволит создать своеобразную платформу европейских авторов арабского происхождения, на основе которой сможет развиваться дискуссия, нацеленная на преодоление барьеров и более глубокое развитие идей межкультурной интеграции. Аудиторией проекта являются как обычные европейцы, так и мигранты, а также все социально уязвимые группы населения. Страна реализации проекта — Италия.

Одновременно действуют программы по продвижению межкультурного диалога без акцента на проблему интеграции мигрантов и беженцев в европейские страны. Это, например, такой крупный проект, как «Мы — это Европа» (с августа 2015 по декабрь 2018 г.) с бюджетом в 1,91 млн евро. Проект предполагает организацию восьми фестивалей-форумов независимой цифровой и визуальной культуры, на которых встретятся признанные европейские профессионалы, а также молодые деятели искусства и зарубежные художники и которые совместят в себе и искусство, и политику. Целями проекта являются поощрение мобильности идей, продвижение межкультурного диалога и повышение политической осведомленности в Европе посредством конференций и дебатов, организованных в рамках каждого мероприятия.

***

Проекты в рамках «Креативной Европы», продвигающие межкультурный диалог, еще не завершены. Тем не менее, мы можем отметить возникновение в рассматриваемый период 2014–2016 гг. ряда масштабных проектов с большим бюджетом по развитию межкультурного диалога, в том числе и в качестве средства включения мигрантов и беженцев в принимающее сообщество. В отсутствие результатов этих проектов сложно точно оценить их эффективность, однако, используя количественные данные, можно

сказать, что, несмотря на масштабность и высокое финансирование этих проектов, их общее число невелико. Хотя, с одной стороны, в рамках европейской культурной политики привлекаются огромные ресурсы для построения межкультурного диалога в Европе, и в этом смысле культурной политике ЕС нет в этом аналогов, с другой стороны — едва ли проблему социальной исключенности огромных групп населения, которая только усугубилась в свете миграционного кризиса, возможно решить посредством реализации нескольких культурных проектов. По нашему мнению, данные действия, осуществляемые в рамках культурной политики, не отвечают на вопрос о том, как дальше будет строиться мультикультурное общество в Европе в долгосрочной перспективе, а их малая эффективность несопоставима с большими затратами.

Значимость межкультурного диалога как инструмента дипломатии ЕС подчеркивается на всех его институциональных уровнях. В марте 2017 г. в Брюсселе прошел симпозиум «Культурная и творческая индустрия в Европе: максимизация вклада культуры в социальное и экономическое развитие», где одна из сессий («Поощрение межкультурного диалога в Европе: укрепление культуры в общих общественных пространствах») была посвящена международному измерению европейских культурных и творческих отраслей. Обсуждались вопросы, связанные со стратегией ЕС в области международных культурных связей, с возможностью поддержки дружественных сетевых инициатив между молодыми творческими и культурными предпринимателями. Однако 30 мая 2017 г. на заседании Комиссии по иностранным делам представители Европейского парламента отметили, что союз нуждается в более эффективной стратегии культурной дипломатии, а именно в выработке четкой программы действий и годовых мероприятий с определенным бюджетом. При этом они подчеркнули значимость межкультурного диалога, который способствует мирному сосуществованию различных сообществ, укреплению сотрудничества в области культурного наследия, поддержанию мира и устойчивого социально-экономического развития, а также помогает бороться против экстремизма и радикализации общества.

Развитие межкультурного диалога является перспективной моделью построения межкультурных отношений, которая создает образ ЕС как организации, которая способна справиться с вызовами современного мира, связанными с растущим культурным разнообразием в результате миграций, превращения мира в общий дом.

Глава 8

Черноморское экономическое сотрудничество: сферы взаимодействия и перспективы развития организации

Инициатива формирования региональной группировки причерноморских стран принадлежит Турции. В конце 1990 г. президент Турции Тургут Озал предложил создание так называемой «Черноморской зоны процветания и сотрудничества» среди причерноморских государств — Болгарии, Румынии, СССР и Турции. Спустя два года, 25 июня 1992 г., уже 11 стран (Албания, Армения, Азербайджан, Болгария, Грузия, Греция, Молдавия, Румыния, Россия, Турция и Украина) подписали Декларацию о создании Черноморского экономического сотрудничества (так называемую Стамбульскую декларацию), а также Босфорское заявление. Так было положено начало развитию черноморского процесса и создана новая региональная инициатива — Черноморское экономическое сотрудничество (ЧЭС).

В 1999 г. ЧЭС официально оформилось в организацию с вступлением в силу Устава объединения (подписан в Ялте в 1998 г.)¹. В 2004 г. число членов увеличилось до 12 с вступлением в состав ЧЭС Сербии.

На сегодняшний день ЧЭС является международной организацией, объединяющей страны, расположенные вокруг или вблизи

---

¹ Charter of the Organization of the Black Sea Economic Cooperation // BSEC [official website]. 17.08.2017. URL: <http://www.bsec-organization.org/documents/LegalDocuments/statutory/charter/Download/CHARTER%20web%20080630.pdf> (mode of access: 19.08.2017).

Черного моря. Кроме этого, 13 государств имеют статус наблюдателей при ЧЭС (страны ЕС — Австрия, Германия, Италия, Польша, Словакия, Франция, Хорватия, Чехия, а также Белоруссия, Израиль, США, Египет и Тунис), что позволяет им участвовать практически во всех проводимых мероприятиях организации без права голоса. Наряду с государствами, наблюдателями в ЧЭС являются некоторые международные организации, кроме этого, статус наблюдателя имеет Европейская комиссия ЕС. В 1999 г. ЧЭС установила отношения с ГА ООН, получив статус наблюдателя при ООН.

Цели и институты

ЧЭС является региональной экономической организацией, действия которой, согласно уставу, направлены на укрепление взаимного уважения и доверия, диалога и сотрудничества между государствами-членами; развитие и диверсификацию двустороннего и многостороннего сотрудничества на основе принципов и норм международного права (гл. 2, ст. 3 Устава ЧЭС). Страны ЧЭС выражают стремление к конструктивному и плодотворному сотрудничеству в самых различных областях экономической деятельности в целях превращения региона ЧЭС в зону мира, стабильности и процветания.

Организация играет роль форума для сотрудничества в широком диапазоне областей для 12 государств-членов. В соответствии с принципами и целями, определенными в Уставе, ЧЭС определяет общие подходы к политике своих государств-членов на уровне саммитов и министерских деклараций, межправительственных соглашений, документов по стратегии и планов действий, реализует проекты и инициативы, представляющие взаимный интерес.

Основным исполнительным органом ЧЭС является Совет министров иностранных дел (СМИД), действующий на постоянной основе и полномочный принимать решения по всем вопросам деятельности организации (он вправе также поручить вспомогательным органам принятие решений по конкретным вопросам с последующим информированием о результатах). Совет проводит заседания по крайней мере два раза в год (в мае-июне и ноябре-декабре) на территории страны, председательствующей в ЧЭС.

Председательство меняется каждые шесть месяцев, за это время страна-председатель координирует все мероприятия, осуществляемые в рамках ЧЭС, а также обеспечивает выполнение резолюций и решений, принятых организацией. Кроме этого, страна-председатель определяет набор приоритетов для сотрудничества в рамках ЧЭС. Функции председателя выполняет министр иностранных дел председательствующей страны. В рамках председательства предусмотрена система «тройки» — встречи действующего председателя, предыдущего и последующего для обмена мнениями по текущим вопросам деятельности ЧЭС с целью обеспечения преемственности повестки деятельности.

Рабочим органом ЧЭС является Комитет старших должностных лиц, в который входят представители министров иностранных дел стран — участниц ЧЭС. Комитет рассматривает деятельность вспомогательных органов, оценивает выполнение решений и рекомендаций Совета и разрабатывает рекомендации и предложения, которые будут ему представлены. Кроме этого, Комитет представляет Совету на утверждение годовой бюджет организации. Бюджет ЧЭС образуется за счет взносов государств-участников. Страна, в которой проходят заседания и встречи ЧЭС, несет расходы на их организацию.

Парламентская ассамблея ЧЭС учреждена в 1993 г. и представляет национальные парламенты государств-членов, представители которых осуществляют регулярные консультации с ЧЭС. Помимо консультативной роли, ассамблея формулирует мнения, рекомендации и направляет их в Совет министров. Основная работа парламентариев направлена на гармонизацию правовой базы в странах — членах ЧЭС в связи с реализацией совместных проектов.

Постоянный международный секретариат ЧЭС осуществляет организационное сопровождение и находится в Стамбуле. Согласно соглашению между ЧЭС и правительством Турции, штаб-квартира ЧЭС также находится в Стамбуле.

Другие вспомогательные органы ЧЭС — рабочие группы, группы экспертов, целевые группы или комитеты, учрежденные Советом или под его руководством, которые выполняют определённые Советом задачи, разрабатывают совместные проекты и осуществ-

ляют последующую деятельность в рамках реализации проектов и мероприятий в соответствующих областях.

Из числа вспомогательных органов ЧЭС следует выделить Деловой совет, Черноморский банк торговли и развития, Международный центр черноморских исследований.

Деловой совет ЧЭС создан в 1992 г. для оказания содействия правительствам стран в усилении интеграции Черноморского региона в мировую и региональную экономику и состоит из представителей деловых кругов государств — членов ЧЭС. Таким образом, направления деятельности Делового совета имеют два основных измерения: это внутренняя и внешняя экономическая интеграция. Региональная интеграция поддерживается за счет проведения секторальных конференций и форумов, создания региональных союзов и ассоциаций. Второе направление развивается через привлечение прямых иностранных инвестиций (Деловой совет участвует в крупных инвестиционных форумах, представляя инвестиционные возможности Черноморского региона, возглавляет инициативу по устранению препятствий для бизнеса и инвестиций (так называемая Черноморская инвестиционная инициатива)).

Черноморский банк торговли и развития (ЧБТР) был учрежден в 1994 г. и фактически начал функционирование в июне 1999 г. Учредителями ЧБТР являются все страны — члены ЧЭС, банк представляет собой международную финансовую организацию, имеющую свой устав, капитал, органы управления. Штаб-квартира находится в г. Салоники (Греция). Крупнейшими акционерами банка являются Греция, Россия и Турция (по 16,5 % каждая из стран). Уставной капитал ЧБТР составляет 2 млрд специальных прав заимствования. ЧБТР предлагает следующие финансовые продукты и услуги: кредитование стран — членов ЧЭС, а также международных организаций при условии заинтересованности последних в развитии Черноморского региона (основной вид деятельности); предоставление банковских гарантий для целей развития стран ЧЭС; участие в капитале как государственных, так и частных предпринимателей. Основная доля кредитования приходится на финансовые институты стран ЧЭС и банковский сектор (около 40 %), около 13 % средств выделяется компаниям, занятым в производ-

стве и добыче природных ресурсов, 12 % средств приходится на промышленный сектор. Основными получателями средств ЧБТР являются Россия (23 %) и Турция (19%)².

Одним из действующих проектов ЧБТР на территории России является предоставление кредитования краснодарскому производителю игристых вин ОАО «Абрау Дюрсо» для модернизации производственных мощностей, а также строительства гостиниц премиум-класса. Представители ЧБТР отмечают, что реализация подобного проекта будет иметь позитивные социально-экономические последствия на местном уровне через создание новых рабочих мест, стимулирование малого бизнеса, а также на региональном уровне за счет создания новых объектов туризма и воспитания культуры потребления вин в Российской Федерации. Контракт на 25 млн евро был подписан в 2011 г. и рассчитан на семь лет³.

Международный центр черноморских исследований призван играть роль «мозгового центра» и содействовать развитию сотрудничества между научными сообществами государств-членов, осуществлять консультационную поддержку в интересах стран региона ЧЭС.

В 1995 г. распоряжением правительства России учрежден Российский национальный комитет по ЧЭС (РНК ЧЭС) для координации участия в деятельности ЧЭС российских предпринимательских и научных структур, органов государственной власти. В феврале 2013 г. в структуре РНК ЧЭС начал работать Деловой совет РНК ЧЭС (ДС РНК ЧЭС). Его основные задачи — улучшение взаимоотношений с представителями бизнес-сообщества и объединениями предпринимателей ЧЭС, разработка бизнес-плана для привлечения инвестиций в Черноморский регион.

Таким образом, сотрудничество в ЧЭС институализировано в разных форматах и на разных уровнях: межправительственном

---

² Mobilizing Resources to Deliver Greater Development Impact. Annual Report 2016 // Black Sea Trade and Development Bank [official website]. URL: http://www.bstdb.org/publications/BSTDB_Annual_Report_2016.pdf (mode of access: 12.01.2018).

³ BSTDB Supports Wine Production and Agritourism in Southern Russia. Press Releases // Black Sea Trade and Development Bank [official website]. URL: http://www.bstdb.org/news-and-events/press-releases/press-releases_3379.htm (mode of access: 12.01.2018).

(Совет министров иностранных дел, Комитет старших должностных лиц, рабочие группы, секретариат), межпарламентском (Парламентская ассамблея), предпринимательском (Деловой совет ЧЭС), академическом (Международный центр черноморских исследований), финансовом (Черноморский банк торговли и развития).

Сферы взаимодействия

С целью обеспечения устойчивого роста национальных экономик и благосостояния народов, государства — члены ЧЭС сотрудничают в следующих областях: торговля и экономическое развитие, банковское дело и финансы, связь, энергетика, транспорт, сельское хозяйство и агропромышленность, здравоохранение и фармацевтика, охрана окружающей среды, туризм, наука и техника, обмен статистическими данными и экономической информацией, сотрудничество между таможенными и другими пограничными органами, борьба с организованной преступностью, незаконным оборотом наркотиков, оружия и радиоактивных материалов, всеми актами терроризма и незаконной миграцией и в других областях на основании решения Совета (ст. 4 Устава ЧЭС).

Транспорт и коммуникации. С момента своего создания ЧЭС уделяет особое внимание сотрудничеству в области транспорта и эффективному использованию растущего транзитного потенциала региона Черного моря. В 1992 г. была создана рабочая группа по транспорту и связи. В 1994 г. рабочая группа была разделена на две — по вопросам транспорта и по вопросам связи.

Сотрудничество по развитию дорожной инфраструктуры проводится в рамках Меморандума о взаимопонимании по скоординированному развитию Черноморской кольцевой автомагистрали (подписан в Белграде в 2007 г.). Целью проекта (который был предложен Россией) является создание транспортного кольца вокруг Черного моря с выходом на трансъевропейские магистрали за счет реконструкции и поэтапного строительства новых автомагистралей протяженностью более 7 тыс. км⁴.

---

⁴ Black sea countries complete preparations for implementation of Black Sea Ring project // World Highways. URL: <http://www.worldhighways.com/sections/emergent/>

Большинством стран уже согласованы национальные маршруты прохождения Черноморской кольцевой автомагистрали, но окончательного согласованного всеми странами маршрута прохождения Кольцевой автомобильной дороги вокруг Черного моря (КАЧМ) на сегодняшний день нет. В соответствии с меморандумом основной маршрут КАЧМ и его соединения могут включать следующие города: Стамбул, Самсун, Эдирне и Трабзон (Турция), Батуми и Поты (Грузия), Ереван (Армения), Баку (Азербайджан), Новороссийск, Ростов-на-Дону и Таганрог (Россия), Мариуполь, Мелитополь и Одесса (Украина), Кишинев (Молдавия), Бухарест и Констанца (Румыния), Хасково и София (Болгария), Ниш и Белград (Сербия), Тирана (Албания), Комотини и Александруполис (Греция).

Проект создания КАЧМ пока не получил реализации, во многом из-за различных конфликтов, в том числе территориальных, между странами ЧЭС. Кроме этого, каждая из стран финансирует свой участок дорог самостоятельно, что также создает определённые финансовые трудности.

В 2007 г. после подписания меморандума в Белграде был дан старт пробегу «Караван Черноморской кольцевой автомагистрали», в котором участвовали 12 грузовых автомобилей (по одному от каждой страны ЧЭС) по предположительному маршруту дороги. Во время пробега осуществлялся сбор данных о времени ожидания на границах, о процедурах и сборах, производилась оценка дорожной инфраструктуры. Было подсчитано, что ежегодный ущерб стран — членов ЧЭС при трансграничных перевозках составляет 229 млн долл. в год. Поэтому наряду с развитием транспортной инфраструктуры страны — члены ЧЭС заявляют о необходимости отдельного внимания вопросам либерализации перевозок автомобильным транспортом.

Сотрудничество по вопросам постепенной либерализации перевозок происходит на основе Меморандума о взаимопонимании по вопросам облегчения перевозки грузов автомобильным транспортом (подписан в Киеве в 2002 г.). Работа ведется в тесном

сотрудничестве с Международным союзом автомобильного транспорта и Союзом Ассоциации автомобильного транспорта в регионе ЧЭС. Руководящий комитет по упрощению автомобильных перевозок грузов исследует возможности упрощения процедур выдачи виз для профессиональных водителей, осуществляет мониторинг времени ожидания на границах, работает над гармонизацией политики сборов; разрабатываются проекты внедрения единого водительского удостоверения для стран Черноморского региона. В настоящее время активно разрабатывается пилотный проект по внедрению международного весового сертификата транспортных средств.

В 2011 г. в рамках российского председательства в ЧЭС Министерством транспорта РФ был предложен проект дополнительного Меморандума о взаимопонимании по развитию мультимодального паромного сообщения в регионе ЧЭС, направленный на упрощение паромного сообщения в Чёрном море. В условиях большого количества сухопутных границ развитие паромного сообщения позволит создать дополнительные маршруты, а также сократить время и издержки на перевозку. Речь идет о развитии паромных линий для перевозки грузов и автомобилей, пассажирского паромного сообщения и, как следствие, о создании туристско-рекреационных зон. Инициатива России получила поддержку остальных стран ЧЭС, в настоящее время ведется работа по подготовке итогового текста документа.

Развитие морской инфраструктуры ведется в рамках Меморандума о взаимопонимании по развитию морских магистралей в регионе ЧЭС (подписан в Белграде в 2007 г.), который подразумевает развитие морского сообщения для перевозки товаров и пассажиров. В меморандуме говорится о сотрудничестве и обмене информацией между администрациями портов, об упрощении доступа на все виды транспорта и продвижении интермодальности, совершенствовании безопасности мореплавания, о защите свободной и честной конкуренции в сфере международного судоходства между перевозчиками всех государств — членов ЧЭС. Ведется работа над созданием плана по развитию морских маги-

стралей, который должен определить формы практической реализации меморандума.

В соответствии с Транспортной стратегией России на период до 2030 г., предусматривающей увеличение объема грузооборота отечественных морских портов в 1,5 раза, в регионе Черного моря запланировано строительство сухогрузного порта Тамань. Выход на проектную мощность (свыше 93 млн т в год) запланирован к 2025 г., начало функционирования первой очереди — 2018 г.

Рабочая группа по связи работает над различными проектами в области коммуникаций. Так, группа координировала введение в эксплуатацию волоконно-оптических кабельных систем. В 1996 г. вступила в строй линия волоконно-оптической связи ИТУР (Италия — Турция — Украина — Россия), имеющая подсоединения в городах Палермо — Стамбул — Одесса — Новороссийск, соответственно, волоконно-оптический кабель проложен по дну Средиземного и Чёрного морей. В 1997 г. по дну Черного моря проложен телекоммуникационный кабель КАFOS, обеспечивающий связь Турцию (Стамбул), Болгарию (Варна) и Румынию (Мангалия). В 2001 г. введена в эксплуатацию Черноморская система оптоволоконного кабеля, соединившая Россию (Новороссийск), Украину (Одесса) и Болгарию (Варна). В 2008 г. по черноморскому дну проложен оптоволоконный кабель «Кавказ», который соединяет Болгарию (Варна) и Грузию (Поти), обеспечивая Интернетом не только Грузию (на 55 %), но и соседнюю Армению (на 85 %) и Азербайджан (на 50 %). Помимо региональных проектов, некоторые страны ЧЭС вовлечены в международные кабельные магистрали, самой крупной из которых является Транс-Азия — Европа (ТАЕ), имеющая мировое значение и протянувшаяся от Китая (Шанхай) до Германии (Франкфурт-на-Майне) (запущена в 1998 г., протяженность линии — более 27 тыс. км). Эти и другие проекты по прокладке линий оптико-волоконной связи стали одними из первых, воплощённых в жизнь в рамках ЧЭС.

Энергетика. Энергетические ресурсы региона, в том числе Каспийского бассейна, представляют собой не только крупный стратегический актив, но и предмет двустороннего и многостороннего экономического сотрудничества. От успехов в энергетической

сфере напрямую зависит экономическое развитие каждой из стран ЧЭС. Министры энергетики стран — членов ЧЭС подчеркивают важность развития следующих направлений: энергоэффективность и достижение устойчивого энергетического развития, развитие возобновляемых источников энергии и зеленой энергетики, обеспечение безопасности транспортировки нефти и газа, налаживание информационного обмена между странами.

На сегодняшний день сотрудничество в сфере электроэнергетики развивается наиболее активно. Некоторые страны ЧЭС сталкиваются с дефицитом собственной электроэнергии (Армения, Грузия). Объединение электроэнергетических систем, охватывающих все государства-члены, — самый важный проект в этой сфере, целью которого является рациональное, более эффективное производство и использование электроэнергии в регионе. На сегодняшний день завершено обобщение энергетических стратегий стран — членов ЧЭС. В 2005 г. Россия представила проект Черноморского электроэнергетического кольца для синхронизации энергосистем стран ЧЭС с поэтапной реализацией конкретных звеньев. Удалось сформировать «северную» и «западную» части кольца, что стало возможным благодаря синхронизации работы энергетических систем России, Украины, Азербайджана и Грузии. Ожидается запуск энергетического моста Азербайджан — Грузия — Турция, предполагающий поставки электроэнергии между странами, а также экспорт электроэнергии в Турцию.

Борьба с организованной преступностью. Занимая стратегическое геополитическое положение, регион Большого Причерноморья является коридором нелегальной миграции и преступности. В связи с этим в 1998 г. на острове Корфу министры внутренних дел ЧЭС подписали межправительственное соглашение по борьбе с преступностью, предусматривающее сотрудничество в противодействии незаконному обороту наркотиков, терроризму, контрабанде оружия и другим формам транснациональной организованной преступности. Соглашение вступило в силу за короткий срок для практики ЧЭС — через год, в 1999 г., и к нему сразу присоединились десять из 11 государств — членов ЧЭС. Все это свидетельствует о важности данной сферы сотрудничества. На практи-

ке соглашение реализуется через обмен информацией и опытом, координацию действий в борьбе с преступниками, обучение и профессиональную подготовку кадров для правоохранительных органов, проведение совместных заседаний и консультаций. При подписании соглашения обсуждалась возможность создания Черноморской полицейской организации (Черноморпол), однако проект был отклонен по организационным и правовым причинам.

Сотрудничество в борьбе с преступностью получило институциональное укрепление в 2002 г., когда была учреждена Сеть офицеров связи (утверждена Дополнительным протоколом 2002 г. к Соглашению о сотрудничестве в борьбе с преступностью).

После террористических атак 11 сентября 2001 г. СМВД ЧЭС выступил с Заявлением о совместных мерах по борьбе с международным терроризмом, не только осудив терроризм во всех его проявлениях, но и акцентировав, что сотрудничество в борьбе с терроризмом предусмотрено в Уставе ЧЭС. В 2002 г. СМВД ЧЭС выступил с заявлением, осуждавшим захват заложников в московском театре. Российская сторона внесла предложение усилить меры сотрудничества по борьбе с терроризмом, представив проект дополнительного протокола к соглашению 1998 г. Дополнительный протокол о борьбе с терроризмом был принят в 2004 г. и предусматривал в первую очередь обмен информацией о готовящихся террористических актах или их угрозе, террористических организациях и лицах, угрожающих безопасности гражданам государств — членов ЧЭС.

Малое и среднее предпринимательство. Рабочие группы по малому и среднему предпринимательству (МСП) образованы в 2001 г. с целью создания благоприятной бизнес-среды и содействия развитию предпринимательства в регионе. Ключевым приоритетом, как это определено в «Экономической повестке дня ЧЭС — на пути к продвинутому партнерству» (2012), является повышение конкурентоспособности и создание благоприятных условий для МСП путем создания справедливых условий на национальном и региональном уровнях, в том числе за счет стимулирования экспортного потенциала МСП и развития приграничного сотрудничества и делового партнерства с соседними странами; обмена опытом

и ноу-хау (в том числе через программу «Экспертный обмен ЧЭС МСП» для B2B); организации подготовки для молодых предпринимателей (в том числе через создание бизнес-инкубаторов) и поощрения стартап-проектов (в особенности высокотехнологичных); поддержки МСП в области экологически чистых продуктов и услуг.

В 2007 г. был начат первый совместный проект между ЧЭС и Программой развития ООН (софинансируется Грецией, Турцией, ЧЭС и ООН) — Программа Черноморского содействия торговле и инвестициям, направленная на развитие торговых и инвестиционных связей между государствами — членами ЧЭС, при непосредственном участии бизнес-сообществ через организацию секторальных мероприятий B2B с акцентом на потенциал МСП во внутрирегиональной торговле и инвестициях.

На сегодняшний день в сфере развития экономики и бизнеса в регионе осуществляется ряд программ, таких как «Передвижные инкубаторы/технопарки и обмен передовым опытом, знаниями и практикой между государствами — членами ЧЭС», «Женщины и предпринимательство», «МСП в условиях глобального кризиса», «„Зелёное“ предпринимательство и устойчивое развитие».

Сельское хозяйство и агропромышленный комплекс. На сегодняшний день приоритетными вопросами в сфере сельского хозяйства и агропромышленности являются следующие: проведение консультаций по разработке эффективных мер контроля и надзора за рыбной ловлей; оценка перспектив оптимизации сотрудничества в сфере производства вина; сотрудничество в селекции, воспроизводстве и защите растений, дальнейшее укрепление сотрудничества между аграрными научно-исследовательскими и образовательными учреждениями; разработка совместной программы по борьбе с распространением высокопатогенного птичьего гриппа и других заболеваний; развитие сотрудничества в области безопасности пищевых продуктов между соответствующими учреждениями и аккредитованными лабораториями государств — членов ЧЭС.

Были одобрены и реализуются две проектные заявки: в области улучшения ирригации в Черноморском регионе, а также в сфе-

ре лечения заболевания печени у коров на малых молочных хозяйствах в Сербии, Румынии и Молдавии.

Помощь при чрезвычайных ситуациях. Между странами ЧЭС в 1998 г. в Сочи было подписано правительственное соглашение о сотрудничестве в оказании помощи в ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Соглашение предусматривает обмен информацией и свободное передвижение спасателей через государственные границы. На территории стран Причерноморья проводятся учения по реагированию в чрезвычайных ситуациях. Одно из таких учений было организовано в Гюмри (Армения) и было приурочено к 20-летию Спитакской катастрофы 1988 г. Помимо рабочей группы по сотрудничеству в оказании чрезвычайной помощи, в случае необходимости собирается специальная группа по сейсмическим рискам. Кроме того, МЧС России инициировало создание Международного морского спасательного центра в Геленджике, а также Черноморского корпуса специального реагирования; пока эти инициативы не получили развития.

Наука и технологии. Содействие совместному развитию науки и технологий в регионе является приоритетным направлением сотрудничества с самого создания ЧЭС. Приоритеты деятельности в этом направлении: создание научно-исследовательской инфраструктуры и условий эффективного взаимодействия инновационных структур; поощрение совместных программ исследований и подготовки научных кадров; развитие государственно-частного партнёрства в области научных исследований; усиление сотрудничества между научно-исследовательскими институтами и университетами для обмена технологиями и опытом в области инновационных проектов. Завершен ряд точечных проектов, которые связаны с разработкой новых технологий, например, создан аппарат для диагностики коронарных артерий с использованием компьютерного моделирования, спроектирован мембранный реактор для очистки воды.

В 2010 г. в Салониках был подписан Меморандум о намерениях между ЧЭС и правительством США о научно-техническом сотрудничестве, предусматривающий сотрудничество сторон в этой сфере. Готовится рамочный документ для сотрудничества между

ЧЭС и ЮНЕСКО в области науки и технологий. Ведется сотрудничество с ЕС, в частности, в рамках Седьмой рамочной программы и программы «Горизонт 2020».

Другими областями сотрудничества стран — членов ЧЭС являются образование (разработка совместных университетских программ, развитие мобильности среди студентов стран ЧЭС, обмен опытом в преподавании и т. д.), защита окружающей среды (развитие системы экологического мониторинга), здравоохранение (проведение практических мер по предупреждению инфекционных заболеваний, разработка совместной стратегии эпидемиологического надзора, создание системы обмена информацией по предупреждению поддельного обращения лекарственных средств и др.), информационные и коммуникационные технологии (проекты «Транс-Евразийская информационная супермагистраль» и «Черноморская взаимосвязь»), культура и туризм, институциональное обновление (в 2007 г. принята «Совместная декларация об институциональном обновлении и эффективном управлении», направленная на совершенствование института государственной службы); обмен статистическими данными.

Перспективы развития ЧЭС

За более чем двадцатилетнюю историю существования ЧЭС проделало путь от инициативы до полноценной международной организации, созданы органы сотрудничества, подписаны и реализуются многосторонние межгосударственные договоренности. ЧЭС является единственной полноформатной организацией в регионе Причерноморья, которая способствует развитию взаимовыгодного сотрудничества, добрососедских отношений и упрочению стабильности. В рамках ЧЭС развивается диалог стран, создается культура регионального взаимодействия, что оказывает благотворное влияние на развитие как многостороннего, так и двустороннего диалога между странами. В каждой из сфер сотрудничества лидерами стран — членов ЧЭС поставлены амбициозные задачи, например, создание кольцевой автомобильной дороги вокруг Черного моря. Но большинство проектов остаются нереализованными.

ми, несмотря на подписание странами ЧЭС соответствующих деклараций.

Ограниченный эффект сотрудничества стран в рамках ЧЭС объясняется целым рядом факторов. Во-первых, Причерноморье не является «естественным» регионом: для него характерна большая культурная и историческая гетерогенность, то есть оно является регионом географическим, но не политическим, в котором отсутствуют объединяющая идея и общая идентичность, слабо развито доверие между странами, зачастую нет взаимного экономического интереса. Различие во мнениях относительно границ Черноморского региона хорошо иллюстрирует неопределенность самого этого понятия. Например, в документах ЕС говорится о десяти странах региона (шесть прибрежных стран плюс Армения, Азербайджан, Греция и Молдавия), а организация ЧЭС относит к региону 12 государств (те же плюс Албания и Сербия). В то же время некоторые страны — члены ЧЭС являются составными частями других регионов.

Анализ торговых потоков также свидетельствует, что Черноморский регион не сформировался в качестве единого целого. В предкризисный 2008 г. объем внутрирегиональной торговли между странами — членами ЧЭС составлял около 300 млрд долл. (28 % из которых приходилось на Россию), что является сравнительно небольшим показателем, учитывая объемы рынка. Внутрирегиональная торговля составляла чуть более 20 % внешней торговли черноморских стран. Большая часть внутрирегиональной торговли стран ЧЭС (более 70 %) приходилась на треугольник Россия — Турция — Украина. До недавнего времени Украина и Турция были третьим и пятым торговыми партнерами России по объемам товарооборота соответственно.

Начиная с 2000-х гг. страны ЕС становятся основным торговым партнёром для стран — членов ЧЭС. Торговый баланс всех стран ЧЭС дефицитный (за исключением Азербайджана и России за счет экспорта углеводородов), экспорт из стран ЕС в страны ЧЭС растет с каждым годом.

Глубина интеграции в ЧЭС имеет пределы. В середине 1990-х гг. обсуждался проект создания зоны свободной торговли

между странами — участницами ЧЭС, в 1997 г. была подписана Стамбульская декларация о создании ЗСТ. Однако со временем стало ясно, что сами страны не заинтересованы в продвижении к этой цели, поскольку экспорт большинства из них был ориентирован на внешние рынки (в первую очередь на страны ЕС), а не на внутрорегиональные. Кроме этого, не благоприятствовали созданию ЗСТ и объективные факторы — различные экономические уровни развития стран региона и внешнеторговые режимы (почти половина стран на тот момент не входила в ВТО). В 2008 г. было принято решение отказаться от создания ЗСТ.

Присутствие внешних акторов еще более дезинтегрирует регион, превращая его в «буферную зону» или «точку опоры» для проецирования внерегиональных интересов. Сегодня все члены ЧЭС находятся на различных этапах и уровнях вовлечения во всевозможные организации и проекты. Так, три страны ЧЭС — Греция, Болгария и Румыния — являются членами Евросоюза; Азербайджан, Армения, Белоруссия, Грузия, Молдавия, Украина являются участниками Европейской политики соседства и программы Восточного партнерства Евросоюза, которая успешно развивается. В то же время в апреле 2017 г. Молдавия стала страной-наблюдателем при ЕАЭС. Албания, Сербия и Турция имеют официальный статус стран-кандидатов на вступление в ЕС и ведут переговоры. Одновременно с этим такие страны, как Албания, Болгария, Греция, Румыния, Турция, являются членами НАТО; Грузия и Украина проявляют заинтересованность в членстве в НАТО. Россия и Армения являются членами ЕАЭС. При этом только у половины стран ЧЭС есть непосредственный выход к Черному морю (Болгария, Грузия, Россия, Румыния, Турция, Украина). Можно говорить о том, что у стран нет единого образа будущего и понимания, как должны развиваться организация и регион в целом.

В настоящее время самым влиятельным внерегиональным актором в Черноморском регионе является ЕС. Он проявил интерес к Причерноморью лишь после получения членства в нем причерноморскими странами — Болгарией и Румынией в 2007 г. На саммите в июне 2007 г. Европейский совет принял программу «Черноморская синергия», в рамках которой предлагались сотрудничество

ЕС и стран Причерноморья и реализация проектов в следующих областях: транспорт, энергетика, внутренняя безопасность, экология и демократия. Впоследствии «Черноморская синергия» стала новым направлением Европейской политики соседства.

На сегодняшний день ЕС осуществляет три программы в регионе Причерноморья — «Черноморская синергия», «Восточное партнерство» и «Природоохранное партнерство для Черного моря». Более того, если ЧЭС больше не ставит своей целью создание ЗСТ, то ЕС имеет двусторонние преференциальные торговые режимы со всеми странами — членами ЧЭС. ЕС стремится выстраивать взаимодействие со странами ЧЭС в рамках собственных инициатив. Такой подход не разделяет, в частности, МИД России, выступающий за равноправный диалог между ЧЭС и ЕС на правах «субъект — субъект». Однако, принимая во внимание соотношение ресурсов и интересов, а также нарастание конфронтации между странами ЧЭС, нельзя исключать, что в конечном итоге программа «Восточное партнерство» отодвинет ЧЭС на второй план.

В то же время ЧЭС объединяет страны — бывшие соперницы по холодной войне, а также страны, имеющие собственные амбиции на Черном море (Россия, Турция и Румыния). Исторические обстоятельства, а также не совпадающие интересы стран региона являются причиной низкого уровня взаимного доверия между странами — членами ЧЭС. Связано это с наличием «замороженных конфликтов» на территориях Азербайджана, Грузии, Молдавии, Украины, Турция официально не признает геноцид армян, Греция обвиняет Турцию в геноциде понтийских греков. Традиционно натянутые отношения существуют между Грецией и Албанией, Румынией и Молдавией. Грузино-южноосетинский конфликт 2008 г. повлек за собой многолетнюю «заморозку» отношений между Россией и Грузией. Вхождение Крыма в состав России и события на юго-востоке Украины обострили стратегические проблемы в отношениях между Россией и Украиной. Атака Турцией российского самолета «Су-24» в ноябре 2015 г. также имела негативные последствия. Все эти обстоятельства позволяют говорить о регионе Большого Причерноморья как о зоне не ослабевающей поли-

тической напряженности и, как следствие, геополитической игры и соперничества, что, несомненно, осложняет деятельность ЧЭС.

В этих условиях даже скромные результаты работы ЧЭС заслуживают внимания. Организация состоялась прежде всего как форум, на котором страны-члены обсуждают многосторонние и двусторонние проекты. Впоследствии часть этих проектов реализуется усилиями заинтересованных государств, иногда при экспертной и координационной поддержке органов ЧЭС. Различия в интересах стран-участниц нередко приводят к дублированию, а иногда и к очевидной конкуренции проектов, прежде всего инфраструктурных. Возможности организации реализовывать масштабные практические мероприятия определяются и политическим характером принимаемых решений, и ограниченными финансовыми ресурсами.

За два десятилетия своего существования организация ЧЭС продвинулась не столько в экономической интеграции, сколько в развитии атмосферы доверия между странами региона. Однако в последние годы это хрупкое доверие оказалось подорвано, в том числе из-за внерегиональных событий. Успешное функционирование ЧЭС возможно при неполитизированном многопрофильном сотрудничестве в условиях политической стабильности и доверия.

В 2017 г. организация отметила свое 25-летие, в Стамбуле состоялся юбилейный саммит глав государств и правительств стран ЧЭС. По итогам саммита была принята декларация, в которой страны выразили готовность продолжать развивать сотрудничество в рамках ЧЭС, укреплять мир и стабильность в регионе⁵. Страны отметили, что необходимо и в дальнейшем наращивать и воплощать проектный потенциал ЧЭС, в первую очередь в таких сферах, как транспортная и информационно-цифровая инфраструктура. Для реализации проектов страны ЧЭС намерены поощрять участие в них малых и средних предприятий, семейных фермерских хозяйств, женщин, молодежи, лиц с ограниченными

---

⁵ Декларация 25-го юбилейного саммита Организации черноморского экономического сотрудничества // ПАЧЭС [официальный сайт]. 17.08.2017. URL: <http://www.pabsec.org/depo/files/25th%20BSEC%20SUMMIT%20DECLARATION%20RUS.pdf> (дата обращения: 19.08.2017).

возможностями, беженцев. В декларации также отмечается, что страны — члены ЧЭС обязуются демонстрировать солидарность при решении проблем мигрантов и беженцев в регионе ЧЭС и за его пределами. В целом Стамбульская декларация 2017 г. утверждала превращение Черноморского региона в зону мира, стабильности и процветания, как это было обозначено и в Стамбульской декларации 1992 г.

***

ЧЭС было сформировано в 1992 г. как региональная инициатива, целью которой являлось создание Черноморской зоны процветания и сотрудничества. Через несколько лет государства-участники осознали, что для достижения поставленных целей необходимо иметь соответствующие институты, в результате в 1999 г. ЧЭС трансформировалось в международную организацию, которая отметила свой 25-летний юбилей в 2017 г. На сегодняшний день в ЧЭС входят 12 причерноморских стран, половина из которых не имеет прямого выхода к Черному морю.

Изначально в рамках ЧЭС предполагалось создание ЗСТ (в 1997 г. в Стамбуле была подписана соответствующая декларация), однако со временем стало ясно, что сами страны не заинтересованы в этом, так как экспорт большинства из них был ориентирован на внешние рынки. В результате в основу работы ЧЭС был положен проектный подход. В рамках организации реализуется ряд региональных проектов, направленных на обеспечение безопасности и стабильности в Черноморском регионе (прежде всего в сферах транспорта и коммуникаций, энергетики, борьбы с организованной преступностью, помощи при чрезвычайных ситуациях). Ключ к успеху деятельности ЧЭС лежит в реализации сугубо региональных проектов, так как вопросами глобального характера уже занимается ряд крупных международных организаций.

Существует целый ряд обстоятельств, не способствующих реализации на практике целей и проектов ЧЭС. В своем роде ЧЭС — это попытка институционализировать географический регион при отсутствии должных объективных предпосылок. Состав участников организации слишком разнороден, ЧЭС объединяет страны,

имеющие серьезные политические разногласия друг с другом, невелика экономическая заинтересованность в сотрудничестве (во многом из-за присутствия в регионе крупных внерегиональных игроков). Как следствие, большинство инициатив организации носит декларативный характер. В сложившихся условиях углубление сотрудничества между странами ЧЭС труднодостижимо.

Глава 9

Концепт регионального блока в Центрально-Восточной Европе

В настоящее время Евросоюз и НАТО в силу своей политики расширения создали геополитическую «серую зону» в Восточной Европе и на Южном Кавказе. Эти западные организации и в ближайшем будущем не будут готовы и не способны заполнить сложившийся там вакуум безопасности. На этом фоне ряд политиков, дипломатов и ученых из постсоветских стран начали обсуждать альтернативные варианты частичного обеспечения безопасности и международной включенности своих стран. Наиболее заметным из проектов региональной безопасности является создание коалиции так называемого «Междуморья».

Исторические предпосылки союза государств Междуморья

Идея ассоциации или конфедерации, которая могла бы объединить государства Восточной и Центральной Европы, от прибалтийских республик на северо-востоке до государств бывшей Югославии на западе Балканского полуострова, зародилась в XIX в.¹ Подобный союз должен был стать средством отражения угрозы, исходившей в их понимании от царской России на востоке и от Пруссии, а позже Германского рейха, на западе. Впрочем, эта идея

---

¹ *Kukiel M. Czartoryski and European Unity. Princeton, 2015.*

так и осталась на уровне геополитических рассуждений и не была использована в качестве основы внешней политики.

В начале XX в. идея Междуморья приобрела особую популярность в Польше. Обретя независимость к концу Первой мировой войны, вновьявленное польское государство искало пути выживания и усиления в условиях охватившего Европу хаоса — крушения империй, появления на карте новых границ и трансформации союзных отношений. Первый в межвоенный период руководитель Польши Юзеф Пилсудский (1867–1935) вновь ввел и переформулировал появившуюся в XIX в. концепцию Славянского союза как Междуморья². Распространение получил латинский термин *Intermarium*, под которым понимался своего рода союз государств Центральной и Восточной, а также Юго-Восточной Европы, расположенных между Балтийским, Черным, Адриатическим и/или Эгейским морями.

По завершению Первой мировой войны Пилсудский стремился к созданию восточноевропейского союза или даже федерации, в состав которой вошли бы Польша, Литва, Белоруссия и Украина. Тем самым задумывалось частичное воссоздание средневековой Польско-Литовской унии³. Варшавский договор 1920 г. между Польшей и Украинской Народной Республикой (УНР) стал первым шагом на пути к реализации подобного рода коалиции. Этим соглашением, также известным как «союз Петлюры — Пилсудского», была учреждена военно-экономическая коалиция между Второй Речью Посполитой и недолго просуществовавшей УНР в лице занимавшего тогда пост председателя Директории УНР Симона Петлюры⁴. Впрочем, альянс не смог предотвратить захвата больше-

---

² Intermarium as a Compromise Solution // EMPR.media [web-portal]. URL: <http://empr.media/opinion/analytics/intermarium-as-a-compromise-solution/> (mode of access: 22.01.2018).

³ Szepanski T. The Other Europe: An Interview on Intermarium // Counter-Currents [web-journal]. URL: <https://www.counter-currents.com/2015/11/the-other-europe-an-interview-on-intermarium> (mode of access: 22.01.2018).

⁴ On the 130th Anniversary of Symon Petliura's Birth // Ukrainian Congress Committee of America [official website]. URL: http://ucca.org/index.php?option=com_content&view=article&id=28%3A-on-the-130th-anniversary-of-symon-petliuras-birth&catid=8%3Aucca-statements&Itemid=23&lang=en (mode of access: 22.01.2018).

виками, вышедшими победителями из советско-польской войны 1920 г., Украины и Белоруссии⁵. Стало ясно, что территории, оказавшиеся под контролем образованного в 1922 г. Советского Союза, не могли более рассматриваться в качестве подходящих для реализации модели Междуморья. С точки зрения так называемого «прометеизма» — польского антиимперского проекта, направленного на укрепление национализма среди малых народов Евразии, их следовало бы сначала освободить от влияния Москвы в рамках возникшего одновременно с этим более масштабного проекта⁶.

После распада альянса с Петлюрой и самой УНР Пилсудский стремился к созданию иной структуры, а именно союза, насчитывающего около десятка европейских государств. В эту новую модель уже не входили коммунистические Украина и Белоруссия⁷. Второй вариант модели коалиции, разработанный Пилсудским, объединил бы государства Центральной и Восточной Европы, а также балтийские, балканские и скандинавские государства, Италию и Грецию. Целью такого крупного альянса было объединение его членов в противостоянии с Советским Союзом на Востоке и все более ирредентистским немецким националистическим государством, в которое позже эволюционирует Третий рейх, на Западе. Однако весьма широкие географические рамки нового проекта Пилсудского в совокупности с разнородностью государств и внутриполитических режимов в них, а также скептическое отношение малых славянских государств к польским внешнеполитическим амбициям сделали невозможной его реализацию⁸.

Когда в 1939 г. Германия и Советский Союз разделили Польшу и большую часть Центрально-Восточной Европы между со-

---

⁵ *Magocsi P. R.* A History of Ukraine: The Land and Its Peoples. Toronto, 2010. P. 534.

⁶ *Bruski J. J.* Between Prometheism and Realpolitik : Poland and Soviet Ukraine, 1921–1926. Wydawnictwo UJ, 2016. P. 298.

⁷ The Three Sea Initiative and Donald Trump // Hungarian Spectrum [web-portal]. URL: <http://hungarianspectrum.org/2017/06/29/the-three-seas-initiative-and-donald-trump/> (mode of access: 22.01.2018).

⁸ *Ištok R., Koziak T.* Międzymorze as a Polish Geopolitical Concept // Prešovska univerzita v Prešove [official website]. URL: <http://www.unipo.sk/public/media/12484/Medzimorie%20anglick%C3%BD%20preklad.pdf> (mode of access: 22.01.2018).

бой, страхи Пилсудского материализовались. После завершения Второй мировой войны большинство государств, рассматривавшихся Пилсудским в качестве потенциальных участников проекта Междуморья, оказались в советском блоке под эгидой Москвы. В результате соглашения, заключенного СССР, США и Великобританией в феврале 1945 г. в Ялте, Центральную и Восточную Европу постигла та самая участь, предотвратить которую, по задумке Пилсудского, должен был проект Междуморья⁹. Последующие десятилетия под советской, просоветской или иной коммунистической властью (как в случае с Югославией) стали еще одним звеном, объединившим территории Междуморья, и прежде объединенные различными историческими, политическими, лингвистическими, религиозными и личными связями.

Еще одной общей чертой, характерной для государств Центрально-Восточной Европы в XX в., является дискриминационный дискурс Запада в их отношении. Большинство аналитиков на Западе были склонны к тому, чтобы явно или неявно «отрезать» историю государств, расположенных между Балтийским, Адриатическим и Черным морями, от европейской. Подобное изображение Европейского континента и цивилизации было исследовано и подвергнуто критике такими историками, как Тони Джуд¹⁰ и Норман Дэвис¹¹. В этом дискурсе тем, что мыслилось «реальной» Европой, были ее западные, северные, южные и частично центральные регионы. Для многих на Западе государства, контролируемые советским, просоветским или подобными режимами, казались настолько чуждыми, что не могли считаться действительно «европейскими». Подобные взгляды господствовали и на протяжении 1990-х гг. и до какой-то степени даже после того, как большинство бывших коммунистических государств получили статус полноправных членов или кандидатов на членство в НАТО и ЕС.

---

⁹ *Hickman K.* World War II: Yalta Conference // ThoughtCo [web-portal]. URL: <https://www.thoughtco.com/world-war-ii-yalta-conference-2361499> (mode of access: 22.01.2018).

¹⁰ *Judt T.* Postwar : A History of Europe Since 1945. N. Y., 2006.

¹¹ *Davies N.* Europe : A History. N. Y., 1996.

Актуальность Междуморья сегодня

Создание полноценного союза или федерации государств Центральной и Восточной Европы, как это задумывалось Пилсудским в межвоенное время, сегодня более не представляется ни возможным, ни необходимым. Очевидным образом устарела идея экономической интеграции территорий между Балтийским, Адриатическим и Черным морями. Это обусловлено тем, что большинство государств региона уже вступили в ЕС или, как в случае с оставшимися за его пределами западнобалканскими государствами, ожидается, что это произойдет в скором будущем. Украина, Молдавия и Грузия недавно заключили и в настоящее время имплементируют весьма масштабные соглашения об ассоциации с ЕС, которые можно, ввиду их глубины и широты, классифицировать как договоры об интеграции. Они, таким образом, скоро станут де факто частями торгового и правового пространства ЕС, вследствие чего будут экономически все более тесно связаны с другими государствами территории потенциального Междуморья.

На этом фоне такие инициативы внутри ЕС, как Вишеградская группа, инициатива «Троеморье» (Адриатическое — Балтийское — Черное море) или транспортный коридор «Виа Карпатия»¹², на первый взгляд напоминающие концепцию Междуморья, на самом деле мало относятся к ней, так как эти проекты имеют ограниченное значение для общей безопасности Восточной Европы. Безусловно, данные объединения осуществляют деятельность в разных политических и экономических сферах на территории Центрально-Восточной Европы и Балкан, будучи реминисценцией идеи Междуморья межвоенного периода. Тем не менее, они реализуются в контексте уже свершившейся глубокой интеграции вовлеченных в ЕС государств, их всесторонней европеизации и членства в НАТО (за исключением Австрии). Следовательно, эти новые международные проекты внутри ЕС уже не имеют значимого гео-

---

¹² Via Carpathia transport corridor of strategic importance for CEE: Polish PM // Cooperation between China and Central and Eastern European Countries [official website]. URL: http://www.china-ceec.org/eng/zdogjhz_1/t1414331.htm (mode of access: 22.01.2018).

политического измерения, не вносят значительный вклад в укрепление восточноевропейской безопасности и остаются, по сути, лоббистскими проектами внутри условного «Запада».

Возрождение идеи Междуморья как пути решения дилеммы безопасности в образовавшейся после завершения холодной войны «серой зоне» в Восточной Европе, на Западных Балканах и на Южном Кавказе имеет гораздо большее значение, нежели разнообразные новые схемы политического и экономического сотрудничества между восточноевропейскими членами НАТО. Они включают, к примеру, Адриатическую хартию, учрежденную США, Албанией, Хорватией и Македонией в 2003 г., к которой впоследствии в 2008 г. присоединились Черногория, а также Босния и Герцеговина. Однако пока непонятно, что будет с новыми независимыми государствами, расположенными между ЕС и НАТО, с одной стороны, и ОДКБ и ЕАЭС, с другой. Эти государства сейчас находятся в положении, подобном ситуации в Центральной и Восточной Европе в межвоенный период.

Примечательно, что сразу после распада СССР и Варшавского блока проект «Междуморье» возродился в своей оригинальной форме и со своей изначальной целью, пусть даже под другим названием. В начале 1990-х гг., когда еще не вполне было ясно, станут ли какие-то из центральноевропейских и восточноевропейских государств членами ЕС и НАТО и когда это произойдет, тогдашний президент Польши Лех Валенса выступил с идеей о создании так называемой «НАТО-бис», то есть отдельной организации безопасности, которая могла бы объединить посткоммунистические государства Европы и тем самым реализовать идею коалиции территорий между морями¹³. Этот проект был движим страхами, подобными тем, что испытывал Пилсудский 70 лет назад. Он стал бы де факто антиимперским союзом государств Центральной и Восточной Европы, направленным на их защиту от возможного нового российского экспансионизма, будучи своего рода реминисценцией «союза Петлюры и Пилсудского» 1920 г. Идея подобной

---

¹³ *Chodakiewicz M. J. Poland and the Future of NATO // Rice University* [[official website]. URL: <http://www.ruf.rice.edu/~sarmatia/999/chodakiewicz.html> (mode of access: 18.09.2017).

региональной коалиции безопасности продвигалась также другими политическими лидерами Восточной и Центральной Европы, начиная от Альгирдаса Бразаускаса в Литве и заканчивая Зеноном Позняком в Белоруссии.

Тем не менее, большинство государств предполагаемого союза Междуморья вскоре получило приглашения присоединиться к ЕС и НАТО. Государства, включенные в переговорный процесс о членстве в двух ключевых организациях Запада, таким образом, потеряли интерес к альтернативному восточноевропейскому союзу. Теперь они впервые получили шанс встроиться в гораздо более мощные международные конструкции, нежели Междуморье. Следовательно, для государств Центрально-Восточной Европы, сперва кандидатов, а впоследствии полноправных членов ЕС и НАТО, ценность создания новой региональной организации безопасности, не говоря о межгосударственном союзе, стремительно падала. Интеграция в западный мир, а не строительство союзных отношений с посткоммунистическими государствами отныне превалировали в их публичных дискурсах, национальных стратегиях и международных отношениях.

И все же на фоне угроз и рисков, еще имеющих место в Восточной Европе, а особенно на фоне неясной ситуации с безопасностью в государствах так называемого Восточного партнерства ЕС, концепция Междуморья не была полностью оставлена государствами региона после восточного расширения ЕС и НАТО. Правда, частично дискурс о Междуморье теперь также стал средством продвижения интересов расположенных на восточном фланге членов ЕС в рамках самого союза. Идея, таким образом, пережила возрождение в двух ипостасях: проекта более узкого регионального сотрудничества внутри ЕС, с одной стороны, и трансрегиональной концепции безопасности для «серой зоны» за пределами ЕС и НАТО, с другой. Когда партия «Право и справедливость» (ПиС) одержала победу на парламентских выборах 2015 г. в Польше, ее лидеры обозначили более активную позицию, которую намерена занять Варшава в делах как субрегиональной интеграции с восточными членами ЕС, так и широкой безопасности в Центральной и Восточной Европе. По крайней мере, первоначально ПиС стре-

милась к более тесному сотрудничеству не только в рамках Вишеградской группы, но и с Украиной, а также с другими государствами Восточного партнерства¹⁴.

У традиционалистской Польши, обратившей свой взор в сторону Вишеградской четверки, Междуморья и Украины, однако, всегда были двойственные намерения. Новая внешнеполитическая концепция шла параллельно с нарастающей критикой Пис в адрес Германии и Франции, которые, по мнению польских консерваторов, использовали ЕС в качестве инструмента репрессий в отношении более слабых новых националистических государств союза и средства укрепления либеральной антитрадиционалистской повестки основных партий Западной Европы¹⁵. Исходя из антиросийских и антигерманских настроений части лидеров и сторонников Пис, новый президент Польши Анджей Дуда за последние годы преуспел в использовании концепции Междуморья не только и не столько в качестве схемы сотрудничества государств Восточной Европы, направленной против возможных кремлевских амбиций, но и в качестве некой альтернативы доминирующим западным государствам внутри ЕС¹⁶. Неизвестно, насколько подобными мотивами руководствовался в своей деятельности новый президент Хорватии Колинда Грабар-Катирович, который усилил сотрудничество расположенных между Балтийским и Адриатическим морями членов ЕС в политической, экономической сферах и сфере безопасности¹⁷.

---

¹⁴ Dostál V. New 'Intermarium': What Poland wants from Visegrad? // Globsec: Ideas Shaping the World [web-portal]. URL: <http://www.cepolicy.org/publications/new-intermarium-what-poland-wants-visegrad> (mode of access: 18.09.2017).

¹⁵ Poland's influential PiS party leader Jaroslaw Kaczynski calls for EU reform // Deutsche Welle [web-portal]. URL: <http://www.dw.com/en/polands-influential-pis-party-leader-jaroslaw-kaczynski-calls-for-eu-reform/a-37435599> (mode of access: 22.01.2018).

¹⁶ The Three Sea Initiative and Donald Trump // Hungarian Spectrum [web-portal]. URL: <http://hungarianspectrum.org/2017/06/29/the-three-seas-initiative-and-donald-trump/> (mode of access: 22.01.2018).

¹⁷ The Adriatic-Baltic-Black Sea — Connecting the Energy Infrastructure and Diversifying Energy Sources // Predsjednica Republike Hrvatske Kolinda Grabar-Kitarović [official website]. URL: http://predsjednica.hr/files/NEWSLETTER%20VIEWS%20and%20NEWS_no%205.pdf (mode of access: 22.01.2018).

Реактивация же проекта Междуморья в украинской экспертной, политической и дипломатической среде осуществляется из совершенно иных соображений. Киевский интерес в этом проекте связан прежде всего с проблемами национальной безопасности на фоне конфликта на юго-востоке Украины. Междуморье видится в Киеве скорее в виде дополнения, чем альтернативы другим интеграционным проектам и схемам сотрудничества, а не как площадь ведения каких-либо внутриевропейских политических игр. В логике конструирования проекта Междуморья Украина уже развила систему особых связей с Молдавией, Грузией и Азербайджаном в рамках Организации за демократию и экономическое развитие (ГУАМ — Грузия, Украина, Азербайджан, Молдавия)¹⁸. Вследствие «оранжевой революции» в 2005 г. девятью восточноевропейскими государствами было создано так называемое Содружество демократического выбора в составе Украины, Грузии, Литвы, Латвии, Эстонии, Молдавии, Словении, Македонии. На учредительном форуме присутствовали в качестве наблюдателей представители Азербайджана, Болгарии, Венгрии, Чехии, Польши, ООН и ОБСЕ¹⁹. Украина также начала более интенсивное военное сотрудничество с Польшей и Литвой, в рамках реализации которого была создана совместная военная бригада трех стран²⁰. Согласно проведенным недавно на Украине опросам общественного мнения, Литва и Польша являются государствами, которым украинцы симпатизируют более всего²¹. Подобные тенденции свидетельствует о наличии у населения бывших под советским контролем территорий

---

¹⁸ About GUAM // Ministry of Foreign Affairs and European Integration of the Republic of Moldova [official website]. URL: <http://www.mfa.gov.md/about-guam-en/> (mode of access: 22.01.2018).

¹⁹ Ukraine: Regional Leaders Set Up Community Of Democratic Choice // Radio Free Europe [web-portal]. URL: <https://www.rferl.org/a/1063461.html> (mode of access: 22.01.2018).

²⁰ LitPolUkrBrig History // Lithuanian-Polish-Ukrainian Brigade in Lublin, Poland [official website]. URL: <http://litpolukrbrig.wp.mil.pl/en/91.html> (mode of access: 22.01.2018).

²¹ Опитування IRI: Динаміка суспільно-політичних поглядів в Україні // Соціологічна група «Рейтинг» [офіційний сайт]. URL: http://ratinggroup.ua/research/ukraine/poll_iri_dinamika_obschestvenno-politicheskikh_vzglyadov_v_ukraine.html (дата обращения: 22.01.2018).

в Центральной и Восточной Европе чувств общности интересов, представлений, угроз и в какой-то степени даже идентичности. И все же ни один из этих и других производных проектов Междуморья пока не привел к созданию эффективного союза безопасности в Восточной Европе.

Более того, «Междуморье» как концепция безопасности стало использоваться в качестве инструмента продвижения узких интересов новых традиционалистов, находящихся у власти в Польше. Судя по всему, Польша сейчас более всего стремится к созданию альтернативного центра влияния внутри ЕС, чтобы укрепить собственную позицию перед лицом западных государств и сбалансировать растущее влияние Германии на Западе в целом и в Европе в частности. Со стороны некоторых государств Восточной Европы проявляется растущий скептицизм относительно усиления роли Германии и немецкого видения европейского будущего. Это ведет к усилению противодействия политике Германии, к росту убеждений в том, что необходимо частичное возвращение суверенитета некогда делегированных Брюсселю национальных полномочий, когда ЕС расширился на восток в 2004–2007 гг.²² Для части консервативных элит государств Центральной и Восточной Европы на данном этапе характерно стремление к защите традиционных ценностей от натиска либерализации, миграции и плюрализма, усиление которых предполагается по мере продолжения европейской интеграции. Это, например, нашло свое отражение в серьезной оппозиции со стороны Вишеградской четверки и Словении котируемому распределению беженцев с Ближнего Востока и из Северной Африки между государствами — членами ЕС²³.

Правда, не все государства Центральной и Восточной Европы готовы противостоять Брюсселю и Берлину в той мере, в какой это

---

²² *Nougayrède N.* A new faultline has opened up between Germany and Poland // The Guardian [official website]. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/jan/16/germany-poland-eu-polish-government-european-stability> (mode of access: 22.01.2018).

²³ *Karpazli E.* How 6 Eastern European nations have hunted down refugees — in policy, and in practice // TRT World [web-portal]. URL: <https://medium.com/trt-world/how-6-eastern-european-nations-have-hunted-down-refugees-in-policy-and-in-practice-2e6040ab9264> (mode of access: 22.01.2018).

делает Польша. Создается впечатление, что лишь Венгрия разделяет идеи польской правящей партии о деволуции власти в структурах ЕС. Большинство же государств региона не желают вступать в серьезный конфликт с Германией и Францией по этому поводу. Ввиду этого новый трехсторонний формат сотрудничества был недавно инициирован Австрией, Чехией и Словакией в качестве противовеса возглавляемой Польшей Вишеградской группе²⁴.

Еще одной реминисценцией Междуморья является уже упомянутая инициатива «Троеморье», начало которой было положено в сентябре 2015 г. на встрече 12 государств региона в Дубровнике, а именно Вишеградской четверки, балтийских государств, Румынии, Болгарии, Хорватии, Словении и Австрии²⁵. Она получила известность в июле 2017 г. в связи с участием президента США Дональда Трампа во втором саммите «Троеморья» в Варшаве. Проект Инициативы Адриатического — Балтийского — Черного морей, или «Троеморья», фокусируется на развитии международной инфраструктуры в Центрально-Восточной Европе, включая транспортные проекты типа магистрали «Виа Карпатия», соединяющей Литву с северной Грецией. Новый альянс тоже способствует развитию сотрудничества в сфере энергетики, в частности, строительству терминалов сжиженного природного газа, что должно привести к снижению зависимости Центральной и Восточной Европы от российского газа. Если им удастся стать участниками проекта «Троеморья», государства, пока не входящие в ЕС (например, Украина), тоже смогут в будущем извлечь выгоду из этих планов. Китай также высказал свою заинтересованность в поддержке подобных инфраструктурных проектов в рамках реализации проекта «Один пояс, один путь»²⁶.

---

²⁴ Groszkowski J. The Slavkov Declaration: A new format of regional cooperation // Ośrodek Studiów Wschodnich im. Marka Karpia [official website]. URL: <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/analyses/2015-02-04/slavkov-declaration-a-new-format-regional-cooperation> (mode of access: 22.01.2018).

²⁵ Bekić J., Funduk M. The Adriatic — Baltic — Black Sea Initiative as the revival of «Intermarium» // Inst. for Development and Intern. Relations [official website]. URL: <http://www.irmo.hr/wp-content/uploads/2016/01/IRMO-Brief-2-2016.pdf> (mode of access: 22.01.2018).

²⁶ Ibid.

До сих пор, однако, ни в одном из вышеупомянутых проектов не была воплощена оригинальная идея Междуморья, заключающаяся в тесном объединении малых государств Центральной и Восточной Европы против общего противника, обладающего геополитическими и военными преимуществами.

***

И все же идея Междуморья после 1991 г. постоянно волновала и сегодня продолжает волновать умы, что отражается во множестве научных дискуссий и в периодических политических декларациях. Продолжающееся неучастие государств восточноевропейской и южнокавказской «серой зоны» в структурах безопасности до сих пор создает в России впечатление, что издержки и риски, которые влечет за собой ее политика в отношении Грузии, Молдавии и Украины, малы. Для этих стран вопрос о создании коалиции государств Восточной Европы стал особенно острым после драматических событий 2014 г. Три государства Восточной Европы, подписавшие соглашения об ассоциации с ЕС, теперь получают большую политическую, экономическую и военную помощь от НАТО и ЕС, чем ранее. Вместе с тем, они, как и раньше, оставлены один на один в своих отношениях с Москвой. Урок, который можно извлечь из истории межвоенного периода и начального этапа после распада СССР, говорит о том, что подобное положение вещей в Восточной Европе чревато большой геополитической нестабильностью.

Перевод с английского Е. А. Лапанович

Глава 10

Конструирование концептов субрегиональных блоков в польском научном сообществе¹

В силу географического положения, а также военно-стратегических, политических, экономических, социальных факторов Польша занимает ведущее место в Центрально-Восточной Европе, являясь одним из ведущих региональных оппонентов Российской Федерации. Реализуя свои собственные интересы на мировой арене, Польша является важным партнером США и занимает особую нишу в системе европейской безопасности². Для современной Польши участие в НАТО и ЕС является гарантом глобальной и особенно региональной безопасности страны, катализатором демократического транзита³. Приверженность евроатлантическим ценностям и политике не подвергается сомнению со стороны польского руководства. Одновременно они являются исходной позицией для формирования нового, учитывающего традиционные подходы концепта национального интереса в регионе.

Современная Польша играет важную роль в переформатировании геополитического пространства Центрально-Восточной Европы, которое после роспуска Варшавского пакта, распада СССР и вывода советских (российских) войск из Восточной Европы превратилось, используя терминологию Г. Киссинджера, в «серую зону»⁴. В некоторых научных трудах проекты переформатирова-

---

¹ Работа выполнена при поддержке программы Европейского союза ERASMUS+ Jean Monnet, проект 575043-EPP-1-2016-1-RU-EPPJMO-CHAIR.

² Remarks by President Obama and President Duda of Poland after Bilateral Meeting. Poland. July 08, 2016 // The White House [official website]. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2016/07/08/remarks-president-obama-and-president-duda-poland-after-bilateral> (mode of access: 24.08.2016).

³ *Sedelmeier U.* Eastern Enlargement : Risk, rationality and role-compliance // The Politics of European Union Enlargement : Theoretical Approaches, Abingdon, UK ; N. Y., USA, 2005. P. 120.

⁴ *Kissinger H.* Military Policy and Defense of the “Grey Areas” // Foreign Affairs. 1955. Apr.

ния геополитического пространства в Центральной и Восточной Европе оцениваются как «феномен неорегионализма»⁵.

В посткоммунистический период в Польше начала формироваться достаточно развитая система государственных и неправительственных аналитических центров, занимающихся исследованием и прогнозированием внешней и внутренней политики безопасности Польши. Становление польской политической мысли происходит на основе возрождения национальных традиций (буржуазного периода) и интеграции западных политических теорий⁶.

Одним из ведущих в Восточной Европе среди неправительственных *think tanks* признан Центр международных отношений (Centre for International Relations). Центр специализируется на исследовании политики НАТО и региональной безопасности, различных аспектов европейской интеграции, на двусторонних и многосторонних проблемах польской внешней, военной и энергетической политики⁷.

Варшавский Центр восточных исследований (Centre for Eastern Studies) является негосударственной организацией, изучающей социально-политические и экономические процессы в России, Германии, на Украине, в Белоруссии, странах Балтии, Вишеградской группе, Балканских государствах и Турции, а также проблемы энергетической интеграции⁸. Аналитические записки готовят Ю. Готковская, К. Страхота, А. Лоскот-Страхота, Я. Грошковский, П. Заховский⁹ и др.

---

⁵ Chaban N., Vernygora V. New Europe and Its Neo-Regionalism: a Working Case of the «Community of Democratic Choice» // TRAMES. 2008.

⁶ Sliva M. The Horizons of Polish Political Thought // Polish Political Science Yearbook (PPSY). 2012. V. 41. P. 12.

⁷ The Centre for International Relations [official website]. URL: <http://www.csm.org.pl> (mode of access: 11.01.2017).

⁸ Centre for Eastern Studies [official website]. URL: <https://www.osw.waw.pl/en> (mode of access: 11.01.2017).

⁹ См.: Gotkowska J. NATO's Eastern Flank — a new paradigm // Centre for Eastern Studies [official website]. 13.07.2016. URL: <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/analyses/2016-07-13/natos-eastern-flank-a-new-paradigm> (mode of access: 11.01.2017); Gotkowska J. The Baltic states after the NATO summit in Newport // Centre for Eastern Studies [official website]. 10.09.2014. URL: <https://www.os.waw.pl/en/publikacje/analyses/2014-09-10/baltic-states-after-nato-summit-newport> (mode

Созданный в 1991 г. в Люблине в качестве независимой ассоциации Институт Центрально-Восточной Европы (Instytut Europy Środkowo-Wschodniej) с 2010 г. специализируется на аналитических докладах по Центральной и Восточной Европе для Министерства иностранных дел¹⁰. Институт является инициатором создания центров польско-российского диалога и согласия в Варшаве и в Москве, а также исполнителем с польской стороны фундаментального исследования «Белые пятна — черные пятна: сложные вопросы в российско-польских отношениях»¹¹. С 2003 г. Институт издает ежегодник под редакцией И. Клочовского, А. Гила, Т. Капусняка и др. С 2007 г. авторы ежегодника (в частности И. Клочовский, С. Герхардт, П. Вандыш) поднимают тему «Срединной Европы» (Mitteleuropa) и ее особой роли в историческом и современном контексте¹². Особо стоит отметить, что Б. Йозвик и Т. Степневский подчеркивают, что расширение ЕС в Восточной Европе привело к созданию новой геополитической ситуации в этом регионе¹³.

of access: 14.10.2016); *Strachota K., Lang J., Matusiak M.* A new chapter in relations between NATO & the USA and Central Asia // Centre for Eastern Studies [official website]. 21.03.2012. URL: <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/analyses/2012-03-21/a-new-chapter-relations-between-nato-usa-and-central-asia> (mode of access: 30.07.2016); *Łoskot-Strachota A.* Rethinking the external dimension of the European Energy Policy // Centre for Eastern Studies [official website]. 15.01.2011. URL: <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/osw-report/2011-01-15/rethinking-external-dimension-european-energy-policy> (mode of access: 24.02.2017); *Groszkowski J., Gniazdowski M., Sadecki A.* A Visegrad cacophony over the conflict between Russia and Ukraine // Centre for Eastern Studies [official website]. 10.09.2014. URL: <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/analyses/2014-09-10/a-visegrad-cacophony-over-conflict-between-russia-and-ukraine> (mode of access: 24.09.2016); *Żochowski P., Menkiszak M.* Russia's reaction to the NATO summit in Warsaw // Centre for Eastern Studies [official website]. 13.07.2016 URL: <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/analyses/2016-07-13/russias-reaction-to-nato-summit-warsaw> (mode of access: 11.01.2017) и т. д.

¹⁰ Instytut Europy Środkowo-Wschodniej [official website]. URL: <http://www.iesw.lublin.pl> (mode of access: 17.01.2017).

¹¹ Белые пятна — черные пятна: сложные вопросы в российско-польских отношениях / под общ. ред. А. В. Торкунова, А. Д. Ротфельда; отв. ред. А. В. Мальгин, М. М. Наринский. М., 2010. 823 с.

¹² Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej [official website]. URL: http://www.iesw.lublin.pl/rocznik/pliki/Rocznik_2007-118.pdf (mode of access: 17.01.2016).

¹³ Central and Eastern Europe: convergence, integration and security // Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej. 2013. Rok 11. Zeszyt 6. S. 7.

В Польше, как и в ряде посткоммунистических стран, новый «ренессанс» переживает геополитика, которая оказалась наиболее удачным теоретическим концептом, пришедшим на смену вульгарному марксизму. Польский геополитик Л. Мочульский является автором фундаментальных работ в этой области «Геополитика. Сила во времени и пространстве» (Варшава, 1999) и «Рождение Междуморья» (Варшава, 2008)¹⁴. Под влиянием геополитики происходит формирование внешнеполитической стратегии и политики безопасности, международной идентичности Польши, позиционирование страны в глобальном и региональном пространствах, выстраивание ее отношений с соседними государствами. Среди влиятельных геополитиков выделим С. Беленя, С. Боярчика, А. Вербжицкого, Ф. Голембски, Т. Капусняка, Т. Клементевича, Ю. Тымановского и др. В свою очередь, политолог С. Белень обоснованно отмечает, что до сих пор спорными являются вопросы о том, что оказывает большее влияние — геополитические факты или геополитические теоретические построения¹⁵. В Восточной Европе появляются паннационалистические и имперские проекты, в результате наложения которых белорусско-украинское территориальное пространство стало предметом конкуренции между Россией и Польшей, где Польша пытается взять на себя роль представителя Запада¹⁶.

Польша рассматривает себя как наиболее важную силу на восточных границах ЕС и поддерживает интеграцию своих восточных соседей в ЕС и НАТО. С 1998 г. Польша является одним из инициаторов расширения влияния ЕС на восточных соседей.

Таким образом, польский национальный интерес формируется как интерес ведущей региональной державы в Центрально-Восточ-

---

¹⁴ Moczulski L. Geopolityka : Potęga w czasie i przestrzeni. Warszawa, 1999 ; Moczulski L. Narodziny Międzymorza. Warszawa, 2008.

¹⁵ Белень С. Геополитическое мышление о международном порядке // Российско-польские отношения в зеркале геополитических концепций / под ред. С. Беленя, А. Скушпека, Д. В. Карнаухова, О. В. Петровской. М., 2015. С. 9.

¹⁶ См.: Вербжицкий А. Национализм и геополитика в Восточной Европе // Российско-польские отношения в зеркале геополитических концепций. С. 38 ; Карнаухов Д. В. Польско-российские отношения в зеркале геополитических концепций: оценки современных польских исследователей // Проблемы национальной стратегии. 2013. № 5 (20). С. 209.

ной Европе. В связи с этим тема Восточного партнерства занимает заметное место в аналитике польских авторов. Россия при этом рассматривается как конкурент Запада¹⁷. Польское экспертное сообщество занимает жесткую и последовательную позицию в поддержке Украины против, как они называют, «гибридной войны», «новой игры без правил», которые ведет Россия¹⁸.

По мнению С. Сьераковски, НАТО как организация евроатлантической коллективной обороны должна постоянно адаптироваться к новым асимметричным угрозам, возможностям нарушения режима нераспространения. По мнению Т. Степневски, после распада СССР центр тяжести европейской стабильности сместился на восток. В регионе обострились межэтнические конфликты, возникли непризнанные государства, сложилась экономическая и политическая нестабильность ряда новых независимых государств, усилились террористические угрозы из Кавказского региона¹⁹.

Вместе с тем, польские эксперты акцентируют внимание на упрочении роли Германии в качестве лидера в ЕС. Это приводит их к выводу о том, что исторически важный «германский вопрос» вновь стал актуальным. Они подчеркивают, что отцы-основатели европейской интеграции не предполагали возвращения германской гегемонии. Но переговоры в нормандском формате по Украине вели Германия и Франция от имени ЕС.

С этим связано появление плана «Нового Восточного блока». Он означает координацию действий стран Центрально-Восточной Европы. Основанием для активизации темы «Нового Восточного блока» стал миграционный кризис. Дж. Фридман прогнозирует рост влияния Польши в регионе и реализацию ее амбиций в соз-

---

¹⁷ *Ras M. Rosja jako konkurent Zachodu w regionie czarnomorskim // Rocznika Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej. 2009. Rok 7. Część 1. Regionczarnomorski. Lublin, 2009. P. 27–45.*

¹⁸ *Jóźwik B., Stępniewski T. Transformacja, integracja i kryzysy w Europie Środkowej i Wschodniej // Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej. Rok 14. Zeszyt 5. 2016. S. 11–21.*

¹⁹ *Stępniewski T. NATO, ukraiński kryzys i szara strefa bezpieczeństwa Europy Wschodniej // Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej Rok 14. Zeszyt 5. 2016. S. 183–200.*

дании регионального блока под своим влиянием и при поддержке США. Геополитический интерес США в данном случае будет проявляться в создании противовеса России и Германии. Создание блока «Междуморье», заключает Дж. Фридман, может привести к использованию Соединенными Штатами эффективного инструмента установления баланса сил в Европе и укрепления американского влияния²⁰. Для реализации проекта необходима поддержка ЕС и США, чего не так просто добиться.

Исторические предпосылки восточной политики Польши

Польская восточная политика все более ориентируется на учет национальных интересов страны и зачастую обращается к историческим концепциям переформатирования региона, который в Польше предпочитают называть «Центрально-Восточная Европа».

Впервые термин «Центрально-Восточная Европа» ввел в оборот польский историк-эмигрант Оскар Халецкий (1891–1973). Понятие было направлено против немецкоцентричного проекта *Mitteleuropa*, который, по существу, сдвигал Польшу в Восточную Европу, отрывая ее от Западной Европы. Напротив, использование геополитического понятия «Центрально-Восточная Европа» автоматически превращало Польшу в связующее звено между Германией и Восточной Европой. О. Халецкий пытался привлечь внимание к тому, что между Германией и Россией расположен большой регион, который требует к себе особого отношения. Он считал Россию с культурной точки зрения чуждой европейской идентичности. Польский исследователь М. Филиппович обращает внимание на то, что О. Халецкий как интеллектурал был типичным продуктом Габсбургской монархии. Он знал немного о России и был настроен антикоммунистически. Долгий период идеи О. Халецкого занимали маргинальное положение. Они не встретили серьезной поддержки в американских научных и политических кругах ни накануне Второй мировой войны, ни даже в период холодной войны²¹.

²⁰ Friedman G. The next 100 years: a forecast for the 21st century. N. Y., 2009. P 74–76.

²¹ Filipowicz F. The idea of East-Central Europe and its role in shaping the logic behind Eastern Partnership // Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej. 2016. № 14 (6). S. 69–86.

В 1990-х гг. польский историк Е. Клочовский начал вводить в научный и политический оборот идеи О. Халецкого. Он установил контакты с исследователями из Белоруссии, с Украины, из Литвы, Чехии и Венгрии, создав тем самым сообщество (ассоциацию) интеллектуалов Центрально-Восточной Европы с центром в Университете Люблина. В 2002 г. польский МИД придал юридический статус ассоциации, создав на ее основе Институт изучения Центрально-Восточной Европы.

Польские исследователи обращали внимание на использование командой президента Л. Качиньского (2005–2010) «ягеллонской идеи» (польской королевской династии, правившей в XIV–XVI вв.), которая предусматривала подчинение польскому культурно-политическому влиянию земель на Востоке, входивших некогда в состав Речи Посполитой, Литвы, Белоруссии, Украины²². Для обоснования восточной политики польская политическая элита обратилась к геополитической концепции Ежи Гейдройца, сформулированной им в 1960-е гг., когда он работал редактором польскоязычного журнала «Культура» в Париже. Он обосновал концепцию будущей польской внешней политики. Ее смысл сводился к тому, что Россия не будет представлять серьезной угрозы для Польши, если между двумя странами будет создано пространство из независимых государств — бывших советских республик. Таким образом, цель польской внешней политики заключается в том, чтобы поддержать антироссийское восстание этих стран и развивать с ними добрососедские отношения таким образом, чтобы исключить их возвращение в орбиту влияния России²³.

Современные польские подходы к восточной политике

В период пребывания у власти в Польше партии «Право и справедливость» президент Лех Качиньский искал новое изме-

---

²² *Chojan A.* Polityka wschodnia Polski w myśli politycznej partii Prawo i Sprawiedliwość (lata 2005–2007) // *Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej*. 2016. Zeszyt 5A. P. 309.

²³ *Najder Z.* Doktryna ULB — koncepcja Giedroycia i mioroszewskiego w XXI wieku // *Nowa Europa Wschodnia* [official website] URL: <http://www.new.org.pl/257-doktryna-ulb-koncepcja-giedroycia-i-mioroszewskiego-w-xxi-wieku> (mode of access: 25.08.2016).

рение восточной политики Польши. При нем происходит переход от российскоцентричной восточной политики к многовекторной политике в Центрально-Восточной Европе. Главное место в ней заняли вопросы экономического сотрудничества. Вместе с тем, польское руководство периода президентства Качиньского выражало обеспокоенность возможными негативными последствиями для региона расширения ЕС и НАТО на Украину и в Белоруссию²⁴.

Тем не менее, правящая элита партии «Право и справедливость» Качиньского нацелилась на разрушение российской монополии в Восточной Европе. Она стала добиваться включения таких государств, как Украина, Белоруссия и Грузия, в орбиту ЕС и НАТО. Естественное давление со стороны России должно было компенсировать создание региональных союзов с участием указанных стран. Для противодействия России планировалось сформировать антироссийскую геополитическую ось с участием стран Балтии, Вышеградской группы, Украины, Грузии и других стран Кавказа. Была предпринята безуспешная попытка вовлечения Казахстана в польские планы сотрудничества. Польша брала на себя функции координатора. Главным политическим и стратегическим инструментом политики Качиньского в Восточной Европе стала энергетическая безопасность. Польское руководство настаивало на том, что сотрудничество в области энергетики не должно рассматриваться через призму двусторонних отношений, но стать частью широкого контекста энергетической безопасности ЕС и стран всего региона. Кульминацией инициатив Качиньского считается энергетический саммит в мае 2007 г., проведенный в Кракове. Накануне польский президент нанес визиты в Казахстан и Азербайджан и призывал руководителей этих стран присоединиться к польской инициативе. В работе энергетического саммита приняли участие руководители Польши, Украины, Грузии и Азербайджана, специальный посланник президента Казахстана. Саммит проходил на фоне «газовых войн» России с Украиной. Н. А. Назарбаев предпочел саммиту встречу с российским президентом В. В. Путиным. Итогами инициатив Качиньского стали создание межправительственной комиссии по энергетике

²⁴ *Chojan A. Op. cit. P. 304.*

и достижение договоренности о достройке нефтепровода Одесса — Броды — Плоцк — Гданьск. По инициативе польского руководства за саммитом в Кракове последовало еще несколько встреч по энергетической безопасности с участием представитель балтийских государств²⁵.

Для усиления своего влияния в Центрально-Восточной Европе польское руководство прибегало к таким видам «мягкой силы», как экспорт ценностей и институтов «хорошего управления». Универсальным подходом для реформатирования постсоветской Центрально-Восточной Европы стала реализация идеи конструирования идентичности региона как культурно и политически независимого от России. М. Филипович полагает, что Восточное партнерство создает предпосылки движения в этом направлении²⁶.

Польское руководство лоббировало вступление Украины и Грузии в НАТО и ЕС. При этом польские аналитики обращают внимание на то, что лидеры Германии и Франции демонстрировали большую осторожность по отношению к инициативам Качиньского. Это сказывалось на эффективности польских инициатив в Восточной Европе²⁷. Таким образом, преследовалась важная задача, а именно усиление субъектности Польши в евроатлантических структурах. Политическим центром реализации новой восточной политики Польши была канцелярия президента Качиньского.

Последующие польские правительства проводили менее активную наступательную восточную политику. Это было связано с нарастанием внутренних разногласий в ЕС по вопросам ее стратегии и тактики.

Прагматичное польское правительство партии «Гражданская платформа» Дональда Туска (2007–2014) стремилось улучшить отношения с Россией. Однако польскому правительству не удалось добиться серьезных достижений в решении таких вопросов, как согласование позиций в оценке исторического прошлого и цены на поставки газа из России. Тем не менее, это привело к призна-

---

²⁵ *Chojan A.* Op. cit. P. 302–307.

²⁶ *Filipowicz F.* Op. cit. P. 70, 85.

²⁷ *Chojan A.* Op. cit. P. 309.

нию Брюсселем приоритетов Польши в политике ЕС в отношении восточного соседства²⁸.

Традиционно Польша в большей степени сконцентрирована на развитии отношений с Белоруссией и Украиной, подчеркивая общность исторического прошлого. В меньшей степени она проявляет интерес к сотрудничеству с Молдавией. Что касается государств Южного Кавказа, то они находятся вне поля ее интересов. Однако с 2012 г. в сферу внешней политики Польши вошли все страны Восточного партнерства, из них львиная доля помощи приходится на Грузию, Молдавию, Украину и Белоруссию. Более 70 % выделенных фондов направляется на программы продвижения демократии, политическую и экономическую трансформацию. Польские чиновники высшего ранга доминируют в руководстве программ, ориентированных на Восточное партнерство.

По мнению польских аналитиков, стратегическая цель Польши в отношении восточных соседей должна заключаться в политике демократизации и европеизации восточных соседей. Польша не стремится к тому, чтобы стать восточной границей ЕС. Она рассматривает европейское единство в качестве гарантии мира на континенте и собственной безопасности. В период председательства в Совете Евросоюза Польша добилась создания Европейского благотворительного фонда за демократию (European Endowment for Democracy, EED), который позиционирует себя как международная неправительственная организация²⁹. Тем не менее, в 2013 г. из 6 млн евро, выделенных Евросоюзом на деятельность организации, 5 млн достались Польше на реализацию программ. Несмотря на все усилия, предпринимаемые польским руководством в Восточном партнерстве, эксперты отмечают их недостаточную эффективность. К примеру, польские инвестиции в Украину, основного реципиента Польши, составляют всего лишь 2 % от зарубежных инвестиций. Студенты из стран, входя-

---

²⁸ *Shapovalova N., Stepniowski T.* Poland and the Eastern Partnership of the European Union: a sustained commitment // Yearbook of the Institute of East-Central Europe. 2013. Vol. 11, № 6. P. 83.

²⁹ The European Endowment for Democracy [official website]. URL: <http://democracyendowment.eu/> (mode of access: 06.06.2016).

щих в Восточное партнерство, едут в польские университеты на обучение неохотно³⁰.

С середины 1990-х гг. Украина является приоритетным направлением польской восточной политики. Между двумя странами существует соглашение о стратегическом партнерстве. Польское руководство лоббирует интересы Украины в ЕС, особенно активно это происходило в период президентства А. Квасьневского. С избранием президентом Украины В. Януковича происходит снижение активности в польско-украинских отношениях. Польское руководство изменило свою тактику в отношении Украины, которая стала проявляться в политике «малых шагов».

Польша в подвижном балансе великих держав

Разразившийся в 2014 г. украинский кризис привел к существенному сдвигу в массовом и политическом сознании в странах Центрально-Восточной Европы в понимании проблем национальной и региональной безопасности. Польские эксперты пришли к выводу о том, что завершился полный цикл Ялтинского мирового порядка, в рамках которого, несмотря на холодную войну, соблюдались международно-правовые нормы функционирования государств, порядок был основан на принципах мирного сосуществования государств, соблюдался принцип целостности границ. Польские эксперты задаются вопросами: приведет ли ревизия Ялтинских договоренностей одной из держав к активизации НАТО, какое место будет занимать Центрально-Восточная Европа в новом раскладе великих держав, изменятся ли условия безопасности для стран региона, не возникнет ли некая «серая зона» безопасности, «вакуум безопасности» в этом европейском регионе, удастся ли России ослабить доминирование США в регионе?³¹

Польское экспертное сообщество занимает жесткую и последовательную позицию в поддержке Украины против, как они называют, «гибридной войны», «новой игры без правил», которые ведет Россия. «Замороженные» конфликты в Абхазии, Южной Осетии

---

³⁰ *Shapovalova N., Stępniewski T. Op. cit. P. 86.*

³¹ *Stępniewski T. Op. cit. P. 95.*

и Приднестровье, «энергетические войны» рассматриваются как фактор противодействия со стороны России политике Восточного партнерства³². По мнению С. Сераковски, «тень Кремля» нависла над территорией от Хельсинки до Тбилиси, а, возможно, и до Астаны. Геополитическая «тенева зона» между Западом и Россией была воссоздана в результате реактивации имперских амбиций России, кремлевской политики «собирания русских земель»³³. Российский евразийский экономический интеграционный проект рассматривают как идеологический, политический и экономический вызов Западу³⁴.

Т. Степневски утверждает, что геостратегическая значимость НАТО как союза увеличивается в условиях возрастания конкуренции со стороны России, Турции, США, ЕС, Ирана и даже Китая на пространстве от Черного моря до Каспийского³⁵. В любом случае НАТО как организация коллективной обороны должна постоянно адаптироваться к новым асимметричным угрозам, возможностям нарушения режима нераспространения. После распада СССР центр тяжести европейской стабильности сместился на восток в связи с разрастанием межэтнических конфликтов, наличием непризнанных государств, экономической и политической нестабильностью ряда новых независимых государств, усилением террористической угрозы, наркотрафика, нелегальной миграции. Как отмечает Т. Степневски, система безопасности в Восточной Европе от Балтии до Черного моря является чрезвычайно сложной из-за ее многомерности (военные аспекты, энергетические, этнополитические и др.)³⁶. В 2015 г. ЕС признал, что «не может самостоятельно решить многие проблемы региона», однако обновленная программа Европейской

³² Józwick B., *Stepniewski T.* Op. cit. ; *Kwiecień J.* ENP in the context of the EU's external policy framework: a critical examination of the ENP's outcomes and prospects // *Yearbook of the Institute of East-Central Europe.* 2016. Vol. 14, no 6.

³³ *Sierakowski S.* Op. cit. P. 22.

³⁴ *Szabaciuk A.* On the verge of a new «cold war»? The anti-Western dimension of Vladimir Putin's Eurasian integration project // *Yearbook of the Institute of East-Central Europe.* 2013. Vol. 11, no 6. P. 185–204.

³⁵ *Stepniewski T.* Op. cit. P. 186.

³⁶ *Stepniewski T.* Op. cit. P. 186, 193, 196.

политики соседства может создать условия для позитивной динамики³⁷.

Т. Степневски полагает, что саммит НАТО в 2016 г. в Варшаве продемонстрировал возрастание значения Польши в Евроатлантическом союзе³⁸. По польскому сценарию проходил визит президента США Д. Трампа в Польшу в июле 2017 г., в ходе которого он сделал большой реверанс в сторону этого государства: «Польша — географическое сердце Европы, но, что более важно, в польском народе мы видим душу Европы»³⁹. В российском экспертном сообществе распространено мнение о том, что США стремятся использовать Польшу для ослабления или даже раскола ЕС⁴⁰.

Конструирование проектов нового «восточного блока»

Появление планов «нового восточного блока» было нацелено на координацию действий стран Центрально-Восточной Европы. Основаниями для активизации проекта «нового восточного блока» стал миграционный кризис. При правительстве Э. Копач позиция Польши была ближе к германской по миграционному вопросу. Однако главе правительства приходилось искать баланс между позицией электората и Берлина. Напоминает ли идея «Нового Восточного блока» проект «Междуморья» — объединения восточноевропейских стран между Балтийским и Черным морями? В Польше определенные политические круги, среди которых президент А. Дуда и глава правительства Б. Шидло, симпатизируют данному проекту. Идея установления особого вида сотрудничества между США и странами Центрально-Восточной Евро-

---

³⁷ Joint Communication to the European Parliament. The Council. The European Economic and Social Committee and the Committee of Regions // Review of the European Neighbourhood Policy. SWD (2015) 500 final. URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/enp/documents/2015/151118_joint-communication_review-of-the-enp.pdf (mode of access: 03.05.2017).

³⁸ *Stępniewski T.* Op. cit. P. 186, 191.

³⁹ Here's the Full Text of Donald Trump's Speech in Poland // NBC news [official website]. URL: <http://www.nbcnews.com/politics/donald-trump/here-s-full-text-donald-trump-s-speech-poland-n780046> (mode of access: 07.07.2017).

⁴⁰ *Стремидловский С.* Чего боится польский министр иностранных дел? // Regnum : информ. агентство [официальный сайт] URL: <https://regnum.ru/news/polit/2298523.html> (дата обращения: 07.07.2017).

пы, направленного против России, находит поддержку в Польше, странах Балтии, Чехии, Словакии, Венгрии, некоторых балканских государствах.

Польский экономист М. Кедзьерски даже написал пошаговый проект из десяти пунктов, как создать новое «Междуморье». По его мнению, проект «Междуморье» должен реализоваться в виде региональной политики стран Центрально-Восточной Европы. Новый блок должен стать разновидностью «Центрально-Европейского союза», который встанет на один уровень с такими акторами ЕС, как Германия и Франция. Для Польши это могло бы стать правильным ответом на рост экономической мощи Германии и агрессивности со стороны России. При дальнейшем обострении текущей ситуации речь могла бы идти об установлении «железного занавеса» между Россией и НАТО⁴¹.

В Каунасе в марте 2017 г. состоялась встреча бывших лидеров Польши, Молдавии, Украины и балтийских государств, по итогам которой было подписано совместное заявление. Участники выразили озабоченность в связи с неопределенностью политики нового президента США относительно защиты безопасности в Европе и высказались за объединение усилий для поддержки Европы «без войн и аннексий»⁴².

Во время встречи президентов Хорватии и Польши в 2015 г. в Дубровнике польская сторона выдвинула проект «Троеморья», то есть создания экономического коридора «север — юг», связывающего скандинавские страны с государствами, расположенными между Адриатическим, Черным и Балтийским морями⁴³. Руководители стран, входящих в НАТО и ЕС, а именно Хорватии, Польши, Чехии, Словакии, Венгрии, Эстонии, Латвии, Литвы, Австрии, Сло-

⁴¹ Lemmen D. Up-coming breaking points in Polish-German relation // Yearbook of East-Central Europe. 2016. Vol. 14, № 2. P. 95–112.

⁴² Menzer J. Intermarium — A view from Germany // New Eastern Europe [official website]. URL: <http://www.neweasterneurope.eu/article-s-and-commentary/1018-intermarium/2436-intermarium-a-view-from-germany> (mode of access: 22.07.2017).

⁴³ Kushnir O. Why great national ideas end up on the backstage of regional politics // New Eastern Europe [official website]. URL: <http://www.neweasterneurope.eu/articles-and-commentary/1018-intermarium/2430-why-great-national-ideas-end-up-on-the-backstage-of-regional-politics> (mode of access: 18.07.2017).

вении, Румынии и Болгарии, провели ряд встреч на самом высоком государственном уровне, начиная с 2015 г. Регион составляет 28 % территории, 22 % населения и 10 % ВВП Евросоюза. В дискуссиях об экономике участники обсуждали перспективы улучшения инфраструктуры всего региона и, в частности, энергетического сотрудничества в целях введения в эксплуатацию новых источников энергии и снижения энергетической зависимости. По словам президента Хорватии, необходимы 50 млрд евро для преодоления нынешних недостатков. Также предметом дискуссии стали такие острые проблемы региона, как демографический спад и нелегальная миграция⁴⁴.

В последней встрече, которая проходила в июле 2017 г. в Варшаве, принимал участие президент США Д. Трамп. Он заявил о своей поддержке инициативы «Троеморья», приветствовал установление более тесных торгово-экономических связей между участниками проекта и обещал обеспечить им доступ к альтернативным источникам энергии, чтобы «Польша и ее соседи больше не были заложниками единственного поставщика энергоресурсов»⁴⁵.

Участники переговоров акцентируют внимание на экономической составляющей проекта⁴⁶. Однако некоторые восточноевропейские аналитики допускают, что основанный на развитой энергетической инфраструктуре отношений проект «Троеморье» с участием в нем Украины со временем может стать мощным геополитическим фактором в Европе. Они ссылаются на опыт создания польско-литовско-украинской военной бригады. Решение о формировании совместной военной бригады для участия в миротворческих операциях было принято в 2009 г.⁴⁷ Однако ее

---

⁴⁴ The Three Seas Initiative : Central and Eastern Europe takes charge of its own destiny // Visegrad post [official website]. URL: <https://visegradpost.com/en/2016/08/28/the-three-seas-initiative-central-and-eastern-europe-takes-charge-of-its-own-destiny/> (mode of access: 26.08.2017).

⁴⁵ Речь Трампа в Варшаве // Иносми.ру [официальный сайт]. URL: <http://inosmi.ru/politic/201707/239748910.html> (дата обращения: 17.08.2017).

⁴⁶ Hibberd J. Warsaw debates Intermarium // New Eastern Europe [official website]. URL: <http://www.neweasterneurope.eu/articles-and-commentary/1018-intermarium/2424-warsaw-debates-intermarium> (mode of access: 19.08.2017).

⁴⁷ Гулевич В. ЛитПолУкрбриг: дружба против России // Международная жизнь. 2014. № 5 [официальный сайт]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/11117> (дата обращения: 17.08.2017).

формирование ускорилось в 2015 г., когда соглашение было ратифицировано поочередно парламентами трех стран. В 2015 г. была согласована численность бригады: до 3,5 тыс. военнослужащих Польши, до 350 военнослужащих Литвы и 560 военнослужащих Украины. В следующем году был решен вопрос о командовании и штабе бригады, который разместился в Люблине. В 2016 г. были проведены первые военные учения, в которых в качестве инструкторов приняли участие военнослужащие США. Украина гарантирует перевод своих вооруженных сил на стандарты НАТО к 2020 г.⁴⁸

Проект пользуется поддержкой со стороны США и Китая. На развитие экономической и транспортной инфраструктуры планируется направить более 45 млрд долл.⁴⁹ Интересы США в регионе трех морей связаны с созданием противовеса российско-германским энергетическим проектам. Следующая встреча государств, иницилирующих проект «Троеморья», запланирована в Румынии в 2018 г.

Для китайской стороны развитие транспортных коммуникаций и экономических зон в регионе является естественным продолжением проекта «Один пояс, один путь». Китай проявляет интерес к инвестированию в проект транспортного коридора «Виа Карпатия», решение о создании которого приняли в 2006 г. министры транспорта Польши, Литвы, Словакии, Венгрии. Позже в консорциум вошли Болгария, Румыния и Греция. Строительство коридора было инициировано Польшей. Коридор «Виа Карпатия» берет начало в Литве, затем пересекает на своем пути Польшу, Словакию, Венгрию, Румынию, Болгарию и достигает Греции. Таким образом, он соединяет Балтийское, Черное и Эгейское моря⁵⁰.

---

⁴⁸ Lithuanian-Polish-Ukrainian Brigade: We are united for Peace // Defence Blog [official website]. URL: <http://defence-blog.com/army/litpolukrbrig-we-are-united-for-peace.html> (mode of access: 29.08.2017).

⁴⁹ Glavinić M. Inicijativa tri mora s Ukrajinom postaje snažan geopolitički project // Novi Pogledi [official website]. URL: <http://novipogledi.hr/analize/inicijativa-tri-mora-ukrajinom-postaje-snazan-geopoliticki-projekt/> (mode of access: 19.08.2017).

⁵⁰ Via Carpathia transport corridor of strategic importance for CEE : Polish PM Cooperation between China and Eastern European Countries [official website]. URL: http://www.china-ceec.org/eng/zdogihz_1/t1414331.htm (mode of access: 27.08.2017).

Обоснование идеи «Троеморья» осуществлено в работах профессора Ягеллонского университета К. Щерского; выпускником этого университета является президент Польши А. Дуда. В настоящее время К. Щерский занимает должность государственного секретаря, руководителя кабинета президента Польши. Идеи «Троеморья» обоснованы К. Щерским в книге с претенциозным названием «Европейская утопия. Кризис интеграции и польская инициатива исправления». Автор обращает внимание на кризис, который в настоящее время затрагивает институциональные и идеологические аспекты ЕС. В итоге чувство безопасности в ЕС постепенно утрачивается, как в экономическом смысле, так и в смысле угрозы жизни. К. Щерский полагает, что ситуацию невозможно спасти без проведения соответствующих изменений. По его мнению, процесс изменений в ЕС должен развиваться по пути увеличения роли национальных государств и национальных демократий. Реализация одинаковой модели демократии во всех странах Европы невозможна. «В связи с этим необходимо пересмотреть европейские трактаты, что является темой табу в Европе, которое Польша как раз пытается сломать», — заключает К. Щерский⁵¹.

Сотрудник Лазарского университета в Варшаве О. Кушнир скептически оценивает перспективы проекта «Троеморья» в связи с разнонаправленными интересами его потенциальных участников⁵². Его коллега Д. Налич обращает внимание на то, что польские геополитические мечты вызывают подозрение в Германии в связи с тем, что могут быть использованы как инструмент для разобщения Европы и для утверждения авторитарных режимов⁵³. Немецкий исследователь Я. Менцер ссылается на прецедент договора о стратегическом партнерстве и взаимопомощи между членом НАТО Турцией и не членом НАТО Азербайджаном. Однако он

⁵¹ Госсекретарь Кшиштоф Щерский о будущем ЕС // Радио Польша [официальный сайт]. URL: <http://radiopolsha.pl/6/249/Artykul/295828> (дата обращения: 25.08.2017).

⁵² *Kushnir O.* Op. cit.

⁵³ *Nałęcz D.* Intermarium vs the Three Seas Initiative // New Eastern Europe [official website]. URL: <http://www.neweasterneurope.eu/art/icles-and-commentary/1018-intermarium/2438-intermarium-vs-the-three-seas-initiative> (mode of access: 20.07.2017).

задает резонный вопрос относительно того, использует ли НАТО пятую статью договора о помощи в случае возникновения такой необходимости для Азербайджана. Ответ на этот вопрос имеет важное значение в случае с Украиной, если будут заключены соглашения о взаимопомощи между ней и соседними странами — членами НАТО. Атлантический союз может сослаться на то, что обеспечение безопасности соседних с ним государств не обусловлено его Уставом. В любом случае проект «Междуморье» нуждается в покровительстве со стороны сильного государства. По мнению Я. Менцера, Германия заинтересована в единой и безопасной Европе, в обеспечении территориальной целостности в Восточной Европе. В связи с этим Германия могла бы поддержать восточноевропейский проект. Однако в Берлине существуют резонные опасения, что демонстрация Германией силы в качестве ведущей европейской державы может повлечь за собой раскол Европы⁵⁴.

Д. Налич утверждает, что никто не может с легкостью предсказать будущее развитие инициативы «Троеморья». Если это поможет в экономическом развитии, тогда все стороны выиграют. Если за проектом скрываются чьи-либо геополитические амбиции, то это станет известно очень скоро. Многие страны-партнеры по-прежнему опасаются польских амбиций. Более того, они не согласятся на действия, которые угрожают их позициям в ЕС. Наконец, фактически отсутствуют существенные финансовые ресурсы для активизации деятельности 12 государств в этом проекте. Однако необходимо помнить, что сотрудничество в этой части мира никогда не было простым⁵⁵.

Российский исследователь В. Гулевич полагает, что внутри Троеморья может сложиться треугольник Австрия — Венгрия — Словакия, который уравновесит треугольник Польша — Румыния — Украина и сможет изнутри влиять на позиции участников проекта в пользу российского проекта «Северный поток — 2» и других российских энергетических проектов⁵⁶.

⁵⁴ Menzer J. Op. cit.

⁵⁵ Nałęcz D. Op. cit.

⁵⁶ Гулевич В. Украина в Троеморье? Гарантий нет! // Международная жизнь [официальный сайт]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/17982> (дата обращения: 19.08.2017).

Д. Гора-Шопиньски, руководитель департамента региональных стратегических исследований Университета имени Кардинала Стефана Вышинского, отчасти ставит точку в дискуссии, утверждая, что проекты «Междуморье» и «Троеморье» преследуют различные цели. «Троеморье» является чисто экономическим проектом взаимного сотрудничества и не преследует геополитические цели. Напротив, проект «Междуморье» преследует геополитические цели⁵⁷.

Несмотря на декларированное размежевание проектов «Троеморье» и «Междуморье», они могут быть отнесены к международным соглашениям перекрестного типа, в которых прямо или опосредованно задействованы такие глобальные акторы, как НАТО и ЕС. Этим проекты «Троеморье» и «Междуморье» существенно отличаются от таких проектов, в которых участвуют постсоветские страны, как ГУАМ или инициированное Грузией и Украиной Содружество демократического выбора. Страны, не являющиеся их членами, не могут напрямую пользоваться их гарантиями политической, военной и экономической безопасности, однако перекрестные субрегиональные соглашения с членами НАТО и ЕС создают предпосылки для последующей интеграции в глобальные интеграционные проекты либо участия в промежуточных партнерских модулях, международно-правовой статус которых может разрабатываться в индивидуальном порядке. Украинский геополитик А. Волович не считает вхождение Польши и Литвы в евроатлантические структуры препятствием для объединения с Украиной в конфедерацию или союз. По его мнению, в Уставе НАТО и в Договоре ЕС нет никаких правовых норм, которые бы воспрепятствовали этому. Он обращает внимание на то, что конституциями Литвы и Польши прямо предполагается возможность заключения многосторонних договоров о вступлении в разнообразные международные объединения, союзы, конфедерации. Кроме того, создание конфедерации или межгосударственного союза вполне возможно в соответствии с Уставом ООН, Декларацией

---

⁵⁷ *Góra-Szopiński D.* Trimarium is not Intermarium // New Eastern Europe [official website]. URL: <http://www.neweasterneurope.eu/articles-and-commentary/1018-intermarium/2428-trimarium-is-not-intermarium> (mode of access: 26.07.2017).

о принципах международного права и Венской конвенцией о международных договорах с учетом положений договоров о Евросоюзе. Таким образом, действующее международное право позволяет отдельным государствам — членам Евросоюза и НАТО быть членами Международной организации «Балтийско-Черноморский союз» без процедуры согласования своего вступления со странами — членами ЕС⁵⁸. К примеру, профессор Варшавского университета Т. Г. Гроссе отстаивает идею «асимметричной конфедерации» в Европе⁵⁹.

***

Для современной Польши участие в НАТО и ЕС является гарантом глобальной и особенно региональной безопасности страны, катализатором «демократического транзита»⁶⁰. Приверженность евроатлантическим ценностям и политике не подвергается сомнению со стороны польского руководства. Однако происходящие сдвиги в трансатлантическом и европейском региональном пространстве, дисбаланс в отношениях между главными акторами на мировой арене, возрастание конфликтности в регионе влияют на повестку внешней политики Польши, в которой переплетаются солидарные евроатлантические, региональные и национальные интересы. После 2014 г. правящая элита Польши пытается использовать русофобию и антироссийскую тематику с целью закрепления за Польшей региональной гегемонии и усиления ее позиций в ЕС и НАТО.

---

⁵⁸ *Волович А.* Балтийско-Черноморский союз: перспективы реализации (часть 2) // Борисфен Интел [сайт]. URL: <http://bintel.com.ua/ru/article/volodichbalto2/> (дата обращения: 27.08.2017).

⁵⁹ *Grosse T. G.* Can 'Differentiated Integration' Lead to a Federation in Europe? // *Yearbook of Polish European Studies*. 2015. Vol. 18. P. 31.

⁶⁰ *Sedelmeier U.* Op. cit. P. 120.

Раздел 3

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Глава 11

Евразийская идея в теории и политической практике XX — начала XXI в.

В отечественном общественно-политическом дискурсе сформировалась идея об уникальном пути развития России как многонационального государства, расположенного на стыке Европы и Азии, известная как евразийская идея. Последнюю четверть века она занимает заметное место в дискуссиях о методах борьбы с глобальными вызовами современности, предотвращении межконфессиональных и межэтнических конфликтов, сохранении национально-территориального единства России, сплочении общества, определении оптимального курса внешней и внутренней политики государства в достижении национально-государственных интересов. Активно предпринимаются попытки практического применения евразийской идеи на территории бывшего СССР (ЕвразЭС, ТС, ЕЭП, ЕАЭС и др.). На политическом поле России появляются партии и движения, использующие евразийскую идеологию,— «Евразия», «Международное Евразийское движение», «Евразийское движение Российской Федерации» и др. Евразийская риторика активно используется политическими партиями «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР и главами государств (В. В. Путиным, Н. А. Назарбаевым, А. Г. Лукашенко и др.). Как свидетельст-

вуют социологические опросы, популярность евразийской идеи в наши дни заключается в том, что видение России как особого целостного культурного мира подсознательно исповедуется тремя четвертями ее населения.

Можно сказать, что евразийская идея — это прежде всего идея цивилизационная, основанная на исторической практике евразийских держав и представляющая собой развивающийся во времени междисциплинарный комплекс концепций, трактующих сущность Евразии в границах Российской империи, СССР, СНГ как исторически сложившееся единство в многообразии, уникальный социокультурный синтез народов, ее населяющих, обладающий устойчивыми особенностями в традициях государственности и культуры, превращающий Евразию в самостоятельный центр силы.

Развитие евразийской идеи тесно связано с евразийским общественно-политическим движением в эмиграции в 1920–1930-е гг. Именно его участники использовали сам термин «Евразия» и дали системное междисциплинарное обоснование образа России как евразийской цивилизации. И, хотя политический опыт Евразийской партии в эмигрантской среде (в Софии, Праге, Берлине, Париже, Лондоне, Варшаве, Риге, Шанхае, Харбине и др.) был не очень эффективным, важнее для развития евразийства оказались ее идеи. Высокий уровень евразийской научной школы и ее непреходящее значение обусловлены великолепным созвездием имен¹. Также, несмотря на то, что евразийские авторы искали замену большевистской идеологии, наблюдается влияние некоторых аспектов евразийской идеи на действия советского руководства в области экономики, внутренней и внешней политики («патриотический интернационализм», формирование единого «советского народа» и др.). Идеи классиков плодотворно развивались не только в эмиграции, но и в СССР, где в 1960–1980-е гг. зная

---

¹ Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, Г. В. Вернадский, П. П. Сувчинский, Л. П. Карсавин, В. Н. Ильин, Б. Н. Ширяев, А. В. Карташев, К. А. Чхеидзе, Д. П. Святополк-Мирский, В. П. Никитин, М. В. Шахматов, Г. Н. Полковников, С. Г. Пушкирев, В. Н. Иванов, Э. Хара-Даван, Я. А. Бломберг, Н. П. Толь, Н. Н. Алексеев, П. М. Бицилли, Г. В. Флоровский, С. Л. Франк и др.

евразийской идеи было поднято этнологом и историком Л. Н. Гумилевым.

Системный конструкт евразийской идеи в трудах авторов классического периода можно рассмотреть через анализ ее геоэкономических, культурологических, исторических, государственно-правовых и политологических аспектов.

К геоэкономическим аспектам евразийской идеи относится прежде всего теория месторазвития. «Месторазвитие» понималось евразийцами как взаимосвязанный ряд положений о пространственной детерминации России-Евразии и ее связи с экономической, хозяйственной, исторической и культурной деятельностью населяющих ее народов².

«Теория месторазвития» стала, в свою очередь, фундаментом для концепций экономической безопасности и функционального хозяйнодержавия. Экономическая безопасность России как континентальной державы виделась евразийцам в приоритетном внимании к налаживанию экономических связей со своими ближайшими соседями и к развитию собственной экономики через рациональное размещение производительных сил с учетом особенностей природно-климатических зон и расположения полезных ископаемых и энергетических ресурсов³. Сбалансированная система государственного (использование природных ресурсов, транспорт, оборонная промышленность, банковский сектор и т. п.) и частного (сельское хозяйство и др.) начал в экономике и необходимость планового хозяйства получила у евразийцев название «функционального хозяйнодержавия». В представлениях евразийцев собственность должна подчиняться идее общего блага и быть функциональной, то есть, во-первых, служить интересам не только нескольких лиц, но и всей страны, во-вторых, орудиями производства имеет право владеть только тот, кто может добиться реальных производственных результатов. Вершиной «хозяйнодержавия» как гармоничной соборной связи «хозяина-личности» и «хозяина-общества» стал евразийский идеал «добротного хозяина»,

---

² Савицкий П. Н. Географический обзор России-Евразии // Континент Евразия. М., 1997. С. 285.

³ Савицкий П. Н. Континент-океан // Континент Евразия. М., 1997. С. 418.

рачительно относящегося к окружающей среде, производству и ставящего целью не беспринципную погоню за прибылью, а заботу о благосостоянии людей⁴.

Культурологические аспекты евразийской идеи — это поликультуроцентризм, самобытность и «симфоническая личность». Евразийский поликультуроцентризм знаменует собой решительный отказ от культурно-исторического европоцентризма. Взамен европоцентристским «лекалам» деления народов на «культурные» и «некультурные» евразийцы предлагают дифференцированное рассмотрение культуры через категории культурной среды, эпохи ее существования и «отрасли» культуры и, доказывают, что нет народов «культурных» и «некультурных»⁵. В противоположность нивелирующим тенденциям начинающихся процессов глобализации евразийцы утверждали, что долг каждой национальной культуры — это самопознание и уважение к своей самобытности, культурной традиции и истории. При этом они отмечали, что заимствование чужих технологий не так опасно, как заимствование чужой культуры, в конечном итоге оборачивающееся деградацией, так как там, где процесс качественного обновления культурной традиции через превращение ее в неотъемлемый духовный элемент личного бытия прерывается, культура умирает, и остается один косный, бездушный быт.

Для обоснования самобытности социально-этнической и психологической основы евразийско-русской общности евразийцы привлекали огромные пласты знаний истории, археологии, этнографии, исторической географии, этнологии, языкознания. Раскрывая связь месторазвития России-Евразии с ее культурой, они указывали на диалектическое взаимодействие славянского (русские, украинцы, белорусы) и туранского (угрофинны, тюрки, монголы, маньчжуры) элементов, составляющих основу евразийской культуры и цивилизации⁶. Евразийцы под-

⁴ Савицкий П. Н. Хозяин и хозяйство // Континент Евразия. С. 243.

⁵ Трубецкой Н. С. Вавилонская башня и смешение языков // Наследие Чингисхана. М., 1999. С. 370.

⁶ Трубецкой Н. С. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // Наследие Чингисхана. С. 223–292.

черкивали необходимость равноправного отношения всех составляющих Россию-Евразию народностей. Культуроцентризм привел евразийцев к отказу от национализма (деления евразийских народов на русских и инородцев, ущемления по национальному признаку) и замене его концепцией федеративного обще-евразийского дома⁷.

Особое место в культурологическом аспекте евразийской идеи занимает теория «симфонической личности», которая объединила религиозно-философские и культурологические воззрения евразийцев и дала системность в описании Российско-Евразийской цивилизации как целостного объекта. «Симфоническая (соборная) личность» культуры понимается евразийцами как комплекс объединенных общей идеей и иерархически организованных «личностей» (индивид — социальная группа — народ — цивилизация)⁸.

Исторический аспект евразийской идеи раскрывает общность исторической судьбы народов Евразии, их естественную совместимость, историческую спаянность территории Евразийской цивилизации и преемственность в развитии евразийских государств. Исторический подход евразийцев отличался панорамностью взгляда на развитие России в контексте всемирной истории. Для них Россия не «отсталая» «периферийная» часть Европы, а составляющая часть Евразии — главного театра действий мировой истории, по отношению к которому вся приморская часть большого Евро-Азиатского континента (Европа, Иран, Индия, Индокитай, Корея) — окраина⁹. Именно поэтому корни российской государственности евразийцы видели не в Киевской Руси, распавшейся на ряд воевавших друг с другом суверенных государств еще в XII в., а во Владимирско-Московском княжестве, ставшем преемником сильного централизованного евразийски ориентированного монгольского государства.

---

⁷ Евразийство: Опыт систематического изложения // Континент Евразия. С. 20.

⁸ Карсавин Л. П. Феноменология революции // Карсавин Л. П. Философия истории. СПб., 1993. С. 30.

⁹ Вернадский Г. В. Начертание русской истории. М., 2002. С. 9.

Одним из краеугольных камней исторической концепции евразийцев стали циклы объединения и дезинтеграции евразийских государств, представлявшие собой последовательный ряд попыток (скифы, гунны, тюрки, монголы, русские) в создании единого всеевразийского государства. Главный двигатель истории евразийцы видели в диалектическом взаимодействии земледельческой и кочевой культур (Леса и Степи), а также в борьбе за контроль над торговыми путями, ведущими с Запада на Восток и связывающими в одну систему основные хозяйственные миры¹⁰. Особой ролью здесь евразийцы наделяли кочевые народы Евразии, которые являлись посредниками между средиземноморской, китайской и индийской цивилизациями, и инициировали процессы объединения народов¹¹.

В методологическом отношении евразийцы придерживались многолинейности исторического процесса и теории локальных цивилизаций («автаркий», «симфонических личностей», «культурно-исторических зон»)¹². Исторический процесс рассматривался ими равно как проявление некой «жизненной энергии», заложенной в народе и оказывающей влияние на окружающую географическую и этническую среду, формируя индивидуальное «месторазвитие». Эта мысль была позже развита А. Тойнби в теории вызова и ответа и Л. Н. Гумилевым в теории пассионарности, оказав существенное влияние на последующую эволюцию евразийской идеи.

Политико-правовые аспекты евразийской идеи включают в себя концепции «государства правды», «правообязанностей», демотии и идеократии. Исходя из исторически сложившихся в государствах Евразии опыта, традиций, идеалов и саморазвития российско-евразийской государственно-правовой культуры, евразийцы разработали свое видение органичной политическо-правовой системы России. Концепция «государства правды» рассматривает предназначение власти с точки зрения нравственного начала, идеи духовного подвига и служения общественному

¹⁰ Вернадский Г. В. Начертание русской истории. С. 20, 34.

¹¹ Савицкий П. Н. Геополитические заметки по русской истории // Континент Евразия. С. 303–332.

¹² Трубецкой Н. С. Европа и человечество // Наследие Чингисхана. С. 117.

благу¹³. Концепция «правообязанностей» раскрывает диалектический характер взаимоотношений общества и индивидуума¹⁴. *Демотия* — «органическая демократия» — являлась евразийской версией социально-ориентированного государства с широким участием народа в его управлении¹⁵. Концепция идеократии рассматривалась евразийцами как подчинение государственной и социальной жизни идеалу, вытекающему из культуры, религии и духа нации и государства, остающегося постоянным, несмотря на политические, идеологические, этнические и даже религиозные катаклизмы¹⁶. Мыслители классического периода развития евразийской идеи подчеркивали общий характер политической структуры всех евразийских государств, необходимыми признаками которых всегда являлись сильная централизованная власть и объединяющая все общество идея.

Всесторонний анализ и междисциплинарная систематизация евразийскими авторами оснований евразийско-русской цивилизационной общности помогли им отказаться от панславизма и идеализации славянской старины славянофилов, увидеть своеобразие России в ее восточных корнях, отметить многонациональный характер русской культуры и русского государства, определить оптимальные параметры его политического и экономического развития. Благодаря этому, потерпев поражение как политическое движение, евразийство сохранилось как идейное течение, оказывающее влияние на современность.

Евразийская идея в России на современном этапе (1989–2017) — это переосмысление и развитие концепций классиков,

---

¹³ Шахматов М. К. Государство правды. М., 2008. С. 283.

¹⁴ Алексеев Н. Н. Общая теория государства // Русский народ и государство. М., 2000. С. 183 ; Карсавин Л. П. Основы политики // Карсавин Л. П. Евразийство: мысли о России. Тверь, 1992. С. 52.

¹⁵ Алексеев Н. Н. О гарантийном государстве // Русский народ и государство. М., 2000. С. 375.

¹⁶ Савицкий П. Н. Подданство идеи // Континент Евразия. С. 127 ; Трубецкой Н. С. Об идее-правительнице идеократического государства // Наследие Чингисхана. С. 518 ; Алексеев Н. Н. Теория государства : Теоретическое государствоведение, государственное устройство, государственный идеал // Русский народ и государство. С. 382.

влияние на современные внутренние и внешнеполитические процессы. Современное евразийство является скорее общим идейным направлением патриотической мысли, чем единой научной школой. Можно выделить группы «социо-естественного» (Б. С. Лавров, И. С. Шишкин, В. Пантин, С. Кульпин, и др.), «цивилизационного» (Б. С. Ерасов, И. Б. Орлова, А. С. Панарин, Ф. И. Гиренок, Э. А. Баграмов и др.), «геополитического» (В. Л. Цымбурский, О. Б. Арин, К. С. Гаджиев, А. Г. Дугин и др.) и «неоклассического» (Ю. Ю. Кофнер, А. В. Железняк, О. В. Подберезкина и др.) евразийства. На основе сравнительного анализа взглядов их представителей выявлены следующие актуальные аспекты евразийской идеи: 1) самоидентификация России как особой цивилизационной общности, появившейся в результате многопланового этнополитического и культурно-исторического синтеза народов Востока и Запада, построенного на сочетании национальной самобытности с евразийской идентичностью и этноконфессиональной толерантностью (Л. Н. Гумилев, Б. С. Лавров, И. С. Шишкин, И. Б. Орлова и др.); 2) противопоставление американскому глобальному мировому порядку цивилизационного и геополитического полицентризма (многополярного мира), поддерживающего через систему стратегических альянсов экологическое, социокультурное и социально-политическое равновесие мира (Б. С. Ерасов, И. Б. Орлова, А. С. Панарин, А. Г. Дугин, К. С. Гаджиев, М. Л. Титаренко и др.); 3) воссоздание в России и СНГ единого культурного, экономического и политического пространства, способствующего социальному и межнациональному миру, равноправному сотрудничеству и интеграции народов Евразии — стратегический и исторический императив России и основа для выживания всех народов Евразии в условиях вызовов современности (Э. А. Баграмов, А. Т. Горяев, Б. С. Ерасов, А. Г. Дугин, А. С. Панарин и др.); 4) признание единственно перспективным для Евразии самостоятельного неподражательного развития, опирающегося на национально-культурные традиции, ценности и опыт многовекового взаимодействия евразийских народов, дополненные постиндустриальной технологической модернизацией (И. Б. Орлова, Б. С. Ерасов, А. Г. Ду-

гин, А. С. Панарин, В. Л. Цымбурский, Н. Н. Моисеев, Д. С. Львов, С. В. Глазьев и др.)¹⁷.

Современные эксперты-евразийцы видят роль России-Евразии в мировой экономике не столько в качестве моста между Востоком и Западом¹⁸, сколько в качестве третьего звена мировой экономической системы, призванного связать напрямую Евро-Атлантический и Азиатско-Тихоокеанский экономические регионы¹⁹. Один из крупнейших идеологов цивилизационного неоевразийства А. С. Панарин также отмечал, что для восстановления евразийского «полюса силы» должна быть четко сформулирована заявка на лидерство в решении определенных сверхзадач, реально волнующих людей в настоящее время. В качестве таковых он предлагал две смыслообразующих идеи — идею синтеза консервативного цивилизационного содержания с постиндустриальным проектом (аналог путей развития, пройденных Японией, Южной Кореей и другими странами Тихоокеанского региона) и «культуроцентризм и постэкономизм, дающий новые приоритеты земной цивилизации в целом»²⁰.

Влияние евразийской идеи на современную политическую систему России выразилось в образовании в 2000–2010-е гг. евразийских политических партий и движений («Евразия», «Евразийская партия — Союз патриотов России», «Великая Россия — Евразийский союз», «Красная Евразия», «Международное Евразийское движение», «Евразийский союз молодежи», «Молодая Евразия», «Северная Евразия», «Евразийская молодежная ассамблея», «Евразийское движение Российской Федерации» и др.), а также в использовании евразийской риторики КПРФ, ЛДПР, «Единой Россией» и в реализации евразийской интеграционной модели политиками «прагматического евразийства» (В. В. Путиным, Н. А. Назарбаевым, А. Г. Лукашенко

¹⁷ Гаджиев К. С. Введение в геополитику. М., 2000 ; Лушников О. В. Евразийская идея в России. Пермь, 2010 ; Орлова И. Б. Евразийская цивилизация. М., 1998 ; Сравнительное изучение цивилизаций / под ред. Б. С. Ерасова. М., 1998.

¹⁸ Цымбурский В. Л. Геополитика для «евразийской Атлантиды» : Остров Россия // Полис. 2003. № 2. С. 6–23.

¹⁹ Системные подходы России. Путь в XXI век : Стратегические проблемы и перспективы российской экономики / под рук. акад. РАН Д. С. Львова. М., 1999.

²⁰ Панарин А. С. Глобальное политическое прогнозирование. М., 2001.

и др.)²¹. Евразийская идея активно применяется сегодня в многонациональных и поликонфессиональных регионах РФ (Урал, Сибирь, Поволжье, Кавказ, Дальний Восток и Юг России) как механизм предотвращения конфликтов и гармоничного сосуществования представителей разных народов и культур²². За последние годы сделан мощный прорыв к евразийской интеграции как на региональном (ЕвразЭС, ТС, ЕЭП, ОДКБ), так и на континентальном и международном уровнях (ШОС, БРИКС, БЕП и др.)²³.

***

С января 2015 г. заработал Евразийский экономический союз, выведя на новую орбиту отношения России, Казахстана, Белоруссии, Армении и Киргизии. Но в условиях роста мировой экономической и политической нестабильности, чтобы усилить эффект от интеграции, сегодня страны ЕАЭС должны выполнить непростую задачу по осуществлению мер по развитию и освоению внутреннего евразийского пространства, расширению количества участников Евразийского союза, укреплению своих позиций на международной арене. Для этого необходимо завершить формирование единого рынка товаров и услуг; максимально ликвидировать и/или унифицировать нетарифные барьеры внутри союза; эффективно координировать макроэкономическую политику, включая валютно-финансовые вопросы, и тем самым не допустить «расползания» экономического союза; развивать инфраструктуру, промышленную политику, АПК, рынок труда, единое пенсионное пространство, активизировать научное и образовательное сотрудничество; создать сеть зон свободной торговли и соглашений о торгово-экономическом сотрудничестве, выстроив от-

---

²¹ Путин В. В. новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 03 окт. ; Назарбаев Н. А. От идеи к истории будущего // Известия. 2011. 25 окт.

²² Баграмов Э. А. От евразийской идеи к евразийскому сообществу // Евразия: Культуры. Народы. Религии. 2001. № 1–2. С. 80–85.

²³ Винокуров Е., Либман А. Евразийская континентальная интеграция. СПб., 2014; Агеев А. И., Борталевич С. И., Логинов Е. Л. Большое евразийское партнерство: проект, встречный транстихоокеанскому партнерству // Экономические стратегии. 2016. № 6. С. 20–31.

ношения в том числе и с ключевыми торгово-инвестиционными партнерами — ЕС и Китаем²⁴. Региональные интеграционные проекты евразийского пространства должны стать не взаимоисключающими, а взаимодополняющими. И прекрасный пример тому может дать сопряжение Экономического пояса Шелкового пути КНР и ЕАЭС²⁵. Континентальная интеграция как пример качественного роста экономических, политических и социальных взаимосвязей между субрегионами поможет интенсифицировать развитие инфраструктуры и транспорта, торговлю энергоресурсами, движение капитала и рабочей силы, сферы услуг, телекоммуникации, туризма, стимулировать совместные усилия по предотвращению распространения эпидемий, религиозного экстремизма и терроризма.

Вызовы современности сегодня выдвигают конкурс интеграционных проектов, от региональных до идеи объединения всего суперконтинента — Европы, Центральной, Северной, Восточной и Южной Азии. И если для других мировых игроков (США, ЕС, Турции, исламского мира, Китая) это всего лишь проект, то для России евразийская интеграция — вопрос ее полноценного существования как самостоятельного цивилизационного центра силы в мире.

---

²⁴ Тимофеев И., Алексеенкова Е. Евразийское направление внешней политики России: интересы, возможности и ограничения // Евразийское движение Российской Федерации [официальный сайт]. URL: <http://eurasian-movement.ru/archives/1091> (дата обращения: 15.12.2016).

²⁵ Экономический пояс «Шелкового пути» и приоритеты совместного развития евразийских государств. М., 2015 : аналитич. докл. // Международный дискуссионный клуб «Валдай» [официальный сайт]. URL: <http://valdaiclub.com/publication/77920.html> (дата обращения: 15.12.2016).

Глава 12

**Особенности сопряжения
национально-государственных интересов стран-участниц
в интеграционном строительстве ЕАЭС**

В условиях сложных геополитических трансформаций первой четверти XXI в. все чаще ставится вопрос о путях развития новых независимых государств, сформировавшихся на постсоветском пространстве. Прошедшие десятилетия после исчезновения с политической карты мира СССР отмечены активным поиском этими странами своего пути модернизации, что привело одних в интеграционные взаимоотношения с ЕС, а других — к участию в новом интеграционном проекте с Россией — Евразийском экономическом союзе. С одной стороны, участники ЕАЭС (РФ, Казахстан, Киргизия, Армения, Белоруссия) имеют объективную заинтересованность в развитии евразийской интеграции, обусловленную общей историей, смешанным этническим составом населения, экономическими связями и пр., что в целом отвечает их национально-государственным интересам. Эта заинтересованность обусловлена желанием модернизировать национальные экономики совместными усилиями, а также использовать геополитические возможности ЕАЭС в регионе Большой Евразии. С другой стороны, в этих странах идет активный процесс суверенизации, что предопределяет формирование национальных интересов, которые характеризуются стремлением к независимости во внешней политике. Учитывая малый срок существования ЕАЭС (с января 2015 г.), можно понять причины существующих проблем и разногласий, возникающих между странами-участницами.

В данной главе решается такая задача, как выявление особенностей и противоречий в реализации национально-государственных интересов государств, входящих в ЕАЭС. Если исходить из общепринятого определения, то национально-государственные интересы — это совокупность исторически сложившихся в едином государственном пространстве общих интересов граждан. В странах ЕАЭС тенденция в развитии национально-государственных интересов смещается с «государствоцентричного» пони-

мания интересов (что было характерно для советского периода) на сбалансированные интересы государства и общества, что можно объяснить процессами демократизации и формирования рыночной экономики. В результате интеграционного развития в странах-участницах начинают вызревать условия для создания системы национально-государственных интересов уже на уровне ЕАЭС.

Новым независимым государствам проблема государственного строительства на основе национального единства представляется одной из важнейших. Практически все страны заявили в своих конституционных документах о строительстве социального государства, что подразумевает постепенное сближение интересов государства и общества, где интересы граждан имеют приоритет при формировании внешнеполитического курса. Последнее обстоятельство в настоящее время имеет возрастающее значение, так как при выработке внешнеполитической стратегии руководство стран ЕАЭС не может не учитывать мнение гражданского общества, особенно в условиях социально-политической активизации населения под воздействием интернет-коммуникаций.

СНГ и другие постсоветские объединения не выдержали испытания временем, и возникла необходимость в новых формах интеграционного взаимодействия. Именно благодаря ЕАЭС удалось переломить опасную тенденцию по «растаскиванию» постсоветского пространства заинтересованными внешними силами в лице Евросоюза, США и КНР, которая наметилась еще в 1990-е гг. Поэтому три наиболее политически и экономически близких государства (Россия, Белоруссия и Казахстан) избрали модель евразийской интеграции, создав ЕАЭС, куда затем вступили Армения и Киргизия. Сегодня ЕАЭС объединяет территорию более 20 млн км². На ней проживают около 182,7 млн чел.¹, что свидетельствует о том, что ЕАЭС становится крупным интеграционным объединением в Евразии и мире, обладающим потенциально самодостаточным рыночным пространством. Создание ЕАЭС было сопряжено с рядом трудностей, что, в частности, нашло свое отражение в компромиссном варианте самого названия, так как по первоначальному

---

¹ Евразийский экономический союз // Евразийская экономическая комиссия [официальный сайт]. URL: <http://eec.eaeunion.org/> (дата обращения: 15.08.2017).

замыслу (в первую очередь в этом была заинтересована Россия) в названии не должно было быть слова «экономический». По словам профессора Н. Зиядуллаева, ЕАЭС представляет собой гораздо менее «продвинутый интеграционный проект, чем задумывалось ранее. Не случайно вместо Евразийского союза появился ЕАЭС, подчеркивающий именно экономическое сотрудничество... в Договоре используется термин „евразийская экономическая интеграция“, а не просто „евразийская интеграция“, который несет политическую составляющую»². Фактически данная уступка означает неготовность постсоветских республик к вхождению в союз с наднациональными характеристиками управления (по модели ЕС), сказывается определенная обеспокоенность потерей суверенитета, столь недавно приобретенного.

Для **Российской Федерации** интеграция с ближайшими соседями крайне необходима по целому ряду причин: во-первых, это геополитические интересы расширения ареала своего влияния в Большой Евразии; во-вторых, несмотря на большие ресурсные и экономические возможности, РФ нуждается в расширении евразийского рыночного пространства, особенно в условиях западных санкций; в-третьих, согласно официальной трактовке российского МИДа, РФ необходимы «отношения стратегического партнерства» со странами ближайшего окружения для укрепления своей безопасности.

Евразийская идея, разрабатывавшаяся русскими учеными в 1930-х гг., в XXI в. получила второе рождение как своего рода основа национально-государственной политики РФ. Активная поддержка этой идеи и первые практические шаги в этом направлении были осуществлены президентом В. В. Путиным, который вместе с Н. А. Назарбаевым приложил максимум усилий, чтобы новая модель интеграции заработала. Намерения российского руководства объединить постсоветское/евразийское пространство в новом формате с целью возрождения Евразии в качестве нового центра полицентричного мира все больше приобретают черты

---

² Зиядуллаев Н. ЕАЭС: между политикой и экономикой // Институт проблем рынка [официальный сайт]. URL: <http://www.ipr-ras.ru/articles/ziyadul14-08.pdf> (дата обращения: 15.08.2017).

официальной государственной стратегии. Данная тенденция, без сомнения, связана с радикальными изменениями расстановки сил в мире в целом и на Евразийском континенте в частности. В Концепции внешней политики РФ 2016 г. отмечается, что «Россия считает ключевой задачей углубления и расширения интеграции в рамках ЕАЭС... Созданный на основе универсальных интеграционных принципов, ЕАЭС способен сыграть важную роль в деле гармонизации интеграционных процессов в Европейском и Евразийском регионах»³.

Для России развитие евразийской интеграции в современных условиях приобрело жизненно важное геополитическое значение. В течение последних десятилетий политика западных соседей по расширению ЕС и НАТО привела к тому, что Россия фактически оказалась в изоляции, а потому стратегическое партнерство со странами ЕАЭС создает необходимые условия для смягчения санкционного режима, благодаря, с одной стороны, непосредственному развитию единого пространства для движения рабочей силы, товаров, услуг и капиталов, а с другой — созданию условий для выхода на рынки третьих стран через партнеров по интеграционному объединению. Бесспорно, одна из основных сложностей развития ЕАЭС заключается в дисбалансе экономического потенциала государств-членов, а потому привлечение на свою сторону постсоветских республик, чья экономика (особенно Армении и Киргизии) не отвечает современным стандартам, требует от РФ больших финансовых вливаний для их поддержки. В июне 2017 г. «Левада-центр» опубликовал результаты исследования, согласно которому большинство российских респондентов назвали Белоруссию и Казахстан в числе основных друзей России, что свидетельствует о позитивном настрое гражданского общества к партнерам РФ по ЕАЭС⁴. Но нельзя не согласиться с мнением

³ Концепция внешней политики РФ (утверждена Президентом РФ В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) // МИД РФ [официальный сайт]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 15.08.2017).

⁴ Россияне выбрали приоритеты внешней политики страны // Lenta.ru [информ.-аналитич. портал] 19.04.2017. URL: <https://lenta.ru/news/2017/08/17/levada/> (дата обращения: 17.08.2017).

Д. В. Тренина, что для постимперской России роль донора для бывших окраин более неприемлема⁵. Конечно, моментально решить эту проблему невозможно, но в том и состоит задача ЕАЭС, чтобы создать условия для взаимовыгодного сотрудничества, отдавая часть управленческих функций Евразийской экономической комиссии (ЕЭК). Так, на саммите ЕАЭС в апреле 2017 г. достигнуто соглашение о переводе на наднациональный уровень ряда позиций таможенного регулирования. В августе 2017 г. на обсуждение премьер-министров был предложен проект «Основных направлений реализации цифровой повестки ЕАЭС до 2025 г.», которых заявлено четыре: оцифровка общих рынков, оцифровка, связанная с инфраструктурами и цифровой безопасностью, трансформация системы управления и вопросы, связанные с цифровой отраслевой трансформацией. По словам председателя коллегии ЕЭК Т. Саркисяна, «программа цифровизации ЕАЭС — новый „план ГОЭЛРО-2“ — станет одним из важнейших драйверов модернизации экономик Союза и основой для рывка вперед во всех сферах деятельности, изменив в том числе и формат взаимодействия государства с обществом»⁶. Все это свидетельствует о новых характеристиках национально-государственных интересов стран — членов ЕАЭС. Но справедливости ради надо отметить, что не все предложения по развитию наднациональных структур вызывают позитивную реакцию у граждан стран ЕАЭС. Например, на саммите ЕАЭС в Астане (2016) В. В. Путин предложил создать единое информационное пространство, что было расценено «казахской либеральной интеллигенцией вкупе с местными националистами как попытка русифицировать казахские СМИ, навязать „чуждые казахскому менталитету“ российские информационные стандарты»⁷. Данный факт свидетельствует о сложности сопряже-

⁵ Тренин Д. В. Post-Imperium: евразийская история. М., 2012.

⁶ Общее экономическое пространство невозможно без единой цифровой среды // Евразийская экономическая комиссия [официальный сайт]. URL: <http://eec.eaunion.org/ru/nae/news/Pages/15-08-2017.aspx> (дата обращения: 15.08.2017).

⁷ Мальшиева Д. Казахстан и Россия: проблемы взаимодействия // Ритм Евразии [информ.-аналитич. портал]. URL: <https://www.ritmeurasia.org/news--2016-09-08--kazakhstan-i-rossija-problemy-vzaimodejstviya-25616> (дата обращения: 15.08.2017).

ния наднациональных интеграционных процессов с национальными предпочтениями в общественном сознании.

В то же время среди приоритетов и задач внешней политики **Казахстана** интеграция на евразийском пространстве занимает особое место. В системе национально-государственных интересов Казахстана евразийская интеграция предстает в качестве важнейшего условия экономического и социального подъема страны. Президент Н. А. Назарбаев, один из главных идеологов евразийской интеграции, постоянно подчеркивает, что без объединения экономик постсоветских стран невозможно решить сложные проблемы экономической модернизации и обеспечить национальную безопасность. Для России Казахстан имеет особое геополитическое значение, потому что эти страны соединяет очень протяженная граница (7500 км). Именно через территорию Казахстана осуществляется транспортная связь со многими азиатскими странами. Однако в общественном мнении россиян Казахстан уступает Белоруссии в качестве «лучшего друга». К сожалению, этому способствует и сама политика Казахстана, который по ряду позиций своих национально-государственных интересов демонстрирует вектор развития, не совпадающий с интересами России. Так, например, политолог Д. Малышева отмечает активизацию взаимоотношений с тюркоязычными государствами в рамках Совета сотрудничества, в состав которого входят, помимо Казахстана, Азербайджан, Киргизия, Турция и Туркмения. Совет координирует деятельность министерств транспорта, экономики, таможенных структур стран-членов, реализует такие проекты, как «Шелковый путь» и «Караван-сарай», что «говорит о том, что для Казахстана проблема сопряжения ЭПШП и ЕАЭС не является приоритетной, и решение этой задачи перекладывается Астаной на Россию»⁸. Кроме того, есть негативные тенденции и в товарообороте двух стран: «в 2016 г. произошло снижение товарооборота на 16,2% к уровню 2015 г. Казахстанский экспорт в Россию снизился на 22,7%, импорт из России снизился на 13,3%»⁹. В то же время растут объемы тор-

---

⁸ Там же.

⁹ Итоги торгово-экономического сотрудничества между РФ и Республикой Казахстан // Торговое представительство Российской Федерации в Республике

говли Казахстана с Китаем и ЕС. С 2015 г. Казахстан участвует совместно с Китаем, Турцией, Азербайджаном и Грузией в консорциуме по транспортировке грузов из Китая в Европу в обход России. Все это, включая планы по переводу алфавита с кириллицы на латиницу, свидетельствует о стремлении руководства Казахстана на практике реализовать идею многовекторности внешней политики, где направление на развитие ЕАЭС в национально-государственных интересах страны не является монополюбно определяющим.

Думается, что позиция Казахстана понятна, учитывая сложные политико-экономические условия развития страны, которая стремится взаимодействовать с Россией и другими странами — членами ЕАЭС без ущемления своих интересов. Однако есть основания и для оптимизма. Так, зимой 2017 г. в Оренбурге на международной экспертной площадке «ЕАЭС в восприятии студенческой молодежи приграничных регионов России и Казахстана» были озвучены результаты исследований отношения молодежи двух стран к ЕАЭС. Социологи отметили высокий уровень поддержки молодежью интеграционных процессов — 77 % в Казахстане и 81 % в России, что объясняется пониманием большинством главных задач ЕАЭС — модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности экономик стран-участниц. В итоге эксперты пришли к выводу, что «„идеологический сосуд“ не может быть пустым: если его не наполним мы, это сделают другие. И основой такой „мягкой идеологии“ может стать идея евразийства, равноправного сотрудничества на общем историко-культурном пространстве»¹⁰. Для формирования евразийской интеграционной идеологии требуются как совместные усилия ученых-обществоведов стран — участниц союза, так и интеграционный настрой правящих кругов, однако стратегические цели совместного развития не всегда выходят на первый план в трактовке национально-государственных интересов, уступая место краткосрочным прагматическим интересам.

Казахстан [официальный сайт]. URL: http://www.rustrade.kz/torg_ek.htm (дата обращения: 16.08.2017).

¹⁰ ЕАЭС в восприятии молодежи: «идеологический сосуд» не может быть пустым // ИА Regnum [информ.-аналитич. портал]. URL: <https://regnum.ru/news/2232715.html> (дата обращения: 15.08.2017).

В этом же ключе можно рассмотреть последние инициативы **Армении** по выработке плана внешнеэкономических партнерских связей. Согласно опубликованному списку из 14 стран, правительство решило активизировать экономические отношения именно с ними, но при этом в данном проекте «никак не упоминается ЕАЭС как организация, а в перечень стран из государств — членов ЕАЭС включена лишь Россия»¹¹. По мнению С. Мартиросяна, эта политико-экономическая инициатива свидетельствует о выборе тех стран, которые могут инвестировать в экономику Армении. Кроме того, нужно учесть и геополитический аспект: Армения — единственная в ЕАЭС, не имеющая общей границы с другими его странами-членами. Поэтому национально-государственные интересы страны во многом определяются взаимоотношениями с ближайшими соседями, такими как Грузия и Иран. На недавней встрече руководителей Армении и Ирана в Тегеране было достигнуто понимание необходимости активизации экономического взаимодействия, что в целом может быть полезным и для ЕАЭС, так как в Закавказье появляется реальная возможность создать свободную экономическую зону между ЕАЭС и Ираном. Данная инициатива обсуждалась главами государств ЕАЭС в Бишкеке в апреле 2017 г.

Бесспорно, присоединение к ЕАЭС отвечает национальным интересам Армении, потому что позволяет провести модернизацию ее экономики, а армянские бизнес-структуры получают упрощенный доступ к защищенному товарному рынку стран ЕАЭС. Граждане Армении могут без ограничений и патентов работать в странах ЕАЭС, что особенно важно, учитывая высокий уровень безработицы. По мнению Г. Мирзояна, «если Москве удастся договориться с Грузией о восстановлении железнодорожного сообщения с Арменией (неважно, через Чечню или через Абхазию), то у экономики республики появится шанс на возрождение»¹². Казалось бы,

¹¹ *Мартиросян С.* Ереван определяет перспективных партнеров : Страны ЕАЭС — «вне игры»? // Ритм Евразии [информ.-аналитич. портал]. URL: <https://www.ritmeurasia.org/news--2017-08-13--erevan-opredeljaet-perspektivnyh-partnerov-strany-eaes-vne-igry-31804> (дата обращения 16.08.2017).

¹² *Мирзаян Г.* Зачем Армения и ЕАЭС нужны друг другу // Эксперт [сайт]. 2015. URL: <http://expert.ru/2015/01/3/armeniya-i-eaes-nuzhnyi-drug-drugu/> (дата обращения: 15.08.2017).

именно в рамках ЕАЭС могут быть реализованы национально-государственные интересы Армении, но опросы свидетельствуют о неоднозначных оценках населением Армении внешнеполитического курса страны. Во многом это объясняется ролью большой армянской диаспоры, проживающей в странах Запада и лоббирующей европейский вектор интеграционных предпочтений во внешней политике страны. В этом отношении Армения имеет шансы на определенные экономические бонусы в ЕС. Так, предполагается пролонгация соглашения Армения — ЕС, по которому «Армения получит не очень большие, но устойчивые преференции в торговле с ЕС. К слову, это соглашение было проанализировано руководством ЕЭК и не вызвало у него возражений»¹³. Европейский вектор экономических предпочтений Армении частично определяется и политикой Белоруссии и Казахстана, которые «сотрудничают с Арменией, блокированной со стороны Азербайджана и Турции, предпочитают экономические контакты с Азербайджаном, который является одной из сторон сложного нагорно-карабахского конфликта»¹⁴. Тем не менее, присоединение Армении к ЕАЭС поддерживается большинством ее граждан, потому что оно открывает новые возможности для восстановления армянской экономики и подъема жизненного уровня населения страны.

Что касается **Белоруссии**, то ее национально-государственные интересы в определяющей степени связаны с развитием тесных интеграционных взаимосвязей с Россией и Казахстаном, что и определило ее роль как соучредителя ЕАЭС. Несмотря на свои относительно небольшие размеры (по сравнению с Казахстаном и Россией), Белоруссия является важным геополитическим игроком, потому что представляет собой европейский форпост ЕАЭС. Именно тот факт, что Белоруссия находится на линии водораздела европейских стран и России, придает тезису А. Г. Лукашенко об «интеграции интеграций» двойной смысл. Например, Белоруссию с Молдавией (на саммите в Бишкеке получила статус наблюдателя в ЕАЭС) предполагается пригласить в лоббируемый Польшей проект «Троеморья», нацеленный на развитие экономического сот-

¹³ *Мартirosян С.* Ереван определяет перспективных партнеров.

¹⁴ Там же.

рудничества между странами региона, расположенными между тремя морями: Балтийским, Адриатическим и Черным. По мысли его создателей, благодаря ему повысится конкурентоспособность стран Центральной и Восточной Европы по отношению к Западной, особенно в области инфраструктурных и энергетических связей¹⁵. Но становится очевидным, что одна из целей проекта — усилить присутствие энергетических компаний США на европейском рынке, а значит, сократить российскую долю экспорта газа. При этом важно отметить, что именно энергетический вопрос в последнее время стал большой темой во взаимоотношениях России и Белоруссии, поэтому диверсификация энергетических потоков рассматривается А. Г. Лукашенко как важный фактор защиты национально-государственных интересов.

Возвращаясь к тезису о том, что «идеологический интеграционный сосуд» не должен быть пустым, важно отметить, что, по мнению экспертов, «в Белоруссии выросло поколение, если не два, политиков среднего звена уровня заместителей министров и директоров департаментов, руководителей общественных организаций и депутатов различных уровней преимущественно прозападной ориентации. Они рады, что европейцы называют их „новыми“, „по-европейски мыслящими“ людьми»¹⁶. При этом не стоит рассматривать «европейские настроения» исключительно как негативное явление, как отход от интеграционных интересов в рамках ЕАЭС. Белорусская элита прекрасно понимает, что за активной политикой Польши по интеграции Белоруссии в Европу стоят далеко идущие планы польских правящих кругов по возрождению «великой Польши» за счет подчинения ближайших соседей. Кроме того, важно учитывать особые отношения Белоруссии и России в рамках союзного государства, а также те экономические выгоды, которые имеет Белоруссия, получая выход на огромный рынок ЕАЭС, где реализуется львиная доля всей продукции страны. Нельзя не упо-

---

¹⁵ Эксперт о проекте «Троеморье»: никто играть в пользу Польши не собирается // РИА Новости [официальный сайт]. URL: https://ria.ru/radio_brief/20170622/1497098800.html (дата обращения: 17.08.2017).

¹⁶ Запад вплотную берется за Белоруссию. А Россия? // РИА Новости [официальный сайт]. URL: <https://ria.ru/analytics/20170323/1490675724.html> (дата обращения: 16.08.2017).

мянуть и о том, что в последнее время понятие «Минск» все чаще ассоциируется с проведением переговоров по конфликтным проблемам евразийского пространства, что подчеркивает миролюбивый характер национальных интересов белорусского народа.

Киргизия в интеграционном соединении пяти государств является наиболее слабым звеном. Все годы независимого развития страна тяготела к евразийской интеграции, что нашло отражение в ее Концепции внешней политики 2007 г.: «Интеграция в рамках евразийского пространства предусматривает делегирование определенных полномочий наднациональным структурам по обеспечению безопасности и экономического развития»¹⁷. Поэтому вступление Киргизии в ЕАЭС стало важнейшим приоритетом внешнеэкономической политики республики. Принципиально важным фактором при этом стала возможность упрощения миграционных правил, что, несомненно, будет способствовать повышению уровня жизни населения. Однако вступление в ЕАЭС и подписание Таможенного кодекса поставили под удар такую внешнеэкономическую деятельность, как реэкспорт китайских товаров, что приносит киргизской стороне значительные доходы, в основном ее различным структурам. Но модернизация экономики и социальной сферы требует новых качественных преобразований, что должно соответствовать национально-государственным интересам Киргизии. Поэтому вступление в ЕАЭС является историческим выбором страны. Одной из наиболее острых для республики остается проблема энергообеспечения, а участие в едином энергетическом рынке ЕАЭС позволит стране получить доступ к нефти и газу по льготным ценам.

Однако есть и опасения, касающиеся возможного ухудшения экономического положения Киргизии в переходный период, который планируется завершить к 2025 г. Основу ее экономики составляют сельское хозяйство (здесь существует более 300 тыс. фермерских хозяйств), а также швейное производство и добыча золота. Но, по мнению экспертов, «мелкие производства, не выдержав

---

¹⁷ Концепция внешней политики Кыргызской Республики // Международный институт стратегических исследований [официальный сайт]. URL: <http://www.iisr.ru/kvpvpg.html> (дата обращения: 15.08.2017).

„всех возможностей 180- миллионного рынка“, уступят свою долю крупным российским, казахстанским и белорусским холдингам. В чем-то республика будет похожа на страны Восточной Европы, в которых мало что выгодно производить на фоне таких гигантов, как Германия и Франция, но, с другой стороны, есть включенность в региональные процессы интеграции, которые дают выход на мировые рынки через поднятие качества продукции»¹⁸. Неудивительно, что на саммите в декабре 2016 г. президент Киргизии А. Атамбаев заявил, что негативные моменты «временами превалируют» в сотрудничестве стран ЕАЭС и что это плохо сказывается на интеграции республики. При этом важно подчеркнуть, что Киргизия ищет новые, не только экономические пути повышения своего статуса в регионе Центральной Азии и в ЕАЭС. Так, А. Атамбаев выступил с инициативой по созданию объединения народов «алтайской цивилизации», говорящих на языках алтайской языковой семьи (тюркская, монгольская и тунгусо-маньчжурская языковые ветви). По мнению киргизского эксперта И. Шестакова, проект «Алтайская цивилизация» может стать «противовесом деструктивной идее пантюркизма, которую проталкивает Турция и... которая направлена против России и евразийских интеграционных процессов»¹⁹. Кроме того, данный проект способствует развитию национального самосознания киргизов, что важно для идеологического оформления принципов, лежащих в основе национально-государственных интересов гражданского общества.

Рассматривая национально-государственные интересы стран — участниц ЕАЭС, нельзя не коснуться такой темы, как взаимоотношения с Китаем в контексте проекта сопряжения ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП). В целом все участники ЕАЭС заинтересованы в этом проекте с КНР, так как для развития

¹⁸ Бердаков Д. Кыргызстан в ЕАЭС: контуры евразийской социально-экономической модели республики к 2025 г. // РСМД [официальный сайт]. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments /analytics/kyrgyzstan-v-eaes-kontury-evraziyskoy-sotsialno-ekonomicheskoy-modeli-respubliki-k-2025-g/> (дата обращения: 15.08.2017).

¹⁹ Файзулин Р. Первый шаг новой алтайской цивилизации // Ритм Евразии [информ.-аналитич. портал]. URL: <https://www.ritmeurasia.org/news--2017-07-31-pervyj-shag-novoj-altajskoj-civilizacii-31592> (дата обращения: 15.08.2017).

экономик стран интеграционного союза необходимы инвестиции, объем которых со стороны западных кредиторов (прежде всего для РФ как крупнейшего участника интеграции) значительно сократился, а потому китайские кредитные линии крайне важны. К сожалению, в этом вопросе нельзя говорить о полном совпадении позиций стран — участниц ЕАЭС. Россия настаивает на взаимодействии с Китаем в вопросе сопряжения ЕАЭС и ЭПШП с позиций многостороннего сотрудничества, что значительно повышает международный статус союза. Этого же статусного уровня Россия добивается и во взаимоотношениях с ЕС. Что касается остальных участников ЕАЭС, то их позиция определяется стремлением к двусторонним взаимоотношениям с Китаем, что в большей степени соответствует и китайским стратегическим интересам, для которых формирование сильного интеграционного центра в Большой Евразии означает существенную преграду на пути торговой евразийской экспансии КНР. Поэтому заинтересованность КНР во взаимодействии между ЕАЭС и ЭПШП обусловлена исключительно перспективой создания благоприятных условий «для выхода Китая на западные рынки посредством реализации ряда транспортно-инфраструктурных проектов через территорию России, Белоруссии и стран Центральной Азии до Европы»²⁰.

Однако, несмотря на стремление Китая к «сдерживанию ЕАЭС», интеграционная привлекательность ЕАЭС значительно возрастает, свидетельством чего стали инициативы Евразийской экономической комиссии по созданию зон свободной торговли с государствами различных регионов мира. Например, уже вступило в силу соглашение о ЗСТ с Вьетнамом, а итогом саммита ЕАЭС в Астане (2016) стало решение о запуске переговоров по соглашению об унификации торгового режима ЕАЭС с Сербией. Обсуждаются перспективы ЗСТ с Индией и Ираном. Большую заинтересованность в развитии торговых связей с ЕАЭС проявляют страны Азиатского (Монголия, Камбоджа, Южная Корея, Израиль) и Ла-

---

²⁰ Чуфрин Г. Евразийский интеграционный проект и стратегические интересы России // Россия и новые государства Евразии. 2017. № 1. URL: https://www.imemo.ru/files/File/maga_zines/rossia_i_novay/2017_01/7.Evraziyskiy_Chuftrin.pdf (дата обращения: 15.08.2017).

тиноамериканского (Перу, Чили, Эквадор) регионов. Что касается ЕС, то развитие партнерских отношений с этим крупнейшим и самым успешным интеграционным объединением полностью соответствует национально-государственным интересам всех стран — участниц ЕАЭС. По мнению Е. Винокурова, несмотря на все политические сложности последнего времени, существует прагматически обоснованная позиция сближения ЕС и ЕАЭС по вопросу «инфраструктурной тройки» (транспорт, линии электропередачи, телекоммуникации), которая играет ключевую роль и в транс-евразийском контексте, и в контексте сотрудничества по линии ЕС — ЕАЭС²¹. О возможности выработки всеобъемлющей подробной «дорожной карты», условий и вариантов будущего сотрудничества между ЕС и ЕАЭС говорилось в июне 2017 г. на видеоконференции в Международном институте прикладного системного анализа (Австрия), где выступила член коллегии (министр) по интеграции и макроэкономике ЕЭК Т. Валовая. Она предложила объединить усилия Европейской комиссии и ЕЭК для организации полноформатного диалога, чтобы «сделать ситуацию понятнее и проще для всех стран, которые хотят стать партнерами обоих объединений»²². Представляется, что взаимодействие с ЕС постепенно выйдет из кризисного состояния, поскольку для европейских стран потеря 182-миллионного рынка и ресурсной базы ЕАЭС не сулит хороших перспектив в конкурентной борьбе с США и Китаем.

***

Оценивая результаты участия пяти государств в ЕАЭС, следует отметить, во-первых, общую объективную заинтересованность в ускоренной модернизации, а этого реальнее достичь совместными усилиями. Во-вторых, население стран ЕАЭС имеет разнообразные исторические, семейные, экономические, культурные

---

²¹ Винокуров Е. ЕС и ЕАЭС: вектор развития отношений // ИА Regnum [информ.-аналитич. портал]. URL: <https://regnum.ru/news/2173129.html> (дата обращения: 16.08.2017).

²² Новости ЕАЭС // Виртуальная таможня [таможенно-логистический портал]. URL: <http://vch.ru/event/category/117.html?year=2017&month=6> (дата обращения: 18.08.2017).

и пр. связи, которые предопределяют необратимость центростремительных тенденций на евразийском пространстве. В-третьих, существующие противоречия и разногласия являются рабочим моментом роста интеграционного взаимодействия, где каждый участник стремится по максимуму отстоять свои национально-государственные интересы. Однако достижение оптимального результата возможно лишь на путях консенсусных договоренностей, взаимных уступок и компромиссов, что в итоге постепенно сводит на нет протекционистские амбиции, местнические подходы и прочие негативные моменты в процессе выработки общих евразийских интересов, именно в рамках которых и могут в полной мере раскрыться национально-государственные интересы стран — участниц ЕАЭС.

Глава 13

Диспаритеты региональной интеграции в Центральной Азии

Ряд стран Центрально-Азиатского региона в последнее десятилетие активизировали попытки углубления интеграции. С 2010 г. они образовали Таможенный союз, трансформировавшийся в 2015 г. в Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Прежде всего это государства, стремящиеся развивать взаимовыгодные связи с Российской Федерацией — Казахстан, Киргизия. Не исключено присоединение к ним Таджикистана. Заметим, что на 2017 г. в сфере пророссийского интеграционного объединения официально находятся только два из пяти государств Центральной Азии. Туркмения пребывает в состоянии глубокого нейтралитета, даже в рамках СНГ являясь ассоциированным членом, а Узбекистан продолжает использовать тактику лавирования.

В центре внимания российских исследователей обычно находятся позитивные ожидания от процесса интеграции, но, на наш взгляд, не следует забывать и о тех географических, политических

и экономических особенностях региона, которые препятствуют углублению интеграционных процессов не только в российском формате, но и в целом.

Развитие интеграционных процессов на территории центральноазиатских республик неразрывно связано с особенностями и динамикой политического устройства в каждой из них, с уровнем социально-экономического развития, а также с этническими, конфессиональными и другими факторами. Своеобразие политических систем в Центрально-Азиатском регионе обусловлено во многом этнической, исторической и культурной спецификой. Это проявляется в менталитете, своеобразии социального и политического сознания всех слоев населения, включая элиту.

Особое значение в условиях трансформации земледельческих и кочевых обществ, местами сохранившихся феодальных пережитков имели устойчивые социально-экономические и культурные связи с Россией. Под воздействием союзного центра шло формирование местной партийно-бюрократической верхушки, управленцев среднего и местного уровня, технической и творческой интеллигенции. При этом ведущие позиции в административной и производственной сфере занимали русскоязычные представители союзного центра. Установление независимости привело к оттоку русскоязычных граждан из Центрально-Азиатского региона. Этот процесс, с точки зрения исследователей, обусловил глубокие политические последствия и заложил основу будущих этнократических режимов¹.

Важную роль сыграл и этнический менталитет населения региона, имеющий в своей основе традиционализм и патернализм. Интересно, что в рамках советской модели модернизации традиционные и даже архаичные институты оказались востребованы, поскольку позволяли подпитывать ее ресурсами². Именно в Центральной Азии наиболее ярко проявилось соседство очагов «высокого модерна» (представленных, например, космическим Бай-

---

¹ Агаев Р. ЦВР: проблемы эволюции политических систем // Центральная Азия : Геополитика и экономика региона. М., 2010. С. 12.

² Казанцев А. А. «Большая игра» с неизвестными правилами : Мировая политика и Центральная Азия. М., 2008. С. 121.

конуром и ядерным Семипалатинском) и элементов архаических общественных отношений, в некоторой степени отразившихся в так называемом коррупционном «узбекском деле» 1970–1980-х гг.

Другим важным обстоятельством развития суверенных государств региона стал ислам, который сохранял значение и даже усилил свое влияние как на государственном, так и на бытовом уровне, играя роль значимого аспекта этнической идентичности. Однако степень его воздействия достаточно сильно варьируется по странам региона. Так, в Казахстане, Киргизии и Туркмении его влияние незначительно из-за специфики этногенеза, этногеографического положения, поскольку считается, что у кочевых народов исламские традиции недостаточно сильны. Другая ситуация сложилась в Узбекистане и Таджикистане, возникших на основе оседлого населения. Там существуют более прочные традиции, что влияет на рост национализма и более активную вовлеченность в создание радикальных исламистских партий и группировок.

Кроме того, необходимо подчеркнуть, что существуют серьезные различия между кочевыми и оседлыми народами. Они оказывают непосредственное влияние не только на тип экономического уклада (земледельческие — скотоводческие) и религиозное сознание (силу влияния ислама), но проявляются в разнообразии общественных и политических традиций: это значительные элементы свободы у кочевых этносов (казахи, киргизы) и опыт деспотии у оседлых. Отметим также, что внутрорегиональные различия во многом вызваны и этническим компонентом: так, оседлые народы в основном принадлежат к иранской, а кочевые — к тюркской языковой группе³. Одновременно с этим во всех странах Центральной Азии, многонациональных по своему составу, сохраняются существенные субэтнические и субрегиональные различия. Поэтому межэтнические отношения представляют собой наиболее уязвимое звено и внутренней, и внешней политики.

Значимой составляющей самоидентификации новых независимых государств Центрально-Азиатского региона стал национализм. Молодые демократии, часто радикального толка с местным исламским компонентом, созданные на постсоветском простран-

³ Казанцев А. А. Указ. соч. С. 40.

стве, стали воспринимать СССР как структуру, поглотившую самобытные национальные государства и даже целые цивилизации⁴.

Комплекс исторически обусловленных факторов предопределил как внутреннее развитие стран, так и их международное положение, а также внешнюю политику государств региона. В данной связи территорию Центральной Азии представляется возможным изучать только как совокупность географически близких, но очень различных в политическом и социально-экономическом плане субъектов пяти разных уровней интеграции в систему международных экономических и политических отношений, что, по мнению ученых, является одной из причин нестабильности региона в целом⁵.

Исследуя положение в регионе, важно проанализировать все основные внутренние проблемы и причины противоборства государств-соседей. Как уже отмечалось, одним из противоречий, влияющих на ситуацию в каждой из стран, стал этнический узел. Власти, стремящиеся к установлению этнократии «титულიной» нации, провоцируют обострение борьбы этнических группировок и рост сепаратизма.

Нестабильность обусловлена и различной степенью интеграции этносов внутри государств, и наличием «очагов русификации», главным образом на севере региона. Усугубляется ситуация наличием социальных и экономических вызовов, а также инцидентов, связанных с отсутствием решения проблем этнических анклавов, территориальных претензий и государственных границ. Закономерным следствием сохранения межнациональных и межгосударственных противоречий являются попытки разнообразных внешних и внутренних сил использовать эти противоречия в своих корыстных целях. В качестве этих сил выступают и различные группировки внутри самих страны региона, и многие, в том числе соседние государства и разнообразные группировки экстремистского толка, при отсутствии внятной идентичности компенсирующие идеологический вакуум. В результате региональную идентичность приходится признать очень противоречивой, неустойчивой

⁴ Вестник аналитики. 2008. № 2. С. 57.

⁵ Центральная Азия. Геополитика и экономика региона. М., 2010. С. 216.

и содержащей серьезный конфликтный потенциал, который, с одной стороны, препятствует процессам интернационализации, а, с другой стороны, может быть преодолен развитием реальной интеграции стран региона, что осознается их лидерами.

Значимым фактором является наличие в регионе внешних игроков, преследующих самые разные интересы. Различные части региона на протяжении веков имели этнические, экономические и культурные связи с соседними территориями и государствами. Так, восточная часть, в особенности Семиречье и Ферганская долина, находились в сфере китайского влияния. Южная Туркмения тесно связана с районами северного Ирана и Афганистана, а южный Узбекистан и Таджикистан — с областями не только северного Афганистана, но также Индии и Пакистана⁶.

По мнению А. А. Казанцева, многовекторность — черта, свойственная государствам региона со времен Великого шелкового пути. Особенно она характерна для кочевых народов, тем более, что военно-политическая элита в регионе формировалась в основном из них. Принятие номинального подданства более сильной державы служило способом организации системы неэквивалентного обмена (вымогательства) различных привилегий и ресурсов. Часто государственные образования, существовавшие в Центральной Азии, даже разжигали конкуренцию между соседними державами, понимая принятое подданство тем или другим весьма номинально⁷. На современном этапе подобная тактика продолжает воспроизводиться, что осложняет попытки односторонней интеграции.

В то же время нельзя рассматривать эти особенности как однозначно негативные. Именно кочевники создали первую единую мир-экономику, зону свободного обмена идеями, товарами, услугами и рабочей силой, представшую в виде Тюркского каганата и империи потомков Чингисхана⁸. Таким образом, вполне логичной предстает тенденция многовекторности в интеграционных

---

⁶ Дадабаева З. А., Кузьмина Е. М. Процессы регионализации в Центральной Азии: проблемы и противоречия : науч. докл. М., 2014. С. 17.

⁷ Казанцев А. А. Указ. соч. С. 77–79.

⁸ Там же. С. 79–80.

проектах региона, а значит, монополия российского вектора маловероятна.

Еще одним фактором, определяющим положение в Центральной Азии, являются издержки тех персоналистских политических режимов, которые здесь сложились. Причиной кризисов, по мнению ученых, стал феномен имитационной демократии, при которой демократические конституции сочетаются с авторитарными режимами и этноклановой элитой и опорой на силовые структуры. Деятельность парламентов и политических партий не гарантирует демократию, а смена политических лидеров сопряжена с политическими потрясениями⁹. При сходстве процессов политической трансформации страны Центральной Азии демонстрируют региональную специфику, связанную с религиозным фактором в Таджикистане и Узбекистане; поиском компромисса национальных районов в Киргизии; необходимостью форсированной экономической реформы в Казахстане, преодоления патриархальных традиций в Туркмении. Основой сохранения данных режимов является либо возврат к традиции авторитаризма, либо противодействие угрозе распада под влиянием религиозных или этноклановых конфликтов¹⁰.

Политические реформы в странах региона рассматриваются исследователями как эксперименты по рационализации традиционных обществ и политических режимов. Важно, что сами государства, встречая вызовы глобализации, представляют различные модели реагирования на них — от цветных революций в Киргизии и авторитарной модернизации в Казахстане до косметического проведения реформ в Туркмении и полного отказа от них в Таджикистане и Узбекистане¹¹.

В Казахстане, Киргизии и Туркмении осуществляется трансформация парламентаризма. С этой целью применяется процедура досрочного роспуска парламента, после чего в Конституцию вносится изменение, обеспечивающее доминирование

---

⁹ Медушевский А. Н. Политические режимы Центральной Азии: конституционные реформы в рамках авторитарной модернизации // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 3. С. 8.

¹⁰ Там же. С. 6.

¹¹ Центральная Азия : Геополитика и экономика региона. С. 35.

правительственной партии над всеми прочими. Именно так достигнуто лидерство казахстанской партии «Нур Отан», киргизской «Ак Жол» и туркменской «Демократической»¹². Одновременно несменяемость президента обеспечивается отсутствием или нереализуемостью процедуры импичмента¹³. Результатом этого стала реставрация авторитаризма по типу «имперского президентства».

На практике ни один из вариантов политических моделей не решил проблемы политической стабильности. Деятельность парламентов в условиях господства одной партии стала деструктивным фактором при наличии партийного раскола. Парламентаризм в Киргизии в условиях этнополитического противостояния столкнулся с проблемой примирения кланов и консолидации власти. Превращение президентско-парламентской системы Казахстана в парламентско-президентскую мало что изменило в механизме власти при сохранении абсолютного контроля главы государства над всей политической системой.

Наиболее устойчивыми оказались центральноазиатские режимы, либо не проводившие реформ, например, в Узбекистане, либо отказавшиеся от них из опасения дестабилизации, как в Таджикистане, либо обновившие авторитаризм, как в Туркмении. В результате выбор между «свободой» в форме парламентской республики и «порядком» президентской республики свелся к выбору между политической нестабильностью и авторитаризмом¹⁴.

Одновременно с укреплением власти президентов шло внедрение многопартийности в Казахстане, Узбекистане и Киргизии при А. Акаеве. Однако многопартийность здесь зачастую является имитацией: так, в Казахстане на парламентских выборах 2009 г. семипроцентный барьер преодолела только возглавляемая президентом партия «Нур Отан»¹⁵. Ситуация почти в точности повторилась на выборах в 2016 г. Трансформация коммунистических партий

---

¹² Парламент наделил Нурсултана Назарбаева статусом лидера нации // Коммерсант. 2010. 14 мая.

¹³ Медушевский А. Н. Конституционный контроль и политический выбор. С. 17.

¹⁴ Медушевский А. Н. Политические режимы Центральной Азии. С. 26.

¹⁵ Центральная Азия. С. 34.

в национал-демократические явилась одним из главных факторов удержания власти и образования новой государственности, во многом опирающейся на традиции систем восточного деспотизма. Результат социально-политических преобразований в государствах региона подтвердил истину о том, что на переломных этапах истории, при угрозах войн и распада, консерватизм власти предпочтительнее революционного порыва.

Необходимо отметить, что Казахстан осуществил оформление своей государственной независимости только после развала СССР, дистанцировавшись от участия в распаде страны. В Казахстане наиболее ярко проявилась общая для Центрально-Азиатского региона черта — сохранение эгалитарных принципов, неприятие радикальных реформ, в которых лидеры и элиты видели угрозу для политической стабильности. Определенный авторитаризм мышления элиты некоторыми учеными объясняется существующими угрозами безопасности, обусловленными глобальными и региональными проблемами, в частности, экспортом радикального исламизма из ряда государств и наркотрафиком из Афганистана¹⁶.

Таким образом, в результате трансформации политических систем в странах региона сформировались модели с сильной президентской властью, возросшей за счет снятия ограничений количества сроков, в которые одно лицо может пребывать на президентском посту, а также за счет продления срока его полномочий. Кроме того, в ряде государств по факту действует однопартийная система, что расценивается исследователями как своеобразная модификация управляемой демократии в ее восточно-исламской редакции¹⁷. В результате в Казахстане и Таджикистане президенты находятся у власти по 20 с лишним лет, в Туркмении и Узбекистане смена президента осуществлялась лишь в связи со смертью лидеров этих стран С. А. Ниязова и И. А. Каримова, а в Киргизии — в результате революций 2005 и 2010 г.¹⁸

---

¹⁶ Фурман Д. Е. Эволюция политических систем стран СНГ // Средиземноморье — Черноморье — Каспий: между Большой Европой и Большим Ближним Востоком. М., 2006. С. 131.

¹⁷ Центральная Азия : Геополитика и экономика региона. С. 217.

¹⁸ Россия в глобальной политике. 2006. № 4. С. 12.

Киргизия демонстрирует нам пример того, что персоналистские авторитарные политические режимы, сформировавшиеся в государствах Центральной Азии, по своей природе не склонны добровольно делиться полномочиями правящего лица либо правящей верхушки. Эта особенность осложняет углубление интеграционных процессов в регионе. С другой стороны, этот же фактор склоняет симпатии местных лидеров к сотрудничеству с Москвой или Пекином, предпочитающим медленные изменения без цветных революций.

В ходе строительства новой национальной государственности исламский фактор приобрел существенное влияние на процесс самоидентификации современных центральноазиатских народов. Таким образом, джинн вырвался из бутылки, в которой прятался 80 лет на протяжении советской власти.

Серьезнейшей внутривнутриполитической проблемой центральноазиатских государств стало распространение религиозного радикализма, использующего ислам в политических целях либо в качестве камуфляжа контрабанды наркотиков. Сейчас там действуют несколько крупных организаций — это Исламское движение Узбекистана (признанное террористическим и запрещенное в РФ и др. странах)¹⁹, «Хизб ут Тахрир», «Таблиги Джамаат», «Исламская партия Туркестана», «Акрамия» — «Биродар»²⁰ и др.

Среди причин распространения в регионе не столько традиционного «консервативного» ислама, сколько радикального исследователи называют комплекс социально-экономических проблем. К ним относятся бедность, высокий уровень безработицы, низкий образовательный и профессиональный уровень, маргинализация населения, неэффективность властей, клановость и т. п. Вследствие этого поддержка радикального ислама некоторыми группами населения и, в частности, значительным количеством молодежи Центральной Азии расценивается специалистами как, с одной сто-

---

¹⁹ Организации, признанные террористическими на основании решений Верховного суда РФ // Антитеррористический центр государств — участников СНГ [официальный сайт]. URL: <http://www.cisatc.org/134/160/208> (дата обращения: 14.03.2016).

²⁰ Центральная Азия : Геополитика и экономика региона. С. 168.

роны, форма протеста, а с другой — поддержка идей социальной справедливости, выдвигаемых радикалами.

Серьезная опасность деятельности исламских радикальных объединений как дестабилизирующего фактора обусловлена их тесными связями с крупнейшими запрещенными террористическими организациями «Талибан», «Аль-Каида», «Джамаате ислами», «Исламское государство»²¹ и др. Это создает угрозу возникновения очага террористической агрессии непосредственно в Центральной Азии. Кроме того, нельзя не учитывать вероятность прихода к власти исламских радикалов (например, в результате свержения конституционного строя) в любом из государств, где сразу начнется массовая миграция на территории соседних стран. А в случае с Казахстаном или Киргизией подобная ситуация, скорее всего, приведет также к расколу и противостоянию «светского севера» и «исламского юга»²². С точки зрения политологов, в настоящее время территорией наибольшего распространения исламского фундаментализма и радикализма является Ферганская долина — один из главных «этнокультурных перекрестков» Центрально-Азиатского региона.

Современные правящие режимы центральноазиатских республик не в состоянии предложить глубокую идеологическую альтернативу радикальному исламу, который подпитывается не только финансами из-за рубежа, но и нарастающими социальными проблемами. В личных беседах представители госструктур Киргизии рассказывают, что правоохранные органы в борьбе с радикальными исламистами вынуждены постоянно менять свою тактику. Например, задержанных радикалов по возможности стараются не держать долго в общих камерах на предварительном заключении, поскольку через месяц-два уже все заключенные в этой камере становятся приверженцами радикальных убеждений.

Ответом на радикальные вызовы в настоящее время оказывается усиление авторитарных тенденций, которые зачастую одобря-

---

²¹ Кочнев А. В. Исламский экстремизм в Узбекистане // 70 лет Ялтинской конференции стран антигитлеровской коалиции. Екатеринбург, 2016. С. 100.

²² Россия — Средняя Азия : Политика и ислам. М., 2013. С. 373.

ются соседними государствами, но не всегда эффективно работают, не давая выхода политическому недовольству. Характерным примером может служить запрет Партии исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ) в 2015 г. По мнению эксперта РИСИ Д. Попова, эта партия традиционно оттягивала на себя протестный электорат, выступая против вооруженной борьбы. «Теперь недовольные из числа сторонников ПИВТ, как можно прогнозировать, будут уходить в тень и на более радикальные позиции. Контролировать их станет сложнее», — заметил эксперт²³.

Другим серьезным источником нестабильности Центральной Азии, как отмечалось выше, является социально-экономическая сфера. Главными признаками неблагополучия являются безработица, массовая бедность в сочетании с резкой поляризацией социума, коррупция, наличие острых экологических проблем, снижение образовательного и культурного уровня населения, рост внешней и внутренней миграции, в том числе незаконной. На этом фоне происходят распространение наркомании, рост преступности и религиозного экстремизма²⁴. Данные негативные процессы характерны для всех стран региона, хотя и в разной степени. Закономерно, что социально-экономическая нестабильность влияет как на внутреннюю политику государства, так и на международные отношения в регионе, усиливая компонент неопределенности. Недалековидная политика авторитарных правителей региона способна не только осложнить политическую ситуацию, но и затруднить таким образом продолжение интеграции.

Обращаясь к анализу экономических проблем Центральной Азии, необходимо выделить основные риски, которые становятся фактором деструктивного вектора развития региона. С некоторой долей условности данные деструктивные процессы можно разделить на производственные и финансовые. К первой группе относится деиндустриализация, вызванная нарушением эко-

---

²³ Фасхутдинов Г. ПИВТ вне закона: в Таджикистане оценивают последствия // Deutsche Welle. 2017 [official website]. URL: <http://www.dw.com/ru/пивт-вне-закона-в-таджикистане-оценивают-последствия/a-18751079> (mode of access: 08.05.2017).

²⁴ Казанцев А. А. Указ. соч. С. 113.

номических связей между странами, сокращением внутреннего производственного потенциала из-за значительного износа основных фондов, уменьшением объемов производства, низким качеством и неконкурентоспособностью выпускаемой продукции, наличием значительного теневого сектора. Упадок промышленного потенциала усиливает как диспропорции хозяйственного комплекса внутри стран, так и неравномерность развития самих государств региона. А это, в свою очередь, негативно влияет на торговый баланс и инвестиционный климат. Усугубляется положение состоянием финансовой сферы, характеризующейся наличием дефицитных бюджетов, проблемами в системе налогообложения, утечкой капитала за рубеж и значительными суммами внешних долгов²⁵. В данном контексте представляется важным понять два сюжета. Первый — насколько интеграционные проекты, предлагаемые Россией или другими странами, способны решить экономические проблемы региона. Второй — какие проблемы и в какой степени будут препятствовать углублению интеграционных процессов.

Евразийская интеграция содержит в себе ряд позитивных перспектив. Это сохраняющаяся до сих пор культурная общность, основанная не только на общем историческом прошлом, но и на знании русского языка и вовлеченности в русскую культурную традицию. Это надежда на финансовую помощь со стороны России, подкрепленная многолетней практикой списания долгов Киргизии, Белоруссии и многим другим странам. Большую роль играет и фактор российского транзита. Именно через территорию России многие континентальные государства осуществляют выход на внешние рынки. Так, 84 % казахстанской нефти отправляются к потребителю через территорию России²⁶. Согласно исследованиям Г. Абдрахмановой, изучившей мнения казахстанских экспертов, большинство из них наиболее эффективными интеграционными объединениями называют ЕвразЭС и ШОС, хотя и их деятельность нельзя назвать идеальной. 45 % респондентов оце-

²⁵ Казанцев А. А. Указ. соч. С. 178.

²⁶ Иноземцев В. Л. Евразийский экономический союз: потерянные в пространстве // Полис : Политические исследования. 2014. № 6. С. 77.

нили ее как «среднюю», в которой достижений ненамного больше, чем неудач²⁷.

Важной и труднопреодолимой особенностью внешней торговли стран ЕАЭС является низкий уровень взаимной торговли. По данным Евразийской экономической комиссии за январь 2017 г., удельный вес взаимной торговли в общем объеме внешней торговли составил в среднем по ЕАЭС 14,6 %²⁸. Это очень скромная цифра, особенно если сравнить её с 60 % межреспубликанской торговли в СССР 1980-х гг. Такие показатели имеют вполне логическое объяснение, связанное с тем, что наиболее крупные страны ЕАЭС наибольший объем своего сырьевого экспорта направляют потребителям за пределами союза. Пути принципиального изменения такой ситуации пока до конца не исследованы.

Еще одним важным фактором, который сдерживает инновационные изменения, является позиция национальных элит постсоветских республик, которые трансформировались из позднесоветской номенклатуры. Данную ситуацию очень точно охарактеризовал В. Л. Иноземцев, говоря о России и семи внутренних ограничителях модернизации страны. На наш взгляд, его характеристику можно отнести и к государствам Центральной Азии: «...для большинства российских предпринимательских структур их бизнес является ничем иным, как затянувшимся процессом получения ренты от случайно доставшейся собственности... Именно рента и монополизм являются источниками богатства российской политической элиты, что делает ее незаинтересованной в модернизации страны»²⁹.

О сходных процессах в странах региона говорит К. Рогожина, когда описывает реархаизацию и ретрадиционализацию социаль-

---

²⁷ Абдрахманова Г. Альтернативные проекты региональной интеграции с участием стран Центральной Азии: некоторые сравнения // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 6. С. 15–17.

²⁸ Об итогах взаимной торговли товарами Евразийского экономического союза. Январь 2017 года // ЕЭК [официальный сайт]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/Documents/Analytics_I_201701.pdf (дата обращения: 12.05.2017).

²⁹ Иноземцев В. Л. Семь внутриполитических ограничителей модернизации России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. № 3. С. 190.

ных отношений, изучая патрон-клиентные отношения в постсоветской Центральной Азии. Монополизация политической и экономической власти здесь «сочетается с опрометчивой политикой правящих элит, направленной на собственное обогащение, и решимостью удерживать необходимую для этого власть любой ценой»³⁰. Следствием такого положения вещей становится отказ от открытости как во внутривнутриполитической жизни, так и во внешнеэкономической стратегии. Для России последних лет проявлением этого стала стратегия импортозамещения, реализуемая в том числе в расширении евразийской интеграции. Предполагается, что восстановление хозяйственных связей с бывшими союзными республиками даст толчок развитию собственного производства. Возможно, какого-то эффекта таким образом удастся достичь, но это уведет Россию еще дальше от существующих глобальных трендов. Здесь хотелось бы чуть более подробно остановиться на концепции известного экономиста В. Л. Иноземцева, крайне скептически относящегося к перспективам евразийской интеграции. Он указывает на ряд ключевых изъянов, лежащих в основе этого процесса.

Идейные истоки евразийской интеграции В. Л. Иноземцев видит в устаревших геополитических концепциях рубежа XIX–XX вв., когда британские и германские исследователи разрабатывали концепцию Хартленда, с завистью наблюдая его со стороны, всячески преувеличивали его ценность и предсказывали, что сеть трансконтинентальных железных дорог положит конец могуществу морских держав. В начале XX в. роль железнодорожного транспорта в общем объеме перевозок достигла исторического максимума в 59 %, но за последние 100 лет сократилась до 13 %, оставив 67 % за морскими судами³¹.

В начале XXI в. 68 % мирового ВВП производится на территориях, находящихся на расстоянии не дальше ста миль от морского побережья, континентальные же страны демонстрируют примеры бедности и неразвитости. Сближение с такими географически

---

³⁰ Рогожина К. А. Роль патрон-клиентных отношений в формировании политических элит государств Центральной Азии // Власть. 2009. № 11. С. 25.

³¹ Иноземцев В. Л. Евразийский экономический союз: потерянные в пространстве. С. 73.

изолированными государствами, как Казахстан, Киргизия, Армения, которые с точки зрения новейших трендов являются практически безнадежными, происходит в то время, когда наиболее успешные страны разворачиваются к океанам и используют морской транспорт³².

России необходимо развивать танкерный флот и портовую инфраструктуру, проводить модернизацию и входить в ряд крупнейших промышленных держав. Нам необходимо «Озаботиться своей страной, а не интеграцией с бесполезными соседями. Заняться повышением качества жизни»³³. К новой модернизации призывает В. Л. Иноземцев, вольно или невольно продолжая мысли А. И. Солженицына о сбережении народа, прозвучавшие в разгар все удаляющейся от нас перестройки: «Надо теперь жестко выбрать между Империей, губящей прежде всего нас самих, и духовным и телесным спасением нашего же народа»³⁴. Впрочем, стоит ли удивляться сходству позиций современных славянофилов и западников, если их предшественники в XIX в. хоть и спорили, но сходились в заботе о судьбе простого русского человека.

***

Подводя итог, можно выделить четыре наиболее значительных проблемы, осложняющих региональную интеграцию в Центральной Азии. Первая — это этнические противоречия и территориальные конфликты, которые имеют зачастую многовековые корни и порождают конфликтные отношения между этносами и их элитами, что препятствует полномасштабному сотрудничеству. Вторая проблема — это многовекторность внешней политики современных государств региона. Она базируется на давних исторических традициях, берущих истоки еще в глубокой древности и Средних веках. Третьей проблемой следует назвать традиционно существующую

---

³² *Иноземцев В. Л.* Евразийский экономический союз: потерянные в пространстве. С. 76.

³³ Там же. С. 81.

³⁴ *Солженицын А. И.* Как нам обустроить Россию // Библиотека Максима Мошкова [официальный сайт]. URL: http://www.lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/s_kak_1990.txt (дата обращения: 12.05.2017).

ющие в странах региона персоналистские авторитарные режимы, ориентированные не на модернизацию и развитие экономики, что помогло бы решить насущные социальные проблемы, а на личное обогащение и сохранение власти. Четвертой проблемой являются амбиции российской политической элиты, которая традиционно действует, руководствуясь не экономическими, а политическими критериями. В настоящее время экономическое объединение постсоветских республик под эгидой Москвы требует значительных затрат, но не позволяет выйти на необходимые объемы экономического роста, изолируя Россию от мировых рынков и современных модернизационных трендов.

Евразийская интеграция — сложный и противоречивый процесс, имеющий свои позитивные моменты и свои трудности планирования и реализации. Вовлечены в него не только русский, но и другие народы, населяющие обширные евразийские пространства. Поиск равноправного, взаимовыгодного и гармоничного взаимодействия между ними является необходимым элементом успешного и устойчивого развития.

Глава 14

Проблемы и перспективы региональной интеграции между Российской Федерацией и Республикой Казахстан

Республика Казахстан является стратегическим партнером России, Россия и Казахстан достаточно успешно сотрудничают по разным направлениям, в том числе в рамках ШОС, ЕАЭС и ОДКБ, имеют общую границу (граница между Россией и Казахстаном является самой протяженной сухопутной границей в мире между двумя государствами), близкие внешнеполитические интересы, а также схожие проблемы развития.

Отметим наиболее знаковые этапы в развитии интеграции России и Казахстана. В 1992 г. был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. В 1994 г. состоялся первый

официальный визит президента Казахстана в Россию, который во многом определил торгово-экономическую, научную и гуманитарную интеграцию между странами. В 1995 г. был создан Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана. В 1998 г. подписана Декларация «О вечной дружбе и союзничестве» между Россией и Казахстаном. В 2000 г. в Астане заключен Договор об учреждении ЕврАзЭС между Белоруссией, Казахстаном, Киргизией, Россией и Таджикистаном. Наконец, в 2005 г. был подписан договор между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о российско-казахстанской государственной границе.

Таким образом, Россия и Казахстан постепенно разрабатывали экономические, политические и социокультурные направления сотрудничества на взаимовыгодных условиях. Результаты интеграции России и Казахстана выглядят впечатляющими. Начиная с 2003 г. взаимная торговля между Москвой и Астаной выросла в шесть раз — до 21 млрд долл. по итогам 2014 г. Россия является крупнейшим торговым партнером Казахстана. Например, по официальным данным, общий товарооборот между Казахстаном и Россией за январь-июнь 2015 г. составил 7,5 млрд долл., в том числе экспорт — 2,3 млрд долл., импорт — 5,2 млрд долл.¹ Несмотря на экономические проблемы и колебания курсов валют, объем товарооборота между странами физически увеличился на 3,2%. В регионах Казахстана действует 5590 предприятий с участием российского капитала².

Особенно тесное взаимодействие осуществляется Россией и Казахстаном в топливно-энергетическом секторе. Через территорию России идет основной транзит казахстанской нефти на внешние рынки — порядка 20 млн т. Реализуется программа по совместной нефтедобыче на Каспии³. Так, российские компании участвуют в разведке и разработке нефтеносных месторождений

---

¹ Государственный визит В. Путина в Казахстан : Заявления для прессы по завершении российско-казахстанских переговоров // Исполнительный комитет СНГ [официальный сайт]. URL: <http://www.cis.minsk.by/news.php?id=5609> (дата обращения: 17.06.2016).

² Там же.

³ Там же.

на казахстанском участке каспийского шельфа. Эффективным направлением интеграции России и Казахстана является сотрудничество в космической и военно-технической сферах. По словам президента Республики Казахстан Н. Назарбаева, «Казахстан и Россия имеют общее видение оценки развития ситуации в мире, тесно координируют подходы к решению этих проблем»⁴. Следует отметить, что взаимодействие России и Казахстана затрагивает и широкий круг социокультурных вопросов. В 2014–2015 учебном году было вдвое увеличено количество бюджетных мест для обучения в России граждан Казахстана. В республике действуют филиалы шести российских вузов, включая МГУ, МАИ и др. Свыше 20 тыс. казахстанских студентов обучаются в вузах Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Новосибирска и других городов России⁵.

Несмотря на очевидные успехи, существует целый ряд серьезных проблем как в развитии, так и в дальнейшей интеграции России и Казахстана.

Например, для обеих стран достаточно актуальна демографическая проблема. На начало 2016 г. население России примерно в восемь раз превосходило население Республики Казахстан (146,5 млн и 17,8 млн человек соответственно). Следует отметить, что в обеих странах с начала 1990-х гг. происходило сокращение численности населения. При этом в Казахстане данная проблема была преодолена значительно раньше, чем в России. Уже с 2002 г. в Казахстане был зафиксирован прирост населения, который продолжается по настоящее время. В свою очередь, в России уровень рождаемости превысил уровень смертности только в 2010 г. Что касается показателей средней продолжительности жизни, то в обеих странах динамика аналогичная: резкое снижение в 1990-е гг. и рост в 2000-е гг. По данным ВОЗ на 2015 г., средняя ожидаемая продолжительность жизни в России и Казахстане составила 70,5 года, в Казахстане — 70,2 года⁶.

---

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Life expectancy Data by country // World Health Organization [official website]. URL: <http://apps.who.int/gho/data/node.main.688?lang=en> (mode of access: 06.06.2016).

Вместе с тем, в Казахстане достаточно остро стоит проблема этнократии — доминирования представителей одного этноса в политической элите страны. Согласно официальным данным (перепись 2009 г.), русские составляют 23,7% населения РК⁷. При этом на протяжении последних десятилетий они были достаточно ограниченно представлены в высших органах власти. Например, по состоянию на 2005 г. в правительстве за русскими из 19 мест было закреплено только одно, что составляло 5%, в администрации президента Республики Казахстан из 30 чиновников лишь один был русским (3%). В этот же период русские занимали только два из 14 руководящих постов в областных и столичных городских акиматах (аналог российских администраций губернаторов), что соответствовало 14%⁸.

Национальный доклад Республики Казахстан в рамках Универсального периодического обзора по правам человека за 2010 г. фиксирует данные о численности государственных служащих в разрезе национальностей. На 1 июля 2009 г. этнические русские занимали 10,31% политических и административных должностей в Республике Казахстан, в то время как казахи — 84,55%⁹. Стоит отметить, что в 2013 г. количество русских, желающих уехать из Казахстана в Россию по госпрограмме добровольного переселения соотечественников, увеличилось в два раза. Данная диспропорция таит серьезную угрозу развитию партнерских отношений и региональной интеграции России и Казахстана¹⁰.

⁷ Комитет по статистике. Перепись населения 2009 г. Национальный состав, вероисповедание и владение языками в Республике Казахстан // Министерство национальной экономики Республики Казахстан [официальный сайт]. URL: http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/p_perepis;jsessionid=QyJDXqFNlpQ7vwxZv4yBT-tFbhYDb2FwWMwhJQ71w3TB37X3tg481!761249810!1740306904?lang=ru&_afLoo p=38455147675464700#%40%3F_afLoo p%3D38455147675464700%26lang%3Dru%26_adf.ctrlstate%3Dfsxkh6tdw_4 (дата обращения: 05.06.2016).

⁸ Быков А. Зачем Казахстан России? // Международные процессы [электронный журнал]. 2005. № 3 (9). URL: <http://intertrends.ru/nineth/014.htm#note6> (дата обращения: 05.06.2016).

⁹ Дунаев В., Курганская В. Этнические меньшинства в Казахстане: право на участие в общественной жизни // National Digital History [информ.-аналитич. портал]. URL: <http://e-history.kz/media/upload/1466/2014/09/12/1e8637aa4c06162fcfa13a9de232c98c.pdf> (дата обращения 05.06.2016).

¹⁰ Александров М. Русские снова бегут из Казахстана // Росбалт [информ.-аналитич. портал]. 3.05.2013. URL: <http://www.rosbalt.ru/world/2013/05/03/1123864.html> (дата обращения: 10.06.2016).

Не менее важной проблемой развития интеграции является нестабильность социально-экономической системы обеих стран. Россия и Казахстан в 1990-е гг. столкнулись с тяжелым экономическим кризисом, результатами которого стали инфляция, спад производства, сложный период приватизации и формирования рыночной экономики. Вместе с тем, уже с 1999 г. в Казахстане фиксируется экономический подъем. За 1999–2004 гг. совокупный рост ВВП составил около 55 %, что позволило РК стать одним из мировых лидеров по темпам экономического роста. Экономика страны росла в среднем на 9–10 % в год (для сравнения: в России — на 7 %) ¹¹. Казахстан первым из государств СНГ перешагнул уровень дореформенного производства ¹². Несмотря на то, что экономика РФ и РК в огромной степени зависит от экспорта углеводородов, Казахстан — единственная страна из бывшего СССР, где есть потенциал увеличения добычи нефти на уже действующих и разведанных месторождениях, а соотношение запасов и добычи значительно превышает общемировые показатели (табл. 1).

Таблица 1

Нефть: запасы, добыча, потребление
(по состоянию на конец 2007 г., в % от общемирового уровня) ¹³

Регионы/ страны	Доказанные запасы	Добыча	Потребление	Соотноше- ние запасы/ добыча
Весь мир	100 (168,6 млрд т)	100 (3,9 млрд т)	100 (3,95 млрд т)	41,6
Россия	6,4	12,6	3,2	21,8
Азербайджан	0,6	1,1	0,1	22,1
Казахстан	3,2	1,8	0,3	73,2

В 2008–2009 гг. экономика Казахстана характеризовалась постепенным снижением темпов роста до 1,2 %. Безусловно, на ней сказалось влияние мирового экономического кризиса. Однако рост внутреннего потребления и внешних инвестиций позволил Казахс-

¹¹ Быков А. Зачем Казахстан России?

¹² Там же.

¹³ Данные BP Statistical Review of World Energy. June 2008. BP, 2008. Цит. по: Современные глобальные проблемы мировой политики / под ред. М.М. Лебедевой. М., 2009. С. 10.

тану уже к 2010 г. добиться 7,3 % роста ВВП. В России темпы экономического роста в период с 2008 г. были намного скромнее и не превышали 3–4 %. С 2014 г. происходит значительное снижение темпов экономического развития в Республике Казахстан. На это повлияли общее замедление экономического роста в мире, повышение геополитической нестабильности в связи с событиями на Украине, падение цен на нефть, а также дестабилизация макроэкономической ситуации в России¹⁴. Замедление российской экономики (в 2015 г. падение ВВП составило более 3 %) и снижение курса рубля в большой степени повлияли на экономическое развитие Казахстана. Произошло падение спроса на товары казахстанского экспорта со стороны российской промышленности, дешевый рубль способствовал снижению конкурентоспособности казахстанских предприятий и росту российского импорта. В результате рост ВВП в Республике Казахстан стал замедляться (в 2015 г. составил 2 %), причем эта тенденция фиксировалась во всех отраслях экономики. Девальвация тенге в феврале 2014 г. более чем на 25 % усилила торговый баланс и временно улучшила рентабельность казахстанских предприятий, но это преимущество исчезло после повышения зарплат и негативно повлияло на доверие к денежно-кредитной политике государства¹⁵.

Все это свидетельствует о том, что высокий уровень экономической интеграции между Россией и Казахстаном значительно увеличил экономические риски государств. Вместе с тем, огромные экономические возможности для Казахстана представляет российская политика импортозамещения, хотя она пока сопряжена с нехваткой инвестиций в условиях ограничений на внешнее фондирование, а также долгосрочной нехваткой рабочих рук. Тем не менее, Россия и Казахстан могут использовать интеграционный потенциал ЕАЭС и придать новый импульс экономическому развитию обеих стран¹⁶.

¹⁴ Экономика Казахстана в 2015 г. : Ожидания и прогнозы: аналитич. докл. // Nauka.x-pdf.ru [информ. портал]. URL: <http://nauka.x-pdf.ru/17ekonomika/98932-1-ekonomika-kazahstana-2015-godu-ozhidaniya-prognozi-analiticheskiy-doklad-astana-2015-predstavlenniy-analiticheskiy-do.php> (дата обращения: 23.01.2018)

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

Наконец, следует указать на проблему политической трансформации, с которой с начала 1990-х гг. столкнулись и Российская Федерация, и Республика Казахстан. Под трансформацией мы понимаем постепенное, но вместе с тем кардинальное, глубокое и быстрое преобразование политической системы, обусловленное как ее внутренними потребностями, так и воздействием внешних факторов¹⁷. При этом направление и результаты трансформации зависят в первую очередь от деятельности политической элиты — правящей группы общества, обладающей властными ресурсами и принимающей стратегические решения. Это не случайно, ведь переход большинства современных стран в информационную стадию развития определил необходимость глубинных изменений в качестве и эффективности государственного управления.

Сложность и глобальный характер современных процессов, необходимость противостоять внутренним и внешним угрозам усиливают прежде всего интеллектуальную составляющую деятельности политической элиты. Стратегическая деятельность политической элиты — это сложное и многомерное явление. Тип развития каждого общества, функциональные особенности политического режима, специфика политической культуры — это лишь малая часть критериев, от которых зависит эффективность политической элиты. Стратегия — это способ деятельности, который становится неотъемлемой составляющей сущности политической элиты. Таким образом, стратегическая деятельность политической элиты представляет собой иммунитет государства, основу его национальной безопасности. И наоборот, бездарное государственное управление, неспособность определять стратегию развития страны являются постоянными угрозами интересам и безопасности нации.

Очевидно, что проблема стратегического управления актуальна для России и Казахстана. Несмотря на существующие этнокультурные, социально-экономические и политические различия между Россией и Казахстаном, можно выделить общие тенденции в их институциональном развитии.

---

¹⁷ Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества. М., 2002. С. 445–448.

Во-первых, главным источником кадров для формирования политических элит в России и в Казахстане стала советская номенклатура. Данные по динамике социального состава правящих элит России и Казахстана в 1990-е гг. показывают, что формирование новых политических элит шло под контролем номенклатуры, и почти 70 % их представителей в обеих странах до этого входили в состав советской номенклатуры.

Во-вторых, обе страны столкнулись с бюрократизацией политической системы. Ограничение политического пространства, построение вертикали власти, предсказуемый и управляемый процесс выборов привели к тому, что российская бюрократическая элита стала особым социально-экономическим классом и выступает единственным центром политического влияния. Что касается Казахстана, то принятый еще в середине 1990-х гг. закон «О государственной службе» Республики Казахстан закрепил административный принцип формирования политической мобильности. Таким образом, и в России, и в Казахстане бюрократические элиты контролируют государственный аппарат и обладают наибольшим ресурсным потенциалом.

Постепенное преобразование партийных систем России и Казахстана в системы с доминирующей партией подтверждает ключевое положение именно бюрократической элиты в политической системе. В марте 2016 г. в Казахстане прошли внеочередные парламентские выборы, по результатам которых партия «Нур Отан», возглавляемая Н. Назарбаевым, набрала более 80 % голосов и получила 84 места из 107 в составе Мажилиса (нижней палаты парламента). В декабре 2011 г. партия «Единая Россия» получила на выборах в Государственную думу 49,32 % (238 мест из 450), в ее избирательном списке была заявлена целая группа действующих губернаторов, мэров, членов правительства, а также спикеров законодательных собраний субъектов федерации. Подобная ситуация свидетельствует о том, что членство в «партии власти» становится необходимым условием подтверждения своего статуса и места как в политической, так и в административной элите обеих стран.

В-третьих, сохраняется синкретизм бюрократической элиты и бизнес-элит. Появление новых демократических институтов

не привело к отделению власти от собственности. Изменился только формальный способ распоряжения собственностью, в рамках которого представители административных структур либо сами владеют экономическими ресурсами, либо контролируют собственников. Сращиванию власти и собственности в значительной мере способствовало номенклатурное происхождение бизнес-элиты. Казахский исследователь Р. Кадыржанов отмечает, что «бизнес-элита Казахстана зарождается в начале 90-х гг. ... когда в нее вливаются как представители номенклатуры (прежде всего те партийные функционеры, кто к августу 1991 г. и последовавшему за ним Указу Президента о роспуске Компартии не успел перейти в органы исполнительной власти), так и уполномоченные номенклатурой на занятие бизнесом лица. В появлении бизнес-элиты и укреплении ее позиций решающую роль сыграли экономические привилегии: создание совместных предприятий, свободное обналичивание денег, льготные кредиты, операции с недвижимостью и множество других»¹⁸. Подобные процессы имели место и в современной России.

В-четвертых, бюрократизация, синкретизм власти и собственности привели к господству неформальных механизмов рекрутирования элиты. Основными субъектами власти России и Казахстана стали специфические неформальные социальные образования — «кланы», «команды», «клики», которые связаны отношениями личной зависимости, преданности. В России «кланы» и «команды» формируются преимущественно на принципах личной преданности и землячества. В Казахстане, особенно на региональном уровне, также проявляются клановые (жузовые) принципы формирования элиты, когда руководитель создает свою команду исходя из родоплеменной общности индивидов, в котором преобладают патрон-клиентные отношения, основанные на личной преданности и закрытости¹⁹. С помощью многочисленных неформальных связей между данными закрытыми группами, тенево-

¹⁸ Кадыржанов Р.К. Консолидация политической системы Казахстана: проблемы и перспективы. Алматы, 1999. С. 60.

¹⁹ Абуева Н.А. Система рекрутизации казахстанской политической элиты в условиях модернизации государственного управления // PRONUNC : Современные политические процессы. Вып. 8. Политические элиты в условиях электронного формата трансформации власти. Тамбов, 2008. С. 362.

го согласования позиций происходит перераспределение властных ресурсов, распределение должностей, избрание представительных органов власти. По мнению российского политолога В. Пастухова, клановость — это «дополитическое состояние власти, которая еще не способна выразить общий („публичный“) интерес, которая не интегрирует внутри себя этот публичный интерес путем „перегонки“ частных интересов посредством политических институтов»²⁰. Пример большинства постсоветских государств, в том числе России и Казахстана, показывает, что клановость, являясь основным принципом элитообразования, приводит к формированию моноцентричной неконкурентной правящей элиты, в которой персонифицированные неформальные отношения доминируют над институциональными. Справедливости ради нужно отметить, что подобная система формирования и функционирования элиты в переходных условиях может играть стабилизирующую роль, но одновременно с этим ведет к коррупции и деградации правовых механизмов формирования элиты.

Несмотря на достаточно похожие процессы элитообразования, характер деятельности политической элиты Республики Казахстан значительно отличается от деятельности российской элиты. Во-первых, в отличие от российской политической элиты, правящая элита РК начала свою деятельность не с политической модернизации, а с экономических преобразований — пенсионной, банковской реформы и др. Президент Казахстана Н. Назарбаев так определял приоритеты реформ: «На первом месте развития государства должна стоять экономика, а потом политика»²¹. В данном случае ориентиром для элиты Казахстана при проведении экономических, а затем и политических преобразований стала модель развития стран АТР (в частности, Южной Кореи, Таиланда, Малайзии и Сингапура). Опыт данных стран доказывает, что только сильное государство является главным и наиболее эффективным фактором экономической модернизации.

---

²⁰ Пастухов В. Б. Медведев и Путин: двоемыслие как альтернатива двоевластию // Полис. 2009. № 6. С. 129.

²¹ Солозобов Ю. М. Политический транзит в Казахстане: без заимствований и революций // PRONUNC : Современные политические процессы. Вып. 8. С. 389.

Более того, сложный системный характер принятия политических и социально-экономических решений требовал особого внимания к кадровым и интеллектуальным ресурсам правящей элиты. Поэтому совершенствование системы образования стало для политической элиты Республики Казахстан важнейшим приоритетом. Казахстанская молодежь в рамках президентской программы «Болашак» обучается в 30 странах дальнего и ближнего зарубежья и составляет серьезный кадровый резерв политической элиты²². В результате можно сказать, что в постсоветские годы в Казахстане постепенно формируется новая правящая элита. Основной же характеристикой новой казахстанской элиты, по мнению целого ряда экспертов, является «ее высокая моральная и интеллектуальная гибкость при перманентных модернизациях, что позволяет стабильно развиваться государству и обществу — без ярких успехов, но и без явных провалов»²³.

Во-вторых, правящая элита Казахстана формирует качественно новые подходы к государственному управлению. Одной из важнейших составляющих ее деятельности является стратегическое планирование. Например, в Казахстане реализуется уникальная для постсоветского пространства стратегия развития страны — «Казахстан-2030», подготовленная в 2005 г. экспертным коллективом Института национальной стратегии. В ее рамках президент Казахстана Назарбаев поставил перед страной цель — «войти в число 50 наиболее развитых стран с высокими стандартами жизни для граждан»²⁴. При решении задач данной программы упор делается не на топливно-энергетический сектор и высокие цены на экспортируемые энергоресурсы, а на опережающее развитие инфраструктуры, создание новых отраслей хозяйства, привлечение крупных инвестиций и масштабную модернизацию экономики.

Следует отметить, что проблема стратегического управления давно и широко обсуждается и в России как на уровне политиче-

---

²² Там же. С. 389.

²³ *Ашимбаев Д.* Кадры решают все, или Элита Казахстана за десять лет // Centrasia.ru [информ.-аналитич. портал]. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1022790840> (дата обращения: 05.06.2016).

²⁴ *Солозобов Ю. М.* Указ. соч. С. 383.

ского руководства, так и в экспертном сообществе. Вместе с тем, реализация фундаментальных изменений экономической и социальной структуры нашего общества предполагает инновационный характер деятельности правящей элиты, и прежде всего модернизацию системы ее рекрутирования. Инструментом такой модернизации должна стать система формирования инновационного элитного резерва на всех уровнях власти, а в перспективе и новой элиты, способной решать новые типы управленческих задач.

***

Как нам представляется, при формировании резерва управленческих кадров, совершенствовании системы рекрутирования элиты важно изучать опыт не только западных, но и постсоветских государств. Процессы политической трансформации в Республике Казахстан представляют огромный интерес для современной России, особенно с учетом вовлеченности обеих стран в интеграционные процессы. Вместе с тем, Россия не в полной мере реализовала потенциал региональной интеграции в силу того, что российская правящая элита на протяжении последних лет имела смутное понимание новых тенденций развития в регионе, а также не выработала стратегию развития более мощного российско-казахстанского союза²⁵.

Тем не менее, мы можем констатировать, что за последние десятилетия были выстроены устойчивые партнерские взаимоотношения России и Казахстана. Республика Казахстан остается уникальным партнером России, несмотря на проблемы, существующие в двусторонних отношениях наших государств.

---

²⁵ Быков А. Указ. соч.

Глава 15

Особенности Шанхайской организации сотрудничества как регионального объединения

В 2016 г. ШОС отметила свое 15-летие. Взявшая свое начало с «Шанхайской пятерки» (Россия, Китай, Казахстан, Киргизия, Таджикистан), в настоящее время ШОС превратилась в полноценную авторитетную региональную организацию. Сейчас она объединяет, кроме государств «Шанхайской пятерки», Узбекистан, Индию и Пакистан. Ряд стран (Афганистан, Белоруссия, Иран и Монголия) имеют статус государств-наблюдателей и принимают активное участие в саммитах ШОС. Иран после отмены санкций ООН в отношении него получил возможность стать полноценным членом ШОС. Бангладеш, Сирия и Египет подали заявки на получение статуса государств-наблюдателей ШОС. На саммите ШОС в Ташкенте в июне 2016 г. статус партнера по диалогу ШОС был предоставлен Азербайджанской Республике, Республике Армении, Королевству Камбоджа и Непалу. В Ташкентской декларации пятнадцатилетия ШОС, подписанной по итогам саммита, главы государств вновь подчеркнули, что ШОС открыта для присоединения заинтересованных государств, которые соответствуют критериям и условиям, содержащимся в нормативно-правовых документах организации¹.

На протяжении последних полутора десятков лет в отечественной и зарубежной историографии активно обсуждается вопрос о причинах привлекательности ШОС не только для государств Азии, но и для других частей света. Этой проблеме уделяется достаточно много внимания. Для многочисленных трудов российских, китайских, центральноазиатских и западных авторов характерен острый дискурс по вопросам природы, направленности, целей и задач ШОС, ее роли в системе современных международных отношений.

---

¹ См.: Ташкентская декларация // Сеть Вольтер [информ.-аналитич. портал]. URL: <http://www.voltairenet.org/article192526.html> (дата обращения: 17.07.2016).

В современной литературе уже предпринимаются попытки осмысления этого дискурса². Особое внимание привлекает внешнеполитический дискурс о роли ШОС в регионе Центральной Азии³.

По нашему мнению, неактуальным является мнение о том, что «на Западе исследователи мало знакомы с деятельностью СНГ, ОДКБ, ШОС»⁴. На протяжении полутора десятилетий существования ШОС западные эксперты неоднократно меняли свое мнение о данной организации. В первые годы среди них доминировало мнение о том, что ШОС является не более чем дискуссионным клубом, претендующим на нечто большее⁵. В настоящее время западные эксперты внимательно следят за деятельностью ШОС, указывая как на сильные, так и на слабые стороны этой региональной организации. По мнению С. Ариса, ШОС является организацией с очень конкретной повесткой дня, сфокусированной на решении внутренних проблем региона и реакциях на новые угрозы и вызовы⁶.

Экспертами и исследователями дебатуются самые разнообразные аспекты, связанные с образованием и функционированием ШОС. Остановимся лишь на некоторых из них. В частности, обсуждается вопрос о том, имелась ли в Центрально-Азиатском регионе альтернатива интеграции государств Центральной Азии с Россией и Китаем?

Большинство центральноазиатских авторов вслед за зарубежными исследователями совершенно справедливо указывают, что

---

² См.: *Камынин В. Д.* Шанхайская организация сотрудничества как объект исследования в отечественной науке // Изв. Урал. ун-та. Сер. 3. Общественные науки. 2010. № 3 (80). С. 36–43; *Лямзин А. В.* Шанхайская организация сотрудничества в российском внешнеполитическом дискурсе // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2010. № 2 (75). С. 84–89.

³ См.: *Колдунова Е. В.* Роль Шанхайской организации сотрудничества в регионе Центральной Азии: сравнительный анализ исследовательских дискурсов // Сравнительная политика. 2013. № 2 (12). С. 60–69.

⁴ *Никитина Ю. А.* ОДКБ и ШОС: модели регионализма в сфере безопасности. М., 2009. С. 132.

⁵ См.: *Комиссина И. Н., Куртов А. А.* Шанхайская организация сотрудничества: становление новой реальности. М., 2005. С. 257.

⁶ См.: *Aris S.* The Shanghai Cooperation Organization: «Tackling the Tree Evils»: A Regional Response to Non-traditional Security Challenges or an Anti-Western Bloc? // *Europe-Asia Studies*. 2009 (May). Vol. 61, № 3. P. 460.

причиной тяги государств Центральной Азии к региональному объединению прежде всего с КНР стало то, что в период с 1992 по 1995 г.⁷ Россия проводила прозападную политику и придавала Центрально-Азиатскому региону второстепенное значение⁸. Кстати, на эту причину указывают и некоторые российские авторы. По словам К. Н. Кулматова и А. В. Митрофановой, «сразу после распада СССР Россия потеряла интерес к Центральной Азии, рассматривая ее в духе „меморандума Бурбулиса“ (октябрь 1991 г.) как лишний груз, который можно отбросить на пути интеграции с Западом»⁹.

По нашему мнению, не только Россия и Китай могли стать центром притяжения для государств Центральной Азии в условиях «разброда и шатаний» после распада СССР. Таджикистан ориентировался на Россию, Казахстан и Киргизия склонялись к сотрудничеству с Россией, Китаем и США, Узбекистан — с Россией, Турцией и США, Туркмения — с Россией, Турцией и Ираном. Американский исследователь Б. Браун прямо указывает, что в начале 1992 г. Н. Назарбаев энергично взял курс на выстраивание стратегического партнерства с США¹⁰. В середине 1990-х гг. Узбекистан стал активно выстраивать стратегию, нацеленную в первую очередь на тесное сближение с США и НАТО¹¹.

По-разному рассматривается вопрос об этапах становления ШОС. Узбекский автор М. А. Рахимов в процессе образования ШОС выделяет четыре этапа. Зарождение «шанхайского духа» он относит к 1996 г., когда начинается нормализация отношений

⁷ См.: *Born A. Uzbekistan: politics and foreign policy. L., 1998. P. 58.*

⁸ См.: *Рахимов М. А. Сотрудничество Узбекистана с зарубежными странами и международными организациями в обеспечении стабильности и устойчивого развития в Центральной Азии (1991–2010 гг.) : автореф. дис. ... докт. ист. наук. Ташкент, 2012. С. 26.*

⁹ *Кулматов К. Н., Митрофанова А. В. Региональные аспекты международных отношений. М., 2010. С. 204.*

¹⁰ См.: *Brown B. Kazakhstan Seeks Strategic Alliance With United States // RFE/RL Daily Report № 82. 1992, 29 Apr. P. 19–22.*

¹¹ США и Узбекистан подписали Декларацию о стратегическом партнерстве и сотрудничестве // РИА Новости [информ.-аналитич. портал]. URL: <http://ria.ru/world/20020313/88166.html> (дата обращения: 17.07.2016).

между странами региона, происходит преодоление недоверия. В качестве аргументов, подтверждающих это мнение, он приводит подписанные в 1996–1997 гг. соглашения об укреплении доверия в военной области и о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы между Россией, Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном и Китаем. Второй этап, по его мнению, начинается с 1999 г. и характеризуется расширением формата переговоров и сфер деятельности, зарождением сотрудничества государств-членов в сфере борьбы с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом.

Встреча в 2001 г. в Шанхае ознаменовала начало третьего этапа. В принятой Шанхайской конвенции страны — члены ШОС определили общие цели в борьбе с «тремя силами зла» и заложили основы взаимодействия. Завершением формирования ШОС, по мнению М. А. Рахимова, послужили принятие устава организации на встрече стран-членов в Санкт-Петербурге в июне 2002 г. и саммит ШОС в Москве в 2003 г., на котором главы государств утвердили подготовленные нормативные документы, регламентирующие порядок работы органов ШОС. Структурное формирование ШОС было завершено на саммите в Ташкенте в июне 2004 г., в ходе которого состоялось официальное открытие штаба Регионального антитеррористического центра¹².

С. Г. Лузянин в рамках «шанхайского процесса» выделяет два этапа, качественно отличающихся, по его мнению, друг от друга: 1996–2004 гг. — этап сугубо региональной (центральноазиатской) активности, когда на Западе ШОС всерьез не воспринимали; с 2004 г. — этап глобальной геополитической активности¹³.

Различие в подходах к периодизации «шанхайского процесса» у данных авторов, по нашему мнению, объясняется тем, что М. А. Рахимов положил в ее основу принцип институционализации ШОС, а С. Г. Лузянин — изменение роли ШОС в мировой политике.

---

¹² См.: Рахимов М. А. История становления Шанхайской организации сотрудничества и вклад Узбекистана в ее развитие // Sharqshunoslik. Ташкент, 2011. № 1. С. 111–118.

¹³ См.: Лузянин С. Г. Шанхайская организация сотрудничества 2013–2015: Прогнозы, сценарии и возможности развития. М., 2013. С. 9.

В главе ставится задача обратиться к анализу малоизученного сюжета в исследованиях ШОС — особенностей этой организации как регионального объединения. Из российских исследований по данной теме можно назвать работы Ю. А. Никитиной и Е. Б. Михайленко (Арслановой), которые сосредоточили внимание на ШОС как на модели регионализма в сфере безопасности¹⁴, и И. А. Фадеевой, предложившей свое видение ШОС как региональной экономической организации¹⁵.

При рассмотрении вопроса о ШОС как региональном объединении авторы используют различные теории регионализма, ставшие актуальными в период появления различных моделей регионального строительства, особенно в период после окончания холодной войны, когда регионы стали самостоятельными акторами на мировой арене. Эти многочисленные теории обобщены в работах А. Байкова и Е. Б. Михайленко¹⁶. Е. Б. Михайленко подробно рассмотрела эвристический материал теорий «старого» и «нового» регионализма, который позволяет разобраться в типологии конкретного регионального объединения. Ю. А. Никитина проанализировала современные теоретические подходы к изучению регионального сотрудничества и применила их к ШОС как к модели регионализма в сфере безопасности¹⁷.

Анализ литературы теоретического характера показывает, насколько острым может быть дискурс о теоретических конструктах, применяемых к объяснению ШОС как регионального объединения. По мнению Ю. А. Никитиной, процессы регионализации в развивающемся мире в целом и в рамках ШОС в частности «наиболее полно описывают теории, основанные на неореалистических положениях (государство как главный актер, структурные

---

¹⁴ См.: Никитина Ю. А. Указ. соч. ; Арсланова Е. Б. Шанхайская организация сотрудничества как институт обеспечения региональной безопасности // Изв. Урал. ун-та. Сер. 3. Общественные науки. 2010. № 3 (80). С. 62–71.

¹⁵ См.: Фадеева И. А. Современное состояние и перспективы развития экономического развития в ШОС : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2013. 22 с.

¹⁶ См.: Байков А. А. Сравнительная интеграция ; Михайленко Е. Б. «Старый» и «новый» регионализм: теоретический дискурс : курс лекций. Екатеринбург, 2014. 116 с.

¹⁷ См.: Никитина Ю. А. Указ. соч. С. 131–185.

ограничения) с элементами социального конструктивизма (значимость идей и общих ценностей регионального сообщества) и либерального институционализма в широком смысле (признание значимости региональных институтов)¹⁸. Сторонники «нового» регионализма полагают, что классические теории международных отношений «не могут учитывать многомерность, плюрализм и всю полноту современных процессов регионализации и понять, каким образом они социально конструируются»¹⁹.

Существуют различные мнения по поводу схожести/несхожести ШОС с другими региональными объединениями. Некоторые эксперты полагают, что ШОС представляет собой совершенно новую модель региональных объединений, которая существенным образом отличается от всех остальных интеграционных объединений²⁰. Часть исследователей указывает на особый характер деятельности ШОС, сущностно отличный от западных форматов регионального сотрудничества. Западные эксперты рассматривают ШОС как тип региональной или даже трансрегиональной организации, которая способна объединить государства с разными моделями политического устройства и обеспечивать за счет такого сотрудничества стабильность в зоне своей ответственности²¹.

Опираясь на понятие сравнительного регионализма, рассматриваемого в качестве «конвергентного подхода к изучению региона с учетом „старого“ и „нового“ взглядов»²², Е. Б. Михайленко утверждает, что «политика регионализма, проводимая правительствами государств Азии, имеет схожие черты с европейской политикой, однако ее специфика формирует особую форму регионализма», которая квалифицируется как «азиатский регионализм»²³. Это положение согласуется с мнением основателей «нового» регионализма, которые считают, что «регионализм, будучи сугубо эндогенным процессом, в каждой части света обретает свой неповторимый

¹⁸ Никитина Ю. А. Указ. соч. С. 188.

¹⁹ Цит. по: Михайленко Е. Б. «Старый» и «новый» регионализм. С. 6.

²⁰ См.: Лузянин С. Г. Шанхайская организация сотрудничества 2013–2015. С. 3.

²¹ См.: Baines A. J. K. The Shanghai Cooperation Organization. Stockholm, 2007. P. 44.

²² Михайленко Е. Б. «Старый» и «новый» регионализм. С. 9.

²³ Там же. С. 47.

облик под влиянием экономических, социокультурных, политических и исторических особенностей конкретного региона»²⁴.

И. А. Фадеева спецификой ШОС в системе региональных организаций, действующих в Евразии, считает то, что она объединяет страны, сильно различающиеся по уровню развития, размерам экономики, геополитическим и экономическим интересам²⁵. Ее важнейшую особенность она видит в том, что страны ШОС, особенно центральноазиатские, находятся на уровне экономического развития, уступающем среднемировому. При этом Китай является второй по величине экономикой мира. В ШОС участвуют страны с громадными различиями по размерам экономики: экономика Китая в 870 раз больше, чем экономика Киргизии²⁶. И. А. Фадеева квалифицирует ШОС как организацию форумно-проектного типа с постепенным переносом акцентов в деятельности с проблем региональной безопасности (сообщество безопасности) на проблемы широко понимаемого регионального сотрудничества²⁷.

В литературе используются разнообразные принципы типологизации региональных объединений. Один из них сводится к тому, что регионы могут «конструироваться» как изнутри, так и при участии внешних акторов.

ШОС несомненно можно отнести к региональным объединениям, которые «конструировались» изнутри. Своими корнями формирование этой организации уходит в переговорный процесс по вопросу урегулирования после распада СССР пограничных споров России, Казахстана, Таджикистана и Киргизии с Китаем. В 1990-е гг. геополитическая ситуация в Центральной Азии изменилась коренным образом. Сложившиеся объективные условия потребовали от новых независимых государств поиска новых форм и методов взаимоотношений. В регион пришли новые мощные игроки, усилилось влияние исламского радикализма. В резуль-

---

²⁴ См.: *Hettne B., Soderbaum F. Theorising the rise of regionness // New Political Economy. 2000. Vol. 5, no. 3. P. 457–474.* Цит. по: *Байков А. Библиография сравнительной интеграции 2000-х гг. // Международные процессы [официальный сайт]. URL: <http://www.intertrends.ru/twenty-second/006.htm> (дата обращения: 20.06.2016).*

²⁵ *Фадеева И. А. Указ. соч. С. 6.*

²⁶ Там же. С. 14.

²⁷ Там же. С. 6.

тате страны региона инициировали создание ШОС. А. Малашенко указывает на то, что процесс ее создания заключался в постепенном продвижении к многосторонней структуре и отталкивался от двустороннего взаимодействия. В отличие от таких механизмов, как ОДКБ или СНГ, участие в ШОС никогда не ставилось под сомнение ее членами²⁸.

Специалисты по проблеме регионализации указывают на то, что процесс построения региона всегда связан с решением практических задач. ШОС создавалась с целью решения вопросов безопасности и взаимодействия по экономическим проблемам. Официальная точка зрения по этому вопросу, разделяемая большинством российских политологов, была озвучена генсеком ШОС Болатом Нургалиевым: «Изначально организация создавалась для обеспечения безопасности в пространстве 6 государств, для укрепления доверия. В частности, для того, чтобы тот непростой период советско-китайских отношений, который был унаследован от прошлого, в прошлом бы и остался»²⁹. И. А. Фадеева пишет: «Общие угрозы безопасности и реализация собственных интересов в плане безопасности создали первоначальную основу консолидации стран Центральной Азии, Китая и России для создания региональной организации. Это главная особенность ШОС как региональной организации»³⁰. По словам Н. А. Комлевой, «первоначальный импульс союза — как в форме „пятерки“, так и в виде „шестерки“ (вместе с Узбекистаном. — В. К.) — состоял в необходимости преодоления террористической угрозы, исходившей от сепаратистских сил внутри каждой страны союза, имевших сходную природу, а также внешнего вызова от фундаменталистского Афганистана, предвещавшего локальные войны и прогрессирующий наркотрафик»³¹.

Китайские ученые также подтверждают это мнение. Син Гуанчэн, доктор политических наук, профессор, заместитель директора Института по исследованию Восточной Европы, России и Цент-

²⁸ Малашенко А. Центральная Азия: на что рассчитывает Россия? М., 2012. С. 16.

²⁹ Цит. по: Арсюхин Е. Без ненужного форсирования // Рос. газ. 2008. 3 марта.

³⁰ Фадеева И. А. Указ. соч. С. 14.

³¹ Комлева Н. А. Шанхайская организация сотрудничества — поиск глобально-го равновесия // Изв. Урал. ун-та. Сер. 3. Общественные науки. 2010. № 3 (80). С. 46.

ральной Азии Академии общественных наук КНР, генеральный секретарь Китайской ассоциации по исследованию Восточной Европы, России и Центральной Азии, замечает: «В совместном заявлении, принятом министрами иностранных дел государств Шанхайской организации сотрудничества 7 января 2002 года, зафиксировано, что развитие последних событий в Афганистане убедительно свидетельствует о верности и дальновидности выбранной ШОС линии на приоритетное налаживание сотрудничества между ее государствами-участниками в области поддержания региональной безопасности и стабильности, а также борьбы с тремя угрозами: терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом... Будучи близкими соседями Афганистана, мы в течение продолжительного времени непосредственно подвергались исходившим с его территории террористической и наркотической угрозам задолго до событий 11 сентября и неоднократно предупреждали международное сообщество об опасности этих угроз. Именно поэтому государства ШОС приняли активное участие в антитеррористической коалиции и предприняли меры по дальнейшей интенсификации своей работы на антитеррористическом направлении»³².

В то же время директор Центра международных исследований при Шанхайском институте Европы и Азии, заместитель председателя Шанхайской ассоциации изучения проблем стран Ближнего Востока профессор Пань Гуан указывает на приоритет проблем безопасности и экономического сотрудничества. По его словам, «террористические акты 11 сентября 2001 года и последовавшая за ними антитеррористическая кампания, возглавляемая США, открыли созданной региональной организации новые возможности и поставили перед ней новые вызовы. Необходимо как можно скорее сформулировать задачи и сделать более эффективным действующий механизм, для того чтобы ШОС осуществила свою миссию в сфере борьбы с терроризмом и активнее способствовала развитию экономического сотрудничества в регионе»³³.

³² Син Гуанчэн. Шанхайская организация сотрудничества в борьбе с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом // Центральная Азия и Кавказ. 2002. № 4. С. 13.

³³ Пань Гуан. Шанхайская организация сотрудничества в контексте международной антитеррористической кампании // Центральная Азия и Кавказ. 2003. № 3 (27). С. 11.

По мнению А. Г. Дугина, именно появление в структуре ШОС экономической составляющей превратило эту организацию «в проект многополярного мира, который в критической ситуации должен был противодействовать однополярному сообществу в лице США и их геополитических союзников»³⁴.

Исследователи выделяют различные типы регионализма: «открытый» («мягкий») и «закрытый» («жесткий»).

ШОС относится к открытому типу регионализма, который дает возможность участникам проекта включаться в другие интеграционные проекты, не ущемляя их права. Большинство членов ШОС участвуют в таких организациях, как СНГ, ОДКБ и ЕАЭС. Множественность региональных организаций в одном географическом районе и характер их взаимодействия обусловлены стремлением стран в полной мере использовать эффекты регионализации для экономического развития и национальной безопасности.

Открытый тип регионализма может быть основан на равноправной основе без участия гегемона или регионального лидера или иметь явного лидера (лидеров). ШОС как региональная организация имеет двух явно выраженных лидеров, КНР и Россию, которые ведут борьбу за гегемонию в данной организации. В трактовке различных вариантов роли России и КНР в ШОС невозможно обойтись без учета геополитических и геоэкономических факторов.

И. А. Фадеева прямо указывает, что «доминирующая роль геополитических факторов в образовании ШОС может быть отнесена к наиболее важной особенности этой организации»³⁵. К ним она относит то, что, во-первых, ШОС возникла на стыке христианской, буддистской и исламской цивилизаций, в зоне соприкосновения и взаимопроникновения крупнейших мировых этносов; во-вторых, она заняла важнейшее положение на исторических транспортных путях, связующих Запад и Восток, положение на богатом природными ресурсами пространстве; в-третьих, отмечается соседство этого региона, постоянно страдающего после распада

³⁴ Дугин А. Г. ШОС, ОДКБ, ЕврАзЭС как инструменты нового мироустройства // Изв. Урал. ун-та. Сер. 3, Общественные науки. 2010. № 3 (80). С. 53.

³⁵ Фадеева И. А. Указ. соч. С. 14.

СССР от внутренней нестабильности, с охваченным гражданской войной Афганистаном³⁶. Кроме того, автор предлагает учитывать удаленность от морей центральноазиатских членов организации, западных районов Китая и сибирских районов России, что затрудняет их экономическое развитие, поскольку в условиях глобализации широкое общение с мировыми рынками является главным фактором экономического развития³⁷.

Западные сторонники геополитического подхода рассматривают ШОС как модель, в рамках которой Россия и Китай между собой поделили обязанности. Россия осуществляет функции военного и политического сотрудничества, а Китай регулирует экономическое взаимодействие³⁸. Китайские авторы предпочитают писать о лидерских функциях КНР в ШОС. По мнению Пань Гуана, они обусловлены как минимум тремя факторами: вкладом Китая в концептуальное видение развития организации (определение базовых принципов так называемого «шанхайского духа»), продвижением дальнейшей институционализации ШОС и практической поддержкой проектов в рамках организации. Кроме того, именно китайская терминология борьбы против «трех зол» (экстремизма, терроризма и сепаратизма) была взята на вооружение и продолжает использоваться членами ШОС для обозначения усилий по противодействию новым вызовам, а это, в свою очередь, означает, что ШОС полностью принимает позицию Китая по этим вопросам³⁹.

С мнением, высказанным Пань Гуаном, можно соглашаться и не соглашаться. Несомненно, ШОС учитывает многие предложения Китая. В Ташкентской декларации пятнадцатилетия ШОС зафиксировано, что «государства-члены подтверждают поддержку инициативы Китайской Народной Республики о создании „Экономического пояса Шелкового пути“. В этих целях будет продолжена работа по реализации данного проекта как одного из инструментов формирования благоприятных условий для развития регио-

---

³⁶ Там же. С. 13.

³⁷ Там же. С. 14.

³⁸ См.: *Contessi N.* China, Russia and the Leadership of the SCO : A Tacit Deal Scenario // *China and Eurasia Forum Quarterly*. 2010. Vol. 8, № 4. P. 101–123.

³⁹ *Пань Гуан.* Указ. соч. С. 15–17.

нального экономического сотрудничества»⁴⁰. С другой стороны, в концепции борьбы против «трех зол» для государств Центральной Азии нет ничего нового, и они с самого начала своего самостоятельного существования вынуждены были увязывать анти-террористическую борьбу с обеспечением своей территориальной целостности и гарантированием сохранности своих режимов.

Официальная российская позиция сводится к тому, что участие России в ШОС является важным направлением внешней политики и элементом регионального и глобального управления⁴¹. Роль России в ШОС определена в Концепции внешней политики Российской Федерации. В концепции, утвержденной Президентом РФ В. В. Путиным в 2013 г., говорится: «Россия считает важными формирование и продвижение в Азиатско-Тихоокеанском регионе партнерской сети региональных объединений. Особое значение в этом контексте придается укреплению роли ШОС в региональных и глобальных делах, конструктивное влияние которой на положение дел в регионе в целом заметно возросло». Остановимся на трех важных аспектах. Во-первых, Россия рассматривает ШОС как формат, способный содействовать становлению системы коллективного лидерства в мире. Во-вторых, ШОС отводится роль составного элемента формирующейся в регионе Тихого океана «партнерской сети региональных объединений». В-третьих, подчеркивается особая роль и предназначение организации, наряду с ООН, ОДКБ и СНГ, в стабилизации ситуации в Афганистане⁴².

Эксперты полагают, что для России важны институциональные возможности ШОС для включения в систему региональных организаций АТР, которая во многом формировалась помимо России

⁴⁰ См.: Ташкентская декларация.

⁴¹ Пресс-конференция Министра иностранных дел России С. В. Лаврова «на полях» саммитов БРИКС и ШОС, Уфа, 9 июля 2015 // МИД РФ [официальный сайт]. URL: http://www.mid.ru/briks/-/asset_publisher/RdLYjVvdPAwg/content/id/1551620 (дата обращения: 02.05.2016).

⁴² Концепция внешней политики РФ : утверждена Президентом РФ В. В. Путиным 12 февраля 2013 г. // МИД РФ [официальный сайт]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICk6BZ29/content/id/122186 (дата обращения: 02.05.2016).

и в рамках которой России, для того чтобы закрепиться в качестве полноправного участника региональных процессов, необходимы дополнительные политические и экономические ресурсы⁴³. Также отмечается, что, несмотря на то, что ШОС позиционирует себя как региональная организация, которая выстраивает свою политику на позициях поддержания безопасности в Центральной Азии, двустороннее сотрудничество стран в решении общерегиональных и мировых проблем все еще превалирует⁴⁴.

Пожалуй, самым главным вопросом, который волнует экспертное сообщество при рассмотрении особенностей ШОС, является то, ограничится ли ШОС рамками региональной организации, или она проявит претензии на участие в решении проблем глобального характера?

М. Нурғалиев пишет: «Шанхайская организация сотрудничества вызывает большой интерес международного сообщества. Ведущие акторы системы международных отношений — США, Япония и страны Европы — внимательно следят за тем, что происходит в организации. Их интерес объясняется главным образом дефицитом информации о фактической деятельности и о сущности ШОС. Лидеры ее государств-членов постоянно уверяют всех и каждого, что организация имеет самые мирные намерения и не собирается вступать в конфронтацию с Западом. Тем не менее, многие шаги и решения стран-участниц вызывают у ведущих мировых держав недоверие. Таким образом, любое важное событие, проводимое в рамках ШОС, часто расценивается как вызов Западу, особенно Соединенным Штатам»⁴⁵.

Эксперты, работающие в государствах — членах ШОС, не исключают превращения в перспективе этой организации в глобального игрока. А. Каукенов, заместитель директора Центра по изучению Китая Института мировой экономики и политики при Фонде первого Президента Республики Казахстан, замечает: «ШОС стала проявлять амбиции политического актора, чьи интересы

---

⁴³ Колдунова Е. В. Указ. соч. С. 66.

⁴⁴ Там же. С. 60.

⁴⁵ Нурғалиев М. Перспективы Японии в Шанхайской организации сотрудничества // Центральная Азия и Кавказ. 2009. № 1 (61). С. 109.

простираются за пределы коллективных и узконациональных интересов стран-участниц, а также имеют ярко выраженный геополитический характер⁴⁶. С. Г. Лузянин прямо указывает, что особенностью ШОС является стремление к тому, чтобы стать глобальным актором. По его мнению, в основе глобализма ШОС лежит российско-китайское стратегическое партнерство, потенциал которого экстраполируется на всю организацию. Одновременно в структуре организации фактически произошла своеобразная институционализация знаменитого треугольника Россия — Индия — Китай⁴⁷. Для выдвижения подобного мнения именно о такой эволюции «шанхайского процесса» имеются веские основания. В основополагающих документах ШОС сформулированы задачи одновременного решения региональных и глобальных целей.

Во время визита В. В. Путина в Пекин 14–16 октября 2004 г. была принята Совместная декларация РФ и КНР, в которой, с одной стороны, говорилось: «стороны считают, что цели и принципы ШОС соответствуют современным тенденциям развития и реалиям региона. Функционирование этой организации способствует укреплению региональной безопасности и стабильности, стимулирует совместное развитие государств этого региона. Развитие ШОС является приоритетным направлением внешней политики России и Китая. Стороны рассматривают ШОС в качестве важнейшего инструмента утверждения на Евразийском континенте, прежде всего в Центральной Азии, мира, безопасности и сотрудничества — основных факторов будущего строительства многополярного миропорядка, основанного на международном праве». С другой стороны, Россия и Китай заявили о тесном сотрудничестве с главным координирующим антитеррористическим центром — Контртеррористическим комитетом Совета Безопасности ООН. В Соглашении было подчеркнуто, что «стороны будут способствовать продолжению конструктив-

---

⁴⁶ Каукенов А. Политика Китая в Шанхайской организации сотрудничества // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 3 (51). С. 16.

⁴⁷ См.: Лузянин С. Г. Восточная политика Владимира Путина : Возвращение России на «Большой Восток» (2004–2008 гг.). М., 2007. С. 336.

ного сотрудничества ШОС с указанным Комитетом в вопросах антитеррора»⁴⁸.

Другое дело, возможно ли странам ШОС одновременно решать региональные и глобальные задачи. Мы полностью разделяем мнение Е. Б. Михайленко (Арслановой) о том, что «асимметрия отношений между странами ШОС, отсутствие общей ценностной системы государств — членов ШОС, позиционирование Центральной Азии как самостоятельного игрока не позволяют ШОС полноценно функционировать на региональном и глобальном уровнях»⁴⁹.

С. Г. Лузянин вообще считает, что идеологической основой ШОС становится пока еще официально не декларируемая доктрина «сдерживания» США и их союзников⁵⁰. Однако большинство российских экспертов не квалифицирует ШОС как антизападный или антиамериканский блок, поскольку это противоречит коренным интересам государств-участников, заинтересованных в сотрудничестве с Западом по многим направлениям. Даже известный российский геополитик А. Г. Дугин подчеркивает, что ШОС — «это очень важный континентальный союз, который, однако, не направлен против кого-то конкретно. В ШОС заложена идея построения союза евразийских государств на основе плюриверсума и конструктивных международных отношений»⁵¹.

Мы полагаем, что для российской дипломатии очень важно не позиционировать ШОС как проект, оппозиционный другим региональным проектам или странам Запада. В официальных документах организации такой тезис не декларируется. В Ташкентской декларации пятнадцатилетия ШОС главы государств подтвердили, что деятельность ШОС не направлена против других государств или международных организаций⁵².

⁴⁸ Совместная декларация РФ и КНР : принята в г. Пекине 14.10.2004 // Lawmix.ru [информ.-аналитич. портал]. URL: <https://www.lawmix.ru/abro/10107> (дата обращения: 23.07.2016).

⁴⁹ Арсланова Е. Б. Указ. соч. С. 69.

⁵⁰ Лузянин С. Г. Восточная политика Владимира Путина. С. 336.

⁵¹ Дугин А. Г. ШОС, ОДКБ, ЕврАзЭС как инструменты нового мироустройства. С. 53.

⁵² См.: Ташкентская декларация.

***

По нашему мнению, в настоящее время ШОС следует рассматривать как региональную организацию, цели которой заключаются в решении проблем безопасности и экономического взаимодействия прежде всего в Центрально-Азиатском регионе. С точки зрения концепции сравнительного регионализма, вряд ли эту организацию можно считать «классической», хотя она имеет много общих черт с региональными организациями, существующими в различных регионах мира. Ее перспективы зависят от того, смогут ли найти общий язык Россия, Китай, государства Центральной Азии, а также новые члены ШОС в вопросе о векторе развития этой организации.

Глава 16

Китайская инициатива «Один пояс, один путь»: глобальный проект для развития одной страны

«Один пояс, один путь» (*и дай и лу*, 一帶一路) — первый китайский проект, в котором странам-участницам предложено создание собственных моделей, как теоретических, так и практических (наполнение проекта). Он действует в формате многих международных и региональных организаций, которые предполагают проектное сотрудничество и первоначальное предоставление бизнес-проектов для получения финансовых средств. Китай на протяжении достаточно большого периода времени работает с различными проектами за рубежом: это экспортные кредиты, подрядные работы, предприятия со стопроцентно китайским капиталом и т. д. Главная характеристика такой деятельности — реализация собственных долгосрочных задач в различных регионах мира для обеспечения подъема экономики КНР.

С точки зрения теории, китайские авторы в рамках «Пояса и пути» попытались как на государственном уровне, так и на международном переосмыслить ряд категорий, в том числе одну из

базовых — «международное сотрудничество». Понятие «сотрудничество» неоднократно встречается в документах по внутренней и внешней политике КНР и, наряду с другими («мир», «развитие»), является одной из базовых категорий¹.

При предыдущем лидере Китая Ху Цзиньтао были созданы и получили определенное развитие новые принципы — «взаимное процветание» (*гунтун фаньжун, 共同繁荣*) и «гармоничный мир» (*хэсе шицзе, 和谐世界*), в рамках которых было определено и место для «сотрудничества». Они были дополнены при формировании направлений новой региональной политики КНР в Азии. Элементы стратегии создавались постепенно, с использованием уже имевшихся региональных инициатив² и механизмов³. Концепт «сотрудничество» определялся на основе базовых пяти принципов мирного сосуществования. В «Белой книге» за 2005 г. представлено понятие «развитие добрососедского сотрудничества» (*юхао хэцзо, 友好合作*), которое переключалось в различные документы, подписанные как до, так и после этого периода⁴. Также в ней отмечается, что Китай «непрерывно расширяет добрососедское сотрудничество с пограничными государствами... и с другими государствами Азии, расширяется сфера совместных интересов»⁵. С «остальными главными державами („большими“, *даго*) установлены разные типы отношений сотрудничества» (*бутун синшидэ хэцзо гуаньси, 同形式的合作关系*). Отдельно рассматривался диалог по линии «Юг — Юг», где Китай играл существенную роль и продолжал относить себя к категории развивающихся государств.

¹ 中国的和平发展道路 // 新华网 [网站]. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2005-12/22/content_3954937.htm (访问时间: 2017 年 01 月 12 日).

² Вариантом было, например, создание Азиатско-Тихоокеанского сообщества (см.: *The Asian-Pacific Community in the Year 2000: Challenges and Prospects* / ed. by Il Yung Chung. Seoul, 1992. 582 p.).

³ Одним из механизмов была АСЕАН. По одной из точек зрения, «ускоренное собрание» стран в блок АСЕАН происходило на фоне и под угрозой непосредственного воздействия растущей мощи КНР, а не было объективным процессом.

⁴ Например, встречается в названии российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 16 июля 2001 г.

⁵ 中国的和平发展道路 // 新华网 [网站]. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2005-12/22/content_3954937.htm (访问时间: 2017 年 01 月 12 日).

Собственно, в период середины 2000-х — начала 2010-х гг. КНР переосмысливает роль и функции сначала в Азии, затем в АТР, а после того, как стала второй экономикой мира, и в глобальном масштабе. Для этого же периода характерно расширение участия в существующих механизмах сотрудничества и создание собственных (Восточноазиатский саммит, трехсторонний диалог в Восточной Азии, ШОС, ЗСТ Китай — АСЕАН и ряд других).

Период после мирового финансового кризиса показал наличие неразрешимых проблем в мировой экономике. Оценив ситуацию, Китай обнаружил «возможность продолжить реализацию „стратегии мирного возвышения“»⁶. Новому лидеру Си Цзиньпину представилась возможность реализовать собственное видение китайского будущего, в результате чего в 2012 г. появился концепт «китайской мечты» (*Чжунго мэн*, 中国梦) как вариант внутривнутриполитической задачи, а в 2013 г. был озвучен проект «Экономического пояса Шелкового пути» (*Сычоу чжилу цзиньци дай*, 丝绸之路经济带).

Как глобальная инициатива «Пояс и путь» условно подразделяется на «морскую» и «сухопутную» части и должен охватить целый ряд регионов с общим населением 4,4 млрд чел.: Центральную Азию, страны АСЕАН, Южную Азию, Центральную и Восточную Европу, Западную Азию, Северную Африку. На страны этих регионов приходится около 1/4 от объема всей торговли КНР. Как ожидается, за период 13-й пятилетки Китай импортирует товары из стран — участниц проекта на 10 трлн долл., объем инвестиций достигнет отметки в 500 млрд долл.⁷ Представлены и другие элементы проекта, такие как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, который должен обеспечивать доминирующую роль Китая в региональной проектной деятельности.

Для обеспечения развития национальной экономики «Пояс и путь» включил в себя ряд районов Китая. Это провинции Северо-Запада (Шэньси, Ганьсу, Цинхай), два автономных района — Нинся-Хуэйский (НХАР) и Синьцзян-Уйгурский (СУАР), расположенные на Юго-Западе город центрального подчинения Чунцин,

⁶ 丝绸之路经济带概念 // Mnw.cn [网站]. URL: <http://www.mnw.cn/news/china/879290.html> (访问时间: 2017年01月12日).

⁷ “一带一路” : 机遇与挑战. 北京, 2015年版. 第10页.

провинции Сычуань, Юньнань, Гуанси-Чжуанский автономный район (ГЧАР).

Концептуально было обозначено «создание нового района экономического развития» с использованием потенциала транспортных коридоров⁸. В рамках «сухопутной» части «Пояса и пути» выделяются следующие:

- экономический коридор Китай — Россия — Монголия;
- новый Евразийский мост;
- экономический коридор Китай — Центральная Азия;
- экономический коридор Бангладеш — Китай — Индия —

Мьянма;

- экономический коридор Китай — Индокитай;
- Шанхайский экономический коридор

и т. д.⁹

Здесь задачи внутреннего развития также доминировали и использовалась стратегия «двух видов ресурсов». В глобальном плане можно сказать, что проект «Один пояс, один путь» также должен обеспечить реализацию «китайской мечты». Для этого было необходимо создание некой «дорожной карты», на которую рассчитан проект. «Пояс и путь» соединял отдельные региональные инициативы с выходом на внешний рынок. Первый период строительства «пояса» был запланирован с учетом ключевой для Китая даты — 100-летия КПК (2021). К 2049 г. (еще одна знаковая дата — 100-летие КНР) он должен быть «в основном создан».

Рассматривая внутренние возможности и ограничения проекта, следует отметить, что с самого начала его планировалось использовать для осуществления стратегии развития Западного Китая, которая была принята еще на рубеже 1999–2001 гг. Развитие «вовне» должно было сопровождаться ростом внутренних административно-территориальных единиц. Так как Запад Китая и так рос опережающими темпами, а создать здесь крупные производственные комплексы получилось лишь частично, за ним был

---

⁸ 丝绸之路经济带 // Baidu [网站]. URL: <http://baike.baidu.com/item/丝绸之路经济带/10172695?fromtitle=新丝绸之路经济带&fromid=16200773&fr=aladdin> (访问时间: 2017年01月12日).

⁹ «一带一路»: 机遇与挑战. 第7页.

закреплен статус «перевалочных баз» для китайских товаров, производимых в восточной части страны. Кроме Востока, внимание переместилось и на Юг, где также были сосредоточены крупные производства (например, в провинции Гуандун¹⁰). Появились новые региональные стратегии, в частности, «Стратегия открытости на юг» (*Сяннань кайфандэ чжаньлюэ, 向南开放的战略*)¹¹. Она предполагала соединение с помощью новой инфраструктуры (высокоскоростных авто- и железнодорожных магистралей) различных внутренних проектов, в частности, старого района Северо-Востока с Центральным Китаем, в том числе при использовании транспортной сети Бохайского кольца, развивающейся опережающими темпами.

Для государственной практики современного периода характерны выбор и поощрение развития так называемых «точек роста», которые в дальнейшем могли бы превратиться в «полоса роста». Эта практика реализуется в том числе в приграничных регионах. В частности, для Северо-Востока предполагается создание международных транспортных проектов, которые бы охватывали весь регион и создавали обновленную инфраструктурную сеть с центром в провинции Цзилинь. Коридоры имеют выход и на границы России, так, предполагается создание следующих:

- Хунчунь — Зарубино — Пусан (соединение сухопутных и морских территорий, использование географических преимуществ и выход на крупнейший южнокорейский порт);
- Хунчунь — Зарубино — Сокчхо с возможностью продолжения на Японию (Майдзуру).

---

¹⁰ Хотя с точки зрения районирования провинция Гуандун относится к востоку страны.

¹¹ В некоторых вариантах встречается как для внутреннего использования, так и для внешнего. Например, мероприятия, разработанные для открытости провинции Цзилинь на Восток и Юг (*Цзилинь шиши сяндун сян нань кайдан чжаньлюэ*), а также выхода на экономики Восточной Азии. См.: 吉林实施向东向南开放战略融入海洋经济 // 新华网 [网站]. URL: http://news.xinhuanet.com/fortune/2016-01/28/c_1117926614.htm (访问时间: 2017 年 01 月 12 日). В рамках мероприятий рассматривались возможности развития сотрудничества с российским Зарубино, Шанхаем, отдельными территориями КНДР.

Для обеспечения выхода к морю и реанимации Туманганского проекта создается скоростная железная дорога Цзилинь — Туманган — Хунчунь. Со стороны КНДР в проект будет включен Раджин, где располагается свободная экономическая зона. Определен формат такого сотрудничества — условных «полуколец» развития¹² с использованием конкурентных преимуществ китайской стороны (в том числе концентрации промышленного производства, системы логистики) и формированием зон «притяжения» ресурсов. С этой целью осуществляется национальная программа по созданию регионов «приграничного торгового сотрудничества» (*бяньцзин цзинцици хэцзо цюй*, 边境经济合作区) с особыми зонами ресурсного сотрудничества. Например, в эту программу включен Хунчунь. Регионы «приграничного торгового сотрудничества» существуют на китайской территории с начала 1990-х гг.¹³

На следующем этапе можно выделить два основных направления. Первое — создание условий для развития уже существующих конкурентных преимуществ, а именно: расширение функциональных возможностей для финансового обслуживания, создание «информационных киосков», бизнес-инкубаторов, продвижение сбыта для предприятий, выходящих на внешний рынок. Так, в регионе уже есть успешные проекты, в частности, привлечены крупные транснациональные корпорации, представляющие Республику Корея (компании «Похан Стил», «Хёндэ»). Второе — осуществление выхода частей и территорий внутреннего Китая на внешние, обеспечивающие доступ к рынкам. Для провинции Цзилинь это выход «сухопутных» проектов на Бохайское экономическое кольцо.

Для обеспечения доступа совершенствуется коммуникация между отдельными частями провинций Цзилинь и Ляонин (в частности, городами Хунчунь и Даньдун). Сами муниципалитеты также имеют возможность принять участие в планировании. Так, территории Тунхуа, Байшань (Цзилинь) предложили планы развития сотрудничества с Даньдуном, прежде всего в торгово-

¹² По аналогии с «кольцами» развития (*хуань*, 环).

¹³ Программа стала аналогом создания «пояса открытости» на Востоке Китая и включала Автономный район Внутренняя Монголия (АРВМ), ГЧАР, СУАР, провинции Юньнань, Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин.

экономической сфере. Они же вошли в стратегии регионального развития туризма, портового хозяйства, использования преимуществ и в более масштабный проект «Возрождение старой промышленной базы Северо-Востока КНР». Для Ялуцзяна предусматривается строительство комплексного логистического хаба при использовании уже имеющихся преимуществ в сфере медицины, горнорудной промышленности, переработки сырья. Региональные стратегии развития логистических хабов уже реализованы для административного центра провинции Цзилинь города Чанчуня, а также для города Цзилиня. Предполагается расширение опыта на территории Яньцзи, Лунцзин, Тумэн. В данном случае речь идет о синергетическом эффекте, достижение которого возможно при максимальном участии как самих китайских территорий, так и приграничных территорий сопредельных государств. Так, Хунчунь получит дополнительные бонусы от реализации дальнейшей открытости, в том числе «внутренней открытости на Юг и Восток», Тунхуа и Байшань — за счет использования преимуществ участия в Бохайском кольце, а также региональной стратегии развития экономического района «Пекин — Тяньцзинь — Хэбэй».

В мае 2016 г. появился ряд документов, которые касались непосредственно развития региональной экономики, в частности, Хунчуня, Тунхуа и т. д. Для них предполагалось развитие международного сотрудничества, а два выделенных выше направления объединялись. Точкой роста становился китайский порт (портовый город). Он мог быть как морским, так и сухопутным (КПП, логистический хаб), в его рамках создавались максимально удобные условия для обслуживания экспортно-импортных операций. Например, для муниципалитета Тунхуа предусматривалось создание международного сухопутного порта, в формате которого действовали район обслуживания, бондовый центр и центр логистики, центр контейнерных перевозок, автодорожная логистическая станция.

Предложенный формат был назван районом открытого сотрудничества (*кайфан хэцзо цюй*, 开放合作区) и охватывал регион средней части провинции Цзилинь, коридор «Чан-Цзи-Ту»

(长吉图, по первым иероглифам Чанчунь — Цзилинь — Тумэн). Осуществлялись координация и сотрудничество с крупными региональными структурами, такими как Бюро железных дорог г. Шэньян, Чанчуньская таможня и т. д. В качестве итоговой цели проекта было обозначено создание комплексного логистического парка на Северо-Востоке КНР, а все форматы так или иначе дополняли программу «Возрождение старой промышленной базы Северо-Востока». Кроме концентрации ресурсов, в проекте предусмотрена радиальная структура размещения транспортных и коммуникационных магистралей, которая обеспечивает наиболее удобное развитие и реализована в других регионах Китая.

Еще одним планом, который появился на региональном уровне и был тесно связан с проектом «Один пояс, один путь», стал принятый в рамках 13-й пятилетки документ «Стратегия развития Луннаня [город в провинции Ганьсу] 433»¹⁴. Стратегия была принята в 2013 г. как часть программы развития Запада и впоследствии вошла в «Пояс и путь». В ее основе — развитие Центрального Китая, а в названии отражены главные направления регионального развития. Как и для Северо-Востока, здесь предполагалось «движение», или «открытость на Юг», а Луннань был назван опорным пунктом стратегии (*цяотоубао*, 桥头堡). Географические характеристики муниципалитета открывали широкие возможности для развития системы связей, так как он располагается на стыке границ трех провинций: Ганьсу, Шэньси и Сычуань. Кроме того, он является ключевым для соединения Северо-Запада и Юго-Запада Китая, а именно административных центров — Ланьчжоу, Сианя, Чэнду и города центрального подчинения Чунцина. В рамках создания «Золотого треугольника» верхнего течения Янцзы предусмотрено развитие в Луннане транспортного хаба, создание высокоскоростных магистралей, а в перспективе — формирование новой структуры открытости, так как сложившаяся ранее сеть уже не может обслуживать региональную экономику.

Для обеспечения собственного развития, особенно для более отсталых территорий, к которым как раз и относятся пригранич-

¹⁴ См., например: «433» 战略主要内容 // Baidu [网站]. URL: <https://wenku.baidu.com/view/b256d28e6137ee06eff918a4.html> (访问时间: 2017 年 01 月 12 日).

ные, китайская модель интеграции¹⁵ предполагает использование ресурсов соседних государств. Это одинаково применимо к России, Казахстану, КНДР, Монголии, Мьянме, Пакистану, Афганистану и другим соседям Китая. Прежде всего это интеграция экономическая, подкрепленная в Китае большим количеством документов и финансовых средств на ее реализацию. Отдельные элементы содержатся в региональных стратегиях развития. Для пограничных государств предусмотрена серия мероприятий для обеспечения их «принудительной» открытости, направленных на создание различных типов свободных экономических районов (зон) в приграничных регионах (контактных зонах) и обеспечиваемых за счет свободного движения товаров, капитала и труда, преимущественно китайских. Это обусловлено более интенсивным развитием промышленности на китайской территории. Некоторые из форматов сотрудничества представлены выше.

Идеи по созданию новых механизмов и форматов работы с сопредельными странами разрабатывались еще в начальный период «реформ и открытости» и подаются сейчас в рамках стратегии «Один пояс, один путь». Для внутреннего использования обсуждалось и было принято несколько установок. Во-первых, максимальное использование уже имеющихся возможностей и их создание для увеличения экспорта. Во-вторых, концентрация производственных мощностей и использование их радиального размещения. В-третьих, обеспечение ресурсоэффективности в строительстве, цветной металлургии, энергетике, сфере финансов, сфере массовых коммуникаций, логистике, туризме и т. д. Для достижения эффекта выдвинута идея создания комплексных экономических коридоров (*цзунхэ фацжаньдэ цзинци цзоулан*, 综合发展的经济走廊).

***

По поставленным задачам «Один пояс, один путь» — это крупнейший трансрегиональный китайский проект, направлен-

---

¹⁵ Рассматривалась ранее в работах автора, например: *Савкович Е. В.* Проекты экономической интеграции Китая и Казахстана // АПН Казахстан [интернет-портал]. 2006. 28 авг. URL: <http://www.apn.kz/publications/print5501.htm> (mode of access: 12.01.2017).

ный на соединение нескольких десятков китайских провинций и автономных районов с обширными пространствами Азии и Африки. Китайские авторы отмечают, что наряду с Северным морским путем, это один из наиболее концептуальных проектов, способных существенно изменить облик мировой экономики и торговли¹⁶. Достижение отдаленных районов (южной части Тихого океана, государств Северной Африки) позволит соединить сухопутные и морские транспортные потоки и обеспечить доступ к ресурсам, которых требует экономика Китая. Кроме того, китайские предприятия получают доступ к новым рынкам, обеспечивая «выход вовне». Это касается всех отраслей, включая экспорт вооружений.

К сожалению, для России собственный проект ЕАЭС оказался менее выигрышным с экономической точки зрения. «Стягивания пространства», соединения двух «старых» центров, Центральной и Восточной Азии, о котором, например, упоминал А. Д. Богатуров¹⁷, не произошло, чем воспользовался Китай. Работы более позднего периода уже отсылают к созданию в Евразии некоего «общего пространства» при лидирующей роли Китая¹⁸. Для РФ уже произошло документально зафиксированное сопряжение двух моделей — ЕАЭС и «Пояса и пути», в результате чего мы фактически отказались от сильной позиции в евразийской интеграции и приняли китайский вариант (примерами могут служить решение о строительстве высокоскоростной магистрали «Москва — Пекин» и другие договоренности).

---

¹⁶ “一带一路” : 机遇与挑战. 第7页.

¹⁷ Богатуров А. Д. Новая структура геопропространственных отношений в Центральной Евразии // Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии / под ред. А. В. Торкунова. М., 2007. С. 75.

¹⁸ См., например: Китайский глобальный проект для Евразии: постановка задач : аналитич. докл. М., 2016.

Глава 17

Вариативность маршрутов «Экономического пояса Шелкового пути» как фактор евразийской политики

В глобальном соперничестве великих держав все большую актуальность приобретает идея использования транзитного потенциала Центральной Евразии для экономического взаимодействия развитых экономик Евро-Атлантического и бурно развивающихся экономик Азиатско-Тихоокеанского региона. Поэтому периодически выдвигается инициатива возрождения Великого шелкового пути, который в Средние века, как известно, был ведущим торговым маршрутом Евразии. Последней по времени и наиболее мощной по содержанию из таких инициатив стал проект «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПП), озвученный новым главой КНР Си Цзиньпином в Астане осенью 2013 г.¹

На этот раз Китай подошел к проекту весьма серьезно. Отягощенная проблемами перепроизводства и замедления экономического роста страна не могла позволить себе и далее полагаться на традиционные транспортные маршруты. Необходимо было также задействовать новые ресурсные базы и рынки сбыта в странах Центральной Азии.

В условиях обостряющейся геополитической конкуренции с США и Японией особую важность приобрела так называемая «Малаккская проблема»². Через узкий Малаккский пролив проходят до 25 % мировой морской торговли, большая часть импортируемых Китаем углеводородов и почти весь экспорт КНР в ЕС, страны Ближнего Востока и Африки. В проливе активны пираты, а США, удерживая полное превосходство на море, в состоянии даже без объявления войны, к примеру, под предлогом масштабной операции по борьбе с пиратством почти полностью блокировать внешнюю торговлю Китая.

---

¹ Выступление Председателя КНР Си Цзиньпина в Назарбаев университете (полный текст). 16.09.2013 // Посольство КНР в РК [официальный сайт]. URL: <http://kz.chineseembassy.org/rus/zhgx/t1077192.htm> (дата обращения: 19.08.2017)

² Лебедева Н. Б. Малаккский пролив — возможны ли пути к безопасности? // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2011. № 16. С. 33–64.

Имея подобную стратегическую уязвимость, Китай, казалось бы, должен приложить все усилия к установлению контроля над Малаккским проливом и прилегающими к нему территориями. Однако любая активность Пекина в Южно-Китайском море является угрозой для интересов Японии, Тайваня, Южной Кореи и других стран региона, которые также в огромной степени зависят от морской торговли через Малаккский пролив и в совокупности, учитывая фактор поддержки США, способны оказывать мощное противодействие КНР. Поэтому одновременно с активным наращиванием морской силы и формированием альтернативных Малаккскому проливу морских логистических маршрутов Китай использует асимметричную стратегию континентального трансевразийского транспортного коридора в виде проекта ЭПШП.

Еще задолго до объявления данного проекта, когда в Китае только начали задумываться над возможностью такого маршрута, Россия предложила своему соседу свою уже существующую железнодорожную сеть, прежде всего Транссибирскую магистраль³. В реализации данного направления, тем не менее, возникли определенные проблемы.

Первая из них носит преимущественно технический характер. В России стандартная ширина железнодорожной колеи составляет 1520 мм, ширина так называемый «международной колеи», используемой в Китае и на большей части территории ЕС, — 1435 мм. Это порождает проблему стыковки, и если при пересечении границ страны с другим стандартом железнодорожной колеи пассажирские поезда вынуждены тратить более двух часов на перестановку вагонов, то у грузовых на это может уходить до нескольких дней. Для железнодорожного транспорта, если учесть, что цена перевозки тонны груза на нем значительно дороже, чем с использованием морского транспорта, скорость транспортировки имеет определяющее значение. Континентальный путь существенно короче мор-

---

³ Фененко А. В. «Транссиб» — наиболее реалистичный вариант ЭПШП // Российский совет по международным делам [официальный сайт]. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/transsib-naibolee-realisticznyy-variant-epsph> (дата обращения: 19.08.2017).

ского и благодаря этому выигрывает в случае перевозки товаров, требующих как можно более быстрой доставки. Но потери времени от двойной стыковки на границе Китая с ЕАЭС и ЕАЭС с ЕС существенно уменьшают данное преимущество.

Вторая проблема носит стратегический характер и в рамках сформировавшихся между РФ и КНР отношений является очень важным аргументом против использования Транссиба. Китай уже давно построил и активно использует свою железнодорожную сеть от промышленных прибрежных провинций до границ с государствами Центральной Азии в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР). Так же, как Россия заинтересована в развитии собственных территорий Дальнего Востока и Восточной Сибири, а значит, и в максимальной загрузке Транссиба, Китай заинтересован в использовании собственной железнодорожной сети, которая должна обеспечить развитие западных регионов КНР, еще в начале 2000-х объявленное государственным приоритетом⁴. Китаю невыгодно полностью полагаться на Россию, которая, обеспечив монополию на транзит грузов через свою территорию, может использовать это как рычаг политического давления на КНР. Тем более, что сам Транссиб для достижения необходимого объема и скорости транзита требует серьезной модернизации. У России недостаточно средств на подобную модернизацию, а Китай недостаточно заинтересован в том, чтобы вкладывать в нее свои деньги.

Поэтому, не отказываясь полностью от варианта использования Транссиба, который сопряжен с достаточно острой проблемой развития Северо-Востока КНР, приоритетным направлением Китай сделал СУАР и Центральную Азию. Центральноазиатские государства более слабы, чем Россия, они острее нуждаются в китайских инвестициях и скорее готовы согласиться на китайские условия. Не случайно в качестве важного момента проект ЭПШП подразумевает не только строительство транспортных магистралей и необходимой инфраструктуры, но и ускоренное развитие территорий, через которые проходят эти магистрали. В ходе реализации проекта ЭПШП идея превращения СУАР в логистический,

⁴ *Lai H. H. China's Western Development Program: Its Rationale, Implementation, and Prospects // Modern China. 2002. Vol. 28, № 4. P. 432–466.*

экономический и финансовый хаб Центральной Азии получила поддержку на уровне глобальной стратегии КНР⁵.

По мере развития ЕАЭС интерес Китая постепенно перемещался от Казахстана к Таджикистану, Киргизии, Узбекистану и Туркменистану. Когда стало ясно, что Казахстан излишне сблизился с Россией, в качестве приоритетного было выбрано направление южнее его границ. Так, китайской стороной было анонсировано предложение о строительстве высокоскоростной железной дороги с международной шириной колеи по маршруту Урумчи — Бишкек — Ташкент — Ашхабад — Тегеран⁶.

Выход на Тегеран представляется логичным в свете отношений, которые Китай долгие годы выстраивал с Ираном⁷. Сильные антиамериканские настроения в иранских элитах, богатые углеводородные запасы этой страны, стратегическое положение Ирана, выходящего границами одновременно на Индийский океан и в Центральную Азию, а также граничащего с многолетним стратегическим союзником Китая Пакистаном, делает эту страну обязательным звеном в проекте ЭПШП. И это единственно возможный маршрут одновременно в обход России и сложного в логистическом смысле Каспийского моря⁸.

Далее возможны два варианта транспортного маршрута. Во-первых, континентальный маршрут через Турцию в Европу. Во-вторых, через Ирак и Сирию к портам на Средиземном море. В настоящее время турецкий маршрут выглядит наиболее реалистичным. Несмотря на острый конфликт между Ираном и Турцией по ряду вопросов, две страны вполне способны к договоренности в прагматическом ключе, а прокладка транспортного

---

⁵ Сыроежкин К. Л. Нужно ли Казахстану бояться Китая: мифы и фобии двусторонних отношений : монография. Астана ; Алматы, 2014. С. 81, 83, 102, 105, 368.

⁶ Zheng Y. New rail route proposed from Urumqi to Iran // China Daily [official website]. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2015-11/21/content_22506412.htm (дата обращения: 19.08.2017).

⁷ Hameed R. Sino-Iran Relations Current Developments and Future Scenario // Policy Perspectives. 2010. Vol. 7, № 1. P. 135–153.

⁸ Первый поезд из Китая прибыл в Тбилиси в рамках проекта «Шелковый путь» // Apsny.ge [информ.-аналитич. портал]. URL: <http://www.apsny.ge/2015/eco/1450034694.php> (дата обращения: 19.08.2017).

коридора по их территориям важна для обеих стран. Ирак находится в состоянии глубокой нестабильности, а в Сирии идет гражданская война, поэтому о вовлечении этих стран в проект ЭПШП можно будет говорить только тогда, когда будет достигнута их относительная стабилизация. А это вряд ли возможно в ближайшей перспективе.

В то же время, как и с Россией, с Турцией у Китая существует целый ряд взаимных противоречий⁹. В отличие от теократического, но шиитского и персоязычного Ирана, все более исламизирующаяся суннитская тюркоязычная Турция имеет сильнейшие рычаги влияния на ситуацию в СУАР КНР. В Турции проживает крупнейшая уйгурская диаспора, в Синьцзяне также присутствует значительное число турецких граждан. Идеи пантюркизма, которые Эрдоган и правящая «Партия справедливости и развития» постепенно подменяли неоосманизмом, до сих пор сильны в турецком обществе и элитах. Для пантюркистов же Синьцзян-Восточный Туркестан — не просто территория, населенная родственным народом, это своего рода тюркская «священная прародина». Для пантюркизма, как для всякого национализма, ключевыми в мировоззрении выступают понятия «кровь» и «почва», и если родственные по крови и языку уйгуры выступают в качестве союзников, то абсолютно чуждые китайцы автоматически становятся врагами, у которых надо отвоевать «священную землю» Восточного Туркестана.

Неоосманизм «Партии справедливости и развития» проявляет себя в этом вопросе гораздо осторожнее. При Эрдогане вектор внешней политики Турции очевидно переместился из Центральной Азии в направлении Ближнего Востока и Северной Африки, туда, где исторически находились обширные владения Османской Империи. Созданная предшествующими политиками и общественными деятелями пантюркистской направленности экономическая, образовательная и культурная среда в тюркоязычных государствах и на тюркоязычных территориях России и Китая долгое время политически себя никак не проявляла. Это обеспечило длительный

⁹ *Shichor Y. Turkey and China in the Post-Cold War World : Great Expectations // Middle Powers and the Rise of China. Washington, 2014. P. 192–212.*

период взаимовыгодного сотрудничества Турции как с Россией, так и с Китаем.

Правительство эрдогановской Турции старалось в отношениях с Китаем по возможности избегать уйгурского вопроса. Но данная проблема в силу многочисленности уйгурской диаспоры и влияния в Турции пантюкистской идеологии давно уже стала аспектом турецкой внутренней политики, и периодические обострения ситуации в СУАР всегда болезненно воспринимались турецким обществом. К тому же исторически Османская Империя имела значительное влияние на положение дел в Западном Китае, и утрата этого влияния никак не вписывалась в стратегию ее возрождения.

Несмотря на серьезные испытания, которым их подвергали особенности динамики уйгурского вопроса, отношения КНР с Турцией уверенно двигались в направлении улучшения.

В конце июня 2009 г. турецкий президент Абдуллах Гюль стал первым президентом Турции за 14 лет, посетившим с государственным визитом Китай, и первым за всю историю двусторонних отношений посетившим административный центр СУАР Урумчи. А уже в начале июля того же года в Урумчи начались массовые межэтнические столкновения между уйгурами и ханьцами, приведшие к значительным жертвам с обеих сторон, длительной нестабильности в регионе и серьезным кадровым перестановкам в руководстве СУАР. В этом «совпадении» трудно не увидеть влияния внешних сил, не заинтересованных в выстраивании отношений сотрудничества между двумя странами.

Первоначально реакция турецкого общества и элит была достаточно жесткой. Эрдоган в своем выступлении сравнил события в Урумчи с геноцидом, несколько членов «Партии справедливости и развития» в знак протеста вышли из межпарламентской группы турецко-китайской дружбы, в Турции раздавались призывы к бойкоту китайских товаров. Тем не менее, отношения были восстановлены в течение месяца, а министр иностранных дел Турции Ахмет Давутоглу заявил, что его страна не вмешивается во внутренние дела Китая. Уже в следующем 2010 г. в ходе ряда двусторонних

встреч и визитов было объявлено, что отношения Китая и Турции вышли на уровень стратегического партнерства.

Выступая временами с резкими заявлениями по уйгурскому вопросу, турецкое руководство, тем не менее, давно и успешно сотрудничало с Китаем и в этой сфере. В 1999 г. в ходе демонстраций сторонников уйгурской независимости, сопровождавшихся актами насилия в отношении китайцев, турецкая полиция арестовала десять членов «Организации освобождения Восточного Туркестана». В 2000 г. было подписано первое китайско-турецкое соглашение о сотрудничестве в сфере безопасности, облегчившее сотрудничество силовых структур двух стран и конкретизировавшее меры, которые могут быть приняты против сепаратистов, угрожающих территориальной целостности обеих стран, причем министр внутренних дел Турции, подписавший его с турецкой стороны, специально отметил, что «его страна никогда не потерпит любых форм антикитайской активности или терроризма в Турции»¹⁰. На этом фоне неудивительно, что Китай не практиковал симметричную разжиганию уйгурского сепаратизма стратегию в виде поддержки курдских сепаратистов, хотя, учитывая радикально левую направленность «Рабочей партии Курдистана», имел для этого не только материальные, но и идеологические возможности.

Несмотря на все имеющиеся эпизодические противоречия с Турцией, Китай продолжает выстраивать через нее альтернативный российскому маршрут Шелкового пути. При активном участии китайского капитала и подрядчиков в Турции идет строительство высокоскоростной железной дороги, которая уже соединяет Анкару со Стамбулом, а в перспективе должна пересечь всю территорию Турции с востока на запад, выйдя, соответственно, к границам Ирана и ЕС. Связка Турция — Иран представляет собой естественного конкурента России. Скорее всего, Китай будет максимально диверсифицировать транспортные коридоры, а это означает, что один из них пройдет через Казахстан и Россию, а другой — через Иран и Турцию.

В этом контексте представляется, что турецко-российский конфликт был объективно выгоден Китаю, так как благодаря ему меж-

¹⁰ Цит. по: *Shichor Y. Op. cit. P. 198.*

ду двумя странами была невозможна никакая координация подходов к китайскому проекту. Возможно, этот конфликт был даже в определенном смысле запрограммирован конкурентной ситуацией вокруг ЭПШП.

Не меньший интерес здесь представляет также сирийский конфликт, послуживший причиной российско-турецкого разрыва. Известно, что Китай осторожно, но последовательно поддерживает правительство Б. Асада. Крайне сомнительно, что такая политика вызвана лишь желанием солидаризироваться с внешнеполитическим курсом России, тем более что в других сюжетах особой солидарности Китая с Россией не наблюдается. Прагматический смысл, всегда присутствующий в китайской политике, здесь может быть найден в ирано-иракско-сирийской направленности ЭПШП. Алавиты и власти Сирии прочно удерживают прибрежную полосу Средиземного моря, где есть удобные морские порты. Даже в случае возможного раздела Сирии Китай имеет шанс обзавестись там очередным военно-стратегическим и торгово-экономическим узлом, замкнув на западе линию своих военных баз в южных морях, известную как «жемчужная нить»¹¹.

Именно нежелание допустить Китай на Средиземное море могло стать одной из причин непосредственного военного вмешательства России в сирийский конфликт. То же можно сказать и о Турции, которая пошла на беспрецедентные военно-политические и экономические риски, лишь бы обеспечить себе контроль над регионом. Здесь интересы держав столкнулись в прямом противоборстве.

В свете перспектив и вариантов реализации стратегии ЭПШП сирийская ситуация выглядит следующим образом. США выгоден срыв китайского проекта через полную дестабилизацию Ближнего и Среднего Востока, уход Китая из Евразии и замыкание его в региональных рамках азиатско-тихоокеанского противостояния, в качестве худшего сценария допустим маршрут и в обход России, желательно по легко дестабилизируемым регионам. Для ЕС

---

¹¹ *Marantidou V.* Revisiting China's «String of Pearls» Strategy : Places «with Chinese Characteristics» and Their Security Implications // *Issues and Insights*. 2014. № 14 (7). P. 1–39.

более приемлемым выглядит стабильный маршрут, но опять же непременно в обход России. Китаю нужны максимально диверсифицированные маршруты с Сирией в качестве одного из них, желательно подкрепленного военно-экономическим присутствием КНР. В интересах Ирана — реализация иракско-сирийского направления, в этом случае маршрут пройдет исключительно по территории «шиитского альянса» к портам Средиземного моря, это превратит Тегеран в безусловно доминирующую в регионе силу. Турции важно отстоять приоритет турецкого маршрута, обеспечив лояльное и зависимое сирийское правительство. Россия в текущей ситуации может либо противодействовать реализации китайского проекта на сирийском направлении, либо содействовать ей, но установив свой контроль над конечным пунктом — средиземноморскими портами; в любом случае ей имеет смысл подталкивать Китай к более активному использованию маршрутов через территорию ЕАЭС.

Разрыв российско-турецких отношений в конце 2015 г. был в значительной степени запрограммирован геополитическими противоречиями двух стран. В то же время конфликт с Россией в условиях весьма напряженных отношений с Западом приводил к полной изоляции Турции, что было объективно невыгодно турецкому руководству. По той же причине угрозы изоляции российско-турецкое противостояние было невыгодно России.

В условиях конфликта Россия могла бы, оказав существенную поддержку курдскому сепаратизму, уничтожить идею турецкого маршрута ЭПШП задолго до ее реализации, замкнув китайский проект на Казахстан и Европейскую часть РФ. К несчастью, в связи с уже реализованными инфраструктурными проектами в Западном Китае превращение Транссиба в безальтернативный маршрут ЭПШП уже невозможно. Однако дезинтеграция Турции сыграла бы на руку американским проектировщикам Большого Ближнего Востока¹², ударив по территориальной целостности Сирии, Ирака и Ирана. Турция могла бы ответить даже не поддерж-

---

¹² *Стегний П.* Будущее Большого Ближнего Востока // Geopolitics.ru [информ.-аналитич. портал]. URL: <http://www.geopolitics.ru/2012/09/budushhee-bolshogo-blizhnego-vostoka/> (дата обращения: 19.08.2017).

кой сепаратизма внутри России, а дестабилизацией Казахстана, который в условиях весьма вероятного в ближайшем будущем транзита власти был бы совершенно незащищен. Турция вполне располагает для таких действий существенным ресурсом влияния в данной стране. Это был бы серьезный удар уже по российскому маршруту, не говоря о прочих негативных последствиях для России.

Есть основания полагать, что эпизод со сбитым Турцией российским истребителем был тонко просчитанной провокацией внешних сил. Это косвенно подтвердил сам Президент РФ на большой пресс-конференции 2016 г.: «Знаете, откровенно скажу, я скептически относился к тезису, что и наш самолет был сбит без приказа со стороны высшего турецкого руководства, людьми, которые хотели навредить российско-турецким отношениям. Но сейчас, после нападения на посла, которое было совершено сотрудником спецназа, я уже начинаю менять свое мнение. Мне уже кажется, что все возможно. И проникновение деструктивных элементов в государственные структуры, в том числе в правоохранительные органы, в армию Турции, конечно, носит глубокий характер. Я сейчас не считаю себя вправе переводить на кого-то стрелки, кого-то в чем-то обвинять, но мы видим, что это факт, это происходит»¹³.

В период разрыва российско-турецких отношений российское руководство повело себя достаточно грамотно. В логистической связке Иран — Турция Иран является значительно более важным звеном. Хотя в контексте ЭПШП Иран также является конкурентом России и, кроме того, между двумя странами имеются серьезные противоречия по ценам и объемам добычи углеводородов, России есть что предложить этой стране, прежде всего в сфере критически важных для Ирана оборонных технологий, а иранцы пока видят в отношениях с Россией хорошую перспективу для развития собственной экономики, не связанную с неприемлемыми уступками Западу.

---

¹³ Большая пресс-конференция Владимира Путина // Президент России [официальный сайт]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53573> (дата обращения: 19.08.2017).

Успешное сотрудничество с Ираном, особенно в ходе сирийского конфликта, а также достаточно быстрая нормализация отношений с Турцией позволили свести вопрос урегулирования ситуации в Сирии к достижению соглашения между Россией, Ираном и Турцией без участия иных внешних игроков. В случае успешного решения сирийской проблемы Россия получает возможность конструирования стратегического треугольника Россия — Иран — Турция, который позволит в будущем контролировать ближневосточный участок ЭПШП.

***

«Экономический пояс Шелкового пути» — новая реальность современного мира. Это долгосрочная, продуманная на десятилетия вперед стратегия китайского руководства и лично Си Цзиньпина, который, будучи выходцем из провинции Шэньси, осознанно лоббирует интересы местных элит по превращению города Сиань в исходный пункт транспортного пути и расположенного вдоль него инвестиционного пояса, а Северо-Запада КНР в целом — в новый локомотив китайской экономики и евразийский транспортно-экономический хаб. Китай не откажется от этого проекта при любой геополитической ситуации. Россия должна эффективно адаптироваться к этой реальности и извлечь из нее максимум пользы.

Глава 18

Проблемы и перспективы сопряжения ЕАЭС и проекта «Один пояс, один путь»¹

В современной Евразии происходит закрепление многополярного порядка при активном участии России и Китая. За этой инициативой стоит кризис глобальной экономической и политиче-

---

¹ Работа выполнена в рамках проекта, поддержанного Санкт-Петербургским государственным университетом (ИАС 17.37.226.2016).

ской системы. В этой связи обсуждаются перспективы сопряжения российско-казахстанского проекта ЕАЭС и китайского проекта ЭПШП, который является частью мегапроекта КНР «Один пояс, один путь».

Идея общего проекта с участием Китая широко обсуждается в российском экспертном сообществе, так как в нем видят перспективу формирования новой «Большой Евразии»: «...это долгосрочная глобальная стратегия, центр геополитической стабильности и развития Евразии, которая уже сегодня стала глобальным регионом. Сложилось редкое сочетание политических, экономических, юридических и организационных факторов для реализации проекта...»²

Современная евразийская стратегия России: Евразийский экономический союз

Длительное время в России отсутствовала какая-либо четкая стратегия в отношении своих ближайших соседей, заявления российского руководства о приоритете постсоветского пространства в российской внешнеполитической стратегии имели в большей степени декларативный характер. Евразийский вектор внешней и внутренней политики России стал приоритетным со второй половины 1990-х гг. при активной поддержке тогдашнего министра иностранных дел Е. М. Примакова. Мировой финансовый кризис 2008–2009 гг., а затем политический кризис на Украине, начавшийся в 2014 г., способствовали активизации интеграционных процессов на евразийском постсоветском пространстве и подтолкнули к обновлению интеграционной стратегии.

Толчком к созданию ЕАЭС в 2015 г. стал противоречивый опыт двадцатилетней дезинтеграции на постсоветском пространстве. Если Евросоюз создавался на базе давно сложившихся нацио-

---

² Шелковый путь и большая Евразия: политика, экономика, инфраструктура : Теледебаты «Россия 24» и МДК «Валдай». 20.06.2015 // Петербургский международный экономический форум [официальный сайт]. URL: <https://forumspb.com/ru/2015/sections/22/materials/196/news/340> (дата обращения: 17.12.2016) ; *Караганов С. А., Бордачев Т. В.* Будущее Центральной Евразии // Глобальная политика [информ.-аналитич. портал]. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Buduschee-Tsentralnoi-Evrazii-17441> (дата обращения: 29.03.2017).

нальных государств, то страны, которые возникли на «обломках» СССР, нуждались в определении своей новой, независимой от советской национальной идентичности и в формировании государственности. Им понадобилось два десятилетия для того, чтобы подойти к интеграции на постсоветском пространстве с позиций национальных интересов, в основу которых легли экономические выгоды.

Известно, что инициатором современного интеграционного проекта в Евразии стал президент Казахстана Н. Назарбаев, который еще в 1994 г. в стенах МГУ озвучил идею создания Евразийского союза. Однако сразу после распада СССР эта идея не нашла должной поддержки среди других стран постсоветского евразийского пространства. Только в начале второго десятилетия XXI в. лидеры России и Белоруссии поддержали эту идею, придав ей во многом новое наполнение. Что касается российского подхода, то в 2011 г. Президент РФ В. В. Путин сформулировал основные принципы будущего ЕАЭС.

Глобальность. Он предполагает создание механизма наднационального объединения, способного играть роль «связки» между Европой и АТР. В том числе это означает, что на базе Таможенного союза и Единого экономического пространства, объединяющего страны СНГ, в перспективе необходимо перейти к более тесной координации валютно-экономической политики.

Единство в многообразии как основа межцивилизационного диалога на Евразийском континенте. Предусматривается открытость будущего союза для всех государств, в том числе европейских. Это обеспечивается опорой на уже наработанный опыт интеграции (и западный, и российский), а также на признание общих ценностей свободы, демократии и рыночных отношений. Проект предполагал особый акцент на объединении усилий государств Евросоюза и ЕАЭС для создания гармоничного сообщества экономик «от Лиссабона до Владивостока» (проект «Большой Европы»), включая зону свободной торговли и дальнейшие формы интеграции. Создание сбалансированной системы партнерства на континенте имело бы позитивные глобальные последствия.

Активное взаимодействие с соседями ЕАЭС как механизм модернизации всего евразийского пространства. Это взаимодействие основано на правилах свободной торговли и совместимости систем регулирования на уровне государственных и региональных структур от Атлантики до Тихого океана. Евразийское пространство должно строиться как гармоничное по своей экономической природе и одновременно полицентричное с точки зрения институциональных механизмов и управленческих решений. В перспективе это обеспечит конструктивный диалог о более широком взаимодействии с государствами АТР, Северной Америки и других регионов.

Разноскоростная и разноуровневая интеграция как инструмент евразийской интеграции («открытый» регионализм). Этот принцип означает, что ЕАЭС послужит своего рода центром дальнейших интеграционных процессов путем постепенного слияния уже существующих структур, таких как Таможенный союз и Единое экономическое пространство. Сложение природных ресурсов, капиталов и человеческого потенциала позволит ЕАЭС быть конкурентоспособным наряду с другими региональными объединениями, сотрудничество с которыми повысит устойчивость глобального развития³.

Намерения российского руководства объединить евразийское постсоветское пространство в формате нового центра полицентричного мира все больше приобретают черты государственной стратегии⁴. В Концепции внешней политики России 2013 г. задача формирования ЕАЭС (а в будущем — и Евразийского союза) является приоритетной задачей регионального сотрудничества⁵. В концепции говорится о необходимости продолжить укрепление сотрудничества с Белоруссией и Казахстаном, содействовать

³ Путин В. В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. 3 окт. 2011.

⁴ Bordachev T. V., Skriba A. S. Russia's Eurasian Integration Policies // London School of Economics [official website]. URL: <http://www.lse.ac.uk/IDEAS/publications/reports/pdf/SR019/SR019-Bordachev-Skriba.pdf> (mode of access: 29.03.2017).

⁵ Концепция внешней политики РФ. 2013 г. // МИД РФ [официальный сайт]. URL: http://www.mid.ru/b_rp_4.nsf/0/6D84DDEDED7DA644257B160051BF7F (дата обращения: 17.12.2016).

привлечению к новому образованию бывших союзных республик, совершенствовать механизмы нормативно-правовой базы ЕАЭС.

Развитие интеграционных процессов как важнейшее направление внешней политики РФ нашло отражение и в последней редакции Концепции внешней политики РФ 2016 г., в тексте которой отмечается, что «Россия считает ключевой задачей углубления и расширения интеграции в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) с Республикой Армения, Республикой Белоруссия, Республикой Казахстан и Киргизской Республикой в целях стабильного развития, всестороннего технологического обновления, кооперации, повышения конкурентоспособности экономик государств-членов ЕАЭС и повышения жизненного уровня их населения»⁶. ЕАЭС должен обеспечить свободу перемещения товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов стран-участниц, а также стать площадкой для реализации совместных инфраструктурных и инвестиционных проектов. Важным отличием видения роли ЕАЭС в редакции 2016 г., в отличие от предыдущей 2013 г., является то, что в новом документе ЕАЭС рассматривается как эффективный инструмент «гармонизации интеграционных процессов в Европейском и Евразийском регионах», а не просто как «связующее звено», «мост» между Европой и Азией (редакция 2013 г.). В новой редакции российская сторона заявляет о необходимости формирования «общего, открытого и недискриминационного экономического партнерства — пространства совместного развития государств — членов АСЕАН, ШОС и ЕАЭС в целях обеспечения взаимодополняемости интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском и Евразийском регионах»⁷.

Проект создания ЕАЭС на сегодняшний день является наиболее масштабным постсоветским геоэкономическим и геополитическим проектом, нацеленным на консолидацию и дальнейшее развитие сохраняющегося социально-экономического, научно-технологического и культурно-образовательного потенциала го-

---

⁶ Концепция внешней политики РФ. 2016 г. // МИД РФ [официальный сайт]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 17.12.2016).

⁷ Концепция внешней политики РФ. 2016 г.

сударств современной Евразии⁸. С 1 января 2015 г. новое интеграционное объединение начало свою работу после вступления в силу Договора о ЕАЭС⁹.

Несмотря на первые шаги в организации ЕАЭС, можно говорить о перспективах расширения экономических связей ЕАЭС как в региональных, так и глобальных координатах. Об этом говорит уже тот факт, что в 2015 г. в состав ЕАЭС вошли новые члены — Армения и Киргизия. О своем желании участвовать в этом интеграционном проекте уже заявили руководители Таджикистана. В глобальной перспективе о своем интересе к созданию зоны свободной торговли со странами ЕАЭС заявило около 35 стран, в числе которых Индия, Сирия, Иран, Новая Зеландия и др. На данный момент зона свободной торговли уже создана с Вьетнамом.

Современная интеграционная стратегия Китая: проект «Один пояс, один путь»

В КНР в течение последних лет наблюдается процесс пересмотра стратегии развития государства в сфере как внутренней, так и внешней политики. КНР находится на таком рубеже эволюции, когда накопленный экономический и политический потенциал требует более активной политики на международной арене, увязанной прежде всего с экономическими проблемами самого Китая. Китай стал все заметнее воспринимать себя в новом геополитическом статусе — второй после США экономикой, способной к самостоятельному инновационному развитию.

В 2013 г. Си Цзиньпин озвучил идею возрождения Шелкового пути, а в 2015 г. мировому сообществу был представлен более конкретный проект под названием «Один пояс, один путь». Был учрежден специальный фонд Шелкового пути, в который государством выделено 40 млрд долл. Финансирование будет осуществляться в значительной мере из средств самого Китая (Банк развития Ки-

---

⁸ *Blockmans S., Kostanyan H., Vorobiov I.* Towards a Eurasian Economic Union : The challenge of integration and unity // Center for European Policy Studies [official website]. URL: <http://www.ceps.eu/ceps/dld/7544/pdf> (mode of access: 29.03.2017).

⁹ Договор о ЕАЭС // ЕАЭС [официальный сайт]. URL: http://www.eaeunion.org/upload/iblock/729/2014_2.pdf (дата обращения: 29.03.2017).

тая, Экспортно-импортный банк Китая, Инвестиционная корпорация Китая), но также и по линии международного сотрудничества (Азиатский банк инфраструктурных инвестиций)¹⁰. Реализация проекта является частью плана 13-й пятилетки (2016–2020), кроме того, проект упоминается во многих актуальных политических документах КНР, например, в плане социально-экономического развития на 2015 г. Фактически можно говорить о формировании стратегии Китая не только евразийского, но в перспективе и глобального масштаба.

Однако до сих пор проект не получил достаточно четких очертаний. Пока не вполне оформлены даже его географические рамки, в одних случаях председатель Си говорил о Евразии, в других упоминается и Африка. Окончательного перечня потенциальных партнеров Китая тоже не сформулировано, но по примерным оценкам, согласно государственным СМИ Китая, проект «Один пояс, один путь» охватит две трети населения планеты и треть глобального ВВП¹¹. Во всяком случае, проект претендует на трансконтинентальный характер, так как может связать между собой три континента: Азию, Европу и Африку¹². Согласно ожиданиям китайских властей, «в проекте будут участвовать 64 страны, в которых суммарно проживает 4,4 млрд чел. (70 % всего населения Земли), производится 29 % мирового ВВП и 55 % ВВП (21 трлн долл.) и сосредоточено 75 % всех известных энергетических запасов»¹³. Сущность самого проекта также имеет различные толкования: в одних случаях за ним стоят планы региональной интеграции под эгидой Пекина с перспективой дальнейшего расширения, в других — только внешнеэкономическая стратегия Китая.

---

¹⁰ Prospect and challenges on China's one belt, one road: a risk assessment report // The Economist [official website]. URL: http://www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=OneBeltOneRoad (mode of access: 29.03.2017).

¹¹ Ibid.

¹² Tiezzi Sh. The New Silk Road : China's Marshall Plan? // The Diplomat [official website]. 06.11.2014. URL: <http://thediplomat.com/2014/11/the-new-silk-road-chinas-marshall-plan/> (mode of access: 29.03.2017).

¹³ Дорошенко Е. Шелковый путь в 3D-проекции: экономика, геополитика или стратегия? // Евразийский коммуникационный центр [официальный сайт]. 2015. 08 июля. URL: http://eurasiancenter.ru/economy_perspectives/20150708/1004145198.html (дата обращения: 29.03.2017).

Содержательно проект «Один пояс, один путь» включает в себя две составляющие, а именно сухопутный «экономический пояс», объединяющий страны на Евразийском континенте, — ЭПШП, и «морской шелковый путь XXI века» из Китая в Индийский океан, Персидский залив и Средиземное море, а также в направлении южной части Тихого океана¹⁴.

Согласно официальным китайским источникам, реализация проекта «Один пояс, один путь» полностью отвечает особенностям современной эпохи, которые отражаются в идеях «многополярности мира, глобализации экономики, культурного многообразия, информатизации общества, поддерживает дух регионального сотрудничества открытого типа, способствует сохранению глобальной системы свободной торговли и открытости мировой экономики»¹⁵. В качестве основополагающей цели реализации данного проекта определяется необходимость «содействовать свободному передвижению экономических факторов, эффективному распределению ресурсов и глубокой интеграции рынков; стимулировать налаживание экономической политики в странах, находящихся вдоль „Одного пояса и одного пути“; развивать масштабное, высокоуровневое и глубокое региональное сотрудничество; вместе создавать открытые толерантные сбалансированные и всем выгодные рамки регионального экономического сотрудничества»¹⁶.

Очевидно, что этим проектом КНР намерена реализовать не только свои региональные, но и глобальные экономические цели. ЭПШП предполагает создание трех основных экономических коридоров: северного (Китай — Центральная Азия — Россия), центрального (Китай — Центральная и Западная Азия — Персидский залив / Средиземное море), южного (Китай — Юго-Восточная Азия — Южная Азия). Катализатором развития коридоров должно

---

¹⁴ Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути 21-го века» // Посольство КНР в РФ [официальный сайт]. 23.04.2015. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zgxw/t1257296.htm> (дата обращения: 29.03.2017).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

стать строительство транспортной и логистической инфраструктуры по всем этим направлениям. Для России особый интерес представляют сухопутные маршруты, ориентированные из Китая в Европу: Монголия — Россия — Белоруссия/Прибалтика — Европа; Казахстан — Россия — Белоруссия/Прибалтика — Европа; Казахстан — Азербайджан — Грузия — Европа; Пакистан — Иран — Турция — Европа; Казахстан — Киргизия — Узбекистан — Туркмения/Афганистан — Иран — Турция — Европа.

Если для Китая выгодно развитие транспортных и логистических маршрутов по всем направлениям, то между потенциальными партнерами уже идет острая конкуренция. Против российских интересов работает не только желание государств Центральной Азии и Закавказья развить собственную инфраструктуру за счет китайских инвестиций, но и стремление ряда стран перенаправить грузовые потоки мимо российской территории. Именно в этом ключе ЕС поддерживает программу ТРАСЕКА, в рамках которой основной путь в Европу должен идти через Закавказье и Турцию¹⁷.

На всем протяжении транспортных маршрутов планируется создание инфраструктуры, в том числе строительство шоссе-ных и железных дорог, портов. Однако речь идет не только о расширении и модернизации транспортной инфраструктуры, но и о создании вокруг нее зон экономического развития и торговли. Предполагается также развитие культурных, информационных и политических связей между государствами, расположенным вдоль ЭППП¹⁸.

Таким образом, в планах проекта «Один пояс, один путь» просматривается видение руководством КНР современной евразийской интеграции, в основе которого создание безопасного и стабильного евразийского экономического пространства «Большой

¹⁷ Каратаева К. Е. Информационные войны добрались до Шелкового пути // Российский институт стратегических исследований [официальный сайт]. 11.02.2016. URL: <http://riss.ru/analytics/26559/> (дата обращения: 29.03.2017).

¹⁸ Tharoor S. China may build an undersea train to America // The Washington Post [official website]. 2014. URL: <http://www.washingtonpost.com/blogs/worldviews/wp/2014/05/09/china-may-build-an-undersea-train-to-america/> (mode of access: 29.03.2017).

шой Евразии» от берегов Тихого океана до берегов Балтийского и Средиземного морей.

Проект планируется реализовать с опорой на уже сформировавшиеся структуры и опыт сотрудничества в Евразии в различных сферах: экономическое, научно-техническое, инвестиционное сотрудничество, связи в рамках существующих региональных структур (например, того же ШОС и др.); стремление евразийских стран к экономическому подъему в условиях глобальной конкуренции; необходимость вместе противостоять новым вызовам и угрозам безопасности; общее стремление получить выгоды от экономической глобализации и региональной интеграции.

Китайское руководство намерено уделять большое внимание активному использованию имеющихся многосторонних механизмов сотрудничества: ШОС, Китай — АСЕАН (формат «10 + 1»), АТЭС, Форума «Азия — Европа», Диалога по сотрудничеству в Азии (ДСА), Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), Форума китайско-арабского сотрудничества, стратегических диалогов Китай — ССАГПЗ, и Экономического сотрудничества в субрегионе Большого Меконга, Центрально-Азиатского регионального экономического сотрудничества (ЦАРЭС)¹⁹. Китай может привлечь ресурсы банков, созданных при его самом активном финансовом участии: это Новый банк развития в рамках БРИКС и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций.

В целом рождающаяся евразийская стратегия Китая, с одной стороны, направлена на обеспечение оптимальных внешних условий для продвижения внешних и внутренних экономических интересов государства, а с другой, широкое международное сотрудничество рассматривается в Китае как важное условие обеспечения безопасности и стабильности в современной Евразии. Очевидно, что не только дальнейшая доработка, но и реализация проекта «Один пояс, один путь» — это долговременный и сложный процесс, в котором Китаю предстоит соединить внутривосточную стратегию развития и национальные интересы с внешнеполитиче-

---

¹⁹ Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского шелкового пути 21-го века».

ской. В этом контексте стратегически важным становится поиск надежных партнеров, одним из которых, несомненно, является Российская Федерация.

Сопряжение проектов Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути

Еще несколько лет назад российское руководство возлагало большие надежды на создание общего экономического пространства с единой Европой, однако политический кризис 2014 г. внес серьезные коррективы в отношении РФ и ЕС и фактически свел на нет все российско-европейские проекты. По мнению российского исследователя Д. В. Тренина, в результате этого российская внешнеполитическая стратегия в Евразии сегодня претерпевает качественную трансформацию: «на смену путинской концепции „Большой Европы“ от Лиссабона до Владивостока, состоящей из ЕС и возглавляемого Россией Евразийского экономического союза, приходит „Большая Азия“ от Шанхая до Петербурга»²⁰.

На этом фоне концепция воссоздания Шелкового пути в Евразии вызывает все больший интерес в России. Однако часть экспертов рассматривает этот проект скорее как конкурентный интересам России в ЕАЭС. Высказываются опасения по поводу того, что Россия в случае реализации китайских планов может потерять свои позиции в Центральной Азии, а в перспективе — и на всем постсоветском пространстве. Действительно, Китай, беря на себя значительную долю ресурсных и финансовых затрат по созданию инфраструктуры ЭПШП, вправе рассчитывать на соответствующие рычаги влияния, контроля и распределения прибыли.

Со своей стороны, китайское руководство изначально стремилось успокоить российских партнеров в отношении своей новой евразийской стратегии и развернуло активную кампанию по разъяснению своих целей и механизмов реализации проекта «Один пояс, один путь». Китай неоднократно заявлял, что признает и ува-

---

²⁰ Тренин Д. В. От Большой Европы к Большой Азии? Китайско-российская Антанта // Глобальная политика [официальный сайт]. URL: http://www.globalaffairs.ru/ukraine_crisis/Ot-Bolshoi-Evropy-k-Bolshoi-Azii-Kitaisko-rossiiskaya-Antanta-17462 (дата обращения: 29.03.2017).

жает особую роль России в Евразии. Такой формат сотрудничества, по мнению китайских экспертов, может «способствовать улучшению обстановки по безопасности в ближнем зарубежье двух стран»,²¹ не говоря уже об экономических выгодах такого взаимодействия для всех сторон.

Необходимо отметить, что условия для долгосрочного сотрудничества России и Китая уже созданы. В Пекине ценят сложившиеся отношения стратегического партнерства с Москвой, особенно на фоне усиливающегося напряжения отношений с Вашингтоном, которое заметно в АТР. Политика США подталкивает Россию и Китай к экономическому сотрудничеству. В направлении двустороннего сотрудничества долгосрочного характера сделаны заметные шаги — проекты по строительству газопровода «Сила Сибири», скоростной магистрали «Казань — Москва».

В итоге Россия и Китай официально договорились о состыковке ЕАЭС и ЭПШП: 8 мая 2015 г. Президент РФ В. В. Путин и председатель КНР Си Цзиньпин подписали совместное заявление по сопряжению двух проектов²². Детали и перспективы сопряжения двух проектов обсуждались на саммите ШОС 2015 г., прошедшем в Уфе. На данном этапе именно эта региональная структура стала рабочей площадкой для согласования позиций и интересов России и Китая в отношении их совместной работы в Евразии. Действительно, почти все государства, задействованные в реализации ЭПШП и ЕАЭС, являются участниками ШОС.

В частности, речь идет о сотрудничестве в развитии инфраструктуры и системы транспортных коридоров Евразии в рамках сопряжения ЕАЭС с китайским проектом ЭПШП. Россия обладает уникальным географическим положением и достаточно развитой системой транспортно-коммуникационных услуг: «занимая

---

²¹ Ню Ичэн, Ван Чэньсин. К вопросу о китайском «Экономическом поясе Шелкового пути» и проекте США «Новый Шелковый путь»: сравнительный анализ // Россия и Китай в Евразийской интеграции : Сотрудничество или соперничество? М.; СПб., 2015.

²² Совместное заявление РФ и КНР о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути // Президент России [официальный сайт]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 29.03.2017).

более 30 % территории Евро-Азиатского континента, Россия может играть особую роль в обеспечении связи между двумя регионами, став естественным транспортным мостом между Европой и Азией»²³. Российская транспортно-коммуникационная сеть достаточно хорошо развита во всех сегментах: железнодорожный транспорт, морские порты, сеть воздушных линий и аэропортов. В этом состоит потенциал для обеспечения большого объема транзитных перевозок между Европой и Азией: Северный морской путь, транспортный коридор «Север — Юг», «Транссиб» (Транссибирская магистраль, или Великий сибирский путь), Северный широтный ход, «Белкомур» и др.

На сегодняшний день запущен ряд проектов в контексте будущего сопряжения ЕАЭС и ЭПШП. В частности, проект по организации высокоскоростного железнодорожного движения в РФ, первым этапом которого стало строительство участка «Москва — Казань», который пройдет по территории семи субъектов РФ, а дальнейшее развитие линии предполагает продление до Екатеринбурга.

Кроме того, большие перспективы сотрудничества с Китаем имеет Казахстан²⁴. Важное значение в этом ключе имеет незамерзающий международный морской торговый порт Актау, через который осуществляются некоторые экспортно-импортные операции Уральского и Сибирского регионов, кроме того, здесь проходит ТРАСЕКА — транспортный коридор, формирующий грузопотоки, «с одной стороны, в Западной и Центральной Европе, а с другой — в Средней и Юго-Восточной Азии»²⁵. При этом ТРАСЕКА — это единственный путь, связывающий страны Европы и АТР, который не проходит по территории России.

В этой связи, на первый взгляд, с созданием ЕАЭС проблема обхода России с юга частично решилась, так как теперь грузопоток

---

²³ Рогов С. Евразийская стратегия России // Экономические стратегии. 2000. № 6. С. 50–61.

²⁴ Мармонтова Т. ЕАЭС-ЭПШП: экономическая прагматика и вызовы геополитики // Казахстанско-российский экспертный клуб IQ [информ.-аналитич. портал]. URL: http://iq.expert/aktsenty/ekspertnye-otsenki/?ELEMENT_ID=144 (дата обращения: 29.03.2017).

²⁵ ТРАСЕКА // ТРАСЕКА [официальный сайт]. URL: <http://www.traceca-org.org/ru/traseka/> (дата обращения: 29.03.2017).

следует по единой с Россией таможенной территории, но встает вопрос «Восточного луча» международного транспортного коридора, который в Казахстане называют «Великий мост». В рамках реализации проекта проложены железнодорожные линии на участках «Жезказган — Саксаульская» и «Шалкар — Бейнеу», что привело к значительному сокращению расстояния от станции Достык до порта Актау. Таким образом, через ветку «Достык — Актогай — Атасу — Жезказган — Саксаульская — Актобе — Саратов» появился выход на инфраструктуру международного транспортного коридора «Север — Юг». Такой транспортный коридор действительно может с большой степенью вероятности стать «Великим мостом» на пути из Китая в Европу²⁶.

Необходимо отметить, что в России сохраняется ряд нерешенных проблем на пути сопряжения ЭПШП и ЕАЭС. Прежде всего, российская модель модернизации явно проигрывает в эффективности китайской, что неизбежно порождает отставание России в темпах экономического и технологического развития. В отличие от России, где происходил попросту слом прежней модели развития, Китай переходит к рынку постепенно, удачно сочетая плановые и рыночные механизмы, избирательно заимствуя западный опыт управления современной экономикой и поддерживая высокий уровень инноваций с опорой на инициативу на местах, вплоть до отдельного предприятия. Если в России государственная бюрократия так и не стала локомотивом модернизации, то в Китае опора на традиционную политическую культуру и практика подготовки и ротации кадров позволили адаптировать западные и выработать новые механизмы управления. В итоге Китай перешел от стратегии догоняющего развития к стратегии инновационной, создаваемой на собственных наработках по контролю и макрорегулированию экономики²⁷.

Еще одна трудность связана с тем, что ЕАЭС не обладает достаточной институциональной самостоятельностью. Это порождает целый ряд вызовов, которые требуют реагирования со

---

²⁶ Там же.

²⁷ Окунева Л. С. БРИКС: проблемы и перспективы : аналитич. докл. Вып. 2 (32). М., 2012. С. 22–24.

стороны России, если она не хочет «растворения» своего проекта интеграции в китайском. В частности, многие нормативные документы ЕАЭС ссылаются на национальные законодательства, значит, страны-участницы могут менять правила по своему усмотрению. Но тогда едва ли возможно закрепить единые для всех нормы, которые создают основу взаимовыгодного сотрудничества внутри ЕАЭС. Договоры о будущем торгово-экономическом сотрудничестве планируется подписать между Китаем и ЕАЭС, поэтому России необходимо в ускоренном порядке организовать координацию политики со своими партнерами. По итогам уфимской декларации 2015 г. начаты переговоры о зоне свободной торговли, однако и здесь отсутствует консенсус между Россией и партнерами по ЕАЭС. Между тем, открытие рынков ЕАЭС для китайских товаров способно уничтожить местное производство из-за неконкурентоспособности. В более дальней перспективе возникает и необходимость согласования зон свободной торговли между ЕАЭС, ЭПШП и ЕС²⁸. Если Китай выступает за сотрудничество в любых форматах, то России выгоднее образование консолидированной позиции своих партнеров в рамках диалога ЕАЭС — Китай.

Если оценивать положительные перспективы сотрудничества, то Россия является не просто транзитной страной, так как большая часть инфраструктурных объектов намечается на ее территории. Китай посредством ЭПШП пытается, с одной стороны, реализовать свои экономические интересы и расширить свои рынки сбыта, но, с другой, данный проект позволяет китайскому руководству снизить напряжение среди своих соседей по поводу своей экспансионистской политики, так как предлагает многостороннее взаимодействие всех заинтересованных сторон: «„Один пояс — один путь“ — это механизм, с помощью которого КНР стремится продемонстрировать не только свои мирные намерения, но и примерное поведение державы нового типа»²⁹.

---

²⁸ Сопряжение ЕАЭС и ЭПШП: вызовы и перспективы // РИА «Новости» [официальный сайт]. 2015. 11 нояб. URL: <http://ria.ru/economy/20151111/1318910422.html> (дата обращения: 29.03.2017).

²⁹ Дорошенко Е. Указ. соч.

Что касается российских выгод, то здесь речь могла бы идти о китайских инвестициях, которые российские политики надеются привлечь, чтобы, в частности, модернизировать не только транспортные сети, но и дальневосточные регионы страны. Однако, рассуждая о перспективах сопряжения китайского и российско-казахстанского проектов, не стоит забывать о существующей разнице между ними: речь может идти не о сопряжении двух равнозначных интеграционных проектов, а о включении региональной экономической структуры ЕАЭС в мегапроект «Один пояс, один путь» как одной из составляющих.

***

Таким образом, перспективы реализации планов по сопряжению двух проектов интеграции, ЕАЭС и ЭПШП, могут быть оценены как по крайней мере неоднозначные. Неопределенности возникают по нескольким измерениям. Прежде всего до конца не определены конкретные планы и стратегии интеграции как в России, так и в КНР. Правовые рамки и организационные структуры интеграционных проектов также находятся в стадии становления и согласования способов и механизмов взаимодействия, которые касаются не только России и Китая, но в еще большей мере государств постсоветского пространства. Темпы и направленность развития экономик России и Китая пока не дают оснований ни для равноправного партнерства, ни для сохранения и укрепления влияния России в странах ближнего зарубежья.

Чтобы выровнять свои позиции, России необходимо быстро перейти на новую модель экономического развития, ориентированную не на борьбу с инфляцией и поддержку банковского сектора в зависимости от колебаний внешней конъюнктуры, а на рост инвестиций и инноваций в реальное производство, обеспечив тем самым сравнимые с Китаем темпы роста экономики. На следующем этапе необходимо разработать условия политического и экономического взаимодействия со странами — участниками ЕАЭС, которые позволят сохранить влияние России в процессе сопряжения проектов ЕАЭС и ЭПШП. В противном случае процессом сопряжения будет руководить Китай, имеющий

достаточную экономическую и политическую мощь. Наконец, в отношениях с Китаем необходимо добиваться таких условий сотрудничества, которые позволят быстро развивать российские производственные мощности, а не увеличивать объемы поставок сырья за рубеж.

Раздел 4

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Глава 19

Основные направления региональной интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе

В условиях «нового» регионализма 1990-х гг., который вовлек в процесс регионализации страны, находящиеся на различных уровнях индустриализации, появился феномен «фактической интеграции», идущей в АТР на локальном (локальные экономические зоны — ЛЭЗ) и субрегиональном (Ассоциация стран Юго-Восточной Азии) уровнях, что было не совсем характерно для других регионов мира. В соответствии с данным подходом «фактическая интеграция» в АТР развивалась на локальном и субрегиональном уровнях вплоть до конца 1980-х гг., когда было положено начало формированию регионального Форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества. При этом в АТР наблюдался явный приоритет субрегиональной интеграции над региональной, так как на субрегиональном уровне меньше влияние негативных факторов, не столь значим разрыв в уровнях экономического развития. Практика показала, что международные организации после Второй мировой войны, как правило, формировались со специфическим намерением защитить интересы своих членов от посягательств со стороны государств, не входящих в эти объединения. Экономические интересы нуждались

в определенной защите¹. В АТР исторически эту необходимость доказывают и субрегиональные (АСЕАН), и региональные (АТЭС и ВАС) организации. Изначально какая-либо страна всегда ждет от сотрудничества не получение прямых выгод, а защиту от действий третьих сторон.

В то же время свобода и благосостояние стран АТР непосредственным образом зависели от постмодернистской политики, предусматривающей переговоры, компромиссы и экономическое сотрудничество. Большинство стран региона, отдавая должное традиционным отношениям, превращались в современные постмодернистские государства, которые, в отличие от государств, оперирующих категориями силы, вкладывали значительный экономический потенциал не в милитаризацию, а в укрепление собственного благосостояния и развитие региональных интеграционных образований. При этом такая субрегиональная организация, как АСЕАН или региональное образование АТЭС, строили свою деятельность исходя из «постмодернистских» принципов, используя доклады, совместные декларации и заявления. Конфликтные ситуации разрешались путем диалога, противоречия интересов преодолевались путем поиска компромиссов.

Форум АТЭС, основанный в ноябре 1989 г., стал первой межправительственной экономической организацией АТР и рассматривался как инструмент в деле либерализации торговли и инвестиций, прежде всего в районе Восточной Азии, так как интеграция в мировые рынки, наряду с экономическими результатами и стабильной политикой, превратила Восточную Азию в главный объект потоков частного международного капитала.

В основе деятельности АТЭС лежат уникальная модель либерализации и специфический механизм содействия ее осуществлению — «согласованная односторонняя либерализация». Это означало, что отдельные члены в одностороннем порядке провозглашали соответствующий курс и программы содействия и реализовывали их в соответствии со своими внутренними правилами. Однако страны — участницы АТЭС тесным образом должны были

¹ См. об этом: *Ravenhill J.* APEC and the Construction of Pacific Rim Regionalism. Cambridge Univ. Press, 2000. P. 15.

наблюдать друг за другом при разработке и осуществлении таких программ. АТЭС действовал через рычаги «равного давления» среди членов с тем, чтобы обязать всех участников присоединиться к этому процессу. Эта модель нередко оценивалась как весьма неустойчивая по сравнению с европейским подходом к переговорному процессу в рамках ЕС — заключением соглашений, в том числе и о либерализации, с официально подкрепленными обязательствами, с ответственностью подписавшихся, с санкциями, если подписавшиеся стороны нарушат обязательства, и т. д.²

Первоначально в АТЭС входило 12 государств — Австралия, Бруней, Индонезия, Канада, Республика Корея, Малайзия, Новая Зеландия, Сингапур, США, Таиланд, Филиппины, Япония. Затем к ней присоединились КНР, Тайвань, Гонконг (1991), Мексика и Папуа — Новая Гвинея (1993), Чили (1994), Россия, Перу, Вьетнам (1998). После вступления в АТЭС России, Перу и Вьетнама было объявлено о временном моратории на принятие новых членов на десять лет начиная с 1997 г., когда принималось принципиальное решение по последним трем странам. Многие в период становления организации расценили ее создание как боязнь крупных экспортирующих государств Азии, таких как Южная Корея, оказаться в невыгодном положении в связи с мировой тенденцией объединения в торговые блоки наподобие ЕС и НАФТА³.

«Клубная основа» функционирования АТЭС и характер принимаемых решений показали, что эта организация, ставя перед собой масштабные и конструктивные задачи широкого экономического обмена на основе либерализации торговых и инвестиционных барьеров до максимально возможного уровня с целью достижения всеобъемлющей свободной торговли, непосредственно не является самостоятельным актором современной системы международных отношений. Интеграционные процессы на региональном уровне в варианте Форума АТЭС больше подчинялись рыночным

---

² *Yamazawa I.* Asia Pacific Economic Cooperation (APEC) : Challenges and tasks for the twenty-first century. L. ; N. Y., 2000. P. 59.

³ Восток / Запад : Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений : учеб. пособие / под ред. А. Д. Воскресенского. М., 2002. С. 70.

законам, нежели являлись политически управляемым процессом⁴. В силу достаточно острых и многогранных противоречий стран, входящих в Форум АТЭС, она так и не стала эффективной организацией интеграционной направленности. Этот форум больше оставался дискуссионным клубом, где лидеры двух десятков разных в плане макроэкономических показателей стран собирались, чтобы выработать некоторые рекомендации. Все рычаги внутри- и внешнеэкономической политики, включая торговую политику и вопросы протекционизма, целиком и полностью оставались в руках национальных правительств, которые по своему усмотрению определяли, с кем, как и насколько тесно сотрудничать — с членами АТЭС или «партнерами со стороны». Это стало особенно очевидным при принятии и выполнении государствами-членами мероприятий в рамках «ранней добровольной секторальной либерализации» на основе договоренностей саммита в Осаке (1995)⁵, когда АТЭС как организация «не обладала относительными преимуществами в формальных и обоюдных переговорах и не пыталась играть роль, которую она не могла исполнить достаточно хорошо», что сказалось на эффективности данного процесса⁶. В действительности «ранняя добровольная секторальная либерализация», которая подразумевала принятие комплекса мер, обеспечивающих открытие рынков отдельных товаров (секторов), экономическое и техническое сотрудничество в торговле ими, вообще не была осуществлена. Тем более что большинство стран после кризиса 1997–1998 гг. склонялись к двусторонней торговой либерализации, или «либерализации в рамках малых групп». Так, Япония заключила первое двустороннее соглашение о свободной торговле с Сингапуром, который подписал аналогичный документ с Новой Зеландией, и т. д. Сторонники такой линии аргументировали это стремлением создать общий «либерализационный» климат в реги-

---

⁴ Langhammer R. J. Regional integration APEC style: Lessons from integration EU style // ASEAN Economic Bulletin. Singapore, 1999. Vol. 16. no. 1 (Apr.). P. 3.

⁵ 1995 Leaders' Declaration // APEC [official website]. URL: https://www.apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/1995/1995_aelm (mode of access: 12.08.2017).

⁶ Kim Youn-Suk, Koo Hyung Keun. Asia-Pacific region in changing global economy : Human Systems Management. Amsterdam, 1997. Vol. 16, no. 4. P. 286–287.

оне. Противники данной тенденции заявляли, что такие действия подрывают многостороннюю систему и сводят на нет эффективность торговых операций в целом⁷.

Кроме того, цели АТЭС в плане либерализации через «фактическую интеграцию» на локальном (ЛЭЗ и зоны свободной торговли между Чили и Мексикой, между Канадой и Чили) и субрегиональном (АСЕАН, НАФТА и АНЗСЕРТА) уровнях достигались быстрее и эффективнее, нежели на региональном уровне. С одной стороны, эти группировки нацеливались на взаимную либерализацию, что положительно влияло на ситуацию в АТЭС. С другой стороны, многое зависело от готовности стран — участниц этих субрегиональных группировок распространить беспощинные режимы на прочие страны АТЭС⁸.

Особенностью ситуации в Азии, в отличие от европейского «открытого» регионализма, стало отсутствие межгосударственной структуры типа ЕС. В связи с этим политико-институциональный вакуум стимулировал поиск вариантов и направлений развития азиатского регионализма⁹.

В последнее время в силу быстрого развития азиатских экономик (особенно экономик КНР, Малайзии, Таиланда и Сингапура), а также роста международной торговли и финансовой кооперации в АТР страны региона возлагают большие надежды на создаваемое с 2005 г. по инициативе государств АСЕАН региональное Восточноазиатское сообщество. Обращение к идее ВАС со стороны стран ЮВА и других государств АТР как к открытому региональному образованию, полностью вписывающемуся в общепринятую ключевую концепцию «открытого» регионализма, было не случайным. В его учредительной декларации отмечалось, что саммит ВАС яв-

---

⁷ Whatever happened to the Pacific Rim // The Economist Global Agenda [official website]. 15.11.2000. URL: <http://www.economist.com/node/423199> (mode of access: 14.08.2017).

⁸ Yamazawa I. Asia Pacific Economic Cooperation (APEC). P. 128–135 ; Whatever happened to the Pacific Rim // From The Economist Global Agenda [official website]. 15.11.2000. URL: <http://www.economist.com/node/423199> (mode of access: 14.08.2017).

⁹ Восток / Запад : Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. С. 67.

ляется форумом для ведения диалога по широкому спектру стратегических, политических и экономических вопросов, решение которых отвечает всеобщим интересам, в том числе для обеспечения сотрудничества в решении вопросов политики и безопасности¹⁰. Наряду с этим ставились важные для региона задачи — искоренение бедности и сокращение разрыва в развитии между странами через создание новых мощностей и инфраструктурных проектов, передачу технологий, расширение инвестиций и либерализацию торговли. Страны региона демонстрировали потребность в более тесных связях, а ВАС стало еще одной ступенью выхода интеграционных процессов в АТР на более высокий региональный уровень. До саммита ВАС тенденция к региональной интеграции наблюдалась только в рамках Форума АТЭС.

Процесс создания ВАС был высоко оценен Китаем. Премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао прямо заявил, что принятая на учредительном саммите ВАС 14 декабря 2005 г. в Куала-Лумпуре декларация является признаком перехода сотрудничества в Восточной Азии на новую стадию. Пекин также поддержал премьер-министра Малайзии Махатхира Мохамеда, который настаивал на том, чтобы не включать США в новый «азиатский клуб». Ни Малайзия, ни Китай не скрывали, что идея создания ВАС сводится не только к «конкуренции с другими международными союзами, включающими США и страны ЕС», но и к созданию «экономического сообщества, никак не зависящего от Вашингтона»¹¹. Новая региональная организация, подобная ВАС, согласовывалась с дипломатической стратегией Китая — стремлением к многополярному миру. При этом китайские специалисты считали, что такое объединение реально, если оно будет достигаться с помощью экономической интеграции на основе существующих механизмов. В первую очередь имелся в виду функционирующий с конца 1990-х гг. меха-

---

¹⁰ Kuala Lumpur Declaration on the East Asia Summit // ASEAN [official website]. URL: http://asean.org/?static_post=kuala-lumpur-declaration-on-the-east-asia-summit-kuala-lumpur-14-december-2005 (mode of access: 14.08.2017).

¹¹ Российский национальный комитет по Тихоокеанскому Экономическому Сотрудничеству (РНКТЭС) [официальный сайт]. URL: http://www.rncpec.fareast.ru/Guide/10r_BAS.htm (дата обращения: 15.05.2016).

низм стратегического развития Восточной Азии между АСЕАН, Китаем, Японией и Республикой Корея в рамках процесса «АСЕАН плюс три». Формирование широкого сообщества в Восточной Азии способствовало долговременному миру и стабильности в регионе, что было очень важным фактором для развития экономики КНР, а имеющаяся экономическая мощь помогла бы Китаю играть лидирующую роль в ВАС. Кроме того, тесная региональная интеграция способствовала диверсификации китайского экспорта и уменьшению зависимости от рынков США и Европы¹².

На VII саммите ВАС, который проводился 19–20 ноября 2012 г. в столице Камбоджи Пномпене, удалось достичь договоренности о инициализации переговоров по созданию к концу 2015 г. Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП), в которых приняли участие 16 государств (не считая США и России)¹³. Кроме того, было объявлено о начале переговоров между тремя странами Северо-Восточной Азии (Японией, Китаем и Республикой Корея) по подписанию соглашения о зоне свободной торговли в Северо-Восточной Азии, что в ряде стран Восточной Азии стало рассматриваться в качестве альтернативы создаваемому Транстихоокеанскому партнерству, главным инициатором которого являлись США¹⁴. Барак Обама сделал ТТП одним из главных пунктов своей внешнеполитической программы, без которого заявленный им «разворот США в Азию» не будет полным¹⁵. Итоговое соглашение о ТТП, с одной стороны, расширяло уже действующее Североамериканское соглашение о свободной

---

¹² Почему Восточно-Азиатское Сообщество заслуживает внимания // Ино-Форум.ру [интернет форум]. URL: http://inoforum.ru/inostrannaya_pressa/pochemu_vostochno-aziatskoe_soobwestvo_zasluzhivaet_vnimaniya (дата обращения: 15.05.2016).

¹³ Восточноазиатские саммиты // Министерство экономического развития РФ [официальный сайт]. URL: economy.gov.ru/wps/wcm/connect/.../Справка+ВАС.doc?MOD... (дата обращения: 15.05.2016).

¹⁴ Костюнина Г.М. Седьмой Восточноазиатский саммит в Пномпене // МГИМО [интернет-портал]. URL: <http://old.mgimo.ru/news/experts/document231109.phtml> (дата обращения: 05.05.2016).

¹⁵ Транстихоокеанское партнерство: прорыв или фарс? // Вести : Экономика [официальный сайт]. 06.10.2015. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/63054> (дата обращения: 14.08.2017).

торговле, с другой — являлось расширением Соглашения о Транстихоокеанском стратегическом экономическом партнерстве, которое было подписано Брунеем, Чили, Новой Зеландией и Сингапуром в 2005 г. При этом следует учитывать, что участники ТТП входили в Форум АТЭС, и хотя создание ТТП не было инициативой АТЭС, тем не менее, ТТП было связано напрямую с другой инициативой АТЭС — зоной свободной торговли в АТР. Все это происходило на фоне постоянно идущих «тематик дискуссий» в АТЭС, когда выделились два потока проблем: проблема безопасности (в рамках ВАС) и экономическая сфера («общие вопросы» в рамках АТЭС и „вопросы конкретного сотрудничества“, более тесного, чем в ВТО, в рамках Транстихоокеанского партнерства)¹⁶.

В то же время как альтернативу проекту ТТП участники ВАС, и в частности Китай, стали продвигать свой собственный проект — ВРЭП. Оно претендует на тот же самый регион, что и ТТП. При этом все страны АСЕАН, Япония и Австралия заявили, что будут участвовать во ВРЭП¹⁷. Оно должно стать мегарегиональным торговым соглашением, таким как ТТП и Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство. Все три соглашения должны были объединять большое количество стран. Таким образом, эти структуры перекрывали бы друг друга. ВРЭП должно объединить 16 государств Азии (десять членов АСЕАН и шесть государств — партнеров Ассоциации по соглашениям о свободной торговле — Австралию, Индию, Китай, Японию, Южная Корею, Новую Зеландию). Проект ТТП включал 12 стран по обе стороны Тихого океана (США, Чили, Перу, Новую Зеландию, Австралию, Бруней, Сингапур, Вьетнам, Малайзию, Мексику, Канаду, Японию). Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство пыталось связать США с 28 членами ЕС¹⁸.

¹⁶ Мировое комплексное регионоведение : учебник / под ред. А. Д. Воскресенского. М., 2014. С. 198.

¹⁷ Транстихоокеанское партнерство: прорыв или фарс?

¹⁸ Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP): an Asian trade agreement for a value chain world // Asian Trade Center. 10.02.2015 [official website]. URL: <http://www.asiantradecentre.org/talkingtrade/2015/2/10/regional-comprehensive-economic-partnership-rcep-an-asian-trade-agreement-for-a-value-chain-world> (mode of access: 14.08.2017).

Активность США в отношении проекта ТТП не была случайной. Во многом ТТП мыслилось США в качестве альтернативы малоэффективному в новых условиях деятельности АТЭС, а также продвигаемому АСЕАН проекту развития ВАС, который активно поддерживал Китай. Хотя США, наряду с Россией, официально стали полноправными участниками ВАС с 1 февраля 2011 г., в рамках саммитов ВАС существуют свои правила, мало устраивающие США. Так как формат этих саммитов фактически вырос из формата «АСЕАН плюс три» (АСЕАН, Япония, Китай, Республика Корея), при определении членства в ВАС страны АСЕАН твердо проводят принцип избирательного допуска к интеграционным процессам неазиатских стран и подчеркивают, что «основой строительства сообщества будут только участники формата» «АСЕАН плюс три»¹⁹. Поэтому России и США после того, как они официально стали полноправными участниками ВАС, приходилось считаться с таким подходом.

Основной целью США при формировании ТТП стало, наряду с наращиванием экспорта в АТР, экономическое ослабление Китая за счет роста других экономик региона на основе формирования новой экономической зоны в регионе, которая должна была сбалансировать экономическое влияние КНР в АТР. Иницилируя ТТП, власти США отмечали, что оно создается для сдерживания Китая, и, несмотря на то, что за последние годы позиция США по этому вопросу смягчилась²⁰, политика Соединенных Штатов в АТР, и особенно в Северо-Восточной Азии, по-прежнему в значительной мере определяется конкуренцией с КНР²¹.

Китаю постоянно приходилось действовать в регионе, сталкиваясь с политикой сдерживания со стороны США, которые были обеспокоены тем, что с развитием восточноазиатского регионализма и укреплением мощи Китая КНР может заменить Соединенные

---

¹⁹ Байков А. А. Сравнительная интеграция. М., 2012. С. 119.

²⁰ Транстихоокеанское партнерство: прорыв или фарс?

²¹ Kupchan C. A. From Enmity to Amity: Trust's Part in US Foreign Policy // Global Asia : A Journal of the East Asia Foundation [official website]. 2013. Vol. 8, no. 3. URL: <http://www.globalasia.org/Issue/ArticleDetail/458/From-Enmity-to-Amity:-Trust%D0%B1%D0%BFs-Part-in-US-Foreign-Policy-.html> (mode of access: 08.05.2016).

Штаты в плане влияния в регионе, что приведет к ослаблению роли США. В связи с этим Китай, учитывая сохраняющуюся настороженность соседей по АТР в отношении своей мощи, сделал ставку на наращивание «мягкого влияния», активно включаясь в работу структур двустороннего и многостороннего сотрудничества, в том числе и формата «АСЕАН плюс три», подключая механизмы «экономической дипломатии», предоставляя инвестиции странам Индокитая²².

Лауреат Нобелевской премии Джозеф Стиглиц назвал ТТП фарсом, ничего общего не имеющим с соглашением о свободной торговле. Он заявил: «Вы услышите много разговоров о важности ТТП для „свободной торговли“. В реальности же это соглашение об установлении контроля над торговыми и инвестиционными связями стран — участниц партнерства. Это делается от имени самых влиятельных деловых лобби каждой из стран»²³.

Создание ТТП фактически являлось продолжением политики США по сохранению контроля над Восточной Азией и формированию экономического блока в АТР для противостояния Китаю, а в перспективе и России. Это, в свою очередь, вписывалось в общую мировую тенденцию: «взаимодействие макрорегионов Восточной Азии, Ближнего Востока, Африки, Океании, двух Америк и Европы... ясно указывает на утрату отдельными субъектами международных отношений монопольной функции в формировании мирового порядка»²⁴.

***

В целом попытки создания таких блоков, как ВРЭП или ТТП, свидетельствуют о кризисе создаваемой ВТО со второй половины XX в. структуры мировых экономических и торговых отношений.

²² *McDevitt M. America's New Security Strategy and Its Military Dimension // Global Asia : A Journal of the East Asia Foundation [official website]. 2012. Vol. 7, no. 4. URL: <http://www.globalasia.org/Issue/ArticleDetail/61/americas-new-security-strategy-and-its-military-dimension.html> (mode of access: 05.05.2016).*

²³ Стиглиц: Транстихоокеанское партнерство — это фарс // Вести : Экономика [официальный сайт]. 06.10.2015. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/63045> (дата обращения: 14.08.2017).

²⁴ Мировое комплексное регионоведение. С. 188.

В новых условиях деятельность ВТО и сформированная ею система связей, в рамках которой осуществляется взаимодействие на глобальном уровне, не отвечают современным потребностям. В связи с этим страны ищут новые более эффективные способы и формы сотрудничества как на региональном, так и на глобальном уровне. В то же время, как показывают ход исторического развития и мировая практика, разделение стран на замкнутые экономические блоки, подобные ТТП, опасно для мировой экономики, поскольку усложняет достижение единого понимания и применения правил международной торговли. Новый президент США Д. Трамп подписал указ о выходе из Транстихоокеанского партнерства²⁵.

Глава 20

Проблема единства АСЕАН в новых геополитических условиях

АСЕАН представляет собой интеграционную модель принципиально иного типа, чем ЕС. Если в основе европейской интеграции — создание наднациональных органов и передача им части государственных полномочий, то есть частичный отказ от суверенитета, то АСЕАН, напротив, является объединением национальных государств на принципах невмешательства во внутренние дела друг друга. Опираясь на культурно-исторические традиции своих обществ, члены АСЕАН создали механизм принятия решений, получивший название «ASEAN Way». Он предусматривает длительные детальные консультации и принятие решений методом консенсуса на саммитах и министерских конференциях стран-членов. Недаром девиз АСЕАН — «Единство в многообразии».

---

²⁵ Трамп подписал указ о выходе США из Транстихоокеанского партнерства // РИА Новости [информ.-аналитич. портал]. 24.01.2017. URL: <https://ria.ru/world/20170123/1486312740.html> (дата обращения: 24.01.2017).

АСЕАН считается успешным интеграционным проектом¹. Созданная в 1967 г. в период распространившихся по всему миру военно-политических союзов с участием западных держав (НАТО, СЕАТО, СЕНТО, АЗПАК, АНЗЮС) на идейной основе антикоммунизма, АСЕАН, в отличие от этих организаций, основывалась на стремлении определять судьбу региона самостоятельно, без участия внерегиональных держав, и строилась на идее системности и всестороннего политического, экономического, культурного сотрудничества, а также сотрудничества в сфере безопасности. В свое время раздавалось много упреков в отсутствии видимых достижений этого объединения. Действительно, ассоциация развивалась неторопливыми темпами. Однако за 50 лет существования ей удалось объединить все десять стран региона с населением около 623 млн чел., несмотря на существенные различия социально-политических систем, идеологий и уровней экономического развития. В экономическом плане АСЕАН представляет собой крупный рынок с совокупным объемом ВВП 2,8 трлн долл.² с достаточно высокими темпами роста и большим потенциалом развития, привлекательный для иностранных инвесторов. К 2025 г. организация ставит цель достичь финансовой интеграции и устойчивого развития³.

Успехи АСЕАН измеряются не только степенью экономической взаимозависимости, но и, что более важно, созданием масштабной переговорно-политической сетевой инфраструктуры и в рамках Юго-Восточной Азии, и — шире — включая внерегиональные державы. АСЕАН явилась инициатором создания целой сети институциональных переговорных площадок по проблемам экономического сотрудничества и безопасности с участием США, Китая, России, Японии, ЕС, Австралии и др. Таким образом, АСЕАН стала системообразующим элементом формирующейся структуры безопасности и сотрудничества в АТР. Принципы единства АСЕАН

---

¹ The Future of ASEAN // ASEAN [official website]. URL: <http://asean.org/> (mode of access: 09.07.2012).

² ASEAN Community in Figures 2016 // ASEAN [official website]. URL: <http://www.aseanstats.org/wp-content/uploads/2017/01/25Content-ACIF.pdf> (дата обращения: 21.05.2017).

³ Bangkok Post. 2016. Apr., 06.

испытывают ныне серьезное давление из-за противоречий между Китаем и США в регионе. Борьба этих держав ведется как за АСЕАН в целом, так и за отдельные государства, что позволяет ставить вопрос о прочности единства ассоциации.

США при президенте Б. Обаме заявляли о своих доминирующих интересах в Восточной Азии, прямо подчеркивая, что события в регионе будут определять они, а не Китай. В июне 2016 г. министр обороны Э. Картер подчеркивал, что «США будут самой мощной военной силой и главным гарантом безопасности в Азиатском регионе на десятилетие вперед, и в этом нет никакого сомнения»⁴. Экономический инструмент политики Б. Обамы в регионе — ТТП — явно имел антикитайскую направленность. Отказ от него президента Д. Трампа не означает прекращения конкуренции Америки с Китаем. Напротив, можно предполагать, что соперничество между ними в экономической и военной областях усилится. Так, в начале 2017 г. ударная группа американских военно-морских сил, включая авианосец «Карл Винсон», стала патрулировать в Южно-Китайском море (ЮКМ)⁵. Со своей стороны, председатель КНР Си Цзиньпин на Всемирном экономическом форуме в Давосе 2017 г. недвусмысленно заявил о готовности Китая занять место мирового экономического лидера. В этих условиях усилится борьба двух держав за влияние на АСЕАН в целом, и особенно на отдельные страны региона.

И США, и Китай — крупнейшие экономические и политические партнеры стран АСЕАН. При этом доля США в торговле и инвестициях сокращается. С начала XXI в. в совокупном товарообороте со странами АСЕАН она сократилась вдвое. Сегодня США занимают четвертое место среди торговых партнеров АСЕАН, уступая почти вдвое Китаю. По объему прямых инвестиций США находятся на третьем месте⁶. Китай — крупнейший торговый парт-

---

⁴ США играют мускулами в то время, когда Азия озабочена противоречиями в Южно-Китайском море // Рейтер. 2016. Июнь.

⁵ The Nation. 2017. Febr., 21.

⁶ Рогожин А. Солнечные США — АСЕАН // Российский совет по международным делам [официальный сайт]. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/solnechnye-ssha-asean/> (дата обращения: 16.03.2016).

нер АСЕАН. Общий объем торговли Китая со странами ассоциации составляет около 500 млрд долл. (в 2015 г.— 443,6 млрд долл.)⁷. Развивается двустороннее сотрудничество со странами АСЕАН в сфере обороны. Уже сейчас очевидно, что Китаю удалось установить особенно тесные отношения с рядом стран АСЕАН.

Камбоджа — страна, имеющая самые тесные связи с Китаем в АСЕАН, — политически поддерживает Пекин. Такая позиция объясняется целым рядом причин. Камбоджа — страна со слабой, но быстро растущей экономикой, темпы роста которой составляют 5–6% в год. США являются важным рынком сбыта для продукции камбоджийской швейной промышленности. Однако отношения с США ухудшились, когда американцы стали поддерживать политические силы, оппозиционные правительству Хун Сена. КНР — крупнейший торговый партнер и инвестор в экономику страны. Более того, Китай оказывает политическому режиму Камбоджи существенную финансовую помощь, что укрепляет власть правительства Хун Сена. Между двумя странами развивается сотрудничество в военной сфере. Традиционные отношения Камбоджи с соседним Вьетнамом тесные, хотя и непростые, и здесь Пномпень нуждается в опоре на Китай.

Лаос, страна с населением 6,8 млн чел., граничащая с Китаем и Вьетнамом, имеет давние дружественные отношения с обоими. Руководство Лаоса поставило амбициозную экономическую задачу — добиться превращения страны в аграрно-индустриальную к 2020 г. В этой связи большое значение имеет сотрудничество с Китаем, который разрабатывает в стране полезные ископаемые и осуществляет крупные инфраструктурные проекты, такие как «Один пояс, один путь», ведет строительство Паназиатской железной дороги от Куньмина, крупного транспортного узла в южно-китайской провинции Юньнань, до Сингапура. Создаваемая железнодорожная сеть должна соединить Лаос, Вьетнам, Камбоджу, Мьянму, Малайзию, Таиланд. Для внешней политики Лаоса непростой задачей является выработка позиции по положению в ЮКМ, где сталкиваются интересы, с одной стороны, Китая, с другой —

⁷ Южный Китай. 2017. 07 марта.

Вьетнама, Филиппин, Малайзии, Брунея в связи с разграничением морского пространства и претензиями Китая на значительную часть морской территории, нарушающими интересы других прибрежных государств. По словам одного крупного лаосского политика, сказанным в ходе его визита в Москву, «положение в ЮКМ для нас — очень сложный вопрос, так как с обеих сторон — наши друзья» (имелись в виду Китай и Вьетнам)⁸.

Камбоджа, Лаос и Мьянма составляют группу стран АСЕАН, все более тяготеющих к Китаю. Именно в эти страны, с наиболее слабыми экономиками наиболее зависимые от КНР, идет основной поток китайских инвестиций в регионе.

Таиланд — экономически развитая страна региона — имеет давние и крепкие торгово-экономические, финансово-инвестиционные и военные связи с США. Будучи военно-политическим союзником США (с 1954 г. по Манильскому договору), он поддерживает устойчивые контакты с американцами в сфере закупки вооружений, подготовки военных кадров, сотрудничества на уровне руководства вооруженными силами, проведения совместных военных учений, в том числе крупнейших в регионе «Кобра голд», ставших международными и ежегодными (последние состоялись в феврале 2017 г.)⁹. Китай превратился в весьма влиятельного партнера Таиланда в торговле, экономике, взаимных капиталовложениях и даже в военной сфере. В 2017 г. был подписан контракт на поставку в Таиланд трех подводных лодок китайского производства на сумму 36 млрд бат, 28 танков VT-4 и другого вооружения. Во многом успехам Китая в Таиланде способствует обширная китайская диаспора, контролирующая большую часть таиландского бизнеса. Таким образом, разносторонние устойчивые отношения связывают Таиланд и с США, и с Китаем, что во многом определяет его внешнюю политику.

Внешнеэкономические приоритеты и политические соображения каждой из стран АСЕАН служат причиной очевидных разногласий внутри ассоциации по вопросу о положении в ЮКМ и принадлежности островов Парасельских и Спратли. Ситуация

---

⁸ Правда. 2016. 28 сент.

⁹ Bangkok Post. 2017. Febr., 27.

в ЮКМ отражает борьбу США и Китая за доминирование. Более того, здесь сошлись интересы как региональных, так и внерегиональных держав. В еще более широком контексте мореплавание в Тихом океане имеет огромное значение практически для всех мировых держав, многих стран ЮВА и других регионов. Все это подчеркивает необыкновенную сложность проблемы, где переплелись военно-морские, торговые, экономические интересы.

В конфликт в ЮКМ между Китаем и Вьетнамом вовлечены в первую очередь те страны, которые претендуют на острова Спратли: Китай, Вьетнам, Филиппины, Малайзия, Бруней, а на Парасельские острова — Китай и Вьетнам. Наиболее острое противостояние, доходящее порой до вооруженного конфликта, существует между Китаем и Вьетнамом. Сложность ситуации состоит в том, что Китай и Вьетнам имеют тесные политические связи, активно развивают двустороннее экономическое сотрудничество.

Непростыми являются отношения между КНР и Филиппинами. Китай заявляет претензии на риф Скарборо, выдвигая исторические причины. В свою очередь, Филиппины считают, что он находится в их исключительной экономической зоне. США, противодействуя усилению в регионе Китая, стремятся подталкивать Вьетнам и Филиппины к противостоянию с Китаем, используя интерес Вьетнама к развитию двусторонней торговли и рассчитывая на давние, в том числе военные связи с Филиппинами. Однако вмешательство США во внутренние дела страны вызвало резкую реакцию президента Филиппин Р. Дутерте, который заявил о готовности отказаться от сотрудничества с США, развивать отношения с Россией и Китаем и начал предпринимать определенные шаги в этом направлении. Китай, со своей стороны, предложил Филиппинам крупные капиталовложения и экономические проекты.

Островные Сингапур и Индонезия не могут оставаться равнодушными к безопасности в ЮКМ. Летом 2016 г., когда китайские рыбаки в сопровождении кораблей береговой охраны Китая оказались в территориальных водах архипелага Натуна, принадлежащего Индонезии, это вызвало резкую дипломатическую реакцию Джакарты.

АСЕАН как организация выработала общую позицию, выраженную в Кодексе поведения в ЮКМ. Международное подписание Декларации о поведении в ЮКМ состоялось в 2002 г. В 2012 г. страны АСЕАН добились согласованного подхода по Кодексу поведения в ЮКМ. Однако Декларация не смогла предотвратить освоение спорных островов Китаем и сооружения китайцами искусственных островов. Работа над рамками Кодекса продолжается. В сентябре 2016 г. был сделан важный шаг — подписано совместное заявление АСЕАН и Китая о применении Кодекса поведения в случаях незапланированных контактов на море¹⁰.

Что касается общего документа — Кодекса поведения в ЮКМ, то рамочное соглашение, утвержденное в августе 2017 г. на встрече министров иностранных дел АСЕАН представителями ассоциации и Китая, требует совместной содержательной работы над текстом. О начале такой работы заявил в ноябре 2017 г. на 31-м саммите АСЕАН в Маниле премьер Госсовета КНР Ли Кэцян¹¹.

Позиция Таиланда определяется тем, что, имея тесные экономические и военные связи с КНР и политическую нестабильность внутри страны, он весьма осторожен и стремится по возможности придерживаться нейтралитета, несмотря на нажим со стороны Китая. Так, в ходе визитов министра иностранных дел и премьер-министра КНР в 2013 г. китайская сторона стремилась заручиться поддержкой тайцев в обмен на «совместное развитие». Негативная реакция США на военный переворот в Таиланде в 2014 г., принятые американцами некоторые ограничения на сотрудничество с правительством военных объективно работают в пользу Пекина.

Несмотря на работу над общей концепцией урегулирования в ЮКМ, в 2012 г. внутри АСЕАН выявились серьезные разногласия. На саммите в Пномпене Филиппины пытались внести в текст итоговой резолюции пункт об осуждении Китая в связи с конфликтом между китайскими и филиппинскими кораблями у рифа Скарборо. Но Камбоджа, заняв прокитайскую позицию, выступила против на том основании, что АСЕАН втягивают в конфликт

¹⁰ The Nation. 2017. Febr., 23.

¹¹ ТАСС: информ. агентство [официальный сайт]. 2017. 13 нояб. URL: <http://tass.ru> (дата обращения: 25.11.2017).

между двумя странами. Впервые в истории АСЕАН не удалось согласовать итоговый документ, он не был принят.

Тема принадлежности островов и суверенитета в ЮКМ вновь стала одним из важнейших вопросов и предметом закулисной борьбы за формулировки в итоговых документах саммита АСЕАН 2016 г. во Вьентьяне. Речь шла о решении от 12 июля 2016 г. Постоянного арбитражного суда в Гааге по иску Филиппин, где утверждалось, что у Китая, который ссылался на свои якобы исторические права, нет юридической базы для обоснования суверенитета по так называемой «9-пунктирной линии». Это решение было воспринято как вердикт в пользу Филиппин¹². На участников саммита АСЕАН пытались воздействовать заинтересованные стороны. Филиппины добивались того, чтобы Китай был обвинен в обострении ситуации в ЮКМ и чтобы представители АСЕАН поддержали решения Гааги. Китай считал это решение юридически ничтожным, поскольку, во-первых, он не признал полномочий данного суда для рассмотрения иска Филиппин, во-вторых, его представители отсутствовали на заседании суда. Премьер Госсовета КНР Ли Кэцян встречался с главой правительства Камбоджи Хун Сенем, заверил его в развитии всестороннего стратегического сотрудничества, обещал поддерживать Камбоджу в сохранении внутрисударственной стабильности, ускорении экономического развития и улучшении международного положения страны¹³. Камбоджа вновь приняла сторону Китая, резко выступив против формулировок, предложенных Филиппинами.

С саммитом АСЕАН во Вьентьяне совпал первый в истории визит в Лаос президента США. Помимо общих фраз о готовности развивать двусторонние отношения, Б. Обама подробно остановился на усилиях США по разминированию территории Лаоса, на которую

¹² Постоянный Арбитражный суд в Гааге «не выносит вердикта о территориальной принадлежности, а рассматривает аргументы и дает им оценку. Его решения могут быть обязательными для сторон, только если они обе согласны передать свой спор на рассмотрение подобного международного арбитражного органа. Китай, как известно, своего согласия не выражал. Поэтому решения не имеют юридической силы для одного из главных участников этого спора». См.: East Asia Daily. 2016. Oct., 04.

¹³ Жэньминь жибао. 2016. 08 сент.

в ходе вьетнамской войны (с 1964 по 1973 г.) американцы сбросили 2 млн т. бомб, включая кассетные, 30 % которых все еще лежат в земле Лаоса. Это означает, что на каждого жителя этих стран, включая детей, женщин, стариков, их приходится по 11 шт. От них уже погибли и искалечены тысячи лаосцев. Американский президент выразил удовлетворение тем, что в результате работ по разминированию число жертв сократилось с 300 до 50 чел. в год. При нынешнем темпе работ очистить территорию Лаоса от американских бомб можно будет через тысячу лет¹⁴. При сравнении того, что предлагают Лаосу КНР и США, становится очевидно, что последние явно проигрывают.

Если Лаос и Камбоджа поддержали Китай, то Таиланд отказался занять сторону Филиппин, Малайзии, Индонезии и воздержался от поддержки одной из сторон¹⁵. С 2012 г. он является координатором отношений между АСЕАН и Китаем и придерживается мнения, что в урегулировании ситуации в ЮКМ особая роль принадлежит Сингапуру, Индонезии и ему самому. В 2013 г. Таиланд выдвинул идею принять резолюцию министров иностранных дел АСЕАН по ЮКМ, главная идея которой — мирное разрешение споров на основе международного права, поддержание стабильности, безопасности судоходства в ЮКМ, строгое выполнение шести принципов АСЕАН и Декларации о кодексе поведения в ЮКМ, а также скорейшая реализация этой декларации¹⁶. Китай и Филиппины должны решить свои проблемы мирно за столом переговоров на основе принципов, заложенных в Региональный кодекс поведения в ЮКМ. Это отчасти совпадает с позицией Китая о ведении переговоров о ЮКМ на двусторонней основе. То, что филиппинский президент Р. Дутерте, который пришел к власти 30 июня 2016 г., смягчил позицию своей страны по отношению к спорному рифу Скарборо, оказало воздействие и на общую позицию АСЕАН по ЮКМ. В мае 2017 г. КНР и АСЕАН удалось достичь очередной

¹⁴ Obama in Laos : Cleaning up After the Secret War // The Diplomat [official website]. URL: <http://thediplomat.com/2016/09/obama-in-laos-cleaning-up-after-the-secret-war/> (mode of access: 17.09.2016).

¹⁵ Bangkok Post. 2017. Febr., 27

¹⁶ Thailand and the South China Sea issue // Southchinesea.com [web-portal]. URL: <http://www.southchinesea.com/analysis/593-Thailand-and-the-South-China-Sea-issue>. html (mode of access: 21.05.2017).

договоренности о Кодексе поведения в ЮКМ, работа над которым ведется не первый год.

Сложность выработки единой позиции по ЮКМ состоит в действующем в АСЕАН принципе консенсуса. С учетом особенностей внешнеполитической линии стран-членов, выработка такой единой позиции весьма затруднена. В результате в итоговых документах саммита АСЕАН 2016 г. нет упоминания о решениях Гаагского трибунала, что было с одобрением встречено Китаем, который заявил о мудрой позиции АСЕАН и подчеркнул необходимость исключить из обсуждения этой проблемы внерегиональные державы и рассматривать вопросы в двустороннем формате между заинтересованными сторонами. Последовательно проводя наступательную экономическую, политическую, военную, инвестиционную политику, Пекин переигрывает США в регионе, подталкивая страны АСЕАН к диверсификации внешнеторговых связей и к расширенному сотрудничеству с КНР.

Очевидные разногласия в АСЕАН проявились в отношении к ТТП. Вступление в это интеграционное объединение было делом отдельных государств и не требовало принятия коллективного решения, но если ряд стран (Вьетнам, Бруней, Сингапур, Малайзия), исходя из потребностей развития своей экспортоориентированной экономики, с готовностью вступили в ТТП, то другие заняли выжидательную позицию. В Малайзии общественность выразила массовый протест против присоединения к этому объединению. Не касаясь возможных экономических выгод этого объединения, следует подчеркнуть, что оно имело явный антикитайский характер, что лишало бы страны АСЕАН возможности политического маневра и ставило бы в зависимость от США.

Более того, концепция ТТП строилась на принципиально иной основе, чем АСЕАН. Многие вопросы юридического и делового характера предоставляли глобальным корпорациям новые права и привилегии в ущерб национальному законодательству стран-участниц. Тем самым нарушался принцип государственного суверенитета, что противоречило основополагающей идее АСЕАН и имело бы разрушительный эффект для нее как для региональной общности.

Новый президент США Д. Трамп отказался от идеи ТТП, исходя из того, что для Америки выгоднее вести дела на двусторонней основе. Тем не менее, и при новой администрации АТР будет важнейшим направлением американской политики. Соперничество с Китаем в вопросах безопасности и экономики сохранится и будет во многом определять положение в Восточной Азии. Действуя на двусторонней основе, обе державы будут стремиться перетянуть на свою сторону отдельные страны региона. Администрация Трампа будет требовать от своих союзников в регионе взять на себя большие затраты на безопасность, но это всего лишь продолжение линии, провозглашенной при администрации Б. Обамы. Отказ США от ТТП вызвал противоречивую реакцию среди тех, кто подписал договор. Свое недовольство и разочарование выразили Япония, Австралия, Новая Зеландия, которые все еще надеются на пересмотр позиции США, а из стран АСЕАН — Сингапур¹⁷. Премьер-министр Вьетнама выразил опасения, что отказ от ТТП вернет протекционизм в международную торговлю, и призвал в этой связи укрепить сотрудничество внутри АСЕАН.

***

Интеграционные процессы в АТР могут развиваться в рамках альтернативного проекта, но уже под эгидой КНР — в форме ВРЭП. Переговоры о создании этой зоны свободной торговли, включающей десять стран АСЕАН, Австралию, Индию, КНР, Новую Зеландию, Южную Корею, Японию (то есть страны, с которыми АСЕАН уже имеет договоры о зонах свободной торговли), начались в ноябре 2012 г. на саммите АСЕАН в Пномпене.

В любом случае проблема экономической интеграции в АТР остается в повестке дня. В условиях продолжения борьбы между США и Китаем за лидерство в регионе и за позиции в отдельных странах противоречия в рядах АСЕАН возможны. Различия в подходах к проблемам ЮКМ также сохранятся. В этих условиях каждая из стран — членов АСЕАН будет стремиться диверсифицировать, насколько возможно, свою внешнюю политику и внеш-

¹⁷ The Nation. 2017. Jan., 26.

неторговые связи, пытаться найти и поддерживать баланс сил. В некоторых странах уже сейчас очевидно преобладающее влияние Китая. Все это представляет серьезные вызовы для единства АСЕАН, сохранение которого в условиях международной неопределенности и высокой конфликтности в мире является важным инструментом усиления коллективных позиций ассоциации в международных делах.

Глава 21

Транстихоокеанское партнерство: между свободной торговлей и геополитикой

Транстихоокеанское партнерство — проект объединения стран АТР (соглашение о создании организации было подписано в 2016 г. представителями Австралии, Брунея, Вьетнама, Канады, Малайзии, Мексики, Новой Зеландии, Перу, США, Сингапура, Чили и Японии), призванный обеспечить либерализацию торговли и унификацию различных стандартов внешнеторговой деятельности среди его участников. Однако данное соглашение все еще находится на стадии ратификации отдельными государствами. Будущее почти сформированной организации остается туманным, поскольку 45-й президент США Д. Трамп сразу после вступления в должность в январе 2017 г. объявил о выходе своей страны из соглашения, и перспективы ТТП, таким образом, зависят от остальных участников. Но даже в нынешнем, не полностью институционализированном формате ТТП обладает наиболее выраженными асимметриями и наиболее противоречивыми целями среди всех интеграционных проектов, развиваемых в настоящее время в АТР, что во многом мешает официально завершить образование этого экономического блока.

В данной главе решается задача выявления особенностей и противоречий ТТП как интеграционного проекта. Главным вопросом является то, были ли противоречия заложены изначально

либо появились в процессе формирования и расширения блока. Изучение подобных аспектов представляется важным, так как соглашение в случае своего вступления в силу предполагает серьезные структурные изменения в торговой политике и законодательстве ряда стран АТР, являющихся ведущими партнерами России в регионе. Кроме того, процесс переговоров и противоречия, возникшие между участниками, показательны в плане оценки международной обстановки в АТР и отчетливо демонстрируют, что происходит, когда из небольшого регионального соглашения о свободной торговле страна, являющаяся, по сути, гегемоном в нем, пытается сделать огромный торговый блок с выгодой в наибольшей степени для себя.

Стоит отметить, что в российском востоковедении и международных исследованиях на протяжении формирования ТТП внимание в основном уделялось следующим аспектам: особенности его исходной структуры — Транстихоокеанского стратегического экономического партнерства¹; главенствующая роль США в новом варианте ТТП²; место проекта в соперничестве США и Китая в АТР³; предпринятые в качестве ответа инициативы Китая⁴; продвижение ТТП в Юго-Восточной Азии⁵; соотношение экономических характеристик стран ТТП⁶; роль ТТП в экономической политике Японии и лично премьер-министра Синдзо Абэ, сделавшего вступ-

---

¹ Костюнина Г. М. Транстихоокеанское стратегическое партнерство: расстановка сил и роль в формировании в АТР // Вестн. МГИМО. 2012. № 4. С. 94–100.

² Макарова Т. Б., Сухина А. Н. Транстихоокеанское партнерство как инструмент укрепления влияния США в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Вестн. Забайкальск. гос. ун-та. 2015. № 7 (122). С. 62–68.

³ Лагутина М. Л., Чарумани К. Сравнительный анализ ведущих региональных организаций в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Науч.-тех. вестн. Санкт-Петербург. гос. политех. ун-та. Сер. Гуманитарные и общественные науки. 2015. № 1 (215). С. 39–48.

⁴ Лузянин С. Г. Измерения российско-китайских отношений в АТЭС: Региональные факторы влияния и взаимодействий // Китай в мировой и региональной политике: История и современность. 2012. Т. 17. № 17. С. 6–17.

⁵ Мосяков Д. В. Основные цели и стратегия США в ЮВА // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2015. № 29. С. 26–32.

⁶ Гладков И. С. Транстихоокеанское партнерство: внешнеторговые связи стран-участниц в XXI в. // Власть. 2016. № 1. С. 139–147.

ление в него «третьей стрелой» так называемой «абэномики»⁷; формирование в лице организации «прообраза» одного из «новых центров полицентричной мировой системы, основанной на преобладании кооперативистских тенденций»⁸; оценка рисков для России в условиях нахождения за пределами крупных объединений, подобных ТТП⁹.

Если рассматривать хронологию формирования ТТП, то мы можем увидеть, что его основа была заложена в 2005 г., когда четыре страны АТР — Бруней, Сингапур, Чили и Новая Зеландия — заключили соглашение о свободной торговле. Страны-участницы обязывались укреплять сотрудничество, расширять свободу торговли и инвестирования, устанавливать более прозрачные правила ведения торговли, сотрудничать во внедрении инноваций и защите интеллектуальной собственности, применять национальный режим к товарам друг друга, отменять пошлины и технические барьеры, проводить консультации по изменению тарифов и т. д.¹⁰ Содержание соглашения показывает, что изложенные в нем договоренности были заключены для того, чтобы четверым участникам было выгоднее и удобнее торговать друг с другом, чем с остальным миром. Это выглядело достаточно органично и естественно, учитывая разную специализацию этих стран на мировом рынке и отсутствие выраженной конкуренции между ними в глобальном разделении труда: в экономике Сингапура преобладают обрабатывающая промышленность, торговля, финансовые, страховые и логистические услуги¹¹; главные отрасли чилийской

---

⁷ Стрельцов Д. В. Экономическая политика японского правительства С. Абэ // Восточная аналитика. 2014. № 4. С. 78–86.

⁸ Воскресенский А. Д. Социальные порядки и политический анализ региональных процессов // Сравнительная политика. 2012. № 1. С. 96–109.

⁹ Кадочников П. А. Перспективные вопросы расширения участия России в глобальных цепочках добавленной стоимости // Рос. внешнеэконом. вестн. 2015. № 2. С. 8–13.

¹⁰ Trans-Pacific Strategic Economic Partnership Agreement // Foreign Trade Information System of the Organisation of American States [official website]. URL: http://sice.oas.org/Trade/CHL_Asia_e/mainAgree_mt_e.pdf (mode of access: 20.12.2016).

¹¹ Structure of the Singapore economy // Ministry of Trade and Industry of Singapore [official website]. 2013. URL: <https://www.mti.gov.sg/ResearchRoom/Pages/>

экономики — добыча меди и угля, химическая, деревообрабатывающая и пищевая промышленность, рыболовство, виноделие, выращивание фруктов¹²; практически вся производственная сфера и внешнеторговая деятельность Брунея основаны на экспорте минеральных ресурсов¹³, а главными сферами экономики Новой Зеландии являются садоводство, молочное и мясное животноводство, деревообрабатывающая промышленность, а также добывающая промышленность и рыболовство¹⁴.

В своем первоначальном виде соглашение носило региональный характер и практически не привлекало повышенного внимания мирового сообщества, однако с 2008 г. круг участников стал расширяться: переговорный процесс начали США, Австралия, Перу, Вьетнам и Малайзия, вслед за ними — Япония, Мексика и Канада, и в таком расширенном виде объединение плавно трансформировалось в основу для инициативы США по формированию Транстихоокеанского партнерства¹⁵. В течение нескольких лет шли достаточно напряженные переговоры¹⁶, и только в октябре 2015 г. министрами торговли стран-участниц было объявлено, что по итогам обсуждения наконец достигнут консенсус. В своем коммюнике министры подчеркнули, что ТТП должно «содействовать экономическому росту стран-участниц, внедрению инноваций,

---

Structure_of_Singapore_Economy_2013.pdf?tag=Research%20Room (mode of access: 20.12.2016).

¹² Principales sectores económicos // Chile: Política y economía [santander trade portal]. URL: <https://es.portal.santandertrade.com/analizar-mercados/chile/politica-y-economia> (mode of access: 19.01.2017).

¹³ Structural policy country notes : Brunei Darussalam // Organisation for Economic Cooperation and Development [official website]. 2012. URL: <http://www.oecd.org/site/seao/Brunei%20Darussalam.pdf> (mode of access: 20.12.2016).

¹⁴ New Zealand Economic and Financial Overview 2016 // The Treasury of New Zealand [official website]. URL: http://www.treasury.govt.nz/economy/overview/2016/19.htm#_tocPrimary_Industries (mode of access: 19.01.2017).

¹⁵ *Станран Н.* Основные форматы многостороннего взаимодействия в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Индекс безопасности. 2015. № 3. С. 31.

¹⁶ См., например: *Fensom A.* Trans-Pacific Partnership: Hawaii Talks End Without Deal // The Diplomat [official website]. 02.08.2015. URL: <http://thediplomat.com/2015/08/trans-pacific-partnership-hawaii-talks-end-without-deal/> (mode of access: 15.10.2016).

повышению производительности труда, конкурентоспособности, прозрачности, стандартов управления, уровня жизни, трудового и экологического законодательства»¹⁷.

Итоговое соглашение о ТТП было подписано представителями 12 государств 4 февраля 2016 г.¹⁸ Документ объемный, составлен чрезвычайно подробно, его разделы посвящены отмене и смягчению импортных и экспортных тарифов (условия расписаны для каждой страны, приводится подробный график отмены ограничений, например, если сейчас ввозные пошлины на мясо во Вьетнаме составляют 31 %, то через год после вступления соглашения в силу они должны снизиться до 20,6 %, через два года — до 10,3 %, через три — обнулиться; примерно схожая картина по этому показателю — в США, разница в том, что на мясо из Вьетнама пошлины снижаются быстрее, чем на мясо из Новой Зеландии, а на мясо из Японии обнуляются лишь через десять лет), применению национального режима в торговле, снижению нетарифных ограничений, инвестициям (к инвесторам из стран ТТП каждое государство обязуется, например, применять национальный режим либо режим наибольшего благоприятствования, компенсировать потери в случае вооруженного конфликта на своей территории и т. д.), финансовым услугам (в этом разделе можно встретить исключения для государств, например, Перу может поддерживать свои частично принадлежащие государству банки), упрощению условий передвижения предпринимателей между территориями стран-участниц (обязательства также расписаны для каждого государства), электронной торговле (которая провозглашается беспошлинной и недискриминационной, при этом стороны обязуются усовершенствовать законодательство по защите прав потребителей и их персональных данных).

---

¹⁷ Trans-Pacific Partnership Ministers' Statement. Oct. 5, 2015 // Ministry of Trade and Industry of Singapore [official website]. URL: [https://www.mti.gov.sg/MTIInsights/SiteAssets/Pages/TPP/TPP% 20Ministers%E2 %80 %99 %20Statement%205 %20Oct%2015.pdf](https://www.mti.gov.sg/MTIInsights/SiteAssets/Pages/TPP/TPP%20Ministers%E2%80%99%20Statement%205%20Oct%2015.pdf) (mode of access: 15.10.2016).

¹⁸ Text of the Trans-Pacific Partnership Agreement // Ministry of Trade and Industry of Singapore [official website]. URL: <https://www.mti.gov.sg/MTIInsights/Pages/Text-of-the-Trans-Pacific-Partnership-26012016.aspx> (mode of access: 20.12.2016).

Также отдельные главы соглашения посвящены свободе конкуренции, деятельности госпредприятий и монополий, соблюдению прав интеллектуальной собственности, урегулированию споров, трудовому, природоохранному и антикоррупционному законодательству. Запланировано создание межгосударственного комитета по санитарным и фитосанитарным мерам. В целом, хотя рамки данного исследования не позволяют привести полный анализ соглашения, можно отметить, не умаляя роли других разделов, что отмена пошлин на большую часть товарных групп является его главным итогом. В силу документ, в который можно было вносить правки и который был открыт для присоединения любого члена АТЭС, должен был вступить после ратификации как минимум шестью государствами, чей совокупный ВВП составлял не менее 85 % от общего по состоянию на 2013 г.

Первой страной, официально утвердившей свое присоединение к ТТП, стала Малайзия¹⁹, а в конце 2016 г. соглашение было ратифицировано Японией²⁰. По мнению премьер-министра Малайзии Н. Разака, «членство в ТТП в долгосрочной перспективе создает неоспоримые преимущества для экономики страны, ее народу выгодно участие в этом масштабном проекте, который откроет бизнесу Малайзии более широкий доступ на рынки таких стран, как США, Канада, Мексика и Перу»²¹. В Куала-Лумпуре, однако, имели место и митинги противников ТТП. Ими высказывались опасения «потери государством экономической независимости» и возможных негативных социальных последствий²².

Главный интерес Японии от вступления в ТТП заключался в снижении ввозных пошлин на японские автомобили и запчасти к ним в США. Кроме того, правительство Абэ изначально рассмат-

---

¹⁹ Dewan Negara approves TPP motion, New Zealand next // New Straits Times [official website]. 28.01.2016. URL: <http://www.nst.com.my/news/2016/01/124528/dewan-negara-approves-tpp-motion-new-zealand-next> (mode of access: 20.12.2016).

²⁰ Япония ратифицировала соглашение о вступлении в Транстихоокеанское партнерство // Пульс планеты — Азия ИТАР-ТАСС. 2016. 09 дек.

²¹ Транстихоокеанское партнерство стратегически выгодно для экономики Малайзии — премьер // Пульс планеты — Азия ИТАР-ТАСС. 2016. 26 янв.

²² Противники Транстихоокеанского партнерства проводят митинг в Куала-Лумпуре // Пульс планеты — Азия ИТАР ТАСС. 2016. 26 янв.

ривало присоединение к ТТП как возможность оживить экономику страны. Но при этом Японии пришлось столкнуться и со встречными требованиями со стороны США по открытию для американских производителей японского продовольственного рынка, главным образом по экспорту продукции животноводства (молочной продукции, говядины и свинины), риса, пшеницы и сахара. Японская сторона в течение долгого времени выступала против, опасаясь разорения своих фермеров²³. То есть ситуация складывалась несколько странно: образно выражаясь, страна сама осознанно «совала голову в петлю» с потенциальным выигрышем корпораций-автопроизводителей и убытками для сельского хозяйства и продовольственной безопасности. Тем не менее, в итоге соглашение было ратифицировано.

Японские специалисты отмечали важность создания блока и преимущества свободного передвижения людей, капитала, информации, товаров и услуг в его границах²⁴, но вместе с тем указывали на центральное место ТТП в американской стратегии «перебалансировки в Азии» и конфликты, к которым может привести его соперничество с китайскими проектами ВРЭП и зоны свободной торговли в АТР²⁵. Промышленные круги Японии расходятся в оценках, может ли ТТП принести стране действительно заметную долгосрочную выгоду²⁶. Много вопросов вызвала и повышенная секретность переговоров о ТТП²⁷. После избрания президентом США ярого противника ТТП Д. Трампа в Японии начали задаваться вопросом, можно ли вообще без США что-то сделать

---

²³ Сенина Д. Н. О вступлении Японии в Транстихоокеанское партнерство // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2014. № 3. С. 188.

²⁴ Amari A. The Trans-Pacific Partnership (TPP) Agreement // Asia-Pacific Rev. 2016. № 23 (1). P. 12.

²⁵ Oba M. TPP, RCEP, and FTAAP : Multilayered Regional Economic Integration and International Relations // Asia-Pacific Rev. 2016. № 23 (1). P. 103, 112.

²⁶ ビジネスとTPP / 車の恩恵、冷めた見方 業界「短期的効果、少ない」 // Asahi [official website]. 13.04.2016. URL: <http://www.asahi.com/articles/DA3S12307131.html> (mode of access: 20.12.2016).

²⁷ TPP交渉内容、条件付きで国会議員に開示へ // Yomiuri [official website]. 05.05.2015. URL: http://www.yomiuri.co.jp/feature/matome/20150507-OYT8T50076.html?from=yartcl_popin (mode of access: 20.12.2016).

с проектом, который в политике администрации Синдзо Абэ занимал центральное место²⁸.

В других странах дебаты и анализ профильными ведомствами заняли больше времени, и процесс ратификации не был завершен. Причины разные: в Австралии, например, оппозиция выступила с критикой норм ТТП по разрешению споров между инвесторами и государством, а также отмены правила приоритета в найме австралийских граждан на высококвалифицированные виды работ, и потребовала проводить ратификацию только после США²⁹; в Новой Зеландии, как оказалось, необходимо сначала внести изменения в 11 национальных законов³⁰. В парламенте Канады прошли общественные слушания³¹, но соглашение ратифицировано не было. Во Вьетнаме против ТТП выступили неправительственные организации, отметившие, например, что оно сыграет на руку производителям табака, пошлины на его ввоз будут отменены, и здоровье страны, и так занимающей 15-е место в списке самых курящих в мире, находится под угрозой³², а исследования экономистов показали, что устойчивый рост экономики страны сохранится и без ТТП³³. Даже Сингапур, для которого, казалось бы, в силу того, что он и так участвует в большом количестве сог-

---

²⁸ Т P P 発効不可能にトランプ氏「就任初日に離脱」表明 // Asahi [official website]. 23.11.2016. URL: <http://www.asahi.com/articles/ASJQCQ5167JCUHBI01H.html> (mode of access: 20.12.2016).

²⁹ Labor calls for Australia to indefinitely delay on TPP unless US ratifies it // The Guardian. 13.11.2016. URL: <https://www.theguardian.com/business/2016/nov/13/labor-calls-for-australia-to-indefinitely-delay-on-tpp-unless-us-ratifies-it> (mode of access: 06.01.2017).

³⁰ TPP Agreement Amendment Bill // New Zealand Parliament [official website]. 31.10.2016. URL: <https://www.parliament.nz/en/pb/sc/scl/foreign-affairs-defence-and-trade/news-archive/tpp-agreement-amendment-bill> (mode of access: 06.01.2017).

³¹ News Release // Parliament of Canada [official website]. 21.03.2016. URL: <http://www.parl.gc.ca/HousePublications/Publication.aspx?Language=e&Mode=1&Parl=42&Ses=1&DocId=8161270> (mode of access: 06.01.2017).

³² Is TPP a public health threat? // VietNamNet News [official website]. 23.07.2016. URL: <http://english.vietnamnet.vn/fms/society/160759/is-tpp-a-public-health-threat.html> (mode of access: 06.01.2017).

³³ Vietnam will rise with or without TPP // VietNamNet News [official website]. 29.11.2016. URL: <http://english.vietnamnet.vn/fms/business/167709/vietnam-will-rise-with-or-without-tpp.html> (mode of access: 06.01.2017).

лашений о свободной торговле со странами региона, ратификация ТТП не предполагала никаких подводных камней, оказался не готов к мгновенному одобрению соглашения³⁴.

В Чили СМИ в качестве основных причин противоречий в ТТП называют условия торговли продукцией сельского хозяйства и автомобильной промышленности, нормы в сфере соблюдения интеллектуальной собственности и сроки действия патентов на лекарственные препараты³⁵. Касательно последнего в том числе приводится мнение организации «Врачи без границ», что ТТП «будет препятствовать разработке лекарств-дженериков, которые в некоторых случаях [при отсутствии патентованного оригинала] могут спасти пациенту жизнь»³⁶. В стране также имели место демонстрации противников ТТП. По их мнению, эта организация «угрожает правам человека» и национальному суверенитету³⁷. А представители оппозиционного движения «Демократическая революция» заявили, что подписание страной соглашения о ТТП означает, что внешняя политика Чили в большей степени ориентируется на интересы США³⁸. Было создано целое движение «Чили лучше без ТТП», а депутаты парламента озвучили опасения относительно

---

³⁴ Singapore will ratify the TPP but trade deal may be difficult to implement without US // The Independent (Singapore) [official website]. 20.11.2016. URL: <http://www.theindependent.sg/singapore-will-ratify-the-tpp-but-trade-deal-may-be-difficult-to-implement-without-us/> (mode of access: 06.01.2017).

³⁵ Nueva Zelanda publica la versión final del Acuerdo Transpacífico // Estrategia [official website]. 26.01.2016. URL: <http://www.estrategia.cl/859/Titulo> (mode of access: 20.12.2016).

³⁶ Médicos sin Fronteras: TPP impide el acceso a medicamentos genéricos que salvan vidas // La Nación [official website]. 04.02.2016. URL: <http://www.lanacion.cl/noticias/pais/nacional/medicos-sin-fronteras-tpp-impide-el-acceso-a-medicamentos-genericos-que/2016-02-04/102307.html> (mode of access: 20.12.2016).

³⁷ Organizaciones ciudadanas se manifestaron contra el TPP frente a La Moneda // La Nación [official website]. 04.02.2016. URL: <http://www.lanacion.cl/noticias/galerias/pais/organizaciones-ciudadanas-se-manifestaron-contra-el-tpp-frente-a-la-moneda/2016-02-04/215129.html> (mode of access: 20.12.2016).

³⁸ Revolución Democrática llama a rechazar el TPP y a manifestarse // La Nación [official website]. 03.02.2016. URL: www.lanacion.cl/noticias/pais/politica/revolucion-democratica-llama-a-rechazar-el-tpp-y-a-manifestarse/2016-02-03/162540.html (mode of access: 20.12.2016).

влияния соглашения на цены на лекарства³⁹. Хотя изначально участие в ТТП аналитики из этой страны оценивали как выигрышный фактор и хорошую возможность получить доступ на рынки других стран, в первую очередь Японии и Таиланда⁴⁰. Президентом Чили в обращении к парламенту еще в 2011 г. отмечалось, что ТТП «обеспечит наиболее благоприятные условия торговли»⁴¹.

Протестовали против ТТП и в другом латиноамериканском государстве — Перу. Основной упор активисты делали на неизбежном росте цен на лекарства, 20-летнем сроке действия патентов, не позволяющем разрабатывать дженерики, и угрозах для приватности в Интернете⁴². В Мексике, несмотря на широко обсуждаемую выгоду от появления возможности благодаря ТТП расширить торговлю с АТР, а именно с такими странами, как Австралия, Вьетнам, Малайзия, Сингапур, Бруней и Новая Зеландия⁴³, прошли протесты крестьян, заявивших, что соглашение о ТТП играет на руку только крупным компаниям и способно разорить мелких сельхозпроизводителей. Правительством, с точки зрения населения, оно было изучено лишь поверхностно⁴⁴.

---

³⁹ TPP: Chile firma Acuerdo Transpacífico junto a once países // Estrategia [official website]. 04.02.2016. [http://www.estrategia.cl/1384/Titulo\(mode of access: 20.12.2016\)](http://www.estrategia.cl/1384/Titulo(mode%20of%20access:20.12.2016)).

⁴⁰ ProChile: «No tener TPP con EEUU no es algo que nos afecte en material arancelaria» // Diario Financiero [official website]. 17.01.2017. URL: <https://www.df.cl/noticias/economia-y-politica/comercio-exterior/prochile-no-tener-tpp-con-eeuu-no-es-algo-que-nos-afecte-en-materia/2017-01-16/193323.html> (mode of access: 19.01.2017).

⁴¹ Mensaje Presidencial 21 de Mayo 2011: Construyendo una sociedad de seguridades, oportunidades y valores // Ministerio de Economía, Fomento y Turismo [official website]. 21.05.2011. URL: <http://www.economia.gob.cl/mensaje-presidencial-21-de-mayo-2011> (mode of access: 20.12.2016).

⁴² Protestan contra Acuerdo Trans Pacífico en Lima // La Primera [official website]. 18.05.2013. URL: https://www.diariolaprimeraperu.com/online/actualidad/protestan-contra-acuerdo-trans-pacifico-en-lima_138681.html (mode of access: 19.01.2017).

⁴³ Acuerdo Transpacífico abre oportunidades: gobierno mexicano // Uno TV / CBS [official website]. 05.10.2015. URL: <http://www.cbsnews.com/news/acuerdo-transpacifico-abre-oportunidades-gobierno-mexicano/> (mode of access: 19.01.2017).

⁴⁴ Campesinos mexicanos protestan contra Acuerdo Transpacífico // Noticiero Universal [official website]. 08.11.2016. URL: <http://noticierouniversal.com/internacional/mexico/campesinos-mexicanos-protestan-contra-acuerdo-transpacifico/> (mode of access: 19.01.2017).

Многочисленные акции протеста имели место и в Новой Зеландии, в основном их участниками были антиглобалисты и представители левых сил. По подсчетам новозеландской оппозиции ТТП, присоединение страны к нему могло бы увеличить ВВП лишь на 0,5 %. Аналогичные подсчеты были проведены и австралийскими активистами, однако премьер-министр Новой Зеландии Дж. Ки заявил, что граждане его страны «должны гордиться» присоединением к ТТП, а министр торговли Австралии Э. Робб назвал критиков ТТП «паникерами», пытающимися противостоять либерализации мировой торговли⁴⁵. Австралийские исследователи признают ведущую роль США в создании ТТП, называя его «краеугольным камнем американской стратегии перебалансировки». Сам интеграционный проект рассматривался ими как важный элемент отношений Вашингтона со своими союзниками в АТР. Отмечается, что отказ США от развития проекта ТТП свидетельствует о проблемах в этих отношениях⁴⁶.

Нужно отметить, что формирование на месте, по сути, «малого ТТП» большого блока, включающего в себя 12 стран АТР, являлось инициативой США и во многом лично президента Б. Обамы с его администрацией. Идея ТТП продвигалась Б. Обамой на переговорах с лидерами стран АТР⁴⁷, разъяснялась и популяризировалась в различных формах⁴⁸. Стремление 44-го американского прези-

---

⁴⁵ Соглашение о создании Транстихоокеанского партнерства подписано в Окленде // Пульс планеты — Азия ИТАР ТАСС. 2016. 04 февр.

⁴⁶ Regional Security Outlook 2017. Canberra, 2017. P. 8–9.

⁴⁷ См., например: Транстихоокеанское партнерство будет способствовать укреплению прав человека в регионе — Обама // Пульс планеты — Азия ИТАР-ТАСС. 2015. 21 нояб. ; США приветствуют интерес РК к Транстихоокеанскому партнерству // KBS World Radio (Russian edition) [official website]. 13.03.2015. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Ec_detail.htm? No=38209&id=Ec (дата обращения: 15.10.2016) ; *Тейер К.* Закладывая фундамент стратегического доверия // Российский совет по международным делам [официальный сайт]. 13.07.2015. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4= 6324#top-content (дата обращения: 13.07.2015) ; Обама нанесет визиты во Вьетнам и Японию, посетит Хиросиму, объявил Белый дом // Пульс планеты — Азия ИТАР-ТАСС. 2016. 10 мая.

⁴⁸ См., например: Statement by the President on the Trans-Pacific Partnership // The White House [official website]. 05.10.2015. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/10/05/statement-president-trans-pacific-partnership> (mode of access:

дента к окончательному оформлению ТТП во главе с США было вполне объяснимо: беспрошленный экспорт продукции в страны АТР принес бы США серьезный перевес в экономическом соперничестве с Китаем, крупнейшим американским ТНК — сверхприбыли, а союзники Вашингтона в регионе, в свою очередь, вместе с некоторыми уступками по экспорту товаров в США получили бы дополнительный стимул к сотрудничеству. Некоторыми политиками в США идея ТТП рассматривалась не только в плане материальной выгоды, но и в чисто геополитическом ключе: так, например, министр обороны при Б. Обаме Э. Картер заявил, что для него «ратификация соглашения о ТТП так же важна, как если бы речь шла о размещении еще одного нашего авианосца»⁴⁹. Б. Обама требовал от Конгресса ратифицировать соглашение о ТТП как можно скорее⁵⁰, однако этого не произошло: против соглашения высказывались как политические деятели⁵¹, так и активисты общественных организаций, прежде всего экологических, обвинивших ТТП в создании риска разорения фермеров в странах АТР⁵².

15.10.2016) ; Statement by the President on the Signing of the Trans-Pacific Partnership // The White House [official website]. 03.02.2016. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2016/02/03/statement-president-signing-trans-pacific-partnership> (mode of access: 15.10.2016) ; The Trans-Pacific Partnership :. What You Need to Know about President Obama's Trade Agreement // The White House [official website]. URL: <https://www.whitehouse.gov/issues/economy/trade> (mode of access: 20.12.2016) ; Fact Sheet: How the Trans-Pacific Partnership (TPP) Boosts Made in America Exports, Supports Higher-Paying American Jobs, and Protects American Workers // The White House [official website]. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/10/05/fact-sheet-how-trans-pacific-partnership-tpp-boosts-made-america-exports> (mode of access: 20.12.2016).

⁴⁹ *Parameswaran P.* TPP as Important as Another Aircraft Carrier: US Defense Secretary // The Diplomat [official website]. 08.04.2015. URL: <http://thediplomat.com/2015/04/tpp-as-important-as-another-aircraft-carrier-us-defense-secretary/> (mode of access: 15.10.2016).

⁵⁰ Обама требует от Конгресса США уже в этом году выполнить процедуры одобрения ТТП // Пульс планеты — Азия ИТАР-ТАСС. 2016. 04 февр.

⁵¹ *Goto S.* Could the TPP Actually Divide Asia? // The Diplomat [official website]. 22.10.2015. URL: <http://thediplomat.com/2015/10/could-the-tpp-actually-divide-asia/> (mode of access: 15.10.2016).

⁵² Evaluating the Trans-Pacific Partnership Pact // The New York Times [official website]. 08.10.2015. URL: <http://www.nytimes.com/2015/10/08/opinion/evaluating-the-trans-pacific-partnership-pact.html> (mode of access: 15.10.2016).

45-й президент США Д. Трамп еще в ходе своей предвыборной кампании заявлял, что при нем США выйдут из соглашения о ТТП, поскольку оно несет потенциальный вред для экономики страны, так же, как НАФТА — Североамериканское соглашение о свободной торговле с Канадой и Мексикой⁵³. После вступления в должность новоизбранного президента 23 января 2017 г. был подписан указ о выходе США из ТТП⁵⁴. С точки зрения Д. Трампа, проще и выгоднее развивать экономическое сотрудничество на двусторонней основе; кроме того, в США есть и такие отрасли, которые бы проиграли от снятия пошлин на товары из стран ТТП: это производство автозапчастей, сои, текстиля и лекарств⁵⁵. Япония, Австралия и Перу, однако, заявили, что будут «спасать» ТТП⁵⁶, при этом наибольшую активность продолжает демонстрировать японский премьер Синдзо Абэ⁵⁷. В других странах, например, в Чили, проект уже считают закрытым⁵⁸, хотя ранее желание присоединиться к ТТП высказывали и новые по-

---

⁵³ Transcript of the First Presidential Debate Between Hillary Clinton and Donald Trump // Time [official website]. 27.09.2016. URL: <http://time.com/4508768/presidential-debate-trump-clinton-transcript/> (mode of access: 20.11.2016).

⁵⁴ Трамп подписал указ о выходе США из Транстихоокеанского партнерства // ТАСС [официальный сайт]. 23.01.2017. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3965149> (дата обращения: 24.01.2017).

⁵⁵ *Габуев А. Т.* Трамп-Тихоокеанское партнерство // Московский центр Карнеги [официальный сайт]. 07.12.2016. URL: <http://carnegie.ru/2016/12/07/ru-pub-66389> (дата обращения: 24.01.2017).

⁵⁶ TPP sin EEUU: Japón, Australia y Perú buscan salvar acuerdo mientras China promueve su alternative // Diario Financiero [official website]. 23.11.2016. URL: <https://www.df.cl/noticias/internacional/actualidad-internacional/tpp-sin-eeuu-japon-australia-y-peru-buscan-salvar-acuerdo-mientras/2016-11-22/212955.html> (mode of access: 19.01.2017).

⁵⁷ Абэ хочет добиться от Трампа понимания значения соглашения о ТТП // ТАСС [официальный сайт]. 23.01.2017. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3962925> (дата обращения: 24.01.2017).

⁵⁸ См., например: «El TPP está muerto»: el lapidario juicio de un asesor de Trump sobre el acuerdo multilateral // Diario Financiero [official website]. 13.01.2017. URL: <https://www.df.cl/noticias/internacional/actualidad-internacional/el-tpp-esta-muerto-el-lapidario-juicio-de-un-asesor-de-trump-sobre-el/2017-01-13/155922.html> (mode of access: 19.01.2017).

тенциальные участники — Индонезия, Южная Корея, Таиланд и Филиппины⁵⁹.

На саммите АТЭС 2017 г. во Вьетнаме 11 государствами была достигнута договоренность о новом рамочном соглашении, являющем собой модифицированный вариант ТТП, — так называемом «Всеобъемлющем и прогрессивном соглашении о ТТП». В него решено не включать либо изменить ряд норм ТТП, например, снизить сроки действия прав на интеллектуальную собственность, а государства должны получить большую свободу в выборе действий. Однако и этот вариант пока не одобрен всеми участниками единогласно⁶⁰.

***

Подведем итог. Идея свободной торговли, с которой начинался проект ТТП, сама по себе, как показывает его развитие, имела смысл для участников объединения, но лишь до тех пор, пока эта интеграционная структура не приняла более широкий характер с участием США и Японии, с промышленностью которых компаниям, к примеру, Вьетнама или Мексики тягаться достаточно тяжело. В своем расширенном виде проект вызвал как множество противоречий между участниками, так и протесты в обществе. Переговорный процесс по нему напоминал уже не свободное движение навстречу друг другу, а перетягивание каната с преобладанием лидерских и геополитических амбиций, способное привести к простой и многократно описанной антиглобалистами ситуации, когда в результате глобализации и отдельных ее проявлений богатые становятся богаче, а бедные — беднее. Кроме того, в том виде, в котором ТТП при невероятных усилиях его лидеров было готово к институционализации, даже у условных «богатых» тоже выиграла бы только часть производителей.

---

⁵⁹ Соглашение о создании Транстихоокеанского партнерства подписано в Окленде // Пульс планеты — Азия ИТАР ТАСС. 2016. 04 февр.

⁶⁰ *Rana P. B., Ji X.* Will the resurrected TPP be ratified? // East Asia Forum [official website]. URL: <http://www.eastasiaforum.org/2017/12/05/will-the-resurrected-tpp-be-ratified/> (mode of access: 5.12.2017).

Представляется, что подобные крупные формы экономических блоков несут незримую отсылку ко временам торговых (и не только) империй, и если мировое сообщество действительно стремится к свободной торговле и честной равной конкуренции, то это отнюдь не показывает себя как наиболее достойный и устраивающий всех способ. Хотя, возможно, ситуация с данным интеграционным проектом еще может измениться, как и его рамки. Но конкуренция интеграционных проектов в АТР, особенно зон свободной торговли, продолжится, вовлекая в различные варианты взаимодействия всех участников региональной подсистемы международных отношений.

Раздел 5

ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЕ РЕГИОНОВ И СОПЕРНИЧЕСТВО ВНЕРЕГИОНАЛЬНЫХ АКТОРОВ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИИ

Глава 22

Объединение БРИКС: политическая природа и перспективы институционализации

Глава посвящена анализу имплементации мандата БРИКС в сфере глобальной безопасности и формирования мирового порядка, а также текущему процессу институционализации БРИКС. Прежде всего необходимо отметить, что термин «институционализация» *per se* представляется применимым к БРИКС как с научной, так и с политической точек зрения. Если рассматривать происхождение наименования, акроним БРИК был впервые использован Джимом О'Нилом, американским экономистом, бывшим аналитиком *Goldman Sachs* в одной из публикаций в 2001 г.¹ Именно схожесть моделей экономического развития позволила Дж. О'Нилу выделить конкретные четыре экономики (Бразилия, Россия, Индия, Китай), введя в оборот это сокращение. С тех пор объединение БРИК, в 2010 г. расширившееся до БРИКС после вступления в него Южно-Африканской Республики², эволюциони-

---

¹ *O'Neill J.* Building Better Global Economic BRICs // *Goldman Sachs* [official website]. URL: <http://www.goldmansachs.com/our-thinking/archive/archive-pdfs/build-better-brics.pdf> (mode of access: 29.03.2017).

² *Seria N.* South Africa to Join BRIC to Boost Emerging Markets // *Bloomberg.com* [official website]. 24.12.2010. URL: <http://www.bloomberg.com/news/>

рвало в одну из крупнейших и наиболее перспективных площадок для объединения усилий стремительно развивающихся стран в целом ряде областей.

Несмотря на тот факт, что экономика является основой для сотрудничества в группе БРИКС, вполне возможным (и в каком-то отношении желательным) является расширение долговременных целей за пределы этой сферы. Идентичные внешнеполитические принципы и схожесть поведения на международной арене предопределили необходимость включения вопросов глобальной безопасности и мировой политики в повестку БРИКС. Этот тезис можно подтвердить мнениями лидеров стран блока, в частности, бывшего председателя Китайской Народной Республики Ху Цзиньтао, который в 2012 г. называл государства — члены БРИКС «защитниками и двигателями интересов развивающихся стран»³. Вместе с этим председатель Ху делал акцент на том, что БРИКС работает с целью обеспечения «более рациональных международных отношений, более эффективного глобального управления и более прочного всеобщего мира»⁴. Посыл этой речи соответствует содержанию высказываний других глав государств БРИКС по теме влияния объединения на глобальное управление. Так, согласно суждению бывшего президента Бразилии Луиса Инасиу Лула да Силва, «БРИКС делает жизненно важный вклад в создание нового честного многополярного мирового устройства»⁵. Любопытно, что эта фраза была произнесена ещё ранее, а именно на Саммите БРИК 2010 г. Что касается недавних высказываний, Президент РФ В. В. Путин также подчеркивал, что страны — члены БРИКС будут использовать свой потенциал для поддержания мира, стабильности и разрешения международных конфликтов.

---

articles/2010-12-24/south-africa-asked-to-join-bric-to-boost-cooperation-with-emerging-markets (mode of access: 29.03.2017).

³ 'BRICS is the defender of the developing world' // The Hindu [official website]. 28.03.2012. URL: <http://www.thehindu.com/opinion/interview/brics-is-the-defender-of-the-developing-world/article3251562.ece> (mode of access: 29.03.2017).

⁴ Ibid.

⁵ Krickovic A., Pabst A. BRIC Offers an Alternative World Order // The Moscow Times [official website]. 19.04.2010. URL: <http://www.themoscowtimes.com/opinion/article/tmt/404154.html> (mode of access: 29.03.2017).

Хотя эти оценки были названы некоторыми западными экспертами достаточно обобщенными и описательными⁶, глобальная безопасность и смежные с ней аспекты получают все большее внимание в БРИКС. Тем не менее, если сравнивать ситуацию с другими международными форумами, станет очевидным, что повестка дня в сфере международной безопасности в настоящее время находится на стадии формирования. Экономическое развитие, в особенности с первого взгляда, все еще остается в центре внимания политиков. В то же время необходимо понимать взаимосвязь и взаимозависимость, которые существуют между экономикой и безопасностью как сферами сотрудничества в рамках международной организации. Даже на обыденном уровне концепция экономической безопасности может подразумеваться как фактор, объединяющий эти две области в рамках БРИКС: цель укрепления национальных валют была заявлена в качестве одной из основополагающих для этой структуры. Отказ от американского доллара в двусторонней и многосторонней торговле был заявлен как шаг в данном направлении. Учреждение пула резервных валют с уставным капиталом в 100 млрд долл. и Нового банка развития, о котором было объявлено в 2014 г. во время VI Саммита БРИКС в г. Форталеза, — еще одно практическое решение на официальном уровне в этом отношении⁷. Кроме того, следует помнить, что одна из долгосрочных целей БРИКС — максимизация конкурентных преимуществ стран объединения (в первую очередь имеются в виду население, территория, ресурсы и экономический потенциал), что в конечном счете способствует обретению дальнейшего международного веса всеми пятью участниками. В общем и целом такие меры направлены на преодоление зависимости от США как медиатора, или посредника в глобальной экономике, и таким

---

⁶ Chardell D. The BRICS: Beyond the Hype // The National Interest [official website]. 14.07.2015. URL: <http://www.nationalinterest.org/feature/the-brics-beyond-the-hype-13322> (mode of access: 29.03.2017).

⁷ Treaty for the Establishment of a BRICS Contingent Reserve Arrangement — Fortaleza, July 15 // Ministry of extend relations of the federative republic [official website]. URL: <http://brics.itamaraty.gov.br/category-english/19-press-releases/220-treaty-for-the-establishment-of-a-brics-contingent-reserve-arrangement-fortaleza-july-15> (mode of access: 29.03.2017).

образом обеспечивают и национальную безопасность пятерки государств.

Чтобы правильнее воспринимать положение дел, нужно иметь в виду, что рассматриваемые события имеют место в период после холодной войны. Некоторые американские политологи, в частности Ричард Хаас, также прибегали к термину *Post-Post-Cold-War* для описания миропорядка после трагедии 11 сентября 2001 г., значительно повлиявшей на международные отношения⁸. Другие политики и представители научных кругов (в особенности в России) описывают мир как постбиполярный⁹ (более широкое и всеобъемлющее понятие). Приверженность идеалам многополярного мира, декларируемая государствами — членами БРИКС, доказывает, что изменение конфигурации мирового устройства — одна из целей БРИКС.

С течением времени стало ясно, что геополитический мотив представляет собой одну из важнейших предпосылок для дальнейшего сближения пяти стран. Более того, некоторые специалисты, к примеру, Рамиш Такур, профессор Австралийского национального университета, идут дальше, утверждая, что политический фактор важнее экономики¹⁰. При таких обстоятельствах вскоре стало ясно, что во всех пяти странах внешняя политика становится средством выражения устремлений населения, и большое количество людей в этих государствах выступают за более глубокое и разностороннее сотрудничество в БРИКС, не только в плане экономики и торговли, но и в политике.

Даже на этой стадии развития можно говорить о реальной деятельности БРИКС, связанной со сферой безопасности. Регулярные встречи советников по национальной безопасности членов БРИКС служат примером, который может продемонстрировать важность проблем безопасности на повестке дня форума. Впер-

---

⁸ Haass R. N. Defining U. S. Foreign Policy in a Post-Post-Cold War World // US Department of State [official website]. 22.04.2002. URL: <http://2001-2009.state.gov/s/p/rem/9632.htm> (mode of access: 29.03.2017).

⁹ Батюк В. И. Постбиполярная ретроспектива мирового порядка // Международные процессы. 2010. № 2. С. 80–88.

¹⁰ BRICS: economic collaboration amidst geopolitical ambitions and limitations // YouTube. Norsk utenrikspolitisk institutt NUPI [official website]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=On0XCrZDnuo> (mode of access: 29.03.2017).

вые такое мероприятие было проведено в 2009 г.¹¹ и впоследствии по крайней мере до 2014 г. проходило ежегодно. Среди обсуждаемых тем были актуальные проблемы региональной и глобальной безопасности, такие как ситуация в Сирии и на Ближнем Востоке вообще, санкционный режим против Ирана, предотвращение террористических актов и борьба с организованной преступностью. В 2011–2012 гг., когда все пять государств оказались в числе членов Совета Безопасности ООН, их голоса по резолюциям, затрагивающим самые злободневные проблемы безопасности, например, ситуацию в Ливии, показали, что между странами нет дефицита взаимопонимания и доверия в этой сфере. Помимо прочего, лидеры государств — членов БРИКС на протяжении долгого времени обсуждают неотложные проблемы глобальной безопасности, включающие, к примеру, события в Сирии и Афганистане. Что касается относительно недавних событий, в марте 2014 г. министры иностранных дел встречались на полях Саммита по ядерной безопасности в Гааге, выразив общую обеспокоенность проблематикой мира и безопасности¹²; более того, примечательно, что, согласно словам министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова, Россия встретила понимание своей позиции по ситуации с украинским кризисом¹³. Подводя итог, следует отметить, что важность сферы международной безопасности и глобальной стабильности для группы БРИКС росла в течение последних лет.

Проанализируем различные подходы к международной безопасности и глобальному управлению в областях, релевантных для БРИКС. Бразильский ученый и публицист Оливер Штюнкель в своих работах обращает особое внимание на тематику между-

---

¹¹ *Stuenkel O.* The BRICS and the Future of Global Order. Lanham, 2015. P. 61.

¹² Chairperson's Statement on the BRICS Foreign Ministers Meeting held on 24 March 2014 in The Hague, Netherlands // Department of International Relations and Cooperation — South Africa [official website]. URL: <http://www.dfa.gov.za/docs/2014/brics0324.html> (mode of access: 29.03.2017).

¹³ Speech by the Russian Foreign Minister Sergey Lavrov and his answers to questions from the mass media during the press conference on the side-lines of the Nuclear Security Summit, The Hague, 24 March 2014 // МИД РФ [официальный сайт]. URL: http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/0/51430B0AE0E508D444257CA8001ECCF6 (mode of access: 29.03.2017).

народной безопасности, более пристально рассматривая ее в глобальном контексте¹⁴. Одна из наиболее важных краткосрочных задач в этом отношении — определение массива проблем в данной сфере, которые имеют в равной степени весомое значение для всех пяти стран. Разумеется, перечень этих проблем необходимо постоянно обновлять и адаптировать к турбулентным реалиям. Вышеозначенный формат регулярных встреч министров иностранных дел выглядит вполне приемлемым для этих целей, однако было бы разумно также учредить институт экстренных встреч *ad hoc*. Это обеспечило бы акторам возможность обсуждать наиболее острые и серьёзные вызовы системе глобальной безопасности и выработать коллективные меры реагирования на них. Если говорить о реализации этих норм в более отдаленной перспективе, приемлемым решением будет создание в рамках БРИКС межправительственного органа, ответственного за зону безопасности.

Проблема институционализации остаётся достаточно сложным и противоречивым вопросом для БРИКС. По настоящий день БРИКС как международный форум все еще не поддерживается никаким договором, что можно рассматривать как предпосылку для документального оформления группы. Как бы то ни было, на практике принципы деятельности БРИКС были уже определены *de facto*, и их закрепление *de jure* — лишь следующий шаг в этом направлении. Теоретически, разумеется, такой тип институционализации в известной степени является новым для системы международных отношений: по мере того как страны БРИКС, экономики которых определяются как стремительно развивающиеся, пытаются выработать правила игры (как глобально, так и внутри объединения), их стратегии и подходы могут подвергаться заметным изменениям. Член-корреспондент РАН В. М. Давыдов выделяет этот конкретный атрибут как характерный для БРИКС на текущей стадии развития¹⁵.

¹⁴ *Stuenkel O.* Is there potential for a BRICS security architecture? // Post Western World [official website]. 21.01.2013. URL: <http://www.postwesternworld.com/2013/01/21/is-there-potential-for-a-brics-security-architecture/> (mode of access: 29.03.2017).

¹⁵ Владимир Давыдов: БРИКС — главный геополитический враг США // Правда.Ру [информ.-аналитич. портал]. 14.01.2015. URL: <http://www.pravda.ru/news/world/14-01-2015/1243757-davydov-0/> (дата обращения: 29.03.2017).

Мультилатерализм может восприниматься как ключевая ценность как для группы в целом, так и для бразильской, российской, индийской, китайской и южноафриканской внешних политик, рассматриваемых по отдельности. Именно взаимодействие этих пяти держав может стать одной из основ будущей многополярной модели нового миропорядка. Соответственно, предотвращение ситуации, при которой единственный актор обладает контрольным пакетом акций в глобальной политике, становится одной из первоочередных целей БРИКС. Для претворения в жизнь этой важной установки государствам придется объединять усилия, направленные против однополярной модели в современной системе международных отношений, обеспечивая реализацию принципа верховенства права и противодействия двойным стандартам.

С другой стороны, БРИКС предстоит борьба за то, чтобы стать элементом международного процесса, что обеспечило бы плодотворный и конструктивный диалог между всеми странами при участии на равных условиях и отсутствии дискриминации. Это помогло бы углубить содержание БРИКС как концепта, не ограничивающегося географически «глобальным Югом» (тем более что существование диалога в формате «Юг — Север» в объединении само по себе является весьма позитивной тенденцией).

Региональная составляющая — один из краеугольных камней деятельности БРИКС, что также отражается на сфере безопасности. Идеи, связанные с архитектурой региональной безопасности в АТР, развиваемые в начале и середине 2010-х гг. двумя государствами БРИКС, Россией и Китаем, могут быть с поправками экстраполированы на другие части мирового пространства благодаря другим трем членам БРИКС. Дальнейшие меры могут включать в себя противодействие вмешательству внешних игроков (в особенности из иных регионов), позиционирующих такие действия как средство разрешения международных конфликтов. Альтернативой такому вмешательству может стать развитие института международных переговоров. Таким же образом содействие и продвижение двустороннего сотрудничества между странами БРИКС помогло бы смягчить остающиеся между ними разногласия. Дан-

ный список предложений может быть расширен впоследствии. В любом случае БРИКС представляет собой нечто гораздо большее, нежели систему билатеральных связей, и отношения между его членами нуждаются в гармонизации, что может послужить цели выработки равных правил игры.

Что до национальных интересов, пять государств могли бы объединить свои усилия, чтобы вместе успешно взаимодействовать против внешних угроз, таких как попытки извне искусственно подогревать различные формы национализма, экстремизма, а также межэтнические, религиозные и социально-политические трения, по той причине, что население практически всех стран БРИКС может считаться многоэтническим и мультиконфессиональным. Внешние силы предпринимали многочисленные попытки использовать крупные мероприятия в Китае (летние Олимпийские игры 2008 г.), России (зимняя Олимпиада 2014 г.) и Бразилии (чемпионат мира по футболу 2014 г.) в качестве предлога для дестабилизации внутренней обстановки в упомянутых странах, также вредя их международному имиджу. И все же было бы разумно избегать совпадения мандата БРИКС и иных международных организаций. К примеру, задача предотвращения пограничных конфликтов в Евразии уже стоит перед ШОС. Но это не отменяет серьезного характера проблемы безопасности морских границ для участников БРИКС, все из которых имеют выход к морю.

Возможная реформа Совета безопасности ООН представляет собой еще один непростой вопрос: в апреле 2015 г. министр иностранных дел РФ С. В. Лавров признал, что проблема потенциального расширения этого органа стоит на повестке дня Генеральной Ассамблеи ООН¹⁶. Более того, С. В. Лавров подчеркнул, что новые индустриальные страны не представлены в Совбезе должным образом на текущий момент. Стоит упомянуть, что два государства БРИКС, а именно Россия и Китай, имеют статус постоянных членов Совета безопасности. Учитывая данный факт, можно сделать заключение, что БРИКС может стать одной из платформ для обсу-

---

¹⁶ Лавров: расширение Совета Безопасности ООН назрело // ТАСС [официальный сайт]. 27.04.2015. URL: <http://tass.ru/politika/1935181> (дата обращения: 29.03.2017).

ждения этого предмета и вербализации различий в официальных позициях стран для избежания недопонимания.

Некоторые ученые и журналисты утверждают, что ряд стран (например, Турция, Индонезия, Мексика) вскоре будут стремиться стать частью группы БРИКС¹⁷. Однако важно, чтобы расширение происходило исключительно постепенно и на основе целесообразности. Следовательно, было бы не лишним со временем рассмотреть возможность введения института наблюдателей либо ассоциированного членства, что в большей степени является вопросом политической воли. Это бы непременно привело к дальнейшему увеличению релевантности регионального компонента благодаря вовлечению иных стран, в том числе и в формате „outreach“¹⁸. Этот сценарий соответствует накопленному БРИКС опыту прошлых лет: несколько лет назад Диалоговый форум IBSA¹⁹ на деле в полном составе стал частью БРИК, когда Южная Африка стала пятым членом структуры. С другой стороны, К. Морассо отмечает, что ЮАР после своего вступления в БРИКС начала развивать стратегии, которые ранее не применялись в рамках IBSA²⁰. В ближайшем будущем БРИКС продолжит уделять особое внимание сотрудничеству в следующих регионах: Азия (в первую очередь Восточная и Юго-Восточная, однако также крайне необходимо иметь в виду Ближний Восток); Южная и Центральная Америка и в некоторой степени Карибский бассейн; наконец, Африка. Этот список можно также дополнить Европой, учитывая, к примеру, предложение России пригласить Грецию к участию в Новом банке развития БРИКС²¹.

---

¹⁷ BRICS moving toward the Islamic world // Russia Beyond [информ.-аналитич. портал]. 24.03.2015. URL: http://in.rbth.com/world/2015/03/24/brics_moving_toward_the_islamic_world_42157 (mode of access: 29.03.2017).

¹⁸ *Торончин Г.В.* От Гоа до Сямэня : О некоторых аспектах политического сотрудничества в рамках БРИКС // Вестн. международных организаций. 2017. Т. 12. № 1. С. 174–188.

¹⁹ IBSA Trilateral // IBSA Trilateral [official website]. URL: <http://www.ibsa-trilateral.org> (mode of access: 29.03.2017)

²⁰ *Morasso C. M.* Los intereses de Sudáfrica como BRIC // Revista Conjuntura Austral. Vol. 4, no. 18. Jun.-Jul., 2013. P. 11–26.

²¹ *Christides G.* Entwicklungsbank der Brics-Staaten: Moskau lockt Griechenland vom IWF weg // Spiegel official website]. 12.05.2015. URL: <http://www.spiegel.de/>

***

Вовлечение третьих стран в БРИКС благодаря совместным проектам как на двусторонней, так и на многосторонней основах в целом представляется перспективной и успешной стратегией, не говоря уже о влиянии на социальную сферу и эффект мультипликатора. Такие предприятия, включая инициативы по безопасности, могли бы финансироваться Новым банком развития. В области экономической безопасности БРИКС может учредить свое собственное рейтинговое агентство, которое способствовало бы формированию альтернативного мнения, увеличивая влияние группы по всему миру. Члены БРИКС продолжают координировать свои позиции не только в международных экономических институтах, таких как МВФ или Всемирный банк, но также и внутри ООН и ее многочисленных структур. Экономическая безопасность, в свою очередь, в высшей степени взаимосвязана с энергетической безопасностью. Растущее потребление энергии предопределяет срочную необходимость формирования общего подхода к этой проблеме. Роль как традиционных (в особенности так называемых углеводородных — угля, нефти и газа), так и возобновляемых источников энергии, включая атомную энергетику, не может быть недооценена для стран БРИКС: в то время как Китай и Индия остаются в первую очередь потребителями энергии, Бразилия, Россия и ЮАР обладают значительными энергетическими ресурсами. Проект совместного банка топлива мог бы также стать одним из решений.

Как было показано, различные аспекты безопасности для БРИКС не ограничиваются несколькими сферами. Среди других факторов, остающихся на повестке дня для группы, обеспечение информационной безопасности. Наконец, ещё одной целью является создание позитивного имиджа БРИКС на международной арене. В любом случае странам БРИКС придется координировать разработку собственной стратегии, максимизирующей эффективное использование «мягкой силы» (в частности, информационные каналы, такие как *Russia Today* либо ССТV, могут рассматриваться как стартовые площадки). Совместные «фабрики мысли» могли бы

работать с целью объединения усилий ведущих исследователей для информирования общественности и выработки методических рекомендаций. Все эти меры, если они в итоге окажутся достаточно обоснованными теоретически и эффективно реализованными на практике, могут на самом деле быть включены в среднесрочную стратегию развития БРИКС.

Глава 23

Инновационное развитие и диспаритеты экономик стран БРИКС

Бразилия, Российская Федерация, Индия, КНР и ЮАР — общепризнанные страны-тяжеловесы мирового хозяйства, имеющие ряд схожих экономических, социальных и политических признаков. Их значение в мировой экономике с каждым годом возрастает, и не только как производителей стандартных товаров и услуг, поставщиков сырья и продовольствия на мировой рынок, но и как создателей новых технологий, креативных решений, инновационных продуктов. Важнейшую роль в этом играют формирующиеся инновационные системы этих стран, в развитии которых государство принимает активное участие.

Наряду с чертами сходства и различия в социально-экономических показателях, страны БРИКС демонстрируют наличие многих общих черт в развитии научно-технической сферы. По показателям роста числа студентов высших учебных заведений, исследователей, занятых в научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработках (НИОКР), публикаций, патентов они являются мировыми лидерами и приближаются к уровню развитых государств. В странах БРИКС имеется огромный потенциал будущего мирового лидерства в области наукоемкого производства и знаниеинтенсивных услуг¹. В отдельных высокотехноло-

---

¹ Отрасль считается наукоемкой, если расходы на НИОКР от оборота капитала ее предприятий превышают средние показатели по другим отраслям

гичных отраслях они уже сейчас занимают ведущие позиции. Некоторые из них являются космическими и ядерными державами, входят в число крупнейших автомобильных и авиационных производителей мира. В области новейших высоких технологий также наблюдается существенный прогресс. КНР, Индия, ЮАР с каждым годом усиливают свои позиции на рынках информационных и телекоммуникационных услуг, в производстве сложной электронной техники, фармацевтике. В РФ и Бразилии интенсивно развивается информационный сектор, растет экспорт продуктов программного обеспечения и других высокостоймых услуг. В промышленном и энергетическом секторе государств БРИКС заметен переход к новому технологическому укладу, характеризующемуся ростом значения «зеленых» технологий, альтернативной энергетики. Страны БРИКС стали приоритетным направлением движения иностранного венчурного капитала. В них самих появляются новые транснациональные высокотехнологичные игроки, действующие уже во многих странах мира.

Следующий общий признак состоит в том, что научно-производственная система этих стран крайне дуалистична и характеризуется наличием как секторальных, так и региональных диспаритетов. В хозяйстве стран БРИКС существуют одновременно два сектора экономики — современный (инновационный, «постфордистский») и традиционный (трудо-, капиталоемкий, «фордистский»). Современный сектор охватывает экспортоориентированные, конкурентоспособные на мировом рынке отрасли обрабатывающей промышленности и сферы услуг. В нем наука и производство тесно взаимосвязаны. Конкурентоспособность отраслей зависит от уровня кооперации и взаимодействия исследовательских и производственных структур. Традиционный же сектор характеризуется слабой инновационностью, низким уровнем интеграции науки и производства. Он охватывает низкотехнологические отрасли горнодобывающей промышленности и традицион-

---

промышленности (по странам ОЭСР — 4%). К знаниеинтенсивным услугам относятся отрасли сферы услуг, в которых доля лиц с высшим образованием, а также доля занятых непосредственно в НИОКР превосходит средние показатели по другим отраслям услуг.

ное сельское хозяйство. Дуалистичность хозяйственных структур наблюдается также и в лидирующих экономиках мира, но в странах БРИКС поляризация традиционного и современного сектора наиболее высока. Во всех перечисленных странах наблюдаются в этом отношении разительные контрасты. Например, в индийском технополисе Бангалор блеск и чистота высокотехнологичных лабораторий соседствуют с нищетой и грязью неформального сектора экономики.

Дуализм в развитии — характерный признак не только научно-производственной системы этих стран, но также их социальной и региональной структуры. Различия между доходами населения, жизненным уровнем регионов, городского и сельского населения достигают в странах БРИКС значительных размеров. ЮАР является в этом отношении мировым лидером². В Бразилии 20 % наиболее богатых слоев населения концентрируют 75 % национального богатства страны. В то же время на 20 % бедных слоев населения приходится лишь 2,3 %. В РФ, КНР и Индии эти соотношения не столь разительны³. Неудивительно, что в этих странах проживает порядка 50 % всего бедного населения планеты. Также велики различия в уровне жизни между регионами внутри этих стран. Как правило, уровень жизни в центральных районах в несколько раз превышает таковой в периферийных.

Диспаритеты характерны и для территориального размещения высокотехнологичной промышленности стран БРИКС. В них отмечается высокая концентрация инновационных ресурсов (финансирование НИОКР, число высокотехнологичных предприятий, количество регистрируемых патентов) лишь в отдельных регионах. На один штат Сан-Паулу в Бразилии приходится более 50 % финансирования НИОКР страны. Москва и Санкт-Петербург концентрируют 33 % национальных организаций, проводящих НИОКР в России. В Шанхае и Пекине создается 60 % всех инновационных продуктов, а три штата Индии (Махараштра, Гуджарат и Тамилнад) создают 50 % регистрируемых изобре-

---

² См. об этом: World Bank [official website]. URL <http://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI> (mode of access: 18.04.2017).

³ Россия и страны мира 2015. М., 2015. С. 265.

ний страны⁴. Периферийные регионы практически исключены из национального инновационного процесса.

Правительствами стран проводится научно-технологическая политика, направленная на преодоление технологического отставания от ведущих индустриальных государств и переход к эндогенному инновационному развитию (о чем свидетельствуют национальные программы). Однако реализация задач научно-технологической политики проходит одновременно, что отражается на различиях в уровне развития инновационных систем между странами. КНР удалось в относительно короткий период в большей или меньшей степени диверсифицировать структуру хозяйства, провести реформы в образовании и научной сфере. В период 1980–1990-х гг. этим государством были приняты программы научно-технологического развития (программа 863 (1986 г.), программа *Torch* (1988 г.), программа 973 (1997 г.)), стимулирующие развитие высокотехнологичных отраслей. В стране резко возросли расходы на финансирование приоритетных отраслей науки и образования, поддержку инновационной активности предприятий. Академия наук КНР стала инициатором создания многих наукоёмких предприятий, в том числе знаменитой компании *Lenovo*. Как и в Индии, в ЮАР и в КНР созданы специальные зоны для развития высоких технологий. Успех этой политики отражается на показателях роста научно-технического потенциала, патентной и научной активности, увеличении доли продукции высокотехнологичных отраслей в структуре экспорта.

В научно-технологической политике Бразилии концепция инновационного развития стала доминировать с конца 1990-х гг., в РФ и ЮАР — с начала 2000-х гг. В этих странах также разработаны программы по развитию инновационной экономики. В них выделены приоритетные отрасли развития новой экономики: информационные технологии, нано- и биотехнологии, создание новых

---

⁴ Coy M., Schmit T. Brasilien- Schwellenland der Gegensätze // Geographische Rundschau. 2007. № 9. P. 32 ; Liefner I. Ausländische Direktinvestitionen und internationaler Wissenstransfer nach China. Berlin, 2006. S. 216 ; Россия в цифрах 2016 // Федеральная служба государственной статистики (Росстат) [официальный сайт]. URL <http://www.gks.ru> (дата обращения: 18.04.2017).

материалов, новых источников энергии, технологий защиты окружающей среды. Наблюдаются изменения и в образовательной и научной системе. В Бразилии доля высокотехнологичной продукции гражданского сектора достигает в структуре экспорта 19 %, в РФ она, по оценкам, не превышает 0,5 %. Начиная с 1970-х гг. в Бразилии происходит рост экспорта машиностроительной продукции, сокращение доли сырьевых отраслей. Однако данное развитие не линейно, а скорее циклично, определяемо конъюнктурой на мировых рынках⁵. В РФ и ЮАР до сих пор доминирует экспорт сырья, а также продуктов с низкой добавленной стоимостью. Отход от преимущественно сырьевой ориентации экономики РФ — наиболее актуальная задача российской экономической политики. Переход к инновационной экономике в обеих странах возможен лишь путем усиления инновационной системы страны (как национальной, так и региональных) за счет программ развития науки, образования, предпринимательского сектора, а также стимулирования взаимодействий между ними, с одновременной интеграцией стран в мировую инновационно-производственную систему, с привлечением в страну высокотехнологичных компаний, способных инициировать процессы трансфера знаний в российские предприятия, обучения, а также обеспечить доступ к растущим рынкам мира.

Инновации и инновационные системы

Концепция инновационного развития занимает одно из центральных мест в теориях регионального роста. Региональный рост формируется за счет увеличения капитала территории. Рост капитала достигается за счет создания конкурентных преимуществ в торговле. Инновационная составляющая товаров (услуг) является тем фактором, который способствует монополизации производителем определенной части товарного рынка (рынка услуг) и тем самым получению наибольшей прибыли (концепция «инновационной ренты»). По истечении времени конкуренты начинают производить схожие продукты, тем самым конкуренция обостряется. Это подталкивает предприятие к созданию последующих ин-

---

⁵ *Kohlhep E.* Brasilien Entwicklungsland oder tropische Großmacht des. 21 Jahrhundert? Tübingen, 2003. S. 212.

новаций. Концепция «инновационной ренты» объясняет, почему отдельные регионы и крупные компании отказываются от собственного производства и концентрируют свою деятельность в высокостоимостных отраслях услуг — НИОКР, дизайне, логистике, рекламе — в тех областях, в которых быстрее всего можно достичь конкурентных преимуществ.

По определению К. Кошатского, создание инноваций представляет собой «эволюционный кумулятивный интерактивный взаимосвязанный процесс трансфера информации и знаний в новшества технического, социального или организационного характера»⁶. Процесс характеризуется наличием определенного риска, поиском информации, ее кодированием и декодированием, а также взаимным обучением. Инновационный процесс носит системный характер и базируется на взаимодействии инновационных акторов. Производство инноваций невозможно на сегодняшний день осуществить в рамках одного предприятия. Для их создания необходимы сотрудничество и интеракция различных акторов, осуществляющих свои функции в рамках инновационного процесса. Группы взаимодействующих, разнообразных по своей структуре и форме собственности инновационных акторов территории образуют региональную инновационную систему (РИС).

Согласно основным положениям теории РИС, она представляет собой территориальную сеть фирм и организаций региона (научно-исследовательских, административных, специализированных и др.), взаимодействующих между собой в рамках инновационного процесса⁷. Она состоит из двух подсистем: во-первых, из подсистемы производства и трансфера знаний, в которую входят исследовательские и управленческие организации; во-вторых, из подсистемы адаптации и трансформации знаний, в которых происходит превращение знаний в коммерческий товар (промышленные предприятия, компании сферы услуг и т. д.).

---

⁶ Koschatzky K. Räumliche Aspekte im Innovationsprozess : LIT. Münster, 2001. S. 199.

⁷ Autio E. Evaluation of RTD in regional systems of innovation // Europ. Planning Studies. 1998. № 2. P. 131.

Как правило, между РИС более сильных и более слабых экономик существуют огромные различия. Во многих развивающихся странах центральные элементы (организации) инновационной системы отсутствуют или представлены рудиментарно. В большинстве государств из структур системы можно обнаружить лишь университеты, которые способны производить в ограниченном количестве новые знания без их дальнейшей коммерциализации. Субсистема приложения знания, превращения его в коммерческий товар, представленная в лидирующих странах технологическими предприятиями, развита намного слабее. Эта проблема характерна в большей или меньшей степени для инновационных систем ЮАР, РФ, Бразилии, Индии, КНР. Доля предприятий, способных производить инновационные продукты и процессы, намного ниже уровня ведущих экономик мира (в среднем 23 % по промышленности, в ЕС — 40 %). Из этого следует, что развитие субсистемы приложения знаний должно иметь приоритет для повышения эффективности РИС. РИС имеют следующие важнейшие характеристики.

Эволюционность. Инновационная система не появляется за один день. Ее становление есть результат исторического развития нации. Это продукт иногда многовековой эволюции сфер культуры, экономики и науки страны, результат их все большего взаимовлияния, взаимопроникновения. Особенности исторического развития этих сфер существенно влияют на современные структуры страны и регионов⁸. Технологическое развитие региона идет по определенному пути, который во многом определяется предыдущими историческими событиями.

Современные научные системы Бразилии, Индии, КНР и ЮАР отличаются молодостью и, с точки зрения эволюционного развития национальной науки (Академия наук ЮАР была учреждена в 1996 г.)⁹, по числу оригинальных научных школ и направлений значительно уступают западным странам и РФ. В КНР система

---

⁸ Например, трудно представить современную специализацию региона Штутгарт (ФРГ) без изобретений проживавших здесь в XIX в. Р. Боша и Г. Даймлера, положивших начало производству автомобилей в регионе и становлению крупнейшего кластера автомобильной индустрии Европы.

⁹ *Pabst M. Süd Afrika. München, 2008. S. 33.*

науки образована по советскому принципу, с доминированием в ее структуре академических научных учреждений. В Индии исследования проводят как специализированные институты, так и университеты. В Бразилии и ЮАР научно-исследовательская деятельность сконцентрирована в университетах¹⁰. Несмотря на историческое отставание научно-технологического комплекса от наиболее передовых экономик, в этих государствах (особенно в КНР, Индии) с середины 1990-х гг. становится популярна концепция инновационного «скачка» или «прыжка» (*англ.* leap-frogging), утверждающая возможность перехода к новой технологической парадигме, без эволюционного развития. В основе концепции лежит тезис, что технологический прогресс возможен также за счет революционных преобразований внутренних структур страны.

Интерактивность. Разделение труда в инновационном процессе и кооперация между его акторами представляют важнейший момент его организации. Учитывая сложность инновационного процесса, в нем участвуют различные по своей структуре и функциям организации. Сотрудничество может идти по вертикальной линии инновационного процесса, а также по горизонтальным сетям инновационной и обучающей деятельности. Интеракции (взаимодействия) между инновационными акторами усиливаются, если они расположены в непосредственной пространственной близости друг от друга. При этом диффузия так называемых неcodифицированных знаний предполагает непосредственный личный контакт между акторами. Поэтому инновационные регионы охватывают крупные города с большим числом включенных в инновационный процесс организаций. Для усиления инновационного взаимодействия организаций правительства многих стран, в том числе РФ, Бразилии, ЮАР, Индии и КНР, проводится политика создания на их территории так называемых технологических парков, кластеров, зон высоких технологий. В них, по мнению их создателей, интенсивность взаимодействий между акторами инновационного процесса смогла бы достичь максимальной величины. Кроме того, в парках молодые предприятия получают

---

¹⁰ Ковалев Ю. Ю. География мировой науки. М., 2002. С. 64.

широкую поддержку со стороны региональных государственных структур в виде капитала, информации, знаний. Из наиболее удачных проектов в этих странах можно назвать парк *Zhongguancun* в Пекине, «Электронный город» в Бангалоре (Индия) и «Кампинас» в Бразилии.

Инновационные системы стран БРИКС

Уровень развития инновационной системы страны или региона отражается в ее способности генерировать инновационные идеи и притягивать к себе талантливых работников со всего мира (креативный класс). Такие страны (регионы) отмечаются высокими показателями изобретательской активности, большой долей высококвалифицированного персонала в структуре региональной занятости, наличием высокотехнологических фирм как в промышленном секторе, так и в сфере обслуживания. Регионы с высокими показателями инновационной деятельности получили название инновационных регионов.

При определении инновационной мощности регионов используют показатели, оценивающие как материальные ресурсы, кадровое обеспечение в НИОКР, так и показывающие основной «выход» инновационной деятельности. Материальные затраты отражаются в затратах на НИОКР, а также в отчислениях от ВВП страны (региона). Научно-технический и обслуживающий персонал, занятый в исследованиях и разработках, оценивается в абсолютных и относительных показателях. Результаты инновационной деятельности измеряются по числу заявленных патентов. Здесь можно использовать как абсолютные показатели, так и численность патентов в отношении к населению страны или региона. Посредством патентирования изобретатель получает право на монопольное использование своего инновационного продукта и, тем самым, получение инновационной ренты от своего изобретения. Хотя как «входные», так и «выходные» показатели, оценивающие инновационную деятельность, имеют определенные недостатки, они позволяют в целом судить об уровне инновационности территории и, тем самым, о степени развития национальной или региональной инновационной системы.

Инновационные ресурсы стран БРИКС

Страны БРИКС имели в середине 1990-х гг. в целом небольшие расхождения по ресурсному обеспечению инновационной деятельности: абсолютные затраты на НИОКР колебались в этой группе государств от 1 млрд долл. в ЮАР до 10,4 млрд долл. в КНР¹¹. В течение 20 последующих лет картина кардинально изменилась. В 2013 г. Китай вышел на второе место в мире по абсолютным показателям инвестиций в исследования и разработки. Его затраты в 2013 г. в шесть раз превосходили расходы Индии (42,8 млрд долл.), более чем в девять раз — Бразилии, в 11 раз — России (соответственно, 31,3 и 24 млрд долл.), и в 70 раз — расходы ЮАР. Инвестиции в НИОКР КНР (290 млрд долл.) уступают по своему объему лишь США (396 млрд долл.) и в два раза превышают инвестиции общепризнанного технологического лидера — Японии (140 млрд долл.)¹². В 2013 г. на страны БРИКС приходилось 26,6% всех мировых затрат на НИОКР.

По доле затрат на НИОКР от ВВП лидерство среди стран БРИКС принадлежит также КНР. В этой стране в 2013 г. отчисления превышали 2,08%, что практически в три раза выше средних показателей по развивающимся странам и выше расходов таких государств, как Нидерланды, Италия, Испания. Поражает усиленный рост показателя в КНР. Если в 1995 г. затраты на НИОКР от ВВП составляли 0,5%, то в 2000 г. — 0,9%, в 2003 — 1,2%, 2007 — 1,4%, 2013–2,08% (в большинстве ведущих стран затраты от ВВП практически не изменились). Тем самым, очевидна реализация КНР стратегии «прыжка» в инновационную экономику, базирующаяся на усилении сектора науки и технологий посредством гигантских инвестиций и увеличения научно-технического персонала. В других странах БРИКС отмечался незначительный рост отчислений на НИОКР от ВВП. В РФ он вырос за этот период от 0,85 до 1,12%, в Бразилии — от 0,7 до 1,15%, Индии — 0,7 до 0,82%¹³.

¹¹ UNESCO Science Report 1998 : The Current Status of Science around the World. Paris, 1998. P. 21.

¹² UNESCO Science Report 2015. Towards 2030. Paris, 2015. P. 26.

¹³ Science and Engineering Indicators 2016 // National Science Foundation [official website]. URL: <http://www.nsf.gov/statistics/seind16/start.htm> (mode of access: 18.04.2017).

Затраты на НИОКР распределяются неравномерно по секторам его исполнения. В трех странах, а именно в Бразилии, РФ и КНР, в предпринимательский сектор были направлены главные инвестиции в НИОКР. В КНР на него приходится более 76 % расходов на НИОКР, в РФ — 58,7 %, в ЮАР — 43 %, в Бразилии — 40,2 % и в Индии — 35 %¹⁴. По сравнению с лидирующими индустриально развитыми странами, страны БРИКС (за исключением КНР) еще уступают им по доле предпринимательского сектора в структуре НИОКР, но опережают многие другие государства.

Однако, если рассматривать структуру финансирования НИОКР по источникам средств, то здесь можно обнаружить определенные расхождения между секторами исполнения и финансирования. В Российской Федерации главные средства на финансирование как государственных научно-исследовательских организаций, так и предпринимательских структур поступали из государственного бюджета РФ. Государство обеспечивает 56,7 % финансирования гражданских НИОКР. На предпринимательский сектор приходилось 16,8 % финансирования НИОКР страны (один из самых низких показателей в Европе) или, в суммарном выражении, 3,8 млрд долл., что, например, превышало затраты на НИОКР любой из стран Восточной Европы¹⁵.

Во всем мире наблюдается тенденция к сокращению доли государственного сектора в финансировании НИОКР и рост предпринимательского сектора. Та же тенденция характерна и для стран БРИКС. В РФ, Индии, Бразилии, КНР с середины 1990-х гг. наблюдается рост доли предпринимательского сектора. В КНР, например, доля государства в финансировании НИОКР составляла в 2012 г. 21,7 % (в 2006 — 24,9 %), и большая часть этих средств шла на финансирование фундаментальной науки. Государство финансировало также НИОКР крупных и средних китайских предприятий на 50 % в 1980-х гг., в 1990-х гг. — на 25 %, в начале 2000-х гг. — на 10 %¹⁶. Большая часть этих средств направляется на исследования и разработки государственных предприятий. Малые предприятия

---

¹⁴ UNESCO Science Report 2015.

¹⁵ Россия в цифрах 2016.

¹⁶ *Liefner I.* Op. cit. S. 229.

испытывают недостаток капитала и поэтому стараются попасть под опеку одной из многочисленных зон высоких технологий, где они могут рассчитывать (хотя и не всегда) на региональную поддержку.

Государство в КНР все больше отходит от практики прямого финансирования научно-исследовательских работ, но поощряет инновационную деятельность организаций через введение налоговых льгот, совместное финансирование проектов, страхование инновационных рисков промышленных предприятий, координацию исследований и стимулирование технологических трансфертов. В начале XXI в. в КНР насчитывалось 10,4 тыс. высокотехнологичных фирм с оборотом капитала, превышающим 5 млн юаней в год. Из них 70 % проводили собственные научные исследования и разработки¹⁷.

Среди стран БРИКС РФ имеет наименьшую долю предприятий, производящих инновационные продукты. В 2010 г. всего лишь 11,4 % промышленных предприятий РФ относились к инновационным (в Бразилии — 35,9 %, КНР — 29 %, Индии — 18,5 %, ЮАР — 21 %)¹⁸. Низкая инновационность российских предприятий связана с незаинтересованностью их руководства в развитии собственных инноваций, с высокими рисками, слабой поддержкой со стороны государства. В Индии, Бразилии наблюдается значительный рост высокотехнологичного производства с увеличивающимися расходами на НИОКР. Благодаря многочисленным факторным преимуществам (квалифицированный и дешевый труд, относительно развитая инфраструктура в отдельных регионах) эти страны стали привлекательны для переноса в них отдельных видов наукоемкой деятельности из других стран, что вызвало настоящий бум сектора высоких технологий.

В Индии образовались отдельные инновационные регионы, специализирующиеся на развитии высоких технологий. Так, в агломерации Бангалора насчитывается более 250 тыс. программистов, что превышает численность их коллег в Силиконовой

---

¹⁷ Liefner I. Op. cit. S. 230.

¹⁸ UNESCO Science Report 2015. P. 89.

долине США¹⁹. Наряду с иностранными компаниями, здесь ведут свою деятельность такие индийские гиганты мировой информационной индустрии, как *Infosys* (численность занятых выросла в период 2001–2007 г. более чем в семь раз (с 9,8 до 70 тыс. чел.), *Wipro* (компания увеличилась в этот период с 9,9 до 66 тыс. чел.), *Tata Consultancy Service* с численностью занятых 84 тыс. чел. (в 2001 г. — 13 тыс. чел.)²⁰. В Бразилии можно выделить компанию *Embraer*, являющуюся крупнейшим высокотехнологичным экспортером страны.

Гуманитарные ресурсы — важнейший фактор инновационного развития страны и регионов. Без квалифицированных талантливых работников инновационная экономика невозможна. Вот почему наблюдается обострение конкуренции между регионами мира за глобальный интеллектуальный капитал (специалистов, ученых, инженеров), что приводит к интернационализации инновационных регионов и стимулирует интеллектуальную миграцию. Страны БРИКС обладают огромными человеческими ресурсами, способными развивать инновационную экономику. В 2013 г. они концентрировали практически 30 % мирового персонала, занятого в исследованиях и разработках. При этом на КНР приходилось 65,2 % занятых в НИОКР стран БРИКС (1484 тыс. чел.), на РФ — 19,3 % (440 тыс. чел.), на Бразилию — 6 % (138 тыс. чел.), на Индию — 8,4 % (192 тыс. чел.), на ЮАР — 0,9 % (21,4 тыс. чел.)²¹.

Несмотря на в общем значительный человеческий потенциал, в этих странах отмечаются различные тенденции в его развитии. В Индии, Бразилии и КНР наблюдается рост научных и инженерных кадров и вспомогательного персонала. В период 2002–2013 гг. они выросли в КНР практически в два раза (с 750 до 1484 тыс. чел.), в Бразилии число занятых увеличилось более чем на 70 тыс. чел., в Индии — на 39 тыс. чел.²² В РФ в этот же период персонал сократился на более чем 40 тыс. чел., а всего с момента распада СССР из

---

¹⁹ *Kämpf T.* Die neue Unsicherheit: Folgen der Globalisierung für hochqualifizierte Arbeitnehmer. Frankfurt a/M, 2008. S. 173.

²⁰ *Ibid.* S. 174.

²¹ UNESCO Science Report 2015. P. 53.

²² *Ibid.* P. 55.

российской науки как основы инновационной деятельности страны ушло более полумиллиона человек. Такой гигантский масштаб разрушения одной из важнейших сфер культуры и деятельности человека не имеет аналогов в истории. Только в период 1991–1997 г. страну покинуло более 70 тыс. ученых²³. С 1990 до 2006 г. было ликвидировано 1047 научных организаций, их сотрудники были уволены или переведены в другие научные учреждения²⁴. Сокращение численности занятых продолжается по настоящий период, хотя темпы «сжатия» замедлились.

Результаты инновационной деятельности:

патенты и экспорт

О степени эффективности национальной и региональной инновационной системы позволяет судить индикатор патентной активности региональных акторов и иностранных заявителей, выраженный в количестве заявленных патентов. Данные о национальной и региональной патентной активности позволяют оценить уровень технологического развития (табл. 2).

Таблица 2

Патентование изобретений в странах БРИКС в 1995 и 2012 г.²⁵

Страна	Поступило патентных заявок (тыс.)		В том числе от национальных заявителей (тыс.)	
	1995 г.	2012 г.	1995 г.	2012 г.
РФ (данные 2015 г.)	22,2	45,5	17,5	29,2
Индия	6,5	43,9	1,5	9,5
КНР	18,6	652,7	10,0	535,8
Бразилия	7,4	30,4	2,7	4,7
ЮАР	–	–	0,883	0,608

Анализ статистических показателей демонстрирует абсолютное лидерство КНР по числу заявленных патентов. В 2012 г. она зани-

²³ Ковалев Ю. Ю. География мировой науки. С. 69.

²⁴ Россия в цифрах 2016 ; *Liefner I.* Op. cit. S. 229.

²⁵ Сост. по: Patent applications, residents — for all countries // Factfish [official website]. URL: <http://www.factfish.com/statistic/patent+applications%2C+residents> (mode of access: 18.04.2017).

мала первое место в мире, опережая таких технологических гигантов, как США (542 тыс.) и Япония (342 тыс. заявок). Численность заявок на выдачу патентов в КНР в десятки раз превосходит средние показатели по другим странам БРИКС, что несомненно ставит ее в лидеры данной группировки. Поражает стремительный рост патентной активности в КНР. В период 1995–2006 гг. число заявок выросло более чем в 11 раз (с 18 до 210 тыс., что превосходило рост национальных финансовых отчислений на НИОКР за тот же период (в восемь раз). В период 2006–2012 гг. численность заявок в этой стране выростала в три раза. При таких темпах развития Китай может стать крупнейшей технологической державой мира.

Одновременно и в других странах БРИКС отмечался рост национальной патентной активности, однако не столь бурный, как в Китае. В Индии число заявок выросло на 8 тыс., в Бразилии — на 2 тыс., в РФ — на 11 тыс. единиц. В ЮАР, напротив, число национальных заявителей сократилось. Наибольшая доля национальных заявителей отмечалась в КНР — 74,9% и России — 63,7%. В Индии и Бразилии национальные изобретатели играют второстепенную роль в технологическом развитии страны. Их доля в патентных заявках Бразилии составляла 15,4%, в Индии — 21,6%. Главными заявителями в этих странах были крупные иностранные концерны, ведущие свою деятельность на их территории.

РФ занимает по числу патентных заявок второе место среди стран БРИКС. Она превосходит по этому показателю многие европейские страны, такие как Великобритания (23,2 тыс.), Франция (16,6 тыс.), уступая лишь ФРГ (61,3 тыс. заявок)²⁶. Положительными тенденциями в научно-технологической сфере страны являются рост числа заявок и высокая доля национальных заявителей, что говорит о росте инновационной активности российских предприятий. С другой стороны, незначительная роль иностранных изобретателей свидетельствует о слабом присутствии высокотехнологичных ТНК на российском рынке и низкой привлекательности национальных штандортных факторов.

Страны БРИКС характеризуются относительно высокой долей в структуре мирового экспорта товаров. В 2013 г. их доля составляла

---

²⁶ Россия в цифрах 2016.

практически 30 %, что было выше доли таких региональных группировок, как НАФТА (11 %) и АСЕАН (14 %), и уступает лишь немного странам ЕС (32,1 %) ²⁷. Во всех странах БРИКС экспорт высокотехнологичной продукции в период 1990–2013 гг. вырос. Анализируя динамику роста по отдельным странам БРИКС, обнаруживаем, что главным «локомотивом» роста экспорта в этой группе стран служит экономика КНР. Ее доля в мировом экспорте готовой продукции выросла за указанный период с 1,9 до 27,3 %; в Индии — с 0,5 до 0,8 %. Доля РФ и Бразилии (с 1996 г.) осталась неизменной, хотя в абсолютных и относительных значениях экспорт высокотехнологичной продукции вырос ²⁸. Изменилась также доля этих стран на отдельных мировых рынках высоких технологий (табл. 3).

Таблица 3

Доля стран БРИКС в мировом экспорте готовых изделий, отдельных видов высокотехнологичных товаров и знаниеинтенсивных услуг в 2014 г. ²⁹

Страна	Виды товаров и услуг				
	Промышленные товары (%)	Компьютеры и офисное оборудование (%)	Телекоммуникационная техника (%)	Интегральные схемы и электронные компоненты (%)	Компьютерные, информационные и телекоммуникационные услуги
РФ	2,6	0,1	0,1	0,07	1,1
КНР	12,3	40,9	39,5	17,2	4,5
Индия	1,7	0,09	0,2	0,06	13,8
Бразилия	1,2	0,04	0,06	0,03	0,8
ЮАР	0,5	0,07	0,1	0,01	–

Анализ статистических показателей демонстрирует высокую долю КНР на отдельных мировых рынках высоких технологий,

²⁷ International Trade Statistics 2015 // WTO [official website]. URL: <http://www.wto.org> (mode of access: 17.04.2017).

²⁸ Ibid.

²⁹ Сост. по: International Trade Statistics 2015.

особенно в производстве и экспорте компьютеров, телекоммуникационной техники, в том числе сотовых телефонов. КНР имеет также высокую долю в мировом экспорте интегральных схем и электронных компонентов, фармацевтики. За последние пять–семь лет КНР удалось увеличить свою долю в пять–шесть раз, а стоимость экспортируемой продукции выросла в десятки раз.

По сравнению с КНР, РФ, Индия, Бразилия и ЮАР имеют скромные показатели на мировых рынках высоких технологий. Индия входит в первую десятку стран по экспорту фармацевтических препаратов (2,4% мирового экспорта), в стране интенсивно развиваются биотехнологии, производство авиационной техники, программного обеспечения. Доля высокотехнологичной продукции в структуре промышленного экспорта страны выросла в период 1990–2013 гг. с 3,9 до 8%. В Бразилии акцент делается на развитие авиационной промышленности, среднетехнологических отраслей (пищевой промышленности, общего машиностроения). Примечательно то, что Индия и Бразилия за относительно короткое время смогли трансформировать структуру их экспорта в сторону увеличения доли продукции обрабатывающей промышленности и сокращения доли сырья. Если в Бразилии, например, в 1970 г. доля продовольствия (кофе, сахар, фрукты) в структуре экспорта составляла 58%, то в 2001 г. она уменьшилась до 17%, однако в связи с увеличением спроса в мире на аграрные продукты бразильской экономики она выросла к 2013 г. до 35%³⁰. Доля высокотехнологичной продукции в товарном экспорте страны составляла 9,6%.

В Индии с начала 2000 г. отмечается сильный рост экспорта деловых услуг, прежде всего компьютерных и информационных. В период 2006–2014 гг. экспорт данных видов услуг вырос в абсолютном выражении более чем в два раза (с 21,4 до 55,6 млрд долл.). Индия занимает второе место в мире по экспорту, уступая лишь странам ЕС. В отраслях информационных технологий в стране заняты миллионы человек³¹. Одна из причин резкого роста этой отрасли в стране — интеграция Индии в международную систему разделения тру-

³⁰ International Trade Statistics 2015.

³¹ Stamm A., Altenburg T. Ankerländer-Neue Akteure in der globalen Wissensgesellschaft // Geographische Rundschau. 2007. № 9. S. 14.

да, в которой все большая часть производства мигрирует в страны с невысокими факторными издержками, в том числе наукоемкие и знаниеинтенсивные отрасли. Индия, имея недорогую, но квалифицированную рабочую силу, смогла привлечь многие высокотехнологичные иностранные компании для деятельности в стране. Многие крупные ТНК мира открыли в Индии свои производственные и исследовательские центры. 92 % всех IT-компаний Индии принадлежат иностранным инвесторам. В стране также насчитывается около ста научно-исследовательских центров иностранных ТНК³².

Доля РФ в структуре мирового экспорта товаров высокотехнологического сектора мала. По отдельным товарам (компьютеры, электронные компоненты, телекоммуникационное оборудование) страна находится в нижней части списка экспортеров данной продукции. Главные причины этого — слабое развитие отечественного гражданского сектора высоких технологий и низкая активность высокотехнологичных ТНК. По данным статистики, лишь 11,4 % предприятий России относятся к инновационным, при этом большая часть из них ведет свою деятельность в области нефтехимии, производстве вооружений, авиакосмическом комплексе³³. В структуре российского экспорта преобладает сырье. На нефть, газ и нефтепродукты приходилось 69 % стоимости экспорта страны. Среди товаров обрабатывающей промышленности преобладают металлы (11,5 %) и продукция химической промышленности (4,4 %). На долю высоких технологий приходится 10 % стоимости товарного экспорта страны³⁴. Одновременно РФ является крупнейшим экспортером высокотехнологического оружия (27 % мирового рынка вооружений)³⁵. С середины 1990-х гг. в РФ стали наблюдаются тенденции к росту сектора нано- и биотехнологий. В стране начали формироваться отдельные кластеры по производству инноваци-

---

³² Stamm A., Altenburg T. Ankerländer-Neue Akteure in der globalen Wissensgesellschaft. S. 16.

³³ Россия в цифрах 2016.

³⁴ High-tech exports (US \$) — for all countries // Factfish.com [web-portal]. URL: <http://www.factfish.com/statistic/high-tech%20exports%2C%20total> (mode of access: 18.04.2017).

³⁵ SIPRI Yearbook 2015 // SIPRI [official website]. URL <http://www.sipri.org/yearbook/2015/10> (mode of access: 18.04.2017).

онных продуктов (технополис Сколково). Особый рост отмечается в секторе информационных технологий. В 2015 г. он составлял 0,65 % в ВВП страны³⁶. Ряд крупных зарубежных высокотехнологичных фирм, такие как *Intel, Motorola, Siemens, Alcatel, Borland, Sun Microsystems, Dell, IBM, SAP*, открыли в стране свои центры НИОКР, трудоустраивая российских специалистов³⁷. В 2014 г. в России действовало 5082 IT-компаний по линии глобального сервисного офшоринга (в 2009 г. их насчитывалось лишь 365)³⁸. Экспорт российских компьютерных, информационных и телекоммуникационных услуг составил в 2014 г. 4,4 млрд долл. (в 2008 г. — 2,6 млрд долл.). РФ, кроме того, демонстрировала среди крупнейших стран-экспортеров данного вида продукции наибольший ежегодный прирост; в период 2010–2013 гг. он составил 15 %, что делало отрасль самой быстрорастущей в стране. На сегодняшний день по экспорту услуг сектора IT-технологий РФ занимает восьмое место в мире.

Таким образом, страны БРИКС характеризуются в целом средними показателями развития инновационных систем по сравнению с другими странами мира. Большая часть ресурсов концентрируется в подсистеме производства знаний. Государственный сектор преобладает в финансировании инновационной деятельности в РФ, Индии, Бразилии. Главной проблемой стран БРИКС является недостаточное развитие подсистемы приложения знаний (предпринимательского сектора), доминирование в производстве инноваций лишь отдельных отраслей. Анализ финансирования НИОКР, численности занятых, патентной активности и экспорта этих стран обнаруживает серьезные трудности в процессах трансформации знаний в технологические инновации и их последующую коммерциализацию. В РФ значительная доля инноваций производится отраслями промышленности с невысокими относительными затратами на НИОКР.

---

³⁶ Export of Russian Software Development Industry 2015. 12-th Annual Survey // Russoft.ru [official website]. URL http://www.russoft.ru/files/RUSSOFT_Survey_12_en.pdf (mode of access: 18.04.2017).

³⁷ *Kobayashi-Hillary M.* Building a Future with BRICS. Springer. Berlin, 2008. P. 188.

³⁸ Export of Russian Software Development Industry 2015.

Наибольших успехов в развитии национальной инновационной системы добился Китай, сумевший за короткое время стать одной из крупнейших технологических держав мира. Руководствуясь политикой «доступ к внутреннему рынку за счет трансфера технологий», КНР усилила свои позиции в производстве наукоемкой продукции. Трансфер знаний происходит также за счет диффузии ноу-хау из более чем 700 зарубежных центров НИОКР на территории Китая в региональные инновационные системы.

***

Одним из главных факторов, оказавших влияние на рост инновационных систем стран БРИКС, явилась проводимая в них научно-технологическая политика. Несмотря на различия, она включала в себя четыре основных направления действий.

Во-первых, были определены цели технологического и научного развития страны и выбраны те отрасли, которые считались наиболее перспективными. Это позволило сконцентрировать ресурсы в ключевых отраслях хозяйства. В КНР приоритетной стала электронная промышленность, в Индии — фармацевтика и офшорные IT-услуги; в РФ — нанотехнологии и информационные услуги, военно-промышленный сектор; в Бразилии — авиастроение и информационные технологии; в ЮАР-телекоммуникационные услуги, автомобилестроение, биотехнологии.

Во-вторых, возросло финансирование национальных систем образования, науки, региональной инфраструктуры. В Индии, КНР, Бразилии, РФ, ЮАР в последние годы наблюдается рост государственных расходов на науку и образование. Увеличиваются также и отчисления от ВВП. В КНР и Индии приняты правительственные программы по стимулированию возврата ученых из США и стран ЕС, и одновременно во всех странах поощряется преподавательский и студенческий обмен с другими странами мира. Наличие высококвалифицированных кадров становится одним из факторов интеграции стран БРИКС в мировую производственную и инновационную систему. Развитие инновационной деятельности отражается в создании технологических парков, инновационных

кластеров, улучшении научно-исследовательской, транспортной и городской инфраструктуры.

В-третьих, реализуется политика привлечения в страны БРИКС иностранных инвестиций. Создание эффективных инновационных систем невозможно без присутствия в них ТНК. Крупные международные концерны, имеющие развитую логистическую сеть, доступ на рынки промышленно развитых стран, передовые организационные знания и технологические ноу-хау, способствуют региональному развитию и интеграции регионов в систему мирового хозяйства. ТНК стимулируют также региональные процессы обучения, НИОКР, позитивно воздействуют на систему образования и науки. Одним из рычагов по привлечению ТНК становится маркетинг национальных факторов размещения, который не только рекламирует их конкурентные преимущества, но и указывает на возможные агломерационные и межотраслевые эффекты в будущем, низкие трансакции, культурные и природные аспекты. Во всех странах БРИКС сегодня действуют крупные высокотехнологичные зарубежные ТНК. Однако их число и масштабы деятельности сильно отличаются по странам БРИКС.

В-четвертых, происходит стимулирование технологического и научного трансфера между национальными и региональными акторами. Инновационное развитие страны и регионов возможно лишь на основе тесной кооперации и сотрудничества различного уровня акторов. Университеты, НИИ, соответствующие министерства, крупные и малые компании образуют инновационную систему региона. Трансфер знаний, иницилируемый как частными компаниями по каналам производственной цепи (компаниям-подрядчикам, государственным НИИ и университетам), так и государством в обратном направлении, усиливает локальную инновационную сеть, создает инновационные преимущества территорий, что привлекает в регион внешних акторов. Путем организации встреч, налаживания контактов между представителями крупного и малого бизнеса, науки и власти, финансирования совместных проектов, конференций и т. д. государство усиливает процессы обмена идеями, знаниями, опытом, создает условия для роста социального капитала территорий.

Анализ инновационного развития стран БРИКС демонстрирует, что данная политика приводит к росту инновационных систем, но ее следствия в странах БРИКС различны. Углубление сотрудничества в инновационной деятельности, взаимодействия в сферах создания технологических, социальных и экологических инноваций смогло бы уменьшить интеллектуальную зависимость от других государств, благоприятно повлиять на экономическое и социальное развитие этих стран, усилить их позиции на мировой арене.

Глава 24

Особенности китайской модели регионализации: попытка преодоления регионального дисбаланса

Формирование экономических районов в Китае начинается сравнительно давно, экономическая структура современного вида появляется еще в конце XIX — начале XX в. Однако региональная политика как комплексное явление, а также выделение регионов происходят лишь с момента основания КНР и продолжают с ее экономическим развитием.

Внутренние программы регионального развития зачастую оставались на периферии исследовательских интересов даже ведущих отечественных специалистов-синологов. В этой связи в данной главе представлена попытка рассмотрения региональной политики Китая как некоего комплекса региональных программ, которые, несмотря на сугубо внутренние задачи, тем не менее, тесно связаны с внешним миром.

Государство столкнулось с проблемой регионального дисбаланса в развитии при расширении экономики и включении в свой состав фактически заново многих территорий. Современные автономные районы располагаются на периферии, с одной стороны, обладая уникальными природно-географическими характеристиками, с другой — без достаточного количества базовых ресурсов для экономического развития нового типа.

С точки зрения терминологии, понятие «регион» может выглядеть как регион природно-географический, *дицюй* (地区), либо социально-экономический, *цюйюй* (区域). В этой связи нами в большинстве случаев будет использоваться второй термин.

Традиционно выделяется шесть экономических районов КНР: Северо-Восточный (провинции Ляонин, Цзилинь, Хэйлуцзянь); Северный (города центрального подчинения Пекин, Тяньцзинь, провинции Хэбэй, Шаньси, автономный район (АР) Внутренняя Монголия (АРВМ)); Восточный (провинции Аньхой, Фуцзянь, Цзянсу, Цзянси, Шаньдун, Чжэцзян, город центрального подчинения Шанхай); Центрально-Южный (провинции Хэнань, Хубэй, Хунань, Гуандун, Гуанси-Чжуанский АР (ГЧАР), Хайнань, специальный административный район (САР) Сянган, САР Аомэнь); Юго-Западный (город центрального подчинения Чунцин, провинции Сычуань, Гуйчжоу, Юньнань, Тибетский АР (ТАР)); Северо-Западный (провинции Шэньси, Ганьсу, Цинхай, Синьцзян-Уйгурский АР (СУАР), Нинся-Хуэйский АР (НХАР)).

Эпоха «реформ и открытости» (*гайгэ кайфан*) предложила новый тип развития регионов, первоначально это были так называемые приморские районы, или китайский Восток, а далее — Центральный Китай, или Центр, Северо-Восток, а также Запад. В итоге макропланирование сократилось до трех-четырех единиц, что способствовало более рациональному подходу к регионализации и распределению ресурсов. С началом проведения в КНР реформ для региональной экономики разрабатывались собственные планы развития. В 1980-е гг. начинается обособление экономического района дельты реки Чжуцзян (Жемчужной)¹, в 1990-е гг. — дельты Янцзы. В экономической теории КНР при рассмотрении западных и собственно китайских авторов данные регионы получают название «полюса роста» (*цзэнчжанцзи*, 增长极).

Уже в начальный период политики «реформ и открытости» наблюдался существенный разрыв между восточными и западными

---

¹ В 2014 г. появляется новый план развития — Проект по формированию большой стратегии инфраструктурного развития пояса реки Сицзян, по которому эта территория вошла в более крупный экономический пояс Чжуцзян — Сицзян и включила часть ГЧАР.

регионами КНР. Регионы, относящиеся к Центру и Западу, демонстрировали наименьшие темпы экономического роста и объем ВВП. В период 6-й (1981–1985), 7-й (1986–1990) и 8-й (1991–1995) пятилеток разрыв только увеличивался². На XV съезде КПК (1997) были скоординированы стратегии регионального развития западных и восточных регионов. Западные регионы должны были в полной мере использовать ресурсные преимущества, а также ускорить проведение политики «реформ и открытости». Предполагалось и более активное сотрудничество между провинциями, представляющими разные части экономики (по линии «более развитые — менее развитые»).

В начале — середине 1990-х гг. в КНР была в основном принята новая стратегия регионального развития в масштабах всей страны. Согласно ей, выделялось три района (экономических пояса) — Восток (*Дун*), Центр (*Чжун*) и Запад (*Си*), каждый характеризовался определенным набором экономических показателей. Впоследствии Центр и Запад были объединены (*Чжун Си*), так как представляли достаточно крупный территориальный экономический пояс, который, однако, был менее развит, чем Восток. Появилась необходимость соединения и координации развития этих двух регионов. К Востоку были отнесены 12 административно-территориальных единиц: города центрального подчинения Пекин, Тяньцзинь, Шанхай; провинции Гуандун, Ляонин, Цзянсу, Чжэцзян, Шаньдун, Фуцзянь, Хэбэй, Хайнань и ГЧАР. К Центру — провинции Шаньси, Цзилинь, Хэйлунцзян, Аньхой, Цзянси, Хэнань, Хубэй, Хунань, а также АРВМ. К Западу относили город центрального подчинения Чунцин, провинции Сычуань, Гуйчжоу, Юньнань, Шэньси, Ганьсу, Цинхай, НХАР, ТАР, СУАР. В общей сложности Центр и Запад объединили 19 регионов с площадью 8,23 млн км² и населением в 700 млн чел.³ Таким образом, в первый раз в экономической истории Китая был обозначен столь масштабный регион развития.

К середине 1990-х гг. появились региональные стратегии развития Запада и Востока. Китайскими исследователя-

² 新疆改革开放 30 年 通览. 乌鲁木齐, 2008年版. 第40–41 页.

³ 同上.

ми разрабатывались теоретические модели, но первенство принадлежало Комитету по реформам и развитию при Госсовете. Некоторые лозунги в исследовательской литературе этого периода (например, «Развивая Центр и Запад, прежде всего надо опираться на собственные силы») не стали общегосударственными. Наличие же таких исследовательских материалов свидетельствует о том, что работа по созданию стратегий велась на всех уровнях. При этом центральному правительству было необходимо выбрать регион (либо несколько), который мог бы выступить в качестве опытной площадки для проведения экономического эксперимента.

Такого рода регионом мог стать Синьцзян-Уйгурский автономный район. В инспекционной поездке по Синьцзяну в июле 1998 г. Председатель КНР Цзян Цзэминь отметил, что «при стабильном развитии СУАР, всего региона Центра и Запада (Чжун Си)... только в этом случае возможен выход на новый уровень развития в масштабах всей страны»⁴. Кроме того, во время данной поездки были внесены важные предложения по ускорению развития Синьцзяна. Цзян Цзэминь также подчеркнул, что «государство увеличит поддержку Центру и Западу», а Синьцзяну в этом отводится «важное стратегическое место»⁵.

В этот период в рамках организационного оформления региональных стратегий развития сформировалось три основных направления: стратегия развития приморских регионов, Центра и Запада (Чжун Си), а также развития Синьцзяна. Таким образом, СУАР был выделен даже в масштабах Запада и занял важное место «переднего края» в стратегии развития государства. Отмечалось, что его потенциал развития очень велик, в том числе именно здесь возможно реализовать особый вариант «открытости». Так, «приграничная сухопутная открытость» может быть реализована посредством активного использования потенциала Трансазиатской железнодорожной магистрали (ТАЖМ) — кроме соединения с восточными провинциями (развитие системы

⁴ 江泽民总书记在新疆考查 // 新华网 [网站]. URL: http://news.xinhuanet.com/ziliao/2000-12/31/content_478680.htm (访问时间: 2000年12月31日).

⁵ 同上.

транспортных связей «Запад — Восток»), в конце 2000-х гг. была проложена трасса и на юг СУАР (система связей «Север — Юг»). В итоге он был выбран государством для реализации собственных планов регионального развития. Как отмечал Цзян Цзэминь, «вне зависимости от того, с какой точки зрения мы рассматриваем ситуацию — с политической или экономической, у нас нет другого выхода, кроме как ускоренно развивать региональную экономику Синьцзяна»⁶.

Комплексная же программа поддержки начала реализовываться в рамках «Стратегии большого освоения Запада». Именно она заложила базу для реализации крупномасштабных проектов экономического строительства. Считается, что впервые лозунг «большое освоение Запада» озвучил в г. Сиань в июне 1999 г. Цзян Цзэминь⁷. С этого периода проблематика начинает широко исследоваться и освещаться в СМИ, научных статьях и докладах.

Итоговое решение было принято на заседании Госсовета 19–22 января 2000 г., когда была создана Канцелярия по освоению западных регионов во главе с премьером Чжу Жунцзи, а его заместителем стал Вэнь Цзябао. Окончательно решение было утверждено на 3-й сессии ВСНП 9-го созыва в марте 2000 г. Как отмечалось, «крупномасштабное освоение Запада и ускорение развития центральных и западных районов — важное решение в духе стратегического курса Дэн Сяопина по модернизации Китая, обращенное в новый век. Это будет иметь огромное значение для расширения внутреннего спроса, перехода к устойчивому развитию, балансу развития разных регионов, для достижения в конечном счете всеобщего процветания, сплочения всех национальностей, укрепления социальной стабильности и обороноспособности страны»⁸.

Стратегия была включена и в планы 10-й пятилетки (2001–2005). Только в 2000 г. на развитие центральных и западных рай-

---

⁶ 同上.

⁷ Кондрашова Л. И. Китайская программа освоения западных регионов страны // Стратегия развития западных регионов КНР: экспресс-информация. М., 2001. № 9. С. 7.

⁸ Цит. по: Там же. С. 8.

онов было направлено 30 млрд юаней⁹. Исследованиями в этой области начинает заниматься Академия общественных наук КНР, ее доклады частично нашли отражение в итоговой стратегии, предложенной для развития Запада¹⁰. В целом решения были достаточно радикальными, однако лишь в рамках эксперимента. Внутренние и внешние воздействия¹¹ лишь ускорили принятие новой программы. Она была призвана усовершенствовать механизмы «большого освоения Запада», которые были приняты в конце 1990-х гг., а также оценить промежуточные итоги. С начала 2010-х гг. развитие СУАР начало курироваться всеми основными министерствами и ведомствами под надзором Комитета по развитию и реформе (рабочей группы по СУАР). На региональном уровне поддержку оказывали правительство Синьцзяна и крупные компании. При этом принятие стратегических решений осталось на государственном уровне, так же как и надзорные функции. На уровень национального планирования поднялся и отдельный регион в рамках СУАР — экономический пояс Северного склона Тяньшаня¹².

Следует отметить стратегическое решение ЦК о новой «программе адресной помощи СУАР» (*дуйкоу юань цзянь*). Государство выбрало (назначило) 18 провинций (городов)-спонсоров (плюс Китайская национальная нефтегазовая корпорация, КННК)¹³, которые и должны были осуществлять адресную помощь 80 уездам СУАР. Предполагалось изъятие из доходной

---

⁹ 新疆维吾尔自治区国民经济和社会发展第十个五年计划纲要 // 中华人民共和国国家发展和改革委员会 [网站]. URL: <http://www.sdpc.gov.cn/fzgh/ghwb/dfgh/W020050614802779946348.pdf> (访问时间: 2012年10月16日).

¹⁰ За период 2000–2002 гг. только в рамках подразделений АОН КНР подготовлено и опубликовано более 20 исследовательских работ. См.: 赵常庆. 中亚五国与中国西部大开发. 北京, 2004年版. 第3页.

¹¹ К внутренним можно отнести события лета 2009 г. в Урумчи, к внешним — «цветную революцию» в Киргизии.

¹² 新疆天山北坡经济区规划上报 有望成西部经济增长极 // Stock.jrj.com.cn [网站]. URL: <http://stock.jrj.com.cn/2011/08/24012210829887.shtml> (访问时间: 2012年01月13日).

¹³ Спонсорами являются все регионы Центрального Китая, а также приморские города и провинции. Исключение сделано для четырех автономных районов, Хайнаня и Запада КНР.

части бюджета 3–6 % (кроме расходов на общественную безопасность и образование) и перенаправление их на поддержку развития Синьцзяна. В 2010 г. по программе регион получил около 100 млрд юаней. При этом доходная часть бюджета СУАР возростала сразу на 20 % по сравнению с 2009 г., а по итогам реализации программы должна вырасти в два раза. Крупные единовременные инвестиции из центра сокращались, однако государство помогало с освоением поступающих фондов. Помощь, таким образом, становилась полностью динамической.

Были выбраны и центры «сосредоточения помощи» — Кашгар, Хотан, Кызылсу-Киргизская автономная префектура и другие районы Южного Синьцзяна. Отмечалось, что даже по меркам СУАР регион очень бедный, именно это и превратило его в базу националистических выступлений. В ходе событий 5 июля 2009 г. участники беспорядков приехали в Урумчи в том числе именно оттуда. Югу СУАР предоставлен максимальный объем финансовых вливаний. Так, самые развитые районы КНР — Шанхай, Гуандун и Шаньдун — начали поддерживать Кашгар¹⁴. Пекин, Тяньцзинь и Аньхой являются спонсорами Хотана, Хубэй — Боротала-Монгольской автономной области и т. д.¹⁵ Такого рода финансовые вливания являли собой возможность полного изменения внутренней среды районов СУАР в течение нескольких ближайших лет. Менялась и роль Синьцзянского производственно-строительного корпуса (СПСК) — для его развития также была предусмотрена новая программа «Овладение четырьмя новыми практиками» (*сычжуа сыкань*) и работа на трех уровнях — в армии, обществе и корпусе.

Важным был тезис о трансграничной модели сотрудничества, которую предполагалось поддерживать и развивать для достижения поставленных результатов. Были приняты новые проекты

---

¹⁴ Так, только провинция Гуандун в течение 2011 г. вложила около 1 млрд юаней в 72 проекта на территории района, в 2012 г. — 1,1 млрд в 78 проектов. См.: 广东对口援疆形成新格局 // Mzb.com [网站]. URL: <http://www.mzb.com.cn/html/Home/report/297021-1.htm> (访问时间: 2012 年 09 月 09 日).

¹⁵ Кроме городов и уездов, помощь будет оказана и расквартированным частям СПСК.

в рамках создания комплекса инновационных производств в экономическом районе Северного склона Тяньшаня, всего же по СУАР в план 12-й пятилетки были включены 22 новых проекта.

В самом общем виде следует отметить, что центральное правительство Китая продолжает использовать выбранную модель развития региона, что характеризует общую региональную политику в СУАР, а выбранная на рубеже 2010-х гг. стратегия развития, дополняющая и развивающая предыдущие, включая «стратегию большого освоения Запада», будет продолжена.

Несмотря на очевидные изменения, региональные различия лишь продолжали увеличиваться. Темпы прироста регионального продукта в отдельных регионах Центрального и Западного Китая были существенно выше, чем в восточных провинциях, однако это не привело к качественным изменениям. Одной из основных задач государства по-прежнему оставалось сокращение разрыва между условным Востоком (более развитым) и условным Западом (развивающимся). Именно поэтому центральное правительство в период девятой пятилетки и в срок до 2010 г. разработало план мероприятий, согласно которому региональное экономическое развитие координировалось Пекином, а в целом был взят курс на сокращение экономического отставания Запада.

Для различных территорий были разработаны собственные планы, которые включали в себя ранее уже использовавшиеся понятия «развитие», «стратегия», «рост», «повышение» и т. д. Разнообразие терминов («экономический пояс» (*цзинци дай*, 经济带), «экономический круг» (*цзинци цзюань*, 经济圈), «экономическое кольцо» (*цзинцицицзюань* 经济环)) отражает сложную модель региональной экономики КНР.

После азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. китайское руководство начало активно планировать усиление роли Китая как во внутренних межрегиональных проектах, так и в формате межгосударственных, иногда в виде экспериментов или пилотных проектов¹⁶.

---

¹⁶ Из межгосударственных можно отметить перспективную на начало 2000-х гг. зону свободной торговли Китай — АСЕАН, а также Международный центр приграничного сотрудничества Хоргос (Китай — Казахстан).

В период 2003–2004 гг. для всех частей были разработаны базовые планы развития. Для Северо-Востока был разработан проект «Возрождение индустриальной базы Северо-Востока» (*Чжэньсин Дунбэй лаогунъе цзиди*), появившийся в 2003 г., а последним по времени появления стал план 2004 г. «Подъем Центрального Китая» (*Чжунбу цзюэци цзихуа*), завершивший макроэкономическое планирование и разделение по экономическим районам (регионам). В дальнейшем планы неоднократно пересматривались, вносились необходимые коррективы¹⁷, менялись основополагающие документы, однако суть программ оставалась прежней — выравнивание показателей различных регионов в масштабах страны.

Комитет по реформам и развитию КНР достаточно активно работал над созданием новых региональных структур. Так, с 2005 г. после принятия «Плана комплексного развития агломерации на полуострове Шаньдун» (2006–2020) выделяется «агломерация Шаньдунского полуострова» (*Шаньдун баньдао чэнишицюнь*, 山东半岛城市群), которая, в свою очередь, формирует часть Бохайского кольца¹⁸. В 2011 г. появляется «Столичный экономический круг» (*шоуду цзинци цзюань*, 首都经济圈) — формат для развития столичного региона с центром в Пекине. В его задачи входят в том числе рост региональных инноваций, координация развития с соседними территориями, а также передача некоторых «нестолчных» функций соседним провинциям и муниципалитетам при сохранении статуса. Также на Северо-Востоке выделяется регион «Средняя и Южная часть провинции Ляонин» (*Ляонин чжуннань дицюй*, 辽中南地区) и т. д.

На государственном уровне с 2008 г. начинает выпускаться «Синяя книга» по региональному развитию Бохайского кольца, а именно отчеты об экономическом развитии региона¹⁹. По расчетам авторов, к 2010 г. валовый продукт региона должен был составлять до 30 % ВВП КНР. В работе над документом принимали

¹⁷ Так, например, для Центрального Китая в 2015 г. был принят новый документ «План стимулирования подъема Центральной части страны». См.: 促进中部地区崛起规划 // Blog.sina.com [网站]. URL: http://blog.sina.com.cn/s/blog_4828cd2b0101f4qa.html (访问时间: 2016 年 12 月 20 日).

¹⁸ В 2016 г. программа была пересмотрена и продлена до 2030 г.

¹⁹ 环渤海地区经济发展报告. 2008. 北京, 2008 年版.

участие специалисты из Пекина, Тяньцзиня, провинций Хэбэй, Шаньдун, Ляонин, а также Института экономических исследований Нанькайского университета. В 2009 г. работа была продолжена. В 2009–2010 гг. отчет был опубликован в составе более общей работы «Отчет о региональном экономическом развитии в КНР». В нем, в частности, рассматривались общая проблематика регионального развития, агломерации, влияние изменения климата на экономическое развитие, финансовый кризис и его влияние на регионы КНР, система инноваций и т. д. В плане конкретных региональных срезов рассматривались Бохайское кольцо²⁰, регион дельты Янцзы, регион дельты Чжуцзян (Жемчужной), Северо-Восток КНР, Запад и Центр КНР²¹. Таким образом, можно сделать вывод о том, какая проблематика находится в «топе» у занимающихся региональной экономикой специалистов, а также какова существующая практика выделения регионов.

В рамках отчетов о региональной экономике продолжали публиковаться доклады, названные «синими книгами». В основном это отчеты Академии общественных наук КНР по отдельным областям знания и/или направлениям, в том числе по региональной политике. Такой формат позволил систематизировать данные о региональной экономике, а также выделить основные проблемы регионального развития с точки зрения собственно китайских авторов.

Как отмечают некоторые авторы, в КНР в 2000-е гг. экономический центр начал перемещаться на север, что сказалось на повышении статуса проекта «Бохайское кольцо», были определены его важность и роль в экономическом развитии государства²². Так как он сформировался самостоятельно, преимущественно за счет ры-

---

²⁰ Рассматривались отчет о развитии за 2009 г., задачи развития на посткризисный период, а также проблемы Нового района Биньхай (Тяньцзинь), встраивание провинции Шаньдун в региональные экономические структуры, государственная политика «экономика — общество — окружающая среда», исследование трущоб вокруг Пекина и Тяньцзиня.

²¹ 中国区域经济发展报告(2009~2010) // 北京市社会科学院 [网站]. URL: <http://www.bass.gov.cn/info/cn/lpsxl/zgqyjfbg/View.aspx?nid=7598> (访问时间: 2016年12月20日).

²² 环渤海地区经济发展报告. 第74页.

ночных механизмов, государственное регулирование здесь играло незначительную роль.

В 2006 г. на пять провинций и городов «Бохайского кольца» (Пекин, Тяньцзинь, Хэбэй, Ляонин, Шаньдун) приходилось 26,16 % ВВП КНР, что было сравнимо с вкладом двух других крупных экономических районов, а экономический рост был гораздо выше среднего по стране. Кроме того, общее население района в 260 млн чел. создавало крупный региональный рынок²³.

Бохайское экономическое кольцо (*Хуань Бохай цзинцизи цюй*, 环渤海经济区) следует выделить в качестве крупного региона, сформировавшегося в период «реформ и открытости». В экономической географии оно выделяется как экономический регион вокруг Пекина и Тяньцзиня²⁴ и, кроме того, включает части провинций Хэбэй, Ляонин и Шаньдун, примыкающих к Бохайскому заливу²⁵. С точки зрения районирования, Бохайское экономическое кольцо выделяется наряду с двумя другими крупнейшими регионами — «Экономическим поясом дельты реки Чжуцзян (Жемчужной)» (*Чжусаньцзяо цзинцизицзюань*, 珠三角经济圈) и «Экономическим поясом дельты реки Янцзы» (*Чансаньцзяо цзинцизицзюань*, 长三角经济圈).

Основа специализации региона Бохай — тяжелая промышленность. В Тяньцзине развиты сферы авиастроения, судостроения, логистики. Пекин специализируется на нефтехимической отрасли, сфере образования, НИОКР. Формируется автомобильный кластер (вместе с Шэньяном и провинцией Ляонин), развивается

²³ 环渤海经济区 // Baidu.com [网站]. URL: <http://baike.baidu.com/item/环渤海经济区> (访问时间: 2016 年 12 月 20 日).

²⁴ В узком смысле в рамках экономического кольца выделяют следующие регионы, так или иначе с ним связанные (дицзюй, 地区): агломерация «Цзин-цзинь-цизи» (Пекин — Тяньцзинь — Хэбэй, 京津冀城市群), «Синий экономический район Шаньдунский полуостров» (山东半岛蓝色经济区), агломерация «Средняя и Южная часть провинции Ляонин» (辽中南地区); она, в свою очередь, состоит из экономического района Шэньян (沈阳经济区) и Экономического приморского пояса провинции Ляонин (辽宁沿海经济带). В широком смысле к этому также добавляют среднюю часть АРВМ и часть провинции Шанси.

²⁵ В китайской традиционной терминологии Бохайский залив Желтого моря именуется как «Бохай» (в составе есть иероглиф «хай», то есть «море»), или Бохайское море.

производство электроники. Сфера услуг наиболее развита в Даляне, Циндао. Для региона характерны удобство транспортных коммуникаций, высокая доступность территории (авиа- и железнодорожный транспорт, автодороги). Высока концентрация промышленности, экономическое развитие сосредоточено по осям (чжоу, 轴) Пекин — Тяньцзинь — Тангу, Шэньян — Аньшань — Далянь и Цзинань — Цзыбо — Циндао²⁶ (табл. 4).

Таблица 4

Развитие по «осям» и их связь с внутренними территориями²⁷

Центральный район	Связующий порт	Главная ось	Прямая связь с внутренними территориями	Отдаленные территории	Население, млн чел.
Цзин-цзинь-цзи	Тяньцзинь	Пекин — Тяньцзинь — Тангу	Пекин, Тяньцзинь, центральная и северная части провинции Хэбэй	Средняя часть Шаньси, север и центр АРВМ	106,51
Полуостров Ляодун	Далянь	Шэньян — Аньшань — Далянь	Вся провинция Ляонин	Цзилинь, Хэйлунцзян, восток АРВМ	118,81
Полуостров Шаньдун	Циндао	Цзинань — Цзыбо — Циндао	Вся провинция Шаньдун	Юг провинции Хэбэй, юг провинции Шаньси, север провинции Хэнань	140,82

Для успешного функционирования региона местные правительства выходят с инициативами по созданию системы стратегического сотрудничества между регионами. Так, в рамках осуществления стратегии развития Цзин-цзинь-цзи (или Пекин — Тяньцзинь — Хэбэй) создаются различные общие системы, например, перемещения производств.

²⁶ В рамках спатимального анализа в период 13-й пятилетки (2016–2020) появилось понятие «пояса и оси» (дай чжоу), которые характеризовали различные типы современной региональной архитектоники.

²⁷ Сост. по: 环渤海地区经济发展报告. 第69–70页.

После принятия в 2013 г. новой стратегии «Один пояс, один путь» на государственный уровень был вынесен вопрос о том, как будет осуществляться соразвитие между ее проектами и Цзинь-цин-цзи. Так, важным пунктом определен опытный район зоны свободной торговли Тяньцзинь. Также уделяется пристальное внимание развитию системы связей между портовыми городами, которые могут быть отправными пунктами «Пояса и пути». Большое внимание уделяется развитию межрегионального сотрудничества с целью улучшения структуры производства. Выделяются три «поля роста» китайской региональной экономики: Бохайское экономическое кольцо, Экономический пояс дельты Янцзы, Экономический пояс дельты Чжуцзян. Государственная политика направлена на комплексное развитие мегарегиона с использованием современных технологий, а также преимущественное развитие сферы транспорта, который связывает отдельные части в единый комплекс. Это касается как крупных городских агломераций Бохайского экономического кольца (Пекин, Тяньцзинь), так и полупериферийных средних городов провинциального уровня²⁸. Стратегия развития региона была принята еще в 2005 г.²⁹

В 2014 г. Центральная рабочая конференция по экономике отметила, что необходимо развивать концепцию «Один пояс, один путь»; параллельно была одобрена новая стратегия развития экономического пояса Бохайского залива «Пекин — Тяньцзинь — Хэбэй», поставлены новые задачи для экономического пояса Янцзы. Отмечалось, что это три важнейшие среднесрочные стратегии³⁰.

30 апреля 2015 г. Политбюро ЦК КПК был принят документ «Основные направления планирования координации развития Пекина, Тяньцзиня и провинции Хэбэй», который определил новую стратегию развития Бохайского кольца. Новая стратегия предполагала интеграцию транспортной сети, создание системы защиты окружающей среды, расширение возможностей переноса

²⁸ Например, Шицзячжуан, Таншань, Синтай в провинции Хэбэй; Дандун, Инкоу в провинции Ляонин и т. д.

²⁹ 潘文达. 环渤海区域经济发展战略初探 // 学习与探索. 2005年第3期. 第192-196页.

³⁰ 中国区域经济发展报告 2015-2016. 北京, 2016 年版. 第8页.

производств и другие варианты для получения синергетического эффекта. 15 сентября 2015 г. на уровне Госсовета КНР был принят документ № 146 «Об одобрении Госсоветом КНР основных направлений регионального развития Бохайского кольца»³¹. В настоящее время определены направления регионального развития³². Принято решение развивать агломерации и сотрудничество между ними для совместного развития.

Развитие региональных и межрегиональных механизмов сотрудничества основано на разделении полномочий правительства и местных властей. Так, Пекин отвечает за общенациональное планирование и координацию, а местные власти представляют инициативы развития. В рамках новых стратегий видны отдельные части, уже предложенные на предыдущих этапах развития. Например, концепция «Один пояс, один путь», по сути, является продолжением общегосударственной стратегии выхода «вовне» (*цзоу чуцзюй*).

12 августа 2016 г. прошло обсуждение механизмов согласования и координации политики в рамках 2-го совместного заседания координационных комитетов трех регионов «Цзин-цзинь-цзи». Были определены задачи по реализации государственной программы, распределена конкретная работа, одобрены проект сотрудничества и мониторинга состояния окружающей среды, план создания инвестиционного фонда по развитию территории, платформа по переносу производственных мощностей в сфере строительства, совместному развитию научно-технологического парка Биньхай-Чжунгуаньцунь и т. д.³³ К работе по созданию инвестиционных проектов и инноваций привлекались научные и академические центры. Итоговые материалы появились в «Проекте создания и совершенствования механизмов координации совместного реги-

---

³¹ 国务院关于环渤海地区合作发展纲要的批复 // 中华人民共和国中央人民政府 [网站]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2015-09/27/content_10191.htm (访问时间: 2015 年 09 月 27 日).

³² 环渤海地区合作发展纲要. 附件 // 中华人民共和国国家发展和改革委员会 [网站]. URL: <http://www.sdpc.gov.cn/gzdt/201510/W020151023508435705942.pdf> (访问时间: 2016 年 12 月 20 日).

³³ 京津冀城市群三省市协同办主任第二次联席会议召开 // jjhztj.com [网站]. URL: http://www.jjhztj.gov.cn/hbhq/szlxh/20160812/t20160812_17100.html (访问时间: 2016 年 08 月 12 日).

онального развития Бохайского кольца», который был представлен на рассмотрение Госсовета в октябре 2016 г.³⁴ Более мелкие проекты можно отследить на сайтах муниципалитетов, например, города Тяньцзинь³⁵. На государственном уровне создан информационный портал, освещающий региональное развитие. На нем можно найти как региональную статистику, отчеты, пресс-релизы, так и рабочие материалы совещаний различного уровня³⁶. Для координации развития проводится ежегодное межрегиональное Совещание по сотрудничеству глав городов Бохайского кольца (*Хуань Бохай цюйюй хэцзо шичжан лянъсихуэй*, 环渤海区域合作市长联席会).

Из крупных межрегиональных механизмов можно отметить появление Организации национального сотрудничества трех крупных районов КНР (*Саньда цюйюй цзинцизи хэцзо цзучжи*, 三大区域经济合作组织). Данный механизм позволял расширить участие муниципалитетов в межрегиональных проектах сотрудничества, выходить с предложениями для решения задач развития. Повестку совещания 2016 г. можно определить как «промышленное сотрудничество с выходом на ключевые точки» (например, для трех региональных проектов Бохайского экономического кольца). Здесь же появилось еще одно внутреннее разделение на районы, за основу была взята экономика «кольца». В рамках Бохайского кольца выделялись «внутреннее кольцо» в составе городов центрального подчинения Пекина и Тяньцзиня (Биньхай), а также некоторых частей провинции Хэбэй — Таншань, Цинхуандао, Цанчжоу, Ланфан, Чэндэ и Чжанцзякоу; «южное кольцо» (Циндао, Цзинань, Вэйхай, Вэйфан, Яньтай, Дунин, Биньчжоу и Цзыбо); «северное кольцо» (Шэньян, Далянь, Дандун). Для каждого «кольца» задачи были поставлены отдельно. Постоянное население региона — 314 млн чел. Осуществление проекта запланировано на 2015–2025 гг. с возможностью продления до 2030 г.

³⁴ 研究建立环渤海地区合作发展协调机制 // 北京市发展和改革委员会 [网站]. URL: <http://www.bjpc.gov.cn/zwx/gzdt/201612/t10689937.htm> (访问时间: 2016 年 10 月 20日).

³⁵ 区域项目 (Региональные проекты) // Jjhz-tj.com [网站]. URL: <http://www.jjhz-tj.gov.cn/hbhq/xm/index.html> (访问时间: 2016 年 4 月 12日).

³⁶ 环渤海区域信息网. URL: http://www.huanbohai.gov.cn/index_05.asp (访问时间: 2016 年 12 月 20日).

Еще одним проектом, который может относиться как к «старым», так и к относительно новым, является формирующийся регион дельты реки Янцзы (*Чанцзян саньцзяочжоу*, 长江三角洲), или «золотой треугольник Янцзы». Он включает в себя город центрального подчинения Шанхай, южную часть провинции Цзянсу и северную часть провинции Чжэцзян. Традиционно центральная часть региона называется Цзяннань (江南), она является одним из наиболее населенных регионов мира. На его территории проживает 115 млн чел., из них 83 млн — городские жители (2013)³⁷. Считается, что примерно с IX в. дельта Янцзы была самым населенным районом Китая и в целом Восточной Азии, а также одним из самых населенных в мире. С 1982 г. КНР начинает создавать условия для появления в районе Шанхая специальной экономической зоны. Кроме Шанхая, в нее были включены четыре города провинции Цзянсу (Сучжоу, Уси, Чанчжоу, Наньтун) и пять — из провинции Чжэцзян (Ханчжоу, Цзясин, Шаосин, Хучжоу, Нинбо). В 1992 г. появился механизм постоянных встреч глав 14 муниципалитетов по проблематике развития. Кроме вышеперечисленных, в список членов также попали Нанкин, Чжэньцзян, Янчжоу и Чжоушань. В 1997 г. механизм регулярных встреч представителей городов превратился в Ассоциацию по экономической координации дельты Янцзы, а к предыдущему составу присоединился г. Тайчжоу (Цзянсу). В 2003 г. новым членом стал муниципалитет Тайчжоу (Чжэцзян). В 2010 г. ассоциация пополнилась еще шестью новыми членами, в том числе городами Яньчэн и Хуайань (Цзянсу), Цзиньхуа, Цюйчжоу (Чжэцзян), Мааньшань и Хэфэй (Аньхой). В настоящее время количество членов ассоциации — 22. Некоторые другие города в трех провинциях также рассматривают членство в ней в качестве элемента развития.

В дальнейшем на основе региональной специализации начал выделяться экономический регион дельты Янцзы (*Чанцзян саньцзяочжоу цзиньци цюй*, 长江三角洲经济区). На него приходится до 20 % ВВП КНР, а также треть импорта и экспорта³⁸. Экономиче-

³⁷ 长江三角洲 // Baidu.com [网站]. URL: <http://baike.baidu.com/item/长江三角洲> (访问时间: 2016 年 12 月 20 日).

³⁸ 中国区域经济发展报告 2015-2016. 第136页.

ческая зона включает 28 городов (Шанхай, Нанкин, Сучжоу, Уси, Чанчжоу, Янчжоу, Чжэньцзян, Наньтун, Тайчжоу, Яньчэн, Хэфэй, Чучжоу, Мааньшань, Уху, Тунлин, Аньцин, Чичжоу, Ханчжоу, Нинбо, Цзиньхуа, Хучжоу, Цзясин, Шаосин, Чжоушань и др.), что несколько отличается от состава ассоциации.

По-прежнему ключевыми для формирования агломераций являются Шанхай (город центрального подчинения), Нанкин (административный центр провинции Цзянсу), Ханчжоу (административный центр провинции Чжэцзян), а также муниципалитеты Сучжоу, Нинбо, Уси. Регион во многом опирается на экономическую мощь Шанхая, который является финансовым центром КНР, а также других экономических хабов — Нанкина, Ханчжоу, Нинбо и Сучжоу. Большая доля ВВП производится в сфере промышленности, кроме того, важным элементом роста является сфера транспорта. Шанхай доминирует в сфере финансов, банковском деле, недвижимости, автомобилестроении, логистике. Сучжоу — производственная база для иностранных компаний. Территориально регион очень тесно связан сетью железных и автодорог. В его составе большую роль играют порты (морские и речные), а также система региональных и международных аэропортов. Крупнейшими портами являются Шанхай, Нинбо-Чжоушань, Сучжоу, Ляньюньган, Вэньчжоу. Некоторые из них принимают участие в межрегиональных и международных проектах, так, известность получил Ляньюньган, который является отправной точкой ТАЖМ.

Также в исследовательской литературе встречается вариант региона дельты Янцзы, который именуется как «экономический пояс реки Янцзы» (*Чанцзян цзинцзи дай*, 长江经济带) и включает в себя Шанхай, провинции Цзянсу, Чжэцзян, Аньхой, Цзянси, Хубэй, Хунань, Сычуань, Юньнань, Гуйчжоу, город центрального подчинения Чунцин — всего 11 административно-территориальных единиц³⁹. Предполагалось, что регион дельты Янцзы может стать

---

³⁹ Иногда встречается разделение региона на три: верхнего течения Янцзы (вокруг Чунцина и Чэнду), среднего (вокруг Уханя) и нижнего (вокруг Шанхая). В китайских исследованиях также есть указания на «регион среднего и нижнего течения Янцзы», однако слово «регион» имеет значение «природно-географический» (дицью, 地区).

одним из лидеров на новом этапе развития, представляющим из себя создание региональных инновационных подсистем⁴⁰.

Основные задачи были поставлены в ряде документов, принятых в 2014–2016 гг.⁴¹ Некоторые административные единицы, относящиеся к региону, являются лидерами рейтинга инновационного потенциала. Так, в 2016 г. десятка регионов-лидеров выглядела следующим образом: Цзянсу, Гуандун, Пекин, Шанхай, Чжэцзян, Шаньдун, Тяньцзинь, Чунцин, Аньхой, Шэньси⁴².

Кроме задач инновационного развития, основанного на создании передовой промышленной базы и высокого объема капиталовложений, для региона поставлены и задачи экологического развития, повышения конкурентоспособности, развития системы водного транспорта на Янцзы⁴³.

Существуют также менее известные проектные регионы. Один из них называется «Западный треугольник», или «Экономический круг трех городов Запада» (*Си саньцзяо цзинци цюй*, 西三角经济区; *Си саньцзяо цзинци цюань*, 西三角经济圈) в составе городов Чэнду, Чунцина и Сианя. Данный проект был создан как часть «Стратегии большого освоения Запада» и призван создать крупнейшую экономическую зону в этой части Китая. На нее приходится до 40 % регионального ВВП Запада, а также 6,3 % ВВП всей КНР. Инициатива создания такого объединения первоначально появилась в Чунцине 6 марта 2009 г., когда председатель ПК ВСНП У Банго провел рабочую встречу с заместителем главы Чунцина Хуан Цифанем. По итогам встречи инициатива была включена в проект 12-го пятилетнего плана. Сиань и Чэнду позднее согласились принять участие

⁴⁰ КНР: политика, экономика, культура. М., 2013. С. 203.

⁴¹ К таким документам относятся «Предложения и указания по развитию экономического пояса дельты реки Янцзы и водных маршрутов», принятые в сентябре 2014 г., «План развития комплексных транспортных коридоров в формате экономического пояса реки Янцзы, 2014–2020 гг.», «План развития экономического пояса Янцзы», принятый в сентябре 2016 г.

⁴² Согласно региональному рейтингу инновационного потенциала КНР 2016 г., лидируют Цзянсу, Гуандун и Пекин. См.: 中国区域创新能力评价报告 2016 // Finance.sina.com [网站]. URL: <http://finance.sina.com.cn/roll/2016-12-10/doc-ixypizk0154192.shtml> (访问时间: 2016 年 12 月 20日).

⁴³ 《长江经济带发展规划纲要》全文解读 // Chuangye.yjbys.com [网站]. URL: <http://chuangye.yjbys.com/zhengce/586265.html> (访问时间: 2017 年 1 月 20日).

в данном проекте. В сентябре 2009 г. на заседании Комитета по реформам и развитию КНР проект был официально запущен.

Один из последних документов появился после съезда Центральной экономической рабочей конференции 12 декабря 2016 г. под председательством Си Цзиньпина⁴⁴. В рамках документа рассматриваются и подтверждены как минимум четыре стратегии (на 2015–2018 гг.): продолжение политики «Большого освоения Запада» (*Сибу кайфан*), возрождение Северо-Востока КНР, подъем Центрального Китая и лидерство Востока. Именно их можно рассматривать как наиболее современные стратегии регионального развития КНР. Кроме того, все они так или иначе тесно увязаны с развитием главной китайской стратегии «Один пояс, один путь». Отмечалось, что дополнительно была принята программа, касающаяся столичного региона, а именно — развитие процессов вокруг «Бохайского кольца», или «скоординированного развития для региона Пекин — Тяньцзинь — Хэбэй» (*Цзин-цзинь-цзи сепун фачжань*), а также экономического пояса Янцзы (*Чанцзян цзинцзи дай*).

Фактически это несколько разноуровневых стратегий. Они накладываются друг на друга, пересекаются по охвату, составу участников, зачастую дублируют одна другую. Однако это только на взгляд стороннего наблюдателя. Для китайского менталитета характерно принятие нового без отрицания старого, соответственно, могут быть реализованы одновременно несколько региональных стратегий. Промежуточным итогом принятия разнообразных региональных стратегий стала новая регионализация, вполне сводимая к ранее предложенным шести районам.

Общей чертой, которая отражена и в пятилетнем плане, становится целеполагание. Для всех регионов отмечается важность прорывных технологий и инноваций, для чего или уже создана, или создается сопутствующая инфраструктура⁴⁵. Наибольшее внимание государства на современном этапе приковано к крупным

⁴⁴ 中央经济公座会议在北京举行 // 新华网 [网站]. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2016-12/16/c_1120133804.htm (访问时间: 2016 年 12 月 16 日).

⁴⁵ Например, для «столичного региона» центром инновационного развития становится технологический парк Чжунгуаньцунь.

и сверхкрупным проектам регионального развития, в которые будут включены агломерации с населением 100 млн чел. и более.

Еще одним общим элементом развития становится всестороннее обеспечение ресурсами для развития «экономики будущего». Это в том числе и новая кадровая политика, пересмотр многих направлений социально-экономического развития. Анализируя публикации китайских авторов, можно выделить ряд элементов, на которых делают акцент как экономисты, так и политологи, занимающиеся проблематикой регионального развития:

- региональные различия;
- региональная политика;
- структура инвестиций;
- развитие процессов урбанизации;
- отдельные элементы экономики региона.

Как отмечает заместитель руководителя Комитета по реформам и развитию Сюй Сяньпин, наибольшей проблемой для государства остается развитие крупных городов и территорий — так, на восточные районы Пекина, Тяньцзиня, части городов провинции Хэбэй, крупные города дельты Янцзы и дельты реки Чжуцзян приходится 2,8 % территории, однако в них сосредоточено 18 % населения, производится 36 % ВВП страны. При наличии серьезных экологических проблем данных территорий необходимым условием их дальнейшего развития является изменение «структурного типа территорий»⁴⁶. Предполагается создание крупных городских агломераций в Центральном и Западном Китае, где экологическая ситуация лучше, например, в среднем течении реки Янцзы, на центральной равнине, в Сычуаньской низменности, на Северо-Востоке КНР.

Существуют объективные возможности для развития новой системы агломераций. В рамках городского планирования достаточно давно проводится курс на радиальную структуру крупного китайского города.

Существенно изменившуюся ситуацию характеризует и количество городов-миллионников. Если в 1978 г. их было всего 29, то

---

⁴⁶ 中国百万人以上城市达142个 六城市人口超千万 // Huashengjp.com [网站]. URL: <http://www.huashengjp.com/article-56234-1.html> (访问时间: 2016年12月20日).

в 2014 г. их количество составило 142. Как отмечает в своем выступлении Сюй Сяньпин, «в „сверхкрупных“ городах мы столкнулись с противоречием между масштабом города и возможностями содержать такое количество населения. И здесь необходимо очень тщательное и эффективное регулирование»⁴⁷. Серия новых регулирующих документов начала появляться с 2014 г. и предполагает расширение комплексных инфраструктурных и информационных сетей и систем связи, улучшение производственной структуры и общественного распределения, подбор соответствующих механизмов для каждого из «сверхкрупных городов». Планируется «улучшить структуру и для мелких городов и поселков для более эффективного включения рабочей силы в имеющиеся агломерации»⁴⁸.

Новые стратегии реализовывались в рамках крупномасштабных экспериментов. Так, для Даляня и Чжанцзякоу была принята инициатива по региональному городскому развитию — «стратегия города-чемпиона», которая была представлена на Всемирном экономическом форуме 2014 г.⁴⁹

***

Можно выделить следующие проблемы и диспропорции современной китайской регионализации:

– При увеличении роли трех ключевых регионов и агломераций (дельты реки Янцзы, дельты реки Чжуцзян (Жемчужной) и треугольника Пекин — Тяньцзинь — Хэбэй) неизбежно сократится внимание к другим региональным проектам, хотя, безусловно, технологический прорыв возможен только в одном из этих «полюсов силы».

– По-прежнему сохранится региональный дисбаланс, будет наблюдаться рост экологических проблем в городах, однако проблемы крупных, мелких и средних городов будут существенно отличаться как минимум по масштабу.

– Меняется система сравнительных преимуществ, что отражается на всей системе факторов производства.

---

⁴⁷ 同上.

⁴⁸ 同上.

⁴⁹ The Future of Urban Development Initiative : Dalian and Zhangjiakou Champion City Strategy. Geneva, 2014.

– При увеличении внимания к отстающим регионам (Запад, Центр и Северо-Восток) государство использует те же административно-командные механизмы, что и раньше, включая прямые дотации, перевод средств, принудительное спонсорство и т. д.

– Сложность регионального развития — еще и в сложившейся системе законодательства. Так, необходимо сразу несколько реформ, которые могут подтолкнуть развивающиеся регионы, — это реформа налогообложения, реформа системы трансфертов, создание специализированных фондов для субсидирования регионального развития, реформа «хуцзи» и т. д.

Существующее административно-территориальное деление КНР уже существенно отстает от необходимости экономического роста.

С точки зрения увеличения регионального продукта, все части Китая, по данным 2015 г., демонстрировали рост: Запад (Тибет, Чунцин — 11 %, АРВМ — 7,7 %), Центр (Хубэй — 9,1 %, Шаньси — 3,1 %), Северо-Восток (Цзилинь — 6,5 %, Ляонин — 3 %), «столичный регион» (Тяньцзинь — 9,5 %, Хэбэй — 6,8 %).

При сохранении роста на Востоке инновации практически невозможны на условном «Западе» КНР. Так, при наличии почти в каждом административно-территориальном образовании как минимум одного инновационного или технологического парка существенны другого рода ограничения, связанные с эффективностью функционирования таких структур, низкой ресурсоэффективностью, нехваткой кадров и т. д. В итоге многие современные технологически продвинутые предприятия на различных этапах развития опирались на зарубежный опыт, технологии и капитал и успешно функционируют в восточной части КНР, не торопясь переводить производства в Центральный или Западный Китай. В этой связи можно поставить вопрос, насколько в КНР развита национальная система инноваций.

Важной характеристикой современной регионализации в КНР является наличие крупных городских агломераций, у которых зачастую сложно выделить даже четкие границы. Согласно подсчетам китайских исследователей, площадь агломераций составляет в настоящий момент около 25 % территории страны. При этом

в данных районах проживает до 62 % населения, производится 80 % ВВП, на регионы приходится до 70 % капиталовложений, сосредоточено 76 % общественного потребления (по сумме), 85 % вузов и студентов, 92 % пользователей мобильных телефонов, 98 % иностранных инвестиций, 48 % производства зерновых⁵⁰.

По долям регионального вклада в ВВП КНР распределение следующее: Пекин — Тяньцзинь — Хэбэй — 10 % ВВП, дельта Янцзы — 15 %, дельта Чжэцзян — 12 %, то есть на три региона приходится 37 % ВВП КНР. В краткосрочной перспективе именно тут заложена основа для изменений региональной экономики, наиболее велика региональная рыночная интеграция, созданы механизмы согласованного развития, а также обеспечена координация работы общественных служб.

Государственные проекты будут соразвиваться, для агломераций поставлены задачи по обеспечению стратегии «Один пояс, один путь» с выходом на соседние страны. Так, на Востоке КНР планируется более полно реализовать стратегию сотрудничества с Индией, Таиландом, Мьянмой, некоторыми другими странами, обеспечить развитие инфраструктуры. С 2015 г. начинается новый этап торгово-экономического сотрудничества ТАР и Непала, в районе КПП Гьиронг развивается трансграничное сотрудничество Тибета с Индией. С этого же года СУАР признан ключевым районом «Экономического пояса Шелкового пути»⁵¹, в нем уже создано 107 международных маршрутов, продолжается развитие инфраструктуры и транспорта. При определенных задачах, таких как соединение стратегий «Один пояс, один путь» и «Стратегии большого освоения Запада» ключевым становится Чунцин, где пересекаются различные региональные проекты и расположены крупнейшие транспортные и промышленные узлы.

⁵⁰ 中国区域经济发展报告2015–2016. 第136–139页.

⁵¹ 新疆丝绸之路经济带核心区建设步入「光网时代」// 中华人民共和国国务院新闻办公室 [网站]. URL: <http://www.scio.gov.cn/zhzc/8/2/Document/1486454/1486454.htm> (访问时间: 2016 年 12 月 20 日).

Глава 25

Современный латиноамериканский регионализм: столкновение двух моделей интеграции

Начало XXI в. ознаменовалось бурным развитием интеграционных процессов в Латинской Америке. В период с 2004 по 2011 г. в регионе появилось сразу четыре новых объединения. Особенностью этого феномена стало то, что новые региональные структуры не заменили собой старые, а поскольку в этот процесс были вовлечены все 33 государства региона, многие страны стали участниками сразу нескольких объединений. Таким образом, интеграционный бум породил причудливую иерархию старых и новых региональных проектов. Процесс совпал с пиком популярности политики «левого поворота» и ослаблением влияния США в регионе. Такое совпадение вряд ли можно назвать случайным, так как три из четырех новообразованных блока имеют левый уклон. Вместе с тем, в регионе существуют явно проамериканские объединения, дальнейшая судьба которых остается неясной после прихода к власти в США президента Дональда Трампа. Но и «левый поворот» постепенно сходит на нет, в связи с чем возникает вопрос, что будет происходить с интеграционными объединениями в условиях меняющегося политического курса во многих латиноамериканских странах.

Причиной отхода от политики «левого поворота» стало в первую очередь то, что она так и не смогла решить ряд исторических проблем, присущих региону. Наиболее острыми являются проблемы неравного распределения ресурсов, высокого уровня бедности, спорных территорий, слабости региональной и внутренней инфраструктуры, вмешательства внешних игроков во внутреннюю политику стран региона. Таким образом, Латинская Америка находится в поиске приемлемой региональной модели, которая будет отвечать идеологическим, политическим, экономическим потребностям и вопросам безопасности.

Научные подходы к исследованию интеграционных процессов в Латинской Америке

Научное сообщество склонно по-разному объяснять природу процесса образования новых региональных блоков. Так, ряд исследователей объясняет этот феномен противодействием проамериканской политике открытого регионализма, так называемому «постлиберальному регионализму». Другие исследователи используют термины «постгегемонистский» и «постэкономический», что характеризует новую региональную политику, независимую от гегемонии США и пропагандируемого ими экономического курса. По мнению приверженцев данного подхода, крах открытого регионализма в Латинской Америке произошел в 2005 г., когда страны региона окончательно отказались принять проект создания единой зоны торговли двух Америк (ALCA). Ему на смену пришел постлиберальный регионализм, основными чертами которого являются содействие сокращению бедности и неравенства через региональную интеграцию, закрепление принципа социальной справедливости в политической повестке, создание институтов и единых политических принципов, интенсификация сотрудничества в неторговой сфере в рамках направления Юг — Юг, большее внимание к энергетической безопасности и поиск взаимодополняемости стран в этой сфере, усиление антиамериканских настроений¹.

¹ *Sanahuja J. A.* Post-liberal Regionalism in South America : The Case of UNASUR // EUI RSCAS [official website]. URL: http://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/le/1814/20394/RSCAS_2012_05.pdf?sequence=1&isAllowed=y (mode of access: 12.03.2017) ; *Sanahuja J. A.* Post-Liberal Regionalism: S-S Cooperation in Latin America and the Caribbean // Poverty in Focus : South-South Cooperation The Same Old Game or a New Paradigm? 2010. № 20. P. 17–19. URL: <http://www.ipc-undp.org/pub/IPCPovertyInFocus20.pdf> (mode of access: 14.03.2017) ; *Garzón J. F.* Latin American Regionalism in a Multipolar World // EUI RSCAS [official website]. URL: http://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/35417/RSCAS_2015_23.pdf?sequence=1&isAllowed=y (mode of access: 12.03.2017) ; *McCarthy-Jones A.* Post-liberal Regionalism in Latin America and the Influence of Hugo Chávez // J. of Iberian and Latin American Research [official website]. 2013. Vol. 19. Iss. 2. P. 211–223. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13260219.2013.853353> (mode of access: 16.03.2017) ; *Кравченко Л. И.* Эволюция основных концепций регионализма в Латинской Америке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение : Вопросы теории и практики : в 3 ч. 2015. № 8 (58). Ч. 2. С. 112–114.

Другие исследователи придерживаются концепции альтерглобализма². Альтерглобалистское движение Латинской Америки является наиболее массовым, организационно оформленным, идейно оснащенным и политически влиятельным в мире. Его представляют массовые социальные движения: крестьянские, индейские, профсоюзные, женские, студенческие, движения безземельных крестьян, городских бездомных, безработных и др. Данный подход также рассматривает отказ латиноамериканских стран от проекта ALCA как поворотную точку, так как это событие стало причиной консолидации альтерглобалистской оппозиции во всем регионе. В рамках этого подхода выделяется два уровня латиноамериканского альтерглобализма — альтерглобалистские общественные движения и правительственный альтерглобализм. Основные черты проведения данной политики в регионе — региональная интеграция и привлечение на свои рынки новых иностранных партнеров, в частности, ЕС и Китая.

Другой подход рассматривает политические тенденции в регионе с точки зрения популизма³. В современном понимании данный термин имеет негативную коннотацию и подразумевает манипуляцию широкими социальными группами, чаще всего малообразованными. С целью получения власти популисты используют социально привлекательные идеи, акцентируют свое внимание на экономических и социальных интересах граждан. В рамках данного подхода новая волна популистских режимов возникла на рубеже XX–XXI вв. в Венесуэле и Боливии, в которых протест против неолиберализма принял неинституционализированные

---

² Пятаков А. Н. Латиноамериканская грань мирового альтерглобализма // Свободная мысль. 2007. № 7. С. 56–65 ; Коржов А. Ю. Региональные особенности альтерглобалистского движения // Вопросы духовной культуры. 2013. № 263. С. 130–134.

³ O'Neil S. K. Latin America's Populist Hangover. What to Do When the People's Party Ends // Foreign Affairs [official website]. 2016. Nov./Dec. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/americas/2016-09-27/latin-america-s-populist-hangover> (mode of access: 20.03.2017) ; Варенцова О. Б. Три волны популизма в Латинской Америке // Вестн. МГИМО [сайт]. 2014. № 6 (39). С. 153–160. URL: http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/020_politologiya_varencovaob.pdf (дата обращения: 20.03.2017).

формы. Причинами этого явления стали рост коррупции, проблемы в области ЖКХ, судебного производства, контроля над деятельностью полиции. Результатом стала дискредитация институтов власти, что в конечном счете привело к образованию политического вакуума. Таким образом, приход к власти левоориентированной антисистемной оппозиции, а также наличие подверженных мобилизации масс привели к появлению левопопулистских режимов.

Однако не все режимы в контексте «левого поворота» являются популистскими. Сравнение основных характеристик современных левопопулистских и левоцентристских (например, Чили, Уругвай, Бразилия) режимов в Латинской Америке делает очевидным, что первые менее институционализированы, а потому отличаются большей степенью радикализма. Что касается вторых, то они появились в условиях институционализированной партийной системы, завершенных неолиберальных реформ и диверсифицированной экономики, так что их лидеры придерживаются умеренного курса. К тому же левопопулистские режимы возникли в странах, в которых преобладали антиимпериалистические настроения. Политические режимы в Венесуэле и Боливии сохраняют некоторую преемственность по отношению к ранним латиноамериканским популистским режимам: их лидеры используют антиэлитарный дискурс и опираются на прямые связи с электоратом. Однако сегодня левопопулистские режимы имеют отличительные особенности, одна из которых состоит в ярко выраженной классовой или проиндейской ориентации.

Также существует подход, представители которого, констатируя ослабление влияния США в Латинской Америке в последние два десятилетия, делают акцент на противостоянии концепции панамериканизма и нарастающего влияния крупных региональных держав, в частности Бразилии, которая за счет экономического и политического усиления становится новым полюсом силы на континенте⁴.

---

⁴ См: Современные международные отношения : учебник / под. ред. А. В. Торкунова, А. В. Мальгина. М., 2016.

Три волны регионализма в Латинской Америке

В научном сообществе принято выделять три волны латиноамериканского регионализма⁵. Каждая из них породила региональные структуры и соглашения, часть из которых функционируют по сей день.

Первая волна регионализма, которая пришлась на 60-е гг. XX в., расценивается как ответная реакция на создание ЭЭС. Оборонительная, с точки зрения экономики, ориентация обуславливает отсутствие социально-политического контекста в формировании региональных структур. В 1960 г. была создана Латиноамериканская ассоциация свободной торговли (LAFTA), целью которой была отмена ограничений региональной торговли для защиты своих производителей от внешней конкуренции. В блок вошли семь стран во главе с Мексикой. Инициатором создания этого объединения выступила Экономическая комиссия ООН для стран Латинской Америки и Карибского бассейна (ECLAC). В 1969 г. LAFTA распалась, и ряд ее стран-участниц создали новый институт — Андское сообщество, куда вошли Боливия, Колумбия, Чили, Эквадор и Перу. Целью данного проекта стало создание единого рынка, который способствовал бы равному распределению внутри сообщества. Также в 1960 г. был образован Центральноамериканский общий рынок (САСМ, МССА), куда вошли Сальвадор, Гватемала, Гондурас, Никарагуа и позже Коста-Рика. В 1967 г. англоязычные государства Карибского региона сформировали Карибское сообщество свободной торговли (CARIFTA), которое в 1973 г. было преобразовано в Карибское сообщество (CARICOM).

Но несмотря на достижения первой волны латиноамериканского регионализма, ее последствия имели и отрицательный характер. Попытка ограничения внешней экономической экспансии привела к завышенным неконкурентным ценам на экспорт, экономика зависела от иностранного капитала для поддержания индустриализации, создавая прогрессирующий торговый дефицит, постоянно увеличивались внешние долги стран региона. Все это в конце концов привело к так называемому «потерянному десяти-

---

⁵ *Riggiozzi P.* Region, regionness and regionalism in Latin America : Towards a new synthesis // *New political economy.* 2012. № 17. P. 421–443.

летию» в 1980-х гг., которое характеризуется экономическим крахом, значительным падением уровня занятости и уровня жизни. В этом контексте странам с крупной задолженностью не оставалось иного выбора, кроме как сблизиться с США, приверженцами «открытого» регионализма.

Таким образом, проамериканская политика «открытого» регионализма становится причиной **второй волны латиноамериканского регионализма** в 1990-е гг. Целью данной региональной политики было положить конец долговому кризису с помощью приватизации, появления новых структур и открытых рынков. Важно отметить, что в это время в мире происходили глобальные перемены вследствие краха биполярной системы международных отношений. В повестке «открытого» регионализма также преобладали вопросы торговли и инвестиций, однако идею протекционизма сменили глобализация и международное разделение труда. Немаловажным фактором стало то, что США приняли «план Брейди» по реструктуризации долгов, который облегчал бремя финансовой задолженности для латиноамериканских стран⁶. Все это открыло возможность для амбициозного плана президента Дж. Буша-старшего — «Зоны свободной торговли для Америк» (ALCA, ФТАА), который предполагал объединение двух американских континентов в единую торговую зону. ALCA олицетворяет амбиции США в отношении латиноамериканского направления и, по сути, является продолжением политики панамериканизма⁷. Она должна была интегрировать Америку через общие либерально-демократические ценности, политические структуры и либерализацию экономики.

Другой структурой, созданной в этом контексте, является Североамериканская зона свободной торговли, которая объединила Канаду, США и Мексику. Идея НАФТА заключалась в том, что впоследствии блок начнет расширяться на латиноамериканском направлении и станет основой для ALCA. Однако финансовый

---

⁶ Brady Bonds and Default Probabilities // IMF Working paper [official website]. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/wp9816.pdf> (дата обращения: 23.03.2017).

⁷ Riggiozzi P. Op. cit.

кризис 1994 г. в Мексике, развития которого до масштабов полного экономического краха удалось избежать исключительно по причине активного вмешательства США, запятнал образ «открытого» регионализма. Латиноамериканские страны не спешили присоединяться к масштабному проекту Соединенных Штатов.

В этот период появилась еще одна влиятельная региональная интеграционная структура — Общий рынок Южного конуса (*Mercado Común del Sur, MERCOSUR*). Союз возник на базе программы экономической интеграции и сотрудничества Аргентина — Бразилия, которая была подписана в 1985 г. В 1991 г. к договору присоединились Уругвай и Парагвай, а в 2012 г. — Венесуэла. С 2015 г. Боливия находится в процессе вступления в блок. Проект нацелен на содействие свободной торговле, движению товаров, услуг и людей.

К концу 1990-х гг. стало ясно, что неолиберализм в Латинской Америке сходит на нет. Неблагоприятные последствия интеграции способствовали глубокому разочарованию в неолиберальной политике. В это время латиноамериканские страны стали все чаще сталкиваться с прогрессирующим уровнем нищеты и экономического неравенства. Растущая задолженность, возрастающие социальные издержки, вызванные неолиберальной моделью, изменили отношение к рыночным реформам. Темпы экономического роста в регионе на протяжении 1990-х гг. оказались меньше, чем средние показатели роста в 1970-е гг.⁸ Кризис «открытого» регионализма был тесно связан с уменьшающимся влиянием американского влияния в Латинской Америке, утратой доверия к неолиберальной экономике и постепенным возрождением националистических взглядов на политику и экономику во всем регионе.

Следствием этого стало появление **третьей волны региональной интеграции**. Она является неотъемлемой частью новой политики «левого поворота». В англоязычной литературе существует термин *Pink Tide*, который можно перевести как «розовый поток». Его автором является журналист *New York Times* Ларри Ротер, так охарактеризовавший результаты президентских выборов в Уругвае в 2005 г., на которых победил кандидат от социалистической пар-

---

⁸ *Pribble J., Huber E., Stephens J.D.* The Politics of Poverty in Latin America // *Comparative Politics* 41. 2009. № 4. P. 387–407.

тии Табаре Васкес: «не совсем красные, скорее розовые»⁹. В этом высказывании журналист обыграл устойчивую ассоциацию между красным цветом и коммунизмом, однако нового политического лидера Уругвая нельзя было в полной мере назвать «красным», поэтому Ротер прибег к термину «розовый», то есть более умеренный, левоцентричный.

Однако процесс «левого поворота» начался задолго до выборов в Уругвае. Отправной точкой стала победа Уго Чавеса на президентских выборах в Венесуэле в 1998 г. После этого за два десятилетия в 15 странах региона к власти конституционным путем приходят левые правительства. Новые левые движения и правительства отражают широкие социальные процессы в Латинской Америке, которые отвергают неолиберализм и рыночные варианты демократии и предлагают вместо этого новую политику, основанную на социально-ориентированном понимании демократии и интеграции. На региональном уровне это привело к новым региональным объединениям как способу противодействия США. Наиболее показательным в этом плане является провал проекта ALCA. Активная фаза переговоров по созданию общеконтинентальной зоны свободной торговли пришлось на 2002–2005 гг., в ее ходе была выявлена масса противоречий между блоком НАФТА и МЕРКОСУР при поддержке Венесуэлы и Боливии. Стороны так и не смогли прийти к консенсусу, и проект был свернут.

Важно отметить, что «левый поворот» был разнороден и включал в себя три направления: леворадикальное, левоцентричное и оппозиционное (неолиберальное).

К леворадикальным странам в первую очередь относятся Венесуэла и Куба, в 2004 г. сформировавшие Боливарианский альянс для народов нашей Америки (*Alianza Bolivariana para los Pueblos de Nuestra América, ALBA*), к которому впоследствии присоединились Боливия, Эквадор, Никарагуа и шесть островных карибских государств. Целями альянса стали объединение потенциала и сильных сторон стран-участниц, защита их суверенитета, социально-поли-

---

⁹ *Rother L.* With New Chief, Uruguay Veers Left, in a Latin Pattern // *New York Times* [official website]. URL: <http://www.nytimes.com/2005/03/01/world/americas/with-new-chief-uruguay-veers-left-in-a-latin-pattern.html> (mode of access: 22.03.2017).

тической независимости и культурной самобытности. ALBA имеет большое количество проектов, направленных на социальную сферу и касающихся обеспечения продовольствием, развития сферы науки, культуры, образования, здравоохранения, телекоммуникаций, туризма. Другим стратегическим направлением является инфраструктура, по нему ведутся проекты, направленные на развитие энергетики, промышленности и транспорта¹⁰. Проект экономической интеграции реализуется посредством банка ALBA и единой валюты — сукре (Sistema Unitario de Compensación Regional, SUCRE)¹¹. Главной функцией Банка ALBA является экономическое развитие в ключевых секторах экономики, направленное на повышение производительности и эффективности, создание новых рабочих мест, научно-техническое развитие, инновации, изобретения, взаимодополняемость и развитие производственных цепочек, добавленной стоимости, максимального использования сырья, производимого в регионе, и охрану окружающей среды¹².

В апреле 2009 г. было принято решение о введении сукре, и с 1 января 2010 г. она начала использоваться во взаиморасчетах стран-членов. Появление сукре было продиктовано большим объемом товарооборота внутри альянса и желанием ослабить региональную монополию доллара. Валюта используется в безналичном расчете, появление сукре в наличном виде пока не произошло.

В рамках левоцентристского направления в 2008 г. был сформирован Союз южноамериканских наций (Unión de Naciones Suramericanas, UNASUR). В этот блок вошли все 12 независимых государств Южной Америки во главе с Бразилией и Аргентиной. В целом UNASUR имеет схожую с ALBA проектную повестку, однако в нее также входят такие пункты, как борьба с терроризмом, коррупцией, асимметричным развитием, обеспечение ядерного

---

¹⁰ Principles of the ALBA // ALBA — TCP [official website]. URL: <http://alba-tcp.org/en/contenido/principles-alba> (mode of access: 25.03.2017).

¹¹ Sistema Unitario de Compensación Regional, SUCRE [official website]. URL: <http://www.sucrealba.org/> (mode of access: 25.03.2017)

¹² Banco del ALBA [official website]. URL : <http://www.bancodelalba.org/> (mode of access: 25.03.2017).

нераспространения и региональной безопасности¹³. Важно отметить, что UNASUR не предполагает создания зоны свободной торговли.

Одной из наиболее важных инициатив блока является развитие южноамериканской интеграции в области инфраструктуры (COSIPLAN — IIRSA). На конец 2016 г. в COSIPLAN имелось 128 реализованных проектов, что составляло лишь пятую часть от проектов, запланированных до 2022 г. Практически половина из реализованных проектов — 44 % — приходится на строительство дорог, 13 % — на речное, и 10,5 % — на железнодорожное сообщение. 84 % из них пришлись на национальный уровень, остальные — на межнациональный¹⁴. Уже реализованные и запланированные проекты COSILAN позволяют существенно снизить себестоимость транспортных услуг и оптимизировать торговые потоки — как внутрирегиональные, так и ориентированные на экспорт.

Сложнее обстоит ситуация с созданием регионального финансово-инвестиционного института — «Банк Юга» (Banco del Sur). Структура была создана в 2009 г. для того, чтобы создать альтернативу доминирующим кредитно-финансовым институтам (Межамериканскому банку развития, МВФ и Всемирному банку)¹⁵. Однако пока «Банк Юга» не смог реализовать задачу привлечения к участию всех членов UNASUR.

Одной из наиболее важных структур, созданных в UNASUR, является «Южноамериканский совет обороны» (Consejo de Defensa Suramericano, CDS), который призван решать проблему региональной безопасности¹⁶. Наиболее значимым достижением совета стало

¹³ Objetivos Específicos // UNASUR [official website]. URL : <http://www.unasursg.org/es/objetivos-especificos> (mode of access: 25.03.2017).

¹⁴ Informe de la Cartera de Proyectos del COSIPLAN 2016 // Consejo Suramericano de Infraestructura y Planeamiento [official website]. URL: <https://www.flipsnack.com/IIRSA/informe-de-la-cartera-de-proyectos-del-cosiplan-2016.html> (mode of access: 26.03.2017).

¹⁵ Пятаков А. Н. UNASUR: прагматичная мечта о единой Южной Америке // Российский совет по международным делам [официальный сайт]. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/unasur-pragmatichnaya-mechta-o-edinoy-yuzhnoy-amerike/> (дата обращения: 20.03.2017).

¹⁶ Estatuto del Consejo de Defensa Suramericano de la UNASUR. 11 de Diciembre de 2008 Santiago, Chile // UNASUR [official website]. URL: <http://www.unasursg.org>.

решение в 2009 г. конфликта, известного как «кризис в Ангостуре», между Колумбией, с одной стороны, и Эквадором, поддержанным Венесуэлой, с другой, а также предотвращение попытки государственного переворота в Эквадоре в 2010 г.

UNASUR — это, по существу, проект, который отделяет зоны свободной торговли от альянса безопасности. Он представляет собой процесс регионального строительства, которое капитализирует ранее существовавшие торговые соглашения, появившиеся в эпоху «открытого» регионализма 1990-х гг. UNASUR нацелен на укрепление своей институциональной структуры, поиск новых рынков и самостоятельную позицию в отношении внешнего влияния США и ЕС.

Оппозиционное «левому повороту» (или неолиберальное) направление представляют Мексика, Колумбия, Перу, Чили, Коста-Рика, которые образовали в 2011 г. Тихоокеанский альянс. Цель альянса — обеспечение свободного движения капиталов, товаров, услуг и людей. Он нацелен на совместное продвижение на динамично развивающиеся рынки стран АТР на основе глубокой интеграции государств — членов альянса и использования их географического положения на побережье Тихого океана. Это первое интеграционное объединение, созданное специально для развития торгово-экономических отношений с одним из районов мира. Его появление связано с особой ролью, которую приобрели государства АТР в глобальной экономике и внешнем секторе латиноамериканских стран в последнее десятилетие. В данном союзе интеграция облегчается близостью экономической политики и общностью законодательства, так как все входящие в него страны связаны между собой соглашениями о свободной торговле. Их также объединяет наличие договоров о свободной торговле с США и ЕС¹⁷.

---

org/images/descargas/ESTATUTOS%20CONSEJOS%20MINISTERIALES%20SECTORIALES/ESTATUTO%20CONSEJO%20DE%20DEFENSA.pdf (mode of access: 26.03.2017)

¹⁷ Лавут А. Тихоокеанский альянс: новая звезда среди интеграционных группировок // Российский совет по международным делам [официальный сайт]. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tikhookeanskiy-alyans-novaya-zvezda-sredi-integratsionnykh-g/> (дата обращения: 20.03.2017).

Важной особенностью латиноамериканского регионализма является перемещение стран между блоками, которые решают разные политические цели и задачи. Этот феномен характеризуется сложной иерархией региональных объединений, которые возникли в разные периоды и в различных условиях. Вопрос о порядке подчинения в иерархии этих структур остается открытым и часто обусловлен политической составляющей. То есть в условиях актуальных вызовов страны региона склонны использовать более удобную и выгодную форму регионального взаимодействия, что может работать во вред для другой формы. Ярким примером этого феномена может служить Венесуэла, которая является создателем ALBA и в то же время входит в UNASUR. В свою очередь, Чили одновременно входит и в UNASUR, и в Тихоокеанский альянс.

Третья волна регионализма представляет собой, в общем, гибридную и отчасти противоречивую модель, выражающую альтернативные континентальные стратегии роста. «Левый поворот» оспаривает «открытый» регионализм 1990-х гг., предлагая при этом формирование новой региональной политики, которая обусловлена совместными программами в области социальной политики, образования, здравоохранения и безопасности.

Важно отметить, что в ходе третьей волны институты, созданные США в XX в., потеряли свое влияние. Пакт Рио и Организация американских государств (ОАС) уступили лидерство Сообществу стран Латинской Америки и Карибского бассейна (CELAC), которое было создано в 2011 г. и включило в себя все 33 государства региона¹⁸. Следовательно, Соединенные Штаты сталкиваются с политикой обособления своих южных соседей и теряют инструменты влияния в регионе.

Кризис региональной интеграции

Середина второго десятилетия XXI в. охарактеризовалась кризисом для региональных интеграционных институтов Латинской

---

¹⁸ Declaración de Caracas «En el Bicentenario de la Lucha por la Independencia Hacia el Camino de Nuestros Libertadores» // Parlatino [official website]. URL: <http://parlatino.org/pdf/comunidad-estados/declaracion-caracas.pdf> (mode of access: 04.09.2017).

Америки. Во многом причиной этого стало снижение темпов экономического роста, которое оказало влияние на весь регион. Первым под удар попал ALBA. Причинами стагнации блока стали финансовый кризис 2008 г., падение цен на нефть, отсутствие новых стран-участниц, слабость институтов союза и идеологический кризис, который связан с отсутствием харизматичных лидеров после смерти Уго Чавеса и Фиделя Кастро. Сказывается и парадоксальный характер организации регионального пространства — члены ALBA не имеют общих границ. Однако эти факторы не являются доминирующими. Главной причиной стал кризис в Венесуэле, который заключается в нежелании президента страны Николаса Мадуро вести диалог с оппозицией. Ситуация усугубляется экономическим кризисом и гиперинфляцией.

Кризису неолиберального направления способствовала победа Дональда Трампа на президентских выборах в США. Дело в том, что новая администрация сразу заявила о своем желании пересмотреть свою политику в Латинской Америке. В частности, значительно ухудшились отношения между Соединенными Штатами и их главным союзником в регионе в последние 20 лет — Мексикой. В ходе предвыборной кампании Д. Трамп не раз поднимал вопрос о нелегальных мигрантах, которые попадают на территорию США через границу с Мексикой, в качестве решения проблемы кандидат предлагал строительство стены на границе двух государств. Скептики утверждали, что заявления Д. Трампа голословны и никогда не будут выполнены в силу ряда причин, однако после победы на выборах он принялся за исполнение своих предвыборных обещаний. Некоторое время назад на сайте Белого Дома была опубликована информация о необходимости пересмотра НАФТА¹⁹. Соглашение было охарактеризовано как «худшее в истории США», и было заявлено, что если партнеры в лице Канады и Мексики не будут готовы к его пересмотру, американская сторона будет вынуждена покинуть альянс. Более того, американские компании уже вывели значительную часть производственных мощностей

---

¹⁹ Trade Deals That Work For All Americans // The White House [official website]. URL: <https://www.whitehouse.gov/trade-deals-working-all-americans> (mode of access: 30.03.2017).

с территории Мексики, что вызвало социальную напряженность внутри страны.

Смену политики Белого дома ощутил на себе и Тихоокеанский альянс. Дело в том, что для сближения Тихоокеанского альянса с АТР ключевое значение имело Транстихоокеанское стратегическое экономическое партнерство. Переговоры и разработка проекта ТТП велись с 2008 г., и в 2016 г. соглашение наконец было подписано 12 странами. Однако в начале 2017 г. США вышли из проекта²⁰, что поставило будущее ТТП под угрозу, потому как они выступали главным инициатором данного соглашения.

Таким образом, приверженцы неолиберализма испытывают на себе так называемый «эффект Трампа». Ситуация характеризуется тем, что теперь цель, ради которой создавался Тихоокеанский альянс, не может быть достигнута, и блок вынужден искать новые рынки. Реакция альянса последовала летом 2017 г., когда в ходе саммита в колумбийском городе Кали было объявлено о принятии в альянс Сингапура, Австралии, Новой Зеландии и Канады в качестве ассоциированных членов²¹, что способствует расширению сферы охвата торговых потоков и инвестиций. В ходе саммита президент Колумбии Хуан Мануэль Сантос озвучил шаги, которые будет предпринимать альянс: «Мы собираемся зарегистрировать создание общего фонда для финансирования инфраструктуры, мы собираемся открыть альянс для объединения членов, чтобы мы могли установить разные отношения с заинтересованными наблюдателями, чтобы каким-то образом связать их с четырьмя странами, которые имеют наиболее динамичные экономики Латинской Америки»²².

---

²⁰ Presidential Memorandum Regarding Withdrawal of the United States from the Trans-Pacific Partnership Negotiations and Agreement // White House [official website]. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/01/23/presidential-memorandum-regarding-withdrawal-united-states-trans-pacific> (mode of access: 30.03.2017).

²¹ Declaration de Cali 2017 // Alianza del Pacifico [official website]. URL: <https://alianzapacifico.net/en/download/cali-declaration/> (mode of access: 06.09.2017).

²² Pacific Alliance to admit new associate members to expand trade reach // Reuters [official website]. URL: <http://www.reuters.com/article/us-pacificalliance-members/pacific-alliance-to-admit-new-associate-members-to-expand-trade-reach-idUSKBN19K38F> (mode of access: 06.09.2017).

Проблемы не обошли и лидеров левоцентристского направления Аргентину и Бразилию. Последние годы были насыщены коррупционными скандалами, в которых были замешаны бывшие президенты этих государств Кристина Киришнер, Дилма Русеф и Лулу да Силва. Ключевым стал скандал, который привел к импичменту Дилмы Русеф в 2016 г. После этих событий Бразилия резко снизила свою активность в региональной политике, чем поставила под угрозу будущее большинства региональных институтов, в частности UNASUR, работа которого практически парализована.

***

Очевидно, что Латинская Америка все еще нуждается в эффективных региональных институтах, в рамках которых будут реализовываться проекты, которые нацелены на решение старых региональных проблем, таких как социальное расслоение, отсутствие современной инфраструктуры, вмешательство США во внутренние дела латиноамериканских государств, обеспечение безопасности и урегулирование конфликтов внутри региона. В начале XXI в. в Латинской Америке были созданы интеграционные институты, которые основывались на противоположных моделях — неолиберализме и постнеолиберализме. До середины второго десятилетия XXI в. эти интеграционные проекты показывали высокую эффективность, но сегодня они находятся в кризисе, и в сложившейся ситуации предсказывать их будущее весьма сложно. Дальнейшее развитие региональной политической архитектуры будет зависеть от результатов ближайших президентских и парламентских выборов, которые пройдут в странах региона в 2018 и 2019 г. Наибольшее значение будут иметь результаты выборов в странах — лидерах «левого поворота»: Бразилии, Венесуэле и Аргентине.

Глава 26

Проблемы интеграционных процессов в Восточной Африке

Интеграционные процессы в регионе Восточной Африки уходят своими корнями в 1960-е гг., когда страны региона одна за другой обрели суверенитет. В 1961–1963 гг. Танзания, Уганда и Кения освободились от колониальной зависимости от Великобритании, а Бурунди и Руанда — от Бельгии.

В 1967 г. был подписан Договор об африканском сотрудничестве между Кенией, Угандой и Танзанией, который предусматривал создание на территории этих государств валютного и таможенного союза, внедрение единых стандартов в почтовой, телекоммуникационной, образовательной сферах, свободное трансграничное передвижение товаров и людей. Впрочем, все эти инициативы естественным образом ложились на созданную британцами в пределах своих восточноафриканских колоний единую правовую и экономическую систему и были вызваны не стремлением вновь образованных стран к единству, а нежеланием и неготовностью пришедших к власти национальных элит делить общее для всей Восточной Африки британское наследие.

Достаточно скоро в регионе сложилась ситуация взаимного недоверия, перечеркнувшая первые интеграционные попытки. Первый удар по межгосударственной кооперации нанес совершенный И. Амином в Уганде в 1971 г. государственный переворот, после чего между Угандой и Танзанией начались серьезные политические трения, которые к 1977 г. привели практически к полному разрыву связей между ними. В 1978 г. к власти в Кении приходит Д. Мои, надолго законсервировавший созданный в стране еще при предыдущем президенте Дж. Кениатте авторитарный однопартийный режим, строго ориентированный на взаимодействие с Западом, а отнюдь не на региональную интеграцию. В результате танзанийской интервенции в Уганду в 1978–1979 гг. И. Амин был свергнут, но к тому времени уже достаточно далеко зашел процесс имущественных споров между Кенией, Танзанией и Угандой относительно раздела бывшей британской собственности, это касалось в том

числе имущества железной дороги, почтовой инфраструктуры и других активов. С трудом шли переговоры о том, как следует разделить между вновь образованными странами внешние долговые обязательства бывшей британской Восточной Африки, поскольку, естественно, никто не хотел брать их на себя. Только в 1984 г. после долгих переговоров, проходивших при посредничестве представителей Всемирного банка, Кении, Танзании и Уганде удалось наконец достичь соглашения о разделе имущества и долгов.

В 1986 г. была сделана вторая попытка возобновить межгосударственное сотрудничество в Восточной Африке. Была сформирована трехсторонняя кенийско-угандийско-танзанийская комиссия по выработке его условий и определения приоритетных сфер кооперации. Консультации постепенно расширялись, включая все новые области взаимодействия. Существенный импульс переговорам придала состоявшаяся в 1993 г. встреча президентов трех стран, договорившихся о возобновлении восточноафриканского сотрудничества. Вскоре после этого в 1999 г. три страны подписывают договор о создании Восточноафриканского сообщества, а в следующем году в штаб-квартире сообщества в г. Аруша (Танзания) приступают к работе предусмотренные договором наднациональные институты, в том числе секретариат ВАС, Парламентская ассамблея ВАС и Африканский суд правосудия.

В 2007 г. происходит первое расширение ВАС, в состав которого принимаются Руанда и Бурунди. Одновременно в середине 2000-х гг. стороны договора вырабатывают стратегию интеграции, главной целью которой утверждается экономическое развитие Восточной Африки, которого предлагается достичь за счет поэтапной реализации следующих четырех задач: создания единого таможенного пространства, утверждения общего рынка, перехода к валютному союзу и объединения всех стран ВАС в федеративную политическую структуру.

В связи с намеченной стратегией ВАС начало достаточно динамично продвигаться к достижению цели. В 2005 г. был подписан протокол о создании таможенного союза, в 2010 г. — протокол об общем рынке, в 2013 г. — протокол о валютном союзе. Одновременно начались переговоры о модальностях политической феде-

рации. Вопрос о политическом объединении занял главное место в ходе дискуссий на 16-м саммите глав государств — членов ВАС в ноябре 2014 г. в Найроби¹. Тогда было принято решение о создании межгосударственной рабочей группы по выработке проекта конституции Восточноафриканской федерации. Однако ввиду целого ряда сложностей как экономического, так и политического характера этот процесс затормозился и до настоящего времени в конструктивную плоскость не перешел. Максимум, чего удалось добиться рабочей группе к концу 2016 г., это договориться о том, что ВАС в перспективе в политическом отношении должен представлять собой конфедерацию².

С юридической точки зрения немалую сложность в ходе переговоров о формировании территориальной федеративной структуры представляют два вопроса: о статусе Занзибара, входящего в качества субъекта федерации в Танзанию (все остальные страны — члены ВАС являются унитарными государствами), а также о статусе нескольких так называемых традиционных королевств, пользующихся значительной национально-культурной автономией, которые расположены на территории Уганды.

Однако главным препятствием для интеграционных процессов в Восточной Африке являются все же не политические, а экономические обстоятельства. Одним из таковых безусловно является бедность, за чертой которой в Уганде живет более 37 % населения, в Кении и Танзании — более 43 %, в Руанде — 65 %, а в Бурунди — 81 %. Лучшего оставляет желать и уровень грамотности среди лиц в возрасте от 15 лет и старше. Наивысший ее уровень ООН фиксирует в Бурунди — 87 %, на уровне 72–73 % — в Кении и Уганде, и на уровне 66–67 % — в Руанде и Танзании. По Южному Судану достоверные данные как по уровню бедности, так и по уровню грамотности отсутствуют, поскольку начавшийся там еще в середине 1950-х гг. этнополитический конфликт не только не прекратился

---

¹ EAC leaders meet to decide on constitution of political federation // The East African. 2014. Nov. 22–28. P. 4–5.

² Finally, East African nations agree to disagree on federation // AllAfrica.com [web-portal]. URL: <http://allafrica.com/stories/201611300840.html>. (mode of access: 10.02.2017).

в 2011 г. с обретением страной независимости, но и, в сущности, продолжается до сих пор.

Собственно, все страны — члены ВАС занимают очень невысокие места в рейтингах ООН по социально-экономическому развитию³. Кения в 2015 г. занимала 145-е место из 188, Танзания — 151-е, Руанда и Уганда, соответственно, 164-е и 165-е, Южный Судан (принятый в состав ВАС в 2016 г.) — 169-е, и Бурунди — 184-е. Это означает, что восточноафриканская интеграция «пробуксовывает» из-за элементарной нехватки профессиональных кадров, обладающих широким управленческим опытом для работы в наднациональных органах ВАС.

Как и повсеместно в находящихся в столь сложном положении государствах, в странах — членах ВАС значительную часть доходов населения составляют денежные переводы трудовых мигрантов⁴, которые в 2015 г. хотя и составили всего 0,5 % от глобального объема всех денежных переводов мигрантов за этот период, все же превысили 3 млрд долл. США. Большая их часть была переведена в Кению — 1,6 млрд долл. и Уганду — 900 млн долл. Значительно меньшие суммы — в другие страны региона: 400 млн — в Танзанию, 130 млн — в Руанду и 50 млн — в Бурунди⁵.

Фактором, существенно осложняющим перспективы динамичного социально-экономического развития Восточноафриканского региона, является наличие целого ряда «горячих точек», среди которых продолжающиеся уже не одно десятилетие гражданские войны в Сомали и Южном Судане, постоянно напряженная политическая ситуация в Демократической Республике Конго, которые порождают проблему беженцев. Так, например, в Кении только по официальным данным находятся более 550 тыс. беженцев, главным образом из Сомали и Южного Судана. В Уганде нашли убежище около 385 тыс. чел., в основном из Южного Судана и Демокра-

---

³ Human Development Report 2015. Work for Human Development. United Nations Development Program. N. Y., 2015. P. 203–271.

⁴ Favourable business environment draws foreign investors to region // The East African. 2016. Jan., 23–29. P. 37.

⁵ Migration and Remittances Factbook 2016. World Bank Group. Washington DC, 2016. P. 52–53.

тической Республики Конго⁶. Лагеря беженцев имеются и во всех остальных странах — членах ВАС. Власти принимающих стран констатируют, что в лагерях беженцев процветает контрабанда, а также торговля людьми, оружием и наркотиками. Кроме того, перенаселенность лагерей оказывает негативное воздействие на окружающую среду. Однако ничего сделать с этим восточноафриканским властям пока не удастся, поскольку западные доноры — УВКБ ООН, правительства некоторых европейских стран и международные гуманитарные НПО, фактически полностью взявшие на себя функции по содержанию и обслуживанию мест расселения беженцев, всеми силами стараются сохранить нынешние лагеря, чтобы предотвратить вероятность массового исхода проживающих в них беженцев в Европу.

Непросто складывается ситуация и в экономической отрасли во всех без исключения странах — членах ВАС. Несмотря на оптимистичные прогнозы Всемирного банка, предрекающие Восточной Африке в 2017 г. рост ВВП от 2,5 % в Бурунди до 7,1 % в Танзании⁷, уровень ВВП на душу населения, рассчитанный по паритету покупательной способности, продолжает оставаться почти одинаково низким во всех странах региона: в Кении и Танзании он составляет немногим более 3 тыс. долл. США, в Уганде и Руанде — около 2 тыс. долл., в Южном Судане — 1,6 тыс. долл., а в Бурунди — 0,8 тыс. долл.⁸

Рынки восточноафриканских стран довольно скромны по своим объемам, а потенциал их развития объективно ограничен тем, что они почти исключительно ориентированы на экспорт сырьевых ресурсов (некоторых полезных ископаемых и сельскохозяйственной продукции)⁹, а также весьма слабым уровнем развития об-

---

⁶ United Nations High Commissioner on Refugees Statistical Yearbook 2014. 14th ed. Geneva, 2015. P. 80–89.

⁷ Global Economic Prospects. Jan. 2017. Weak Investment in Uncertain Times. World Bank Group. Washington DC, 2017.

⁸ World Economic Outlook (October 2016) // International Monetary Fund [official website]. URL: www.imf.org/external/datamapper/datasets/WEO (mode of access: 10.02.2017).

⁹ East African Community Facts and Figures Report. EAC Secretariat. Arusha, 2016. P. 31.

рабатывающей, промышленной и транспортной инфраструктуры. Восточная Африка, таким образом, находится в прямой зависимости от торгово-экономических договоренностей, с одной стороны, со странами — импортерами местной продукции — это ряд стран Евросоюза (Великобритания, Нидерланды), США и ОАЭ, а с другой — с главными странами, поставляющими свою продукцию в ВАС — это Китай и Индия, которые, кроме того, являются еще и ключевыми инвесторами в реализуемых в регионе инфраструктурных проектах.

Так, например, для ВАС имеет важное экономическое значение сохранение действия принятого администрацией президента США Б. Обамы закона, предусматривающего беспошлинный ввоз в Америку текстильной продукции, произведенной в странах южнее Сахары, в том числе в странах — членах ВАС. Не менее важно для африканцев и продление соглашения об экономическом партнерстве между ВАС и Евросоюзом, согласно которому произведенная в Восточной Африке продукция, главным образом сельскохозяйственная, при импорте в ЕС выводится из-под квотирования и не облагается таможенными пошлинами.

Особенности восточноафриканской экономики таковы, что когда речь идет о возможностях привлечения значительных иностранных инвестиций в местные крупномасштабные проекты, страны региона предпочитают не сотрудничать друг с другом, а конкурировать. Типичный пример такого экономического соперничества можно наблюдать в последние годы вокруг перспектив добычи, транспортировки, переработки и экспорта нефти, достаточно крупные запасы которой были обнаружены в Кении, Уганде и Южном Судане. В этой связи между Кенией и Танзанией развернулась открытая борьба за привлечение зарубежных инвестиций в свои собственные инфраструктурные проекты, первый из которых предполагает строительство необходимых коммуникаций по территории Кении до порта Момбаса, а второй — через территорию Танзании до порта Дар-эс-Салам. Схожим образом кенийские и танзанийские власти «взаимодействуют» в туристической сфере. Так, например, в феврале 2015 г. в результате очередного обострения конкуренции Кения запретила туроператорам из Танзании

оказывать на своей территории какие-либо услуги иностранным туристам. Танзания, разумеется, ответила введением аналогичного ответного запрета. Наконец, свои нюансы в контексте развития политической ситуации в ВАС вносят и весьма натянутые взаимоотношения Руанды и Бурунди после руандийского геноцида в 1994 г. и бурундийской гражданской войны между этническими группировками хуту и тутси 1993–2006 гг.

Говоря о взаимоотношениях стран ВАС с зарубежными партнерами, необходимо иметь в виду, что бюджет ВАС является дотационным более, чем наполовину. Так, в 2014–2015 финансовом году при общем бюджете в 124 млн долл. 73 млн долл. (59 %) предоставили западные страны-доноры. В 2016–2017 финансовом году ситуация практически не изменилась — при утвержденном бюджете в 110 млн долл. 55 % предоставили те же зарубежные спонсоры.

Формально страны — члены ВАС обязаны вносить в бюджет сообщества ежегодный взнос в равных для всех участников долях, вне зависимости от уровня ВВП, размера страны или численности населения. Однако в действительности даже относительно небольшие суммы являются для восточноафриканских стран неподъемными, из-за чего, во-первых, растет их задолженность перед бюджетом сообщества, а во-вторых, сокращается финансирование реализуемых в рамках ВАС интеграционных проектов и программ развития тех или иных отраслей региональной экономики. По состоянию на конец 2015 г. за странами — членами ВАС числился совокупный долг в размере почти 31 млн долл., из которых на Бурунди приходилось 11,2 млн, Танзанию — 6,5 млн, Руанду — 6,3 млн, Кению — 4,2 млн и Уганду — 2,7 млн.

Таким образом, главное бремя финансирования расходов ВАС падает не на страны-члены, а на существующий с 2006 г. так называемый Фонд партнерства ВАС, в который входят Бельгия, Канада, Дания, Финляндия, Франция, Германия, Япония, Норвегия, Швеция, Великобритания, а также Евросоюз и Всемирный банк. В этот фонд все его западные участники ежегодно перечисляют свои взносы, оформляемые как безвозмездные гранты, причем размер взноса не только не обозначен в конкретной сумме, но и фактически не обязателен. Наиболее щедрыми и стабильными донорами,

ежегодно перечисляющими свои взносы, остаются Дания, Германия, Швеция и Норвегия, в то время как взносы других участников были и скромны, и нерегулярны.

Опора не на свои силы, а на иностранных спонсоров безусловно придает механизмам расходования бюджета ВАС свою специфику, заключающуюся в том, что свое финансирование западные партнеры требуют направлять главным образом на те проекты сообщества, в результатах которых они сами заинтересованы. В число приоритетов для европейцев, например, входят фармацевтические и ветеринарные исследования, связанные с борьбой с тропическими болезнями, продвижение проектов возобновляемой энергетики, а также различные проекты по развитию институтов гражданского общества и содействию демократическому электоральному процессу. Доходит и до того, что западные «партнеры по развитию» напрямую увязывают свою помощь с выполнением секретариатом ВАС определенных политических требований. Например, в 2015 г. в связи с введением Евросоюзом и США санкций против бурундийского президента П. Нкурунзизы и его окружения доноры, потребовав исключить Бурунди из всех реализуемых в рамках ВАС программ содействия, резко сократили объем своих взносов в бюджет сообщества¹⁰.

Поскольку почти все проекты ВАС поставлены в жесткую зависимость от западной помощи, их реализация всегда зависит от наличия или отсутствия средств в конкретный момент времени. Так, например, европейцы могут счесть необходимым выделить средства на борьбу с заболачиванием озера Виктория¹¹ или, напротив, лишить финансирования региональную лабораторию по исследованию климатических изменений¹².

Если учесть, что Запад фактически финансирует восточноафриканские интеграционные процессы, без чего они либо вообще вряд ли бы начались, либо, так или иначе начавшись, продвигались бы значительно медленнее, чем это наблюдается сегодня, ста-

---

¹⁰ EAC funding under threat as donors object to Nkurunziza's third term // The East African. 2015. Aug. 22–26. P. 4.

¹¹ EAC head office gets Sh4bn from Germany // Business Daily. 26.01.2016.

¹² EAC closes 'smart' unit over funding // The East African. 2016. Febr., 6–12. P. 29.

новится очевидно, что именно западные страны моделируют вектор и императивы развития сообщества, в том числе в плане формирования политического пространства организации.

Реализуемые в рамках сообщества крупные инфраструктурные проекты направлены не только на благо собственно его стран-членов. Они также несут ощутимую пользу донорам восточноафриканской интеграции, благодаря чему европейцы находят возможным и необходимым кардинально не урезать финансовую поддержку Восточной Африке даже в непростых условиях мировой экономической и политической турбулентности.

Так, например, строительство современной транспортной сети, связывающей страны — члены ВАС, модернизация энергетических мощностей, упрощение таможенных и пограничных формальностей для импортеров и экспортеров товаров, устранение нетарифных барьеров для торговли — все это так или иначе ведет к удешевлению африканского сырья (как природных ресурсов, так и продукции сельского хозяйства), основным потребителем которого являются страны ЕС, и расширению возможностей для европейского бизнеса, продвигающего в Восточной Африке свои технологии и инвестирующего в выгодные для себя проекты.

***

Принимая во внимание, что главной целью интеграции в рамках ВАС провозглашается создание не только общего экономического пространства, но и политической федерации, следует отметить, что движение в обоих направлениях имеет место, но в значительной мере сдерживается и направляется как внутриполитическими факторами (сравнительно низким уровнем экономического развития и волатильностью политических режимов), так и внешним воздействием (западными экономическими приоритетами, которые тесно связаны с выделяемой Восточной Африке финансовой и технологической помощью).

Несмотря на все имеющиеся политические сложности и экономические противоречия в отношениях между самими странами — членами ВАС, все же получаемые каждым из участников выгоды от участия в интеграционных процессах в Восточной Африке в ко-

нечном счете перевешивают все отрицательные стороны. Бурунди и Руанде членство в ВАС дает возможность при незначительном объеме их экономик и невыгодном географическом положении в полной мере ощущать положительные эффекты от развития инфраструктуры всего Восточноафриканского региона. В некоторой степени это относится и к Южному Судану, только с поправкой на наличие в стране значительных запасов углеводородов, а также к Уганде, нуждающейся в разных развитых путях экспорта своей продукции. Танзания и особенно Кения, будучи наиболее развитыми государствами региона, заинтересованы в наращивании торговли с соседями, а также в создании единой зоны свободного перемещения товаров, финансов, людей и услуг, в обеспечении функционирования и регулировании которой они могли бы играть главную роль.

Ряд исследований, посвященных региональным интеграционным процессам на Африканском континенте, показывает, что ВАС по различным параметрам, среди которых качество функционирования наднациональных структур, законодательная и практическая проработка вопросов взаимодействия в межстрановом объединении, наличие соглашений в тех или иных областях сотрудничества и их эффективность и пр. не только не уступает другим интеграционным проектам, но и во многом опережает их¹³.

Вместе с тем, в отличие от ЕС или ЕАЭС, в ВАС нет ярко выраженных локомотивов интеграции ни в финансово-экономическом отношении, ни в ценностно-идеологическом. В обоих планах не только Восточная Африка, но и почти все страны, расположенные на континенте к югу от Сахары, находятся в той или иной степени в зависимости от зарубежных партнеров. Выстраивание африканскими государствами своей внешней и внутренней политики с оглядкой на зарубежных спонсоров неизбежно приводит к относительной их пассивности не только в мировых, но и в региональных, в том числе интеграционных делах. Кроме того, для

---

¹³ См., например: Africa Regional Integration Index Report 2016. African Union, African Development Bank Group, United Nations Economic Commission for Africa; Africa Capacity Report 2014. Capacity Imperatives for Regional Integration in Africa. The African Capacity Building Foundation. Harare, 2014.

правительств большинства африканских стран ключевым приоритетом сегодня является не достижение отдаленных, хотя и привлекательных целей коллективного развития, а обеспечение политической и экономической стабильности в своих собственных странах.

Глава 27

«Глобальная Арктика» как регион нового типа¹

В начале XXI в. резко возрос интерес к Арктике со стороны всего мирового сообщества. Причем это касается не только пяти «официальных» арктических стран (России, США, Канады, Норвегии и Дании), но и других государств, расположенных далеко от этого региона (Китая, Японии, Южной Кореи, Индии), и ряда международных организаций, которые ранее не участвовали в арктических делах (НАТО и ЕС)².

Этот регион обладает огромными природными запасами — углеводородами, редкоземельными металлами, биологическими ресурсами и пр. Северный морской путь (СМП) и Северо-западный проход (СЗП) (контролируется Канадой) представляют важные транспортные артерии не только для России и Канады, но и для других стран и регионов планеты. Возрастает интерес различных стран к организации и развитию кроссполярных перелетов, особенно между Северной Америкой и Азией. Наконец, Арктика влияет на состояние окружающей среды во всем мире, оказывая влияние на климат в географически удаленных регионах

¹ Исследование выполнено в рамках проектов, поддержанных Российским научным фондом (грант № 16-18-10315) и Научным советом Норвегии (грант № 257638).

² *Коньшев В. Н., Сергунин А. А.* Международные организации и сотрудничество в Арктике // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2011. Т. 6. № 3. С. 27–36; *Коньшев В. Н., Сергунин А. А.* Стратегии стран Восточной Азии в Арктике // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 6. С. 35–48.

и на уровень Мирового океана. Не случайно в мировой публицистической и научной литературе появились броские утверждения о том, что мы живем в «век Арктики», и будущее всего человечества зависит от этого региона³.

Уникальность Арктики состоит в том, что это не обычный международный регион, представляющий совокупность государств, находящихся поблизости друг от друга и формирующих некую историческую, экономическую, политическую и социокультурную общность (или, по крайней мере, стремящихся к созданию такой общности). В соответствии с теорией «нового» регионализма (А. Ачария, Б. Хетне, М. Л. Лагутина, Л. ван Лангенхове и др.)⁴, Арктика относится к числу так называемых «глобальных регионов», которые формируются не столько на основе территориально-географической близости, сколько на функциональных, сетевых, идентичностных, многоакторных и многофакторных принципах. Подобные регионы имеют сквозную природу: они легко пронизывают различные уровни — локальный, собственно региональный и глобальный — и создают ткань мировой политики совершенно иного типа. К числу таких глобальных регионов относят, например, Евросоюз, АСЕАН, МЕРКОСУР, БРИКС, ЕАЭС и пр. Относительно недавно это понятие стали применять и к Арктике⁵.

Что делает Арктику глобальной?

Аргументы сторонников концепций «глобальной Арктики» и «арктического века» сводятся к следующему.

---

³ См. подробнее: *Сергунин А. А., Коньшев В. Н.* Впереди «арктическое столетие»? // Мир через 100 лет. М., 2016. С. 107–117.

⁴ *Лагутина М. Л.* Мировополитические аспекты глобальной стратификации. СПб., 2009; *Лагутина М. Л., Васильева Н. А.* Глобальный евразийский регион: опыт теоретического осмысления социально-политической интеграции. СПб., 2012; *Acharya A.* The End of the American World Order. Cambridge; Malden, 2014; *Hettne B., Inotia A., Sunkel O.* Globalism and the New Regionalism. L., 1999; *Langenhove L. van.* Building Regions: The Regionalization of the World Order. Abingdon, 2011.

⁵ *Heininen L.* Security of the Global Arctic in Transformation — Relevant Changes in Problem Definition // Future Security of the Global Arctic: Defense, Sovereignty and Climate / ed. by L. Heininen. Basingstoke, 2015; *Keskitalo E. C.H.* Negotiating the Arctic: The Construction of an International Region. N. Y.; L., 2004.

Первое. В Арктике сосредоточены огромные энергетические ресурсы, за которыми, как считают многие эксперты, будущее всего человечества⁶. По некоторым оценкам, в Арктике сосредоточено 90 млрд баррелей нефти, 47,3 трлн м³ газа, 44 млрд баррелей газового конденсата⁷. По зарубежным оценкам, это составляет около 25 % от неразведанных запасов углеводородов в мире⁸. Отметим, что более 60 % нефтегазовых ресурсов всей Арктики приходится на территории, которыми уже владеет или на которые, согласно нормам международного права, претендует Россия. В абсолютном выражении это эквивалентно 375 млрд баррелей нефти. Для сравнения: запасы Саудовской Аравии составляют 261 млрд баррелей нефти⁹. Пока разведена лишь небольшая часть арктических запасов¹⁰, поэтому необходимо своевременно вкладывать средства в разведку новых месторождений. Прогнозные запасы угля в российской Арктике составляют 780 млрд т, из которых 81 млрд т — коксующийся уголь. Это около половины всех угольных ресурсов России.

Второе. Арктика богата редкими и редкоземельными металлами, минералами, рудами и другим сырьем, имеющим стратегическое значение. Так, в Арктической зоне Российской Федерации (АЗРФ) находится более половины российских запасов апатитового концентрата (более 90 % запасов — на Кольском полуострове, полуострове Таймыр, в Якутии, на Чукотке), никеля и кобальта (85 % запасов — в Норильске, остальное — на Кольском полуострове), меди (около 60 % запасов — в Норильске, на Кольском полуострове), вольфрама (более 50 % запасов — на севере Якутии, на Чукотке), редкоземельных элементов (более 95 % — на Таймыре, Кольском полуострове, севере Якутии), платиноидов (свыше 98 % запасов —

⁶ Mikkola H., Käpylä J. Arctic Economic Potential. Helsinki, 2013.

⁷ Circum-Arctic Resource Appraisal: Estimates of Undiscovered Oil and Gas North of the Arctic Circle // US Geological Survey. 2008 [official website]. URL: <http://pubs.usgs.gov/fs/2008/3049/fs2008-3049.pdf> (mode of access: 13.03.2017).

⁸ Smith M., Giles K. Russia and the Arctic: «The Last Dash North». Advanced Research and Assessment Group. Russia Series 07/26. Defense Academy of the United Kingdom, 2007.

⁹ Ibid. P. 1.

¹⁰ Истомин А., Павлов К., Селин В. Экономика Арктической зоны России // Общество и экономика. 2008. № 7. С. 158–172.

в Норильске, на Кольском полуострове), олова (более 75 % разведанных запасов и 50 % прогнозных — Северо-Янское месторождение), ртути (основные разведанные запасы — на Чукотке, крупные месторождения на Таймыре), золота, серебра (из 90 % запасов, находящихся на Севере, значительная часть приходится на Чукотку, Таймыр, Кольский полуостров), алмазов, по разведанным запасам которых Россия занимает первое место в мире (более 99 % запасов — в Якутии, Архангельской области, на Таймыре), а также запасы марганца (важнейшие месторождения — на Новой Земле), хрома (важнейшие месторождения — на Ямале и Кольском полуострове), титана (важнейшие месторождения — на Кольском полуострове)¹¹.

Третье. Арктика имеет также огромные биологические ресурсы общемирового значения. Арктические моря служат ареалом существования множества уникальных видов животных и рыб, среди которых белый медведь, песец, нарвал, косатка, морж, белуха. Арктические и субарктические воды населяют более 150 видов рыб, в том числе важнейшие для рыбного промысла треска, сельдь, пикша, камбала. Рыбное хозяйство АЗРФ обеспечивает до 15 % вылова и производства морепродуктов в России¹². Берингово море дает около половины морепродуктов, потребляемых в США¹³.

Четвертое. Как уже отмечалось, СМП и СЗП представляют собой важные транспортные артерии не только для России и Канады, у побережья которых они находятся, но и для других стран и регионов планеты. Путь по ним из Восточной Азии в Европу и Се-

---

¹¹ *Коньшиев В. Н., Сергунин А. А.* Национальные интересы России в Арктике: мифы и реальность // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. № 29. С. 4.

¹² *Кочемасов Ю. В., Моргунов Б. А., Соломатин В. И.* Эколого-экономическая оценка перспективы развития Арктики // Perspektivy.info [web-portal]. URL: http://www.perspektivy.info/rus/ekob/arktika_perspektivy_razvitiya_2009-04-24.htm (дата обращения: 13.03.2017).

¹³ *Conley H., Kraut J.* US Strategic Interests in the Arctic. An Assessment of Current Challenges and New Opportunities for Cooperation : A Report of the CSIS Europe Program // The Center for Strategic and International Studies, 2010 [official website]. URL: http://csis.org/files/publication/100426_Conley_USStrategicInterests_Web.pdf (mode of access: 13.03.2017).

верную Америку намного короче и безопаснее (в плане отсутствия пиратства), чем через Суэцкий канал. Возрастает интерес различных стран к организации и развитию кроссполярных перелетов, особенно из Северной Америки в Азию и обратно.

Пятое. Арктика влияет на состояние окружающей среды во всем мире (климат, уровень Мирового океана и пр.).

Сторонники концепции «арктического века» считают, что глобальное изменение климата, в частности потепление, приводящее к таянию льдов Арктики, делает природные ресурсы и транспортные коммуникации более доступными для эксплуатации¹⁴. По их мнению, в обозримом будущем получит развитие и станет весьма доходным и относительно новым для региона вид бизнеса — арктический туризм (уже сейчас его активно развивают некоторые западные страны, прежде всего Норвегия)¹⁵.

Век арктических конфликтов?

Некоторые зарубежные эксперты, указывая на растущее глобальное экономическое и стратегическое значение Арктики, предрекают обострение соперничества в этом регионе. Потенциальные его участники — пять официальных арктических держав (Россия, Канада, США, Норвегия и Дания), приарктические страны (Исландия, Швеция и Финляндия) и «нерегionales» (КНР, Япония, Южная Корея, Индия, Великобритания).

Выдвигаются два противоположных сценария разрешения конфликтов из-за Арктики — пессимистический и оптимистический. Согласно первому сценарию, «арктическая пятерка» будет жестко отстаивать свои права на регион. В частности, она будет стремиться к скорейшему разделу континентального шельфа и морских пространств с целью закрепления своего контроля над природными

¹⁴ *Brigham L.* Think Again: The Arctic // Foreign Policy [official website]. 2010. 6 Aug. URL: <http://foreignpolicy.com/2010/08/06/think-again-the-arctic/> (mode of access: 13.03.2017) ; *Mikkola H., Käpylä J.* Op. cit.

¹⁵ *Cruise ship tourism* / ed. Dowling R. K. Oxford, 2006 ; *Hammer R. B.* Recreation and rural development in Norway : Nature versus culture // *Scandinavian J. of Hospitality and Tourism*. 2008. Vol. 8, № 2. P. 176–186 ; *Stewart E. J., Draper D., Johnston M. E.* A Review of Tourism Research in the Polar Regions // *Arctic*. 2005. Vol. 58, № 4. P. 383–394.

ми ресурсами Арктики. Россия и Канада будут бороться за установление своего исключительного контроля над СМП и СЗП. Этот вариант развития арктической ситуации должен непременно привести к ремилитаризации региона (для защиты или продвижения основными игроками экономических интересов)¹⁶. В отдаленной перспективе не исключается даже возможность военного конфликта с участием как «регионалов», так и «нерегиналов».

Оптимистичный сценарий основан на предположении о том, что среди стран и организаций, заинтересованных в освоении Арктики, возобладает здравый смысл, и возникающие проблемы они будут решать не силовым путем, а посредством переговоров, международного арбитража и пр. Эта группа экспертов склоняется к точке зрения, что природные запасы и коммуникации Арктики — «общее достояние» всего человечества, и к ее освоению должны быть допущены любые участники (государства, международные организации, частные компании), имеющие для этого финансово-экономические и технологические ресурсы¹⁷. Эта точка зрения, как правило, подкрепляется ссылкой на необходимость заботы о хрупкой природе Арктики, что можно сделать только силами всего человечества.

Между этими противоположными точками зрения существует множество промежуточных долгосрочных прогнозов развития Арктического региона.

Можно ли прогнозировать будущее «глобальной Арктики»?

Когда речь идет о футурологических оценках, возможны два методологических подхода к их выработке. Во-первых, это составление прогнозов, как правило, претендующих на описание событий или процессов, которые могут иметь место в будущем. Однако такие прогнозы вряд ли могут претендовать на высокую степень

---

¹⁶ *Коньшев В. Н., Сергунин А. А.* Ремилитаризация Арктики и безопасность России // Национальная безопасность. 2011. № 3. С. 55–67; *Konyshov V., Sergunin A.* Is Russia a revisionist military power in the Arctic? // Defense and Security Analysis. 2014. № 3. P. 1–13.

¹⁷ *Heiminen L.* Op. cit.; *Keskitalo E. C. H.* Op. cit.

точности. Они могут иметь научно обоснованный характер только при условии, что раскрыты закономерности, управляющие развитием изучаемого объекта. Тогда с помощью метода экстраполяции можно представить, как будет выглядеть изучаемый объект в долгосрочной перспективе. Однако Арктика — это относительно новый в социально-экономическом и геополитическом смысле регион, становление которого еще не завершилось. Поэтому говорить о том, что сложились устойчивые закономерности развития этого региона, нельзя. Соответственно, по-настоящему научные долгосрочные прогнозы в отношении Арктики пока невозможны.

В отношении оценок будущего развития Арктики более пригодным представляется подход, основанный на анализе факторов, которые определяют нынешнее развитие региона и которые будут влиять на ситуацию в нем в отдаленном будущем. Самое главное в данном случае — это отделить существенное от несущественного, стабильно действующие факторы — от временных явлений и процессов. Однако при этом всегда следует помнить, что даже если удастся более или менее точно установить факторы долгосрочного порядка, любые оценки будущего развития Арктики (тем более на длительную перспективу) будут носить сугубо вероятностный характер.

Дело в том, что научно-технический прогресс и развитие человеческого общества в целом часто носят не эволюционный, а скачкообразный характер. То, что еще вчера казалось важным и определяющим для развития человечества, сегодня (а тем более завтра) становится малозначимым, а на передний план выходят факторы, появление которых было сложно (а часто и невозможно) предугадать. Сто лет назад было невозможно представить, что развитие авиационных, корабельных, навигационных, ядерных, буровых, трубопроводных и прочих технологий сделает возможным использование арктических ресурсов даже в той относительно небольшой степени, в какой это сейчас имеет место. Учитывая бурное развитие науки и техники, предсказать, какими возможностями для освоения Арктики человечество будет обладать через столетие, нереально.

Чем нам грозит изменение климата?

Поскольку большинство рассуждений о будущем Арктики основываются на предположении о потеплении климата, необходимо прежде всего разобраться с этим феноменом.

Следует отметить, что процессы потепления на планете идут уже на протяжении трехсот лет. Наблюдаемые глобальные изменения климата связывают с ростом концентрации в атмосфере парниковых газов — углекислого газа, метана, закиси азота. По мнению ученых, это началось с середины XVIII в., вместе с индустриальной эпохой, которая сопровождалась сжиганием углеродородов и сокращением лесов — естественных поглотителей углекислого газа из атмосферы. Наблюдаемое в последние десятилетия ускорение процесса потепления тоже связано с деятельностью человека. При этом скорость потепления в Арктике в два раза выше по сравнению со среднемировой. По данным Русского географического общества и Межправительственной группы экспертов по изменению климата при ООН (МГЭИК), в настоящее время сокращение площади морских льдов и вечной мерзлоты в Арктическом регионе составляет около 1 % в год. В итоге площадь арктического льда с 1978 г. по настоящее время уменьшилась на 8 %, а температура верхнего слоя вечной мерзлоты повысилась на 3 °C¹⁸. С 1901 по 2010 г. уровень Мирового океана повысился на 0,19 м¹⁹. При оптимистичном сценарии потепления климата прогнозируется подъём уровня моря к концу нынешнего столетия на 0,26–0,55 м, при пессимистичном сценарии — на 0,45–0,82 м и полное освобождение Северного ледовитого океана ото льда в летнее время²⁰. По мнению ученых, в обозримом будущем таяние льдов не вызовет техногенных катастроф глобального масштаба, но заметно повлияет на формирование погоды на планете.

---

¹⁸ Арктика как индикатор изменения климата в мире // Российское географическое общество [официальный сайт]. URL: <http://www.rgo.ru/2010/04/arktika-kak-indikator-izmeneniya-klimata-v-mire/> (дата обращения: 13.03.2017).

¹⁹ Climate Change 2014 Synthesis Report. Summary for Policymakers // Intergovernmental Panel for Climate Change [official website]. URL: http://www.ipcc.ch/pdf/assessment-report/ar5/syr/AR5_SYR_FINAL_SPM.pdf (mode of access: 13.03.2017).

²⁰ Ibid. P. 13.

Впрочем, отечественные исследователи из НИИ Арктики и Антарктики высказывают более осторожные оценки²¹. Они предпочитают говорить о «точке нестабильности» в климате высоких арктических широт. Тенденция к потеплению не столь однозначна, периоды потепления периодически сменяются периодами похолодания. По их мнению, скорее речь идет о значительных колебаниях средней температуры в различных регионах Арктики. Известно также о цикличности таяния и увеличения морских льдов, правда, на фоне общего сокращения их площади. Разрастание льдов происходило в 1900–1918 гг. и в 1938–1968 гг., а уменьшение — в 1918–1938 гг. и с 1968 г. по настоящее время.

Цикличность этих процессов указывает на их общие естественные причины. Тем не менее, гипотеза о наличии цикла не противоречит антропогенной теории происходящих сегодня климатических изменений. По данным МГЭИК, существование циклических процессов неоспоримо, но в последние 10–20 лет на них накладывается относительно краткосрочное антропогенное усиление парникового эффекта²². Во всяком случае, необходимо учитывать последствия ожидаемого потепления для России, поскольку значительная часть ее территории находится в области максимального прогнозируемого потепления Арктики.

Эти последствия будут иметь как положительные, так и отрицательные стороны. С одной стороны, смягчение климата позволяет расширить к северу границу зоны комфортного проживания человека, сократить расходы электроэнергии во время отопительного сезона, увеличить объем грузоперевозок в арктических морях, облегчить экономическое освоение ресурсов арктического шельфа. С другой стороны, потепление приведет к вытеснению

---

²¹ Ученые отмечают существенные климатические изменения в Арктике // Новости Mail.ru [информ.-аналитич. портал]. URL: <https://news.mail.ru/society/4021424/> (дата обращения: 13.03.2017).

²² *Anisimov O., Vaughan D., Callaghan T. et al. Polar Regions (Arctic and Antarctic) // Climate Change 2007: Impacts, Adaptation and Vulnerability : Contribution of Working Group II to the Fourth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change / eds. M. L. Parry, O. F. Canziani, J. P. Palutikof, P. J. van der Linden, C. E. Hanson. Cambridge, 2007. P. 653–685 ; Intergovernmental Panel for Climate Change. Climate Change 2014 Synthesis Report. Summary for Policymakers.*

одних биологических видов другими, что неоднозначно скажется на растительном и животном мире региона и негативно отразится на жизни традиционных народов Севера. Таяние вечной мерзлоты может нанести серьезный ущерб строениям и коммуникациям. Арктика чрезвычайно уязвима перед такими воздействиями из-за экстремальности природно-климатических условий, хрупкости экосистем, удаленности полярных регионов от крупных экономических и политических центров страны и слабо развитого транспорта и другой инфраструктуры. В целом риски негативного влияния изменения климата на природу, сельское хозяйство, водные ресурсы, энергетику, демографическую ситуацию в АЗРФ весьма велики²³.

Даже если допустить, что прогнозы ученых относительно большей доступности районов Крайнего Севера для хозяйственной деятельности человека в ближайшее столетие из-за потепления климата верны, не факт, что конкуренция из-за природных ресурсов Арктики неизбежно обострится и даже может обернуться крупномасштабным военным конфликтом. Дело в том, что даже с учетом потепления добыча нефтегазового сырья в высоких широтах останется крайне рискованным и дорогостоящим предприятием. Предсказываемое учеными исчезновение полярной ледовой «шапки» в летний период не означает ее отсутствия осенью и зимой. Вести добычу и транспортировку нефти и газа в этих нестабильных условиях весьма проблематично. К тому же безопасные технологии глубоководного бурения и добычи углеводородов (да еще в таких суровых климатических условиях) пока не развиты. Наибольшего прогресса здесь добилась Норвегия²⁴. В целом же зарубежным и российским нефтегазовым компаниям пока гораздо выгоднее вкладывать деньги в разработку соответствующих месторождений в «теплых краях» (Латинская Америка, Африка) и в континен-

---

²³ Катцов В. М., Мелешко В. П., Чичерин С. С. Изменение климата и национальная безопасность Российской Федерации // Право и безопасность. 2007. Июль. № 1–2 (22–23) ; Anisimov O. Challenges of the Changing Climate : A Case Study of Russia // Russian Analytical Digest. 2016. № 185. P. 2–5.

²⁴ Moe A. Russian and Norwegian Petroleum Strategies in the Barents Sea // Arctic Rev. on Law and Politics. Vol. 1, № 2. P. 225–248.

тальной части российской Арктики, чем в добычу этого сырья на арктическом шельфе.

К тому же у газа и нефти, добываемых «обычным» путем, появились неожиданные конкуренты — сланцевые газ и нефть, залежи которых обнаружены во многих странах мира (даже в Польше, считавшейся бедной энергоресурсами). Добыча этого газа обходится гораздо дешевле добычи природного газа. Специалисты считают, что «сланцевая революция», которая сейчас разворачивается в мире (особенно в США), неизбежно подорвет монополию России на газовом рынке и снизит в обозримом будущем интерес к арктическим газовым месторождениям.

В целом необоснованно высокие цены на нефть и газ, которые сложились в начале XXI в. на мировых рынках, заставили многих потребителей энергоресурсов, не способных и/или не желавших платить за них такие деньги, обратиться к альтернативным источникам энергии. Так, богатые углем КНР, США, некоторые европейские страны активно развивают технологии более эффективной и экологически чистой добычи энергии из этого вида сырья. Несмотря на катастрофу на АЭС «Фукусима-1» и решение Японии и ряда стран ЕС закрыть свои АЭС в обозримом будущем, в мире наблюдается бум атомной энергетики. Наконец, как считает ряд экспертов, роль возобновляемых источников энергии будет неуклонно расти, и одновременно будет снижаться доля нефти и газа в мировом энергетическом «бюджете». Все это ставит под сомнение прогнозы о фатальной зависимости человечества от арктических нефти и газа. Более того, резкое падение цен на нефть в 2014 г. поставило под сомнение рентабельность добычи нефти в арктических регионах и «заморозило» ряд проектов по освоению нефтяных месторождений как на суше, так и особенно на шельфе «арктических» стран.

Складывается впечатление, что страны «арктической пятерки» борются за раздел арктического шельфа, руководствуясь скорее соображениями установления стратегического контроля над потенциально богатыми сырьем территориями (что называется, про запас, на черный день), чем перспективой скорейшего начала разработки этих месторождений.

Вызывает сомнение предположение, что северные маршруты — СМП и СЗП — радикально потеснят южные пути грузоперевозок. Во-первых, перевозки арктическими маршрутами выгодны отнюдь не для всех регионов планеты, а только для сообщения между Восточной Азией, с одной стороны, и Северной и Западной Европой, а также Северной Америкой — с другой. Во-вторых, нестабильная ледовая обстановка в результате таяния полярной «шапки» может принести судоходству в высоких широтах множество неприятных сюрпризов в виде дрейфующих льдин и айсбергов. В-третьих, для плавания в арктических условиях понадобятся суда особого (ледового) класса, которых сейчас мало. Чтобы оснастить этими кораблями торговый флот ведущих перевозчиков, потребуется немало времени, финансовых и людских затрат. Тем более, что вступивший в силу с 1 января 2017 г. Полярный кодекс Международной морской организации ужесточил требования в области безопасности и экологии в отношении судов, эксплуатируемых в полярных водах. Наконец, в-четвертых, для интенсивного судоходства и добычи нефтегазовых ресурсов в Арктике потребуется решить немало технических проблем со средствами связи и навигации. В настоящее время спутниковая навигация в Арктике развита недостаточно. Пока спутниковые системы не обеспечивают постоянного и надежного наблюдения за ледовой обстановкой, необходимого для безопасной проводки танкеров и других судов, а также функционирования нефтегазовых платформ. Работу систем связи севернее 70° широты затрудняют геомагнитные бури. Кроме того, эти системы не могут покрыть связью всю территорию Заполярья. Правда, Россия здесь находится в более выгодном положении, поскольку отечественная система ГЛОНАСС находится на орбите с углом наклона 64,8° по сравнению с 55° американской системы GPS, что позволяет обеспечивать связь гораздо севернее. Как следствие, российские системы связи остаются пока единственными, которые способны эффективно действовать в Арктике.

Не следует также переоценивать степень конфликтогенности будущей конкуренции из-за эксплуатации северных маршрутов. Конечно, России будет неприятно потерять нынешнюю монополию на ледокольное и лоцманское сопровождение иностранных

судов по СМП и связанные с ним доходы. Ведь по мере таяния льдов и строительства торговых судов ледового класса зарубежные перевозчики будут обходиться без такого сопровождения, а само плавание будет происходить за пределами территориальных вод России (на расстоянии не менее 12 морских миль от береговой линии). Однако и после уменьшения ледового покрова в океане иностранные суда будут нуждаться в навигационной поддержке соответствующих российских служб, в портовом обслуживании и в помощи российских спасателей в случае чрезвычайных ситуаций (кстати, Россия создает десять поисково-спасательных пунктов вдоль Севморпути). Нужно также помнить, что значительная часть морского трафика будет проходить в пределах 200-мильной исключительной экономической зоны России, что дает ей определенные возможности контролировать эти грузопотоки. Дело в том, что ст. 234 Конвенции ООН по морскому праву (1982) даёт право прибрежным государствам устанавливать свои правила судоходства в районах, большую часть года покрытых льдом²⁵.

Будет ли война за Арктику?

Военный конфликт (или конфликты) из-за грядущего раздела/передела Арктики представляется маловероятным. Несмотря на то, что в этом регионе сталкиваются важные интересы различных государств мира (в том числе обладающих большим военным потенциалом), это вовсе не обязательно приведет к перерастанию конфликта (конфликтов) в вооруженную фазу. Противоречия между конфликтующими сторонами легче уладить мирным путем. Ведь всем понятно, что даже локальное применение вооруженной силы такими странами — членами НАТО, как США, Канада, Дания и Норвегия, связанными обязательствами о взаимной обороне, Россией и КНР, либо применение силы против них приведет к эскалации напряженности и может обернуться крупномасштабным вооруженным конфликтом или даже войной. А в этом на самом деле никто не заинтересован. К тому же удаленность арктического

---

²⁵ Конвенция по морскому праву ООН 1982 г. // ООН [официальный сайт]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/lawsea.shtml (дата обращения: 13.03.2017).

театра военных действий от основной территории потенциальных противников, неразвитость гражданской и военной инфраструктур в регионе, тяжелые климатические условия обуславливают чрезвычайную сложность ведения военных действий в Арктике (особенно на суше и в надводной части моря). Исход таких конфликтов трудно предсказать. Наконец, последствия военных действий для хрупкой арктической природы могут быть просто катастрофическими.

Таким образом, в обозримом будущем не следует исключать определенной интенсификации военных приготовлений стран «арктической пятерки» в регионе²⁶. Они могут быть предприняты с целью модернизации флотов, ВВС и сухопутных сил (в основном пограничных войск и рейнджерских формирований), защиты экономических интересов, а также демонстрации силы в случае обострения двусторонних и многосторонних конфликтов в Арктике. Однако до реального применения вооруженной силы дело вряд ли дойдет. Слишком уж опасными и непредсказуемыми могут быть последствия даже самого незначительного вооруженного конфликта в этом регионе.

Горизонты сотрудничества

Несмотря на украинский кризис, который весьма негативно сказался на арктическом сотрудничестве, потенциал этого сотрудничества в обозримом будущем просто неисчерпаем. Прежде всего следует ожидать активизации сотрудничества полярных и неполярных стран в следующих областях: мониторинг и охрана окружающей среды; проведение широкомасштабных научных исследований по изучению климатических изменений в Арктике, состояния ее животного и растительного мира, социально-экономической и демографической динамики на Крайнем Севере; сохранение самобытного образа жизни и культуры народов Севера; проведение поисково-спасательных работ; борьба с разливами нефти и другими техногенными катастрофами и пр.

Есть все основания надеяться на дальнейшее укрепление международно-правовых режимов, а также глобальных, региональных

---

²⁶ *Коньшев В. Н., Сергунин А. А.* Ремилитаризация Арктики и безопасность России ; *Konyshov V., Sergunin A.* Is Russia a revisionist military power in the Arctic?

и субрегиональных институтов в Арктике²⁷. Именно они (и только они) могут быть наиболее эффективными инструментами разрешения спорных вопросов в регионе. Хочется надеяться, что даже те страны, которые не желают связывать себя международно-правовыми обязательствами и предпочитают односторонние действия (США) или стремятся использовать международные организации не столько для укрепления мира и стабильности в Арктике, сколько для усиления своего влияния в этом регионе (Китай, Япония, Южная Корея), осознают важность этих режимов и институтов, необходимость их дальнейшего развития и совершенствования.

Наиболее важным является режим Конвенции ООН по морскому праву, который и в будущем останется основным инструментом разрешения морских споров, а также регулирования судоходства в Арктике. В связи с этим особое значение имеют такие институты, как Комиссия ООН по границам континентального шельфа и Международная морская организация.

Можно также ожидать, что Арктический совет станет со временем наиболее авторитетной международной организацией в регионе, способной по-настоящему влиять на складывающуюся в нем ситуацию. Видимо, в его рамках все-таки будет найден баланс между полномочиями и представительством «официальных» арктических держав и «нерегионалов». Последние настаивают на повышении своего статуса в нем и выражают готовность принять более активное участие в его работе. Стоит признать, однако, что с предоставлением ряду «нерегионалов» статуса постоянных наблюдателей в 2013 г. последние пока не особо проявили себя как полноценные участники арктического сотрудничества. Им еще предстоит доказать, что их арктические амбиции могут быть подкреплены реальными делами.

***

В целом же, несмотря на несостоятельность пророчеств о предстоящих «столкновении цивилизаций» и серии международных конфликтов из-за раздела Арктики, следует признать, что обозримое будущее этого глобального региона обещает быть весьма не-

---

²⁷ Anisimov O. Challenges of the Changing Climate : A Case Study of Russia.

простым. С одной стороны, здесь завязываются многочисленные конфликтные узлы, обусловленные как природными, так и антропогенными факторами. С другой стороны, Арктика — это динамично развивающийся регион, таящий в себе множество не только проблем, но и возможностей. Это своего рода экспериментальная площадка, на которой при условии разумного и осторожного использования можно было бы разработать новые модели и механизмы международного сотрудничества.

Глава 28

Геополитические интересы Италии в Арктике

Арктический театр в последние десятилетия вызывает интерес не только циркумполярных стран, но и географически удаленных государств (Японии, Китая, Индии, Германии, Сингапура, Польши и др.), а также ключевых международных организаций (ЕС, НАТО). Мировое сообщество обеспокоенно наблюдает за климатическими изменениями и драматическими последствиями таяния ледников, которые оказывают влияние на окружающую среду далеко за пределами границ Арктики. Самый северный регион земли одновременно становится площадкой для диалога и кооперации стран и территорией новых возможностей, привлекающей богатством минеральных и промысловых ресурсов, уникальностью среды для научных исследований и перспективами открытия новых морских путей.

Итальянская Республика в XXI в. берет курс на расширение собственного геополитического пространства вне традиционных зон влияния. В рамках этой политики Арктика становится национальным интересом для Италии, поэтому страна стремится увеличить присутствие в арктическом пространстве на политическом, экономическом и научном уровнях¹. С 2009 г. Министерство иностранных

¹ В Министерстве иностранных дел Италии 10 октября 2016 г. прошла конференция «Арктический совет и итальянская перспектива» (The Arctic Council

дел во главе с министром Франко Фраттини² начинает активную политическую кампанию с целью получить статус постоянного наблюдателя при Арктическом совете — главном межправительственном форуме по вопросам циркумполярного пространства.

Ф. Фраттини считает, что Арктика представляет исключительную значимость в панораме внешней политики Италии. На первом месте, по его мнению, располагаются научные интересы: «Итальянские исследования на полюсах начались не вчера и не сегодня, Рим интересуется экологической и научной проблематикой Арктики уже на протяжении нескольких десятилетий. Результаты полярных научных изысканий позволили Италии вести диалог по проблемам климатических изменений и глобального потепления на международном уровне, в том числе во время конференции COP 21 в Париже»³. В то же время политик отмечает релевантность региона со стратегической точки зрения. В Арктике пересекаются интересы многочисленных акторов по важнейшим вопросам — кроме вышеупомянутых научных и экологических. В частности, Италия видит на Крайнем Севере экономические и энергетические перспективы. Арктика, если негативные прогнозы климатологов оправдаются, сможет предложить миру новые транзитные маршруты. Последствием таяния ледников станет перестройка существующих морских путей, а это повлечет за собой изменение торговой системы между Европой и Азией (считается, что путь из Токио в Гамбург через Арктику сократится на 15 дней)⁴. Природные богатства региона и открывающиеся геоэкономические перспективы заставляют Италию заострить внимание на далекой

---

and The Italian Perspective), на которой Винченцо Амендола, государственный подсекретарь МИД, заявил, что Арктика представляет национальный интерес для Итальянской Республики.

² Франко Фраттини занимал пост министра иностранных дел Италии с 14 ноября 2002 г. по 18 ноября 2004 г. и с 8 мая 2008 г. по 16 ноября 2011 г. В настоящее время — президент Итальянского общества для международной организации (Società Italiana per l'Organizzazione Internazionale, SIOI).

³ Здесь и далее цитируются материалы из частного интервью авторов с Ф. Фраттини, проведенного 18 января 2017 г. специально для данной работы.

⁴ *Corsa a ostacoli per l'Artico // Affari Internazionali* [official website]. URL: <http://www.affarinternazionali.it/articolo.asp?ID=1779> (mode of access: 30.01.2016).

Арктике, и, по словам Франко Фраттини, «очень важно принять участие в партии, где разыгрываются такие интересы».

Италию от других стран, расширяющих собственные геополитические интересы до Арктических широт, отличают долгие и крепкие связи с циркумполярным регионом. Многолетняя арктическая история неарктической страны в XXI в. окажется ключевым фактором для распространения политического влияния Италии на Крайнем Севере.

Написание совместной истории Италии и Арктики, таких далеких друг от друга с точки зрения культуры и географии, началось более ста лет назад и продолжается в наши дни. Одним из пионеров в Арктике можно назвать герцога Луиджи Амедео ди Савойя, третьего сына короля Испании Амедео I и племянника короля Италии Виктора Эмануэля II ди Савойя. Молодой герцог, разделивший семейную страсть к горам, прославился как альпинист и первооткрыватель благодаря двум важнейшим достижениям: в 1897 г. он поднялся на гору Святого Ильи на Аляске, а в 1899 г. попытался достичь Северного полюса. Его судно *Stella Polare* («Полярная звезда») отправилось из Архангельска к Земле Франца Иосифа, а оттуда дальше — по направлению к Северному полюсу. Несмотря на то, что Луиджи Амедео так и не добрался до цели, им был установлен новый рекорд продвижения на Север — $86^{\circ}34'5$.

Экспедиция Луиджи Амедео ди Савойя, известного в Италии как герцог Абрुццкий, воодушевила другого итальянского путешественника и ученого, Гуидо Мондзино, который в 1971 г. на собачьих упряжках достиг 90-й параллели и водрузил на Северном полюсе флаг Италии⁶.

Тем не менее, ключевым моментом итальянской истории в Арктике становится второе десятилетие XX в., когда в полярную экспедицию отправляется исследователь Умберто Нобиле. В 1926 г. правительство Италии профинансировало первую экспедицию

---

⁵ Elenco cronologico delle più importanti esplorazioni artiche // Consiglio Nazionale delle Ricerche [official website]. URL: <http://artico.itd.cnr.it/index.php/storia-delle-esplorazioni-artiche> (mode of access: 30.01.2016).

⁶ *Monzino G.* // Treccani [official website]. URL: [http://www.treccani.it/enciclopedia/guido-monzino_\(Dizionario-Biografico\)/](http://www.treccani.it/enciclopedia/guido-monzino_(Dizionario-Biografico)/) (mode of access: 31.01.2016).

совместно с норвежским аэроклубом и американским миллионером Линкольном Эллсвортом. Дирижабль N-1, который норвежцы назвали *Norge* («Норвегия») устремился на Шпицберген, а оттуда стартовал на Северный полюс. После того, как арктическую полярную шапку украсили флаги Норвегии, США и Италии, путешественники направились на Аляску, где дирижабль был разобран на части и после этого доставлен в Италию⁷.

У. Нобиле, окрыленный популярностью, два года спустя решил повторить успех, организовав настоящую научную экспедицию с почти исключительно итальянским экипажем. Добравшись до бухты Конгсфьорд, дирижабль *Italia* («Италия») совершил три вылета к полюсу, что позволило сделать ряд значительных открытий в области океанографии, метеорологии, геофизики и географии. Однако погодные условия спровоцировали катастрофу, и дирижабль упал, ударившись об лед. Воздушное течение, вызвавшее гибель корабля, до сих пор не было известно науке, поэтому шведские ученые предложили назвать его «Италия» в честь экспедиции, доказавшей его существование⁸. Часть экипажа в результате катастрофы пропала без вести, другие во главе с Нобиле дождались помощи⁹. Благодаря радио, которое Нобиле перед экспедицией дал сам Маркони¹⁰, сигнал SOS был пойман в России, поэтому на помощь итальянской экспедиции пришел ледокол «Красин». Эту операцию по спасению дирижабля «Италия» можно назвать одним из первых примеров международной кооперации в сложных регионах, таких как Арктика.

Научная деятельность итальянца У. Нобиле продолжилась в России, куда его пригласили проводить океанографические и метеорологические исследования в команде ледокола «Малыгин» на Земле Франца-Иосифа. Вернувшись из экспедиции, Нобиле задер-

⁷ *Nobile U. Gli Italiani al Polo Nord. Milano, 1959.*

⁸ *Nobile U. Addio Malyghin! Milano, 1948.*

⁹ Часть корпуса дирижабля и шесть членов экипажа так и не были найдены. В знаменитой «Красной палатке» — убежище экспедиции после крушения воздушного судна — в числе выживших оказались У. Нобиле, Ф. Мальмгрэн (погиб при попытке добраться до Шпицбергена), Н. Чечьони, А. Мариано, Ф. Цаппи, А. Вильери, Ф. Трояни, Ф. Бегоунек и Д. Бьяджи.

¹⁰ Гульельмо Маркони в Италии считается изобретателем радио.

жался в Москве на шесть лет, занимаясь строительством дирижаблей под эгидой «Аэрофлота»¹¹. Такое долгое отсутствие Нобиле и его сложные отношения с фашистским режимом вызвали неоднозначные реакции на родине. Тем не менее, исследования Нобиле до сих пор признаются соотечественниками как кульминация развития «нордического измерения» Италии.

Фигуры герцога Абрुццкого и У. Нобиле, безусловно, остаются иконическими в истории освоения Арктики, однако не они были первыми итальянцами, осмелившимися осваивать далекие северные широты. Летом в 1879 г. флорентийский натуралист и антрополог Стефано Соммье со своим другом и наставником доктором медицины Паоло Мантегацца отправился в Лапландию и Норвегию для изучения лапландцев и северных финнов¹². Впоследствии поездка к лопарям (саамам) становится толчком для развития северного вектора в исследованиях представителя Флорентийской (итальянской) школы антропологии, этнологии и сравнительной психологии. Уже в следующем 1880 г. С. Соммье, в области интересов которого были ботаника, антропология и этнология, предпринимает первую самостоятельную экспедицию в Россию и в одиночестве отправляется в Сибирь. Из Флоренции Соммье добирается до Санкт-Петербурга, заезжает в Москву, Нижний Новгород, Казань, Пермь, Екатеринбург. Далее его путь лежит через крупнейшие города Сибири, такие как Тюмень и Тобольск, в сердце Российской Арктики — через Обь до Березова и Обдорска. Ученый предпринимает попытку дойти до Полярного Урала, после этого, спустившись по Оби, оказывается на юге Ямала¹³.

Во время экспедиции флорентийский антрополог стремился изучать жизнь коренных народов не как сторонний наблюдатель, а изнутри: он носил одежды туземцев, останавливался в домах

---

¹¹ *Nobile U.* Storia aggiornata della spedizione polare dell' «Italia» — L'epilogo del dramma. Roma, 1962.

¹² *Mantegazza P.*, *Sommier S.* Studii antropologici sui Lapponi // AAE. Vol. 10. Firenze, 1880. P. 173–201; *Mantegazza P.* Un viaggio in Lapponia con l'amico Stephen Sommier. Milano, 1881; и др.

¹³ Подробнее см.: *Первалова А. А.*, *Первалова Е. В.* Стефано Соммье: путешествие итальянского натуралиста по Сибири и Уралу // Этнографическое обозрение. 2017. № 2. С. 154–165.

самоедов, остяков и башкир и пользовался их транспортом. Соммье с любопытством относился к каждому незнакомому предмету быта, стремясь узнать его назначение, а особенно интересные вещи были приобретены путешественником и стали уникальными экспонатами Национального музея антропологии и этнологии Флоренции. Из своей экспедиции С. Соммье привез около 150 предметов, принадлежащих остякам и самоедам (меховые одежды, орудия охоты и рыбной ловли, идолы, куклы, музыкальные инструменты), которые и в настоящее время составляют основу экспозиции, посвященной народам Севера¹⁴.

Соммье издал грандиозное исследование «Зимнее путешествие в Лапландию»¹⁵, посвященное своей первой северной экспедиции, до сих пор вызывающее интерес у итальянского читателя и поэтому заново опубликованное в 2003 г. под редакцией П. Кьоцци¹⁶. Воспоминания о путешествии по Сибири и народах России представлены в фундаментальном научном труде «Un estate in Siberia fra Ostiacchi, Samoiedi, Sirieni, Tatari, Kirhisi e Baskiri» («Лето в Сибири среди остяков (хантов), самоедов (ненцев), зырян, татар, киргизов и башкир»)¹⁷, опубликованном в 1885 г. во Флоренции и переведенном на русский язык только в 2012 г., то есть почти 130 лет спустя¹⁸.

Важную роль в исследовании «нордического измерения» с точки зрения антропологии сыграл и другой выдающийся ученый — Сильвио Заватти, основатель названного его именем Института полярных исследований «Сильвио Заватти» в городе Фермо, посвятивший свою жизнь изучению канадских и гренландских инуитов и финских саамов. Самой амбициозной мечтой антрополога было создание итальянской базы в Арктике для проведения научных исследований. Его проект реализовался много

¹⁴ Orsi e Sciamani: bears and shamans. Firenze, 2007. P. 119–133, 252–273.

¹⁵ *Sommier S. Un viaggio d'inverno in Lapponia.* Firenze, 1887.

¹⁶ *Sommier S. Un viaggio d'inverno in Lapponia* (ed. Originale 1887) / под ред. П. Кьоцци. Firenze, 2003.

¹⁷ *Sommier S. Un estate in Siberia fra Ostiacchi, Samoiedi, Sirieni, Tatari, Kirhisi e Baskiri.* Firenze, 1885.

¹⁸ *Соммье С. Лето в Сибири среди остяков, самоедов, зырян, черемисов, башкир и киргизов* / пер. с ит. А. А. Перваловой ; под ред. Я. А. Яковлева. Томск, 2012.

лет спустя, когда Национальный совет по научным исследованиям основал станцию «Дирижабль Италия». Станция, названная в честь кампании У. Нобиле, находится на том же месте, откуда в 1927 и 1928 гг. отправились экспедиции Амундсена и Нобиле в Конгсфьорд.

Полярная станция «Дирижабль Италия» располагается в Нью-Олесунн на архипелаге Шпицберген. С 1997 г. итальянские ученые проводят там исследования в областях химии и физики атмосферы, морской биологии, геологии и геофизики, гляциологии и нивологии, океанографии и лимнологии, палеоклиматологии, биологии человека и медицины¹⁹. В Нью-Олесунн, кроме представителей Рима, ведут научную работу ученые еще из десяти государств. Работа итальянских исследователей координируется с Комитетом научных менеджеров Нью-Олесунн, объединением руководителей всех присутствующих станций, принадлежащих разным странам. Италия успешно возглавляла этот комитет на протяжении двух мандатов в период с 2001 по 2005 г.²⁰ Достижения Рима в научной дипломатии и устоявшееся присутствие страны на циркумполярном пространстве позволяют Италии заявлять о себе как об акторе, имеющем собственное историческое и исследовательское прошлое в Арктике. Многолетний интерес Рима к освоению Крайнего Севера, разносторонность и многогранность проводимых изысканий закрепили позиции страны в ряду стран-лидеров в научном освоении региона.

Присутствие Италии в Арктике не ограничивается научно-исследовательской работой. Экономические интересы государства представляет крупнейшая итальянская нефтегазовая компания *Eni*, ведущая проекты в 85 странах мира. В Арктике *Eni* занимается разработкой многочисленных месторождений в рамках совместных проектов с США, Россией и Норвегией. В 2016 г. *Eni* совместно с государственной норвежской компанией *Statoil* запустила работу

¹⁹ CNR Arctic Station Dirigibile Italia // Interact [official website]. URL: <http://www.eu-interact.org/field-sites/svalbard-5/cnr-arctic-station-dirigibile-italia/> (mode of access: 30.01.2016).

²⁰ Verso una Strategia Italiana per l'Artico // Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale [official website]. URL: http://www.esteri.it/mae/resource/doc/2016/06/strategia_artica__maggio_2016.pdf (mode of access: 31.01.2016).

принадлежащей на 65 % итальянцам и на 35 % норвежцам платформы «Голиаф». Инновационная платформа, имеющая сферическую форму, позволяющую лучше противостоять суровым арктическим бурям, начала свою работу в Баренцевом море в 80 км от берегов Норвегии. Платформа стала самым северным в мире эксплуатируемым месторождением и второй шельфовой нефтяной платформой в европейской части Арктики — после российской «Приразломной» в Печорском море²¹. По мнению представителей лидирующей итальянской нефтегазовой компании, «Голиаф» сочетает классическую стратегию *Eni*, качество корейского производства и внимание к вопросам защиты окружающей среды, присущее Скандинавии²². «Голиаф» является исключительным примером укрепления позиций Италии в индустриальном освоении Арктики — страна не только активно участвует в реализации международных добывающих программ, но и ведет самостоятельную разработку месторождений, руководя проектами вместе с арктическими партнерами.

Внимание Италии к проблемам и перспективам индустриального развития Арктики, активная научно-исследовательская деятельность, интерес к вопросам охраны окружающей среды были приняты во внимание на конференции в Кируне (Швеция) в 2013 г., когда Рим получил статус постоянного наблюдателя при Арктическом совете (АС). Таким образом, Италия становится одним из 12 неарктических государств, наделенных почетной ролью наблюдателя, вместе с Францией, Германией, Нидерландами, Польшей, Испанией, Соединенным Королевством, Китаем, Японией, Кореей, Сингапуром и Индией²³. Госсекретарь США Джон Керри

---

²¹ «Эни» остановила добычу на арктической платформе «Голиаф» // The Barents Observer [official website]. URL: <https://thebarentsobserver.com/ru/industry-and-energy/2017/01/eni-ostanovila-dobychu-na-arkticheskoy-platforme-goliat> (дата обращения: 28.01.2016).

²² Il Gigante Goliat // ENIday [official website]. URL: https://www.eniday.com/it/technology_it/goliat-mega-piattaforma-petrolifera-norvegia/ (mode of access: 31.01.2016).

²³ Наблюдатели в Арктическом совете // Arctic Council [official website]. URL: <http://www.arctic-council.org/index.php/ru/about-us/arctic-council-2/observers> (дата обращения: 28.01.2016).

по итогам заседания в Швеции заявил, что в наши дни «последствия решений «арктических государств» не ограничиваются пределами 66-й параллели»²⁴. Действительно, о своей заинтересованности арктическими проектами заявляет все больше важнейших игроков международной арены.

В Кируне свой новый статус получили азиатские государства и Италия, однако ЕС в роли постоянного наблюдателя было отказано из-за разногласий с Канадой по вопросу запрета охоты на тюленя²⁵. Ф. Фраттини, первый министр иностранных дел Италии, приглашенный в 2009 г. на встречу в Арктическом совете в Норвегии и выразивший тогда намерение стать при нем постоянным наблюдателем, считает: «Было бы выгодно принять заявку ЕС, так как Евросоюз разворачивает многочисленные хорошо финансируемые исследовательские программы и активно занимается научным изучением вопросов изменения климата на Земле. Финансовый вклад, который мог бы внести Европейский союз, оказал бы значительное положительное влияние на работу Арктического совета».

Однако, идея принятия заявки международной организации такой значимости и масштаба по-прежнему вызывает беспокойство членов АС. Франко Фраттини сомневается, что ЕС в скором времени сможет получить желанный статус: «Многие страны все еще сопротивляются укреплению позиций ЕС в Арктическом совете. В совете решения принимаются единогласно, а значит, если даже одна страна будет против, заявка вновь будет отклонена».

Безусловно, на позиции ЕС в рамках АС могут кардинально повлиять глобальные изменения на внешнеполитической арене. Так, в 2017 г. новым президентом США стал Дональд Трамп, который неоднократно скептически выражался в отношении участия США в международных коалициях и организациях. Поэтому ЕС, до этого пользовавшийся протекцией Вашингтона, в своем стремлении

---

²⁴ Евросоюз рвется к арктическому сырью: заседание Арктического совета в Кируне // Regnum [official website]. URL: <https://regnum.ru/news/1660146.html> (дата обращения: 31.01.2016).

²⁵ The EU and the Arctic Council // European Council on Foreign Relations [official website]. URL: http://www.ecfr.eu/article/commentary_the_eu_and_the_arctic_council3005 (mode of access: 31.01.2016).

занять более активную роль в АС, возможно, потеряет поддержку еще одного североамериканского союзника. Заявка Италии на вступление в АС была рассмотрена и принята за короткое время и не вызвала больших дискуссий — прошло меньше трех лет со дня ее официального запроса о вступлении, когда Совет единогласно проголосовал за получение Итальянской Республикой статуса постоянного наблюдателя.

Ключевым шагом, обозначившим позиции Италии в регионе после получения статуса наблюдателя в АС, становится документ «К итальянской стратегии для Арктики. Национальные приоритеты»²⁶. Так, Италия присоединяется к ряду других неарктических государств, включая Германию, Японию и Южную Корею, недавно сделавших государственные программные заявления по поводу собственной роли в Арктическом регионе²⁷. Доклад, опубликованный в декабре 2015 г. правительством Италии и Министерством иностранных дел, предлагает анализ политических, экономических и научных интересов страны на Крайнем Севере. В первую очередь рассматриваются позиции Италии в АС, в работе которого страна активно участвует на уровне заседаний Комитета старших должностных лиц АС, а также в рамках встреч рабочих и целевых групп. На этих совещаниях страну представляют научно-исследовательские центры, такие как Национальный исследовательский совет Италии (Consiglio Nazionale delle Ricerche, CNR), Национальное агентство по новым технологиям, энергии и устойчивому экономическому росту (Agenzia nazionale per le nuove tecnologie, l'energia e lo sviluppo economico sostenibile, ENEA), Национальный институт геофизики и вулканологии (Istituto Nazionale di Geofisica e Vulcanologia, INGV), Национальный институт океанографии и экспериментальной геофизики (Istituto Nazionale di Oceanografia e di Geofisica Sperimentale, OGS). Серьезность намерений Италии демонстрирует Министерство иностранных дел, которое с вниманием отнеслось к необходимости представлять интересы страны в рамках форума, поэтому с 2013 г. в МИДе

²⁶ Verso una Strategia Italiana per l'Artico.

²⁷ Italy's Arctic diplomacy: past as prologue // The Arctic J. [official website]. URL: <http://arcticjournal.com/opinion/2069/past-prologue> (mode of access: 28.01.2016).

была учреждена специальная должность старшего должностного лица АС, которую за три прошедших года поочередно занимали Филиппо Торнетта, Габриеле Альтана, Росселла Франкини Шерифис и Франческо Пуччо.

Большое внимание в документе уделяется вопросам защиты окружающей среды. Благодаря компетенциям итальянского научного сообщества Рим заявляет, что готов занять лидирующую позицию в противостоянии климатическим изменениям, имеющим глобальное значение и наиболее серьезно отражающимся на хрупких экосистемах Антарктики и Арктики. Кроме того, Италия отмечает важность защиты коренных малочисленных народов и их традиционного образа жизни в свете развития газодобычи и нефтедобычи в регионе, а также в связи с глобальным потеплением и таянием ледников.

После получения статуса постоянного наблюдателя при АС в Италии произошел резкий всплеск интереса к арктическим проблемам на внутривнутриполитическом уровне. Были проведены многочисленные конференции, в основном организованные при содействии МИДа и поддерживаемые ключевыми научно-исследовательскими институтами и крупнейшими корпорациями, ведущими работу в Арктике. Так, в декабре 2014 г. Министерство иностранных дел Итальянской Республики организовало международную конференцию «Климатические изменения в Арктике» при Международном университете Венеции, в котором приняли участие старшие должностные лица АС, а также Национальный исследовательский совет Италии и представители итальянских промышленных гигантов *Eni* и *Finmeccanica*. При поддержке итальянского МИДа в 2014 г. прошли еще две конференции: «Ледники и ресурсы: новый геополитический сценарий для Арктики», организованная в Палате депутатов Институтом высших геополитических исследований и смежных наук, и «Жизнеспособность окружающей среды и эксплуатация ресурсов в Арктическом регионе», прошедшая в рамках VI Фестиваля дипломатии в МИД Италии. Оба мероприятия вызвали огромный интерес в дипломатических кругах и привлекли внимание диппредставительств стран АС в Риме.

Последнее на настоящий момент значимое мероприятие в поддержку итальянской политики в Арктике прошло 19 октября 2016 г. в Палате депутатов Италии. Конференция «Автономия и множество: вызов мультикультурализма в мире»²⁸ была проведена IsAG при содействии Группы по вопросам этнических меньшинств Палаты депутатов. Поддержку мероприятию оказали МИД Италии, Федеральное объединение европейских национальностей (FUEN), управленческий аппарат Совета министров. Целью конференции стало сравнение форм и методов организации мирного мультиэтнического и мультирелигиозного сосуществования в крупнейших странах мира. Италия представила собственную модель автономий, сравнив свой опыт с практикой других стран с целью выявить сильные и слабые стороны существующих паттернов и достойно встретиться лицом к лицу с вызовами мультикультурализма.

Во время конференции IsAG представил доклад «Этнолингвистические меньшинства Италии и Арктики: сравнение юридических аспектов»²⁹. Авторы доклада предложили арктическим коллегам присмотреться к модели юридического регулирования автономных регионов Италии, полагая, что этот пример может вдохновить правозащитников коренных народов Арктики, которые в последние 20 лет успешно способствовали сохранению их уникального образа жизни и культуры.

Использование энергетических ресурсов, до настоящего момента спрятанных ледниками, управление территориями, экобезопасность и устойчивое развитие, защита традиционного землепользования — все эти проблемы исключительно актуальны для коренных малочисленных народов Арктики. Изолированность народов северных широт позволяет провести параллель с этническими меньшинствами, проживающими в горных альпийских районах Италии. Такие далекие реальности — итальянская и арк-

---

²⁸ Autonomia e pluralità. La sfida del multiculturalismo in Italia e nel mondo // ISAG [official website]. URL: <http://www.isag-italia.org/evento/autonomia-e-pluralita-la-sfida-del-multiculturalismo-nel-mondo> (mode of access: 30.01.2016).

²⁹ Le minoranze etno-linguistiche tra Artico e Italia: un confronto giuridico // ISAG [official website]. URL: <http://www.isag-italia.org/8089/le-minoranze-etnico-linguistiche-tra-artico-e-italia-un-confronto-giuridico> (mode of access: 31.01.2016).

тическая — объединены рядом общих проблем, таких как недостаточное развитие коммуникаций между населенными пунктами, неразвитость инфраструктуры и, как следствие, недоступность некоторых необходимых услуг, а также сложности в защите прав коренного населения. Доклад особенно интересен своим подходом: он не только анализирует и сравнивает модели политики по защите коренных народов, но и дает рекомендации каждой из арктических стран по применению опыта Италии в правовой организации альпийских регионов. Таким образом, на арктическом пространстве Италия видит себя ключевым актором, желающим принимать участие в выработке новых подходов на всех уровнях — политическом, экономическом, юридическом и социальном.

Возрастание интереса Италии к Арктике можно проследить не только в политике МИДа, но и на уровне других политических институтов. Так, в Палате депутатов было решено провести ознакомительные слушания по Итальянской арктической стратегии. В Палате депутатов уверены: арктические вопросы позволяют укрепить отношения между ЕС, Россией, США, Канадой и Китаем и дают возможность расширить сотрудничество в области защиты окружающей среды, торговли, безопасности и ресурсов³⁰. Особое значение в итальянском парламенте имеют специальные двусторонние группы дружбы с некоторыми арктическими странами. В настоящее время существуют отдельные группы для обсуждения вопросов, связанных с политикой Италии в США, России и в северных странах. Под северными странами подразумеваются Исландия, Дания, Норвегия, Швеция и Финляндия. Несмотря на то, что секция северных стран в парламенте является самой новой, итальянским депутатам уже удалось установить регулярные контакты с Финляндией и Данией, ведется работа с другими государствами. Президентом секции является Андреа Коллетти, депутат партии «Движение пяти звезд». В частном интервью Коллетти рассказал о программах группы и о роли Арктики в современной итальянской политике: «Секция северных стран включает в себя ряд нордических стран, однако сотрудничество осуществляется

³⁰ III Commissione permanente (affari esteri e comunitari) // Camera dei deputati [official website]. URL: <http://documenti.camera.it/leg17/resoconti/commissioni/>

исключительно на двустороннем уровне. Проекты, которые мы продвигаем, не всегда аналогичны для разных стран. В настоящий момент мы ведем активный диалог с Норвегией по вопросам климатических изменений в Арктике, с Финляндией мы стремимся к сотрудничеству по образовательным и технологическим проектам, тогда как с Исландией обсуждаем новые методы демократического привлечения граждан в процесс принятия решений»³¹.

Депутат А. Коллетти отмечает, что в последние годы политика Италии на международной арене претерпела серьезные изменения. Как и другие акторы, географически далекие от Крайнего Севера, такие как Китай или Индия, Рим устремил свой взгляд на более удаленные от национальных границ регионы. «Арктика имеет стратегическое значение для Италии, — заявляет Андреа. — В ближайшее время геостратегические интересы будут продолжать меняться в связи с климатическими изменениями и глобальным потеплением, а значит, вместе в этом будут появляться новые цели и задачи во внешней политике Италии». Арктика, по мнению Коллетти, является исключительно релевантным регионом с точки зрения энергетических ресурсов и перспективы открытия новых транспортных путей. Поэтому депутат сожалеет, что до сих пор на парламентском уровне не было сформировано рабочей группы, посвященной арктическим вопросам. Причину этому А. Коллетти видит в необходимости своевременно изо дня в день обращать внимание на близкие стратегические театры, такие как Средиземноморье, в связи с миграционным кризисом, ростом влияния террористических группировок и гражданскими войнами в Сирии и Ливии. Однако начавшиеся 14 июня 2016 г. ознакомительные слушания по Итальянской арктической стратегии при Комиссии по международным делам в Палате депутатов являются первым и крайне значительным шагом по приближению итальянской политической элиты к вопросам римского влияния в Арктике.

---

bollettini/pdf/2016/12/21/leg.17.bol0744.data20161221.com03.pdf (mode of access: 31.01.2016).

³¹ Здесь и далее приведены материалы частного интервью авторов с депутатом А. Коллетти, проведенного 15 января 2017 г. специально для подготовки данной главы.

Другим значимым событием в продвижении арктических интересов Италии на внутривластном уровне стала организация первой магистерской программы, посвященной изучению Арктики. В 2016 г. Итальянское общество для международной организации (SIOI) при поддержке МИД Италии и Министерства окружающей среды успешно завершило проведение курса «Устойчивое развитие, энергетическая геополитика и арктические исследования»³². Целью магистерской программы, единственной в своем роде в итальянской образовательной системе, была подготовка специалистов в области «зеленой» экономики, геополитики, ресурсоиспользования, экологической безопасности³³.

В 2017 г. SIOI продолжило подготовку будущих специалистов по Арктике, а в начале мая провело первую в Италии Модель Арктического совета по примеру многочисленных Моделей ООН, имеющих большую популярность во всем мире. Инициатива является уникальной для неарктической страны и широко поддерживается диппредставительствами стран АС в Риме. Президент SIOI, бывший министр иностранных дел Итальянской Республики Ф. Фраттини отмечает значимость знаний об Арктике для молодых специалистов по международной политике: «Арктическая тема стала вопросом геостратегического и геополитического интереса, поэтому имеет приоритет в системе международных отношений. Это доказывает как государственный документ „К итальянской стратегии для Арктики“, так и внимание к проблемам Крайнего Севера на международных конгрессах и в публикациях Европейского союза. Совершенно очевидно, что международник не может не быть знакомым с этими важнейшими вопросами стратегии, безопасности, экономики, энергетики. Мы в SIOI смоли создать программу, которая доказала не только свою инновационность, но и исключительную эффективность».

---

³² Master universitario di I livello in Sviluppo Sostenibile, Geopolitica delle risorse e Studi Artici // SIOI [official website]. URL: <https://www.sioi.org/attivita/formazione-internazionale/master-sviluppo-sostenibile/> (mode of access: 29.01.2016).

³³ Все студенты курса проходят стажировку в важнейших итальянских компаниях и международных организациях, связанных с деятельностью Рима в Арктике. В 2016 г. первый молодой специалист по Арктике, выпускник магистерского курса SIOI, поступил на дипломатическую службу в МИД Италии.

Решение SIOI, главного итальянского института, специализирующегося на подготовке дипломатов, сформировать образовательную программу, направленную на изучение Арктики, свидетельствует о намерении Италии подготовить собственных узкопрофильных специалистов для продолжения развития полярного вектора во внешней политике. Кроме того, прослеживается стремление Рима продвигать многочисленные арктические инициативы на внутривластном уровне в целях привлечения внимания широких кругов к острым вопросам циркумполярных регионов. Италия имеет намерение продолжать продвигать свои интересы в Арктике и собирается приложить все усилия для получения поддержки со стороны местной политической элиты и для подготовки специализированных дипломатических и научных кадров. Такая политика популяризации дает понять арктическим партнерам: Рим видит себя как актора арктической политики и собирается строить диалог с нордическими партнерами на равных.

***

Римская политика при Арктическом совете имеет благоприятную долгосрочную перспективу. Продвижению итальянских арктических интересов способствуют успехи научной дипломатии и сбалансированность билатеральных отношений с основными арктическими игроками. Отсутствие конфликтов, трений и негативных политических прецедентов позволяет говорить о совместимости интересов Рима и северных партнеров. Для укрепления позиций Италии необходимо продолжать активное участие в деятельности АС на всех доступных уровнях, а также расширять двустороннее сотрудничество с циркумполярными странами по различным арктическим проблемам, включая совместную работу с Финляндией по вопросам защиты окружающей среды и с Канадой по вопросам развития науки и технологий. Ф. Фраттини считает, что главное для итальянской политики в Арктике в настоящий момент — не останавливаться на достигнутом и не делать поспешных шагов назад: «Несколько лет назад шла речь о закрытии станций в Антарктике и Арктике. К счастью, эти радикальные решения так и не были приняты. Я считаю, что важно продолжать вести по-

литическую линию, которая уже была начата, и не в коем случае не отступать. Нужно оставаться в системе: продолжать деятельность в АС и делать упор на развитие науки. Важную роль может сыграть международный обмен исследовательскими кадрами и студентами, интересующимся арктическими вопросами».

Арктическое прошлое и будущее Италии в XXI в. смогли стать релевантными вопросами во внутривосточной повестке, а успехи итальянских исследователей и политиков позволили далекой южной стране не чувствовать себя чужой на северных широтах. Средиземноморская страна, связанная с циркумполярным пространством исторически, смогла доказать свое право занимать роль постоянного наблюдателя и присутствовать за столом переговоров, где разыгрываются крупнейшие геостратегические партии современности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Перевернутая последняя страница монографии побуждает к разговору относительно места данной работы в ряду российских исследований региональных интеграционных процессов. Ее авторы ставили целью «сверить часы» в российском и международном научном пространстве с теми, кто сочетает теоретические и прикладные региональные исследования. Мнение о том, что современный мир переживает кризис глобального управления, воспринимается практически всем экспертным, политическим и общественным сообществом на уровне аксиомы. Что касается выводов из этого и прогнозов относительно будущего глобального мира, то оценки существенно разнятся.

В той или иной форме теории регионализма утверждают, что регионы и регионализм играют центральную роль в глобальной политике. К примеру, П. Катценштайн полагает, что современный мировой порядок движется «к миру регионов»¹. А. Ачария обращает внимание на «возникающую региональную архитектуру мира»². Б. Бузан и О. Уэйвер концептуализируют «глобальный по-

---

¹ *Katzenstein P.* A World of Regions: America, Europe, and East Asia // *Indiana J. of Global Legal Studies* [official website]. 1993. Vol. 1. URL: <https://www.repository.law.indiana.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1003&context=ijgls> (mode of access: 24.01.2018).

² *Acharya A.* The Emerging Regional Architecture of World Politics // *World Politics* [official website]. 2007. Vol. 59, no. 4. P. 629. URL: <http://www.amitavacharya.com/sites/default/files/World%20Politics%20Regions%20Review.pdf> (mode of access: 24.01.2018).

рядок сильных регионов»³. «Регионы сейчас повсюду во всем мире и все более фундаментальны для функционирования всех аспектов мировых дел — от торговли до управления конфликтами, и даже можно сказать, что теперь они являются мировым порядком», — считает Р. Фаун⁴.

Эксперты постоянно пытаются нащупать контуры будущего мира. В 2015 г. Б. Бузан и его коллега Дж. Лоусон опубликовали провокационную книгу «Глобальная трансформация: создавая современный мир», которая вызвала большую научную дискуссию⁵. Авторы считают, что глобальная трансформация мира начинается в XIX в., и международный порядок сложился по принципу «ядро — периферия». Международный порядок «ядра — периферии» был «глобальным по масштабу, но крайне неравным». Относительно небольшая группа государств «создала западное колониальное международное общество». Система «ядра — периферии» объединяла народы, но также породила борьбу с империализмом, которая предопределила дальнейшую трансформацию мирового порядка. В результате антиколониальной борьбы разрыв между ядром и периферией стал сокращаться, и за счет этого стало расширяться само ядро. Современный международный порядок превращается в «депрессивный глобализм», в котором регионализм более заметен, а глобальная гегемония отсутствует⁶.

В 2019 г. Б. Бузан планирует опубликовать книгу, над которой он работает совместно с другой легендой регионалистики — А. Ачарией. Книга будет приурочена к столетию научных исследований международных отношений. Совместная научная работа не мешает авторам находиться в постоянной дискуссии. В частности,

---

³ *Buzan B., Wæver O. Regions and Powers : The Structure of International Security.* Cambridge, 2003.

⁴ *Fawn R. Regions and Their Study : Where from, What for and Where to? // Rev. of Intern. Studies [official website]. 2009. Vol. 35. P. 5–35. URL: [http://home.sogang.ac.kr/sites/kylee/Courses/Lists/b6/Attachments/11/0%20Regions%20and%20Their%20Study-%20Wherefrom,%20What%20for%20and%20Where%20to%20\(2009\).pdf](http://home.sogang.ac.kr/sites/kylee/Courses/Lists/b6/Attachments/11/0%20Regions%20and%20Their%20Study-%20Wherefrom,%20What%20for%20and%20Where%20to%20(2009).pdf) (mode of access: 24.01.2018).*

⁵ *Buzan B., Lawson G. The Global Transformation : History, Modernity and the Making of International Relations.* Cambridge, 2015.

⁶ *Ibid.* P. 138, 176, 195.

Б. Бузану не нравится понятие «мир-мультиплекс» (*multiplex world*), введенное в научный оборот А. Ачарией. Он предпочитает использовать другой термин — «глубокий плюрализм» (*deep pluralism*).

Для А. Ачарии мультиплексный мир обозначает трансформацию американского либерального гегемонистского мирового порядка (*American-led liberal hegemonic order*). Трансформация происходит не потому, что новые державы хотят его революционно изменить, а потому, что они (новые державы) проходят свой собственный путь к модерну, и этот путь влияет на существующий порядок. Они могут существенно изменить правила игры и институты старого порядка. В XXI в. мы наблюдаем стремительный рост «остальных» государств (*rise of rest*), переход новых государств к модерну. По мнению Б. Бузана, этот транзит может привести к незападной модели мирового порядка. В новом формирующемся мире больше не будет сверхдержав.

В другой совместной работе с О. Уэйвером («Регионы и державы») Б. Бузан вступает в дискуссию с А. Ачарией, который утверждает, что существовал короткий момент однополярности (*unipolar moment*), когда США оставались сверхдержавой, и сформировалась однополярная система международных отношений⁷. По мнению Б. Бузана, не может быть и речи о полюсах (полярностях), если учитывать три уровня системы международных отношений (сверхдержава США, великие державы и региональные державы). Многослойность не позволяет говорить о классическом балансе сил. Еще одним элементом современного мира является разнообразие культур и типов государств, объединений. Мир становится регионализированным, но никак не централизованным⁸.

Этот концепт Б. Бузана является не новым, но важным при рассмотрении современной фрагментации мирового порядка. Если А. Ачария использует несколько подходов и терминов, таких как «растущие державы» (*rising powers*), «появляющиеся державы» (*emerging powers*), «региональные державы» (*regional powers*), то Б. Бузан оперирует преимущественно термином «растущие державы». Последние — это в первую очередь Индия и Китай. Ка-

⁷ Buzan B., Wæver O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*.

⁸ Ibid.

кие характеристики определяют современные растущие державы? Во-первых, это размеры страны и населения. С этой точки зрения растущие державы являются крупными по населению, территории и экономике. В XIX в. доминировали небольшие по численности населения государства, в современном же мире ситуация отличается существенным образом. Во-вторых, это государства с сильно выраженными национальными интересами, с абсолютизацией государственного суверенитета и в то же самое время с сильно выраженным постколониальным синдромом. В-третьих, это государства, не объединенные универсальными ценностями, но имеющие общность интересов преимущественно в экономическом поле. В-четвертых, если мы исходим из того, что мир движется к формированию системы государств, включающих только уровень великих и региональных держав, возникает вопрос о глобальном управлении. Будут ли новые государства участвовать в управлении мировыми процессами? Б. Бузан называет их «государствами-аутистами» (*autistics*). Их поведение определяется мотивами национального, государственного мышления, а не системным глобальным мышлением. Они хотят стать великими державами, но не хотят управлять миром.

С точки зрения Б. Бузана, если растущие державы станут управлять миром, то вряд ли у них это получится: в них не развит механизм принятия политических решений мирового уровня, их внешняя политика не так структурирована, как в странах Запада. Они не обладают глобальной идеей, концепцией, не предлагают универсальные ценности, которые можно было выдвинуть как альтернативу евроатлантическим идеалам. Они заиклены преимущественно на региональных вопросах и «отравлены историческим колониальным прошлым», которое не позволяет им решать современные проблемы. Индия и Китай имеют разное видение построения региональных процессов в Азии: Индия выстраивает стратегическое партнерство, опираясь на США, в то время как Китай строит свой интеграционный проект в противовес США и Индии.

Какой мировой порядок мы получим по итогам современного транзита? На каких принципах новые и старые игроки будут выстраивать взаимоотношения друг с другом? На эти и другие во-

просы, связанные с переформатированием мира, нет исчерпывающего ответа. Представленная монография является результатом труда российского эпистемического сообщества, анализирующего региональные процессы. Разнообразие подходов авторов отражает динамику и асимметрии современного мира регионов.

СОКРАЩЕНИЯ

- АБИИ — Азиатский банк инфраструктурных инвестиций
АЗПАК — Азиатско-Тихоокеанский Совет
АКТ — Организация стран Африки, Карибского бассейна и Тихого океана
АНЗСЕРТА — Зона свободной торговли между Австралией и Новой Зеландией
АНЗЮС — Военно-политический союз Австралии, Новой Зеландии и США
АСЕАН — Ассоциация стран Юго-Восточной Азии
АСЕМ — Форум «Азия – Европа»
АТР — Азиатско-Тихоокеанский регион
АТЭС — Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество
БЕП — Большое евразийское партнерство
ВАС — Восточноазиатское сообщество
ВАС — Восточноафриканское сообщество
ВТО — Всемирная торговая организация
ЕАЭС — Евразийский экономический союз
ЕС — Европейский союз
ЗСТ — зона свободной торговли
КНДР — Корейская Народно-Демократическая Республика
КОМЕСА — Экономическое сообщество стран Восточной и Южной Африки
КПК — Коммунистическая партия Китая
МВФ — Международный валютный фонд
МЕРКОСУР — Общий рынок Южного конуса
МТК — международный транспортный коридор
НАТО — Организация Североатлантического Договора
НАФТА — Североамериканское соглашение о свободной торговле
НПО — неправительственная организация
ОБСЕ — Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
ОДКБ — Организация Договора о коллективной безопасности
ООН — Организация Объединенных Наций

ОЭСР — Организация экономического сотрудничества и развития

СБ ООН — Совет Безопасности ООН

СЕАТО — Организация Договора Юго-Восточной Азии

СЕНТО — Организация Центрального договора

СНГ — Содружество Независимых Государств

ССАГПЗ — Совет сотрудничества арабских государств Персидского

залива

ТНК — транснациональная корпорация

ТРАСЕКА — МТК «Европа — Кавказ — Азия»

ТТП — Транстихоокеанское партнерство

УВКБ — Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев

ЦАОР — Центральноамериканский общий рынок

ЧЭС — Черноморское экономическое сотрудничество

ШОС — Шанхайская организация сотрудничества

ЭПШП — Экономический пояс Шелкового пути

ЮВА — Юго-Восточная Азия

ОБ АВТОРАХ

Бибнев Андрей Александрович, ассистент кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Уральского федерального университета. Сфера научных интересов: история Латинской Америки и Карибского бассейна, регионализм.
andrey.bibnev@gmail.com

Бурнасов Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений, доцент кафедры Жана Монне Уральского федерального университета. Сфера научных интересов: мировая экономика, социально-экономическое и инновационное развитие стран и регионов.
burnasov@mail.ru

Васильева Наталия Алексеевна, доктор философских наук, профессор кафедры мировой политики факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета. Сфера научных интересов: философия мировой политики, интеграция на евразийском пространстве, дипломатия ООН.
n52basil@gmail.com

Воронков Лев Сергеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры интеграционных процессов МГИМО МИД России. Сфера научных интересов: интеграционные процессы, особенности североевропейской интеграции, европейская безопасность, международные межправительственные и неправительственные организации в международных отношениях, глобальные проблемы современной цивилизации, геополитические и международные проблемы Арктики.
lvoronkov@yandex.ru

Довжик Наталья Родионовна, аспирант кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Уральского федерального университета. Сфера научных интересов: энер-

гетический сектор, правовая система и политика безопасности в Республике Польша.

dipacademy@aol.com

Желобов Дмитрий Евгеньевич, ассистент кафедры зарубежного регионоведения департамента международных отношений Уральского федерального университета. Сфера научных интересов: история и современность взаимодействия Китая и Центральной Азии.

dezhelobov@gmail.com

Зубков Константин Иванович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН, доцент кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Уральского федерального университета. Сфера научных интересов: европейский и российский регионализм, геополитика и геоконфликтология, теории и модели региональной интеграции.

zubkov.konstantin@gmail.com

Камынин Владимир Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Уральского федерального университета. Сфера научных интересов: история международных отношений, внешняя политика РФ, международные отношения в Центральной Азии.

kamyninv@yandex.ru

Карузо Алессандра, магистр геополитики и глобальной безопасности, магистр политических наук и международных отношений, координатор проекта «Арктика» итальянского Института высших геополитических исследований (Рим, Италия). Сфера научных интересов: международные отношения в Арктическом регионе.

Alessandra.caruso@istitutoisag.it

Ковалев Юрий Юрьевич, кандидат географических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Уральского федерального университета. Сфера научных интересов: экономико-социальное развитие, инновационное

развитие стран и регионов, политика устойчивого развития, климатическая дипломатия.

yukowaljow@gmail.com

Коньшев Валерий Николаевич, доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета. Сфера научных интересов: теория международных отношений, военная стратегия, США, БРИКС, Арктика.

konyshv06@mail.ru

Лагутина Мария Львовна, кандидат политических наук, доцент кафедры мировой политики факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета. Сфера научных интересов: интеграционные процессы, глобальная регионализация, евразийская интеграция, международное сотрудничество в Арктике.

manipol@mail.ru

Лазарева Елена Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Уральского федерального университета. Сфера научных интересов: внешняя политика России, экономические и политические процессы в странах СНГ, международные отношения в Европе.

levburo@mail.ru

Лицарева Елена Юрьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики Национального исследовательского Томского государственного университета. Сфера научных интересов: региональные и национальные подходы к проблемам безопасности в Восточной Азии, интеграционные процессы в АТР.

Лушников Олег Вадимович, кандидат исторических наук, директор Центра евразийских исследований им. Г.В. Вернадского Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сфера научных интересов: история Евразии, история России, монголоведение, тюркология, евразийство.

oleglushnikov@yandex.ru

Лямзин Андрей Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Уральского федерального университета. Сфера научных интересов: внешняя политика России, экономические и политические процессы в странах СНГ, международные отношения на постсоветском пространстве.

lyamzin@mail.ru

Маслова Елена Александровна, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры интеграционных процессов МГИМО МИД России. Сфера научных интересов: внешняя политика Италии, партийно-политическое устройство Италии, европейская интеграция.

e.maslova@inno.mgimo.ru

Михайленко Валерий Иванович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений департамента международных отношений, профессор кафедры Жана Монне Уральского федерального университета. Сфера научных интересов: европейская интеграция, региональная безопасность, внутренняя и внешняя политика Италии, современная внешняя политика РФ.

valery.mikhaylenko@urfu.ru

Михайленко Екатерина Борисовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений, доцент кафедры Жана Монне Уральского федерального университета. Сфера научных интересов: нераспространение оружия массового уничтожения, международная безопасность, регионализм, интеррегионализм, внешняя политика ЕС.

earslanova@urfu.ru

Муратшина Ксения Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений, доцент кафедры Жана Монне Уральского федерального университета. Сфера научных интересов: внешняя политика КНР, внешняя политика Японии, региональная безопасность в Центральной и Восточной Азии.

ksenia.muratshina@urfu.ru

Наронская Анна Тегамовна, кандидат политических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Уральского федерального университета. Сфера научных интересов: политический процесс, политические элиты.

naronnsk.an@mail.ru

Перевалова Анна Андреевна, научный сотрудник Института высших геополитических исследований (Рим, Италия), соискатель кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Уральского федерального университета. Сфера научных интересов: итальянские исследования.

perevalova.ann@gmail.com

Поспелова Таисия Владимировна, магистрант кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Уральского федерального университета. Сфера научных интересов: Европейский союз, культурная политика, когнитивные исследования в международных отношениях.

tasya.tasya.pospelova@yandex.ru

Савкович Евгений Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения Национального исследовательского Томского государственного университета, профессор кафедры мировой экономики, международных отношений и права Новосибирского государственного университета экономики и управления. Сфера научных интересов: китаеведение, международные отношения в Центральной и Восточной Азии.

savkovic@sibmail.com

Сергунин Александр Анатольевич, доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета. Сфера научных интересов: теория международных отношений и безопасности, регионализм, США, БРИКС, Арктика.

sergunin60@mail.ru

Степанов Анатолий Владиславович, кандидат географических наук, заведующий кафедрой экономики Института переподготовки и повыше-

ния квалификации Уральского федерального университета. Сфера научных интересов: экономическая география, регионоведение, социально-экономическое и инновационное развитие стран и регионов.

anatoly_stepanow@mail.ru.

Субботин Сергей Викторович, кандидат исторических наук, доцент департамента менеджмента нижегородского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Сфера научных интересов: международная безопасность, военная стратегия, США, БРИКС.

sersubb-2@mail.ru

Табаринцева-Романова Ксения Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Уральского федерального университета. Сфера научных интересов: внутренняя и внешняя политика Италии, Европейский союз, культурная дипломатия.

kmromanova@mail.ru

Торопчин Глеб Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков технических факультетов Новосибирского государственного технического университета, доцент кафедры мировой экономики, международных отношений и права Новосибирского государственного университета экономики и управления. Сфера научных интересов: нераспространение ядерного оружия, региональная безопасность, Азиатско-Тихоокеанский регион, интеграционные процессы, семиотика.

glebtoropchin@mail.ru

Умланд Андреас, кандидат исторических и политических наук, старший научный сотрудник Института евроатлантического сотрудничества в Киеве, редактор книжной серии «Советская и постсоветская политика и общество» издательства «Ibidem» в Штутгарте. Сфера научных интересов: внешняя политика Украины, России и ФРГ, исследования проблем правого экстремизма на постсоветском пространстве, восточноевропейская геополитика.

andreumland@yahoo.com

Федоренко Константин Николаевич, магистр европейских и правовых исследований, магистр политологии, младший научный сотрудник Института евроатлантического сотрудничества в Киеве. Сфера научных интересов: внутренняя и внешняя политика Украины, Европейский союз, партийная и избирательная политика постсоветских стран и стран ЕС.
kostiantyn.fedorenko@gmail.com

Фомичева Елена Алексеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН, доцент Института стран Востока. Сфера научных интересов: международные отношения в Юго-Восточной Азии, история, культура, политическое развитие, внешняя политика Таиланда, российско-таиландские отношения.
elen-fomicheva@yandex.ru

Хейнинен Ласси, PhD, профессор Лапландского университета (Рованими, Финляндия). Сфера научных интересов: глобализация и регионализация в Арктике, арктическая безопасность.
lassi.heininen@ulapland.fi

Чесноков Алексей Сергеевич, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук департамента политологии и социологии Уральского федерального университета. Сфера научных интересов: мировая политика и международные отношения, дипломатия, миграционная политика.
alexright@mail.ru

ON THE AUTHORS

Bibnev Andrey, Assistant Lecturer, Department of Theory and History of International Relations, Ural Federal University. Research interests: history of Latin America and the Caribbean, regionalism.

andrey.bibnev@gmail.com

Burnasov Alexander, PhD, Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations, Associate Professor of Jean Monnet Chair, Ural Federal University. Research interests: international economy, economic and social development, innovative development of countries and regions.

burnasov@mail.ru

Caruso Alessandra, PhD, master of geopolitics and global security, master of political sciences and international relations, Director of “Geopolitics of Arctic and Antarctic” Project, Institute of Advanced Studies in Geopolitics and Auxiliary Sciences, Rome, Italy. Research interests: international relations in Arctic region.

Alessandra.caruso@istitutoisag.it

Chesnokov Alexey, Dr. habil., Professor, Department of Political Science and Sociology, Ural Federal University. Research interests: world politics and international relations, diplomacy, migration policy.

alexright@mail.ru

Dovzhik Natalia, specialist degree in international relations, PhD student of the Department of Theory and History of International Relations, Ural Federal University. Research interests: energy sector, legal system, defence and security policy in Poland.

dipacademy@aol.com

Fedorenko Kostiantyn, master of European studies, master of Political Science, junior research fellow, Institute for Euro-Atlantic Cooperation in Kyiv. Research interests: internal affairs and foreign policy of Ukraine, EU studies, party and electoral politics of post-Soviet countries and EU member states.
kostiantyn.fedorenko@gmail.com

Fomicheva Elena, PhD, Senior Research Fellow, Center for Southeast Asian, Australian and Oceania studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Research interests: international relations in Southeast Asia, history, political system, culture, foreign policy of Thailand, Russian-Thai relations.
elen-fomicheva@yandex.ru

Heininen Lassi, PhD, Professor, University of Lapland (Rovaniemi, Finland). Research interests: globalization and regionalization in the Arctic, Arctic security.
lassi.heininen@ulapland.fi

Kamynin Vladimir, Dr. habil., Professor, Department of Theory and History of International Relations, Ural Federal University. Research interests: history of international relations, Russian foreign policy, international relations in Central Asia.
kamyninv@yandex.ru

Konyshev Valery, Dr. habil., Professor, Department of International Relations Theory and History, St. Petersburg State University. Research interests: international relations theory, military strategy, U.S., BRICS, Arctic.
konyshev06@mail.ru

Kovalev Yury, PhD, Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations, Ural Federal University. Research interests: economic and social development, innovative development of countries and regions, sustainable development policy, climate diplomacy.
yykowljow@gmail.com

Lagutina Maria, PhD, Associate Professor, Department of World Politics, School of International Relations, St. Petersburg State University. Research interests: integration, globalisation and regionalisation, Eurasian integration, international cooperation in the Arctic, BRICS.
manipol@mail.ru

Lazareva Elena, PhD, Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations, Ural Federal University. Research interests: Russian foreign policy, economic and political processes in CIS countries, international relations in Europe.

levburo@mail.ru

Litsareva Elena, Dr. habil., Professor, Department of World Politics, Tomsk State University. Research interests: national and regional approaches to East Asian security, economic integration in Asia-Pacific.

Lushnikov Oleg, PhD, Associate Professor, Director of the G. V. Vernadsky Center for Eurasian studies, Perm State Humanitarian-Pedagogical University. Research interests: history of Eurasia, history of Russia, Mongolian studies, Turkology, Eurasianism.

oleglushnikov@yandex.ru

Lyamzin Andrey, PhD, Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations, Ural Federal University. Research interests: Russian foreign policy, economic and political processes in CIS countries, international relations in the post-Soviet area.

lyamzin@mail.ru

Maslova Elena, PhD, Senior Lecturer, Department of Integration Processes, MGIMO-University. Research interests: Italian foreign policy, political parties and political system in Italy, European integration.

e.maslova@inno.mgimo.ru

Mikhaylenko Ekaterina, PhD, Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations, Associate Professor of Jean Monnet Chair, Ural Federal University. Research interests: regionalism, interregionalism, EU foreign policy, security and non-proliferation.

earslanova@urfu.ru

Mikhaylenko Valery, Dr. habil., Professor, Head of the Department of Theory and History of International Relations, Jean Monnet Professor, Ural Federal University. Research Interests: European integration, regional security,

---

domestic and foreign policy of Italy, contemporary foreign policy of the Russian Federation.

valery.mikhaylenko@urfu.ru

Muratshina Ksenia, PhD, Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations, Associate Professor of Jean Monnet Chair, Ural Federal University. Research interests: foreign policy of the People's Republic of China, foreign policy of Japan, regional security in Central and East Asia.

ksenia.muratshina@urfu.ru

Naronskaia Anna, PhD, Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations, Ural Federal University. Research interests: political process, political elites.

naronsk.an@mail.ru

Perevalova Anna, Research Fellow, Institute of Advanced Studies in Geopolitics and Auxiliary Sciences, Rome, Italy; PhD student of the Department of Theory and History of International Relations, Ural Federal University. Research interests: Italian studies.

perevalova.ann@gmail.com

Pospelova Taissya, master programme student, Department of Theory and History of International Relations, Ural Federal University. Research interests: European Union, cultural diplomacy, cognitive research in international relations.

tasya.tasya.pospelova@yandex.ru

Savkovich Evgeny, Dr. habil., Professor, Department of Oriental Studies, Tomsk State University; Professor, Department of World Economy, International Relations and Law, Novosibirsk State University of Economics and Management. Research interests: sinology, international relations in Central and East Asia.

savkovic@sibmail.com

Sergunin Alexander, Dr. habil., Professor, Department of International Relations Theory and History, St. Petersburg State University. Research interests: international relations theory, international security, regionalism, U.S., BRICS, Arctic.

sergunin60@mail.ru

Stepanov Anatoly, PhD, Head of the Department of Economics, Institute of Further Education and Vocational Training, Head of the Centre of German research, Ural Federal University. Research interests: economic geography, regional studies, economic and social development, innovative development of countries and regions.

anatoly_stepanow@mail.ru

Subbotin Sergei, PhD, Associate Professor, National Research University «Higher School of Economics», Nizhny Novgorod Campus. Research interests: international security, military strategy, U.S., BRICS.

sersubb-2@mail.ru

Tabarintseva-Romanova Ksenia, PhD, Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations, Ural Federal University. Research interests: domestic and foreign policy of Italy, European Union, cultural diplomacy.

kmromanova@mail.ru

Toropchin Gleb, PhD, Associate Professor, Department of Foreign Languages for Technical Programmes, Novosibirsk State Technical University; Associate Professor, Department of World Economy, International Relations and Law, Novosibirsk State University of Economics and Management. Research interests: nuclear non-proliferation, regional security, Asia-Pacific region, integration processes, semiotics.

glebtoropchin@mail.ru

Umland Andreas, PhD, Senior Research Fellow, Institute for Euro-Atlantic Cooperation in Kyiv, editor of the “Soviet and Post-Soviet Politics and Society” book series (Stuttgart, Germany). Research interests: Ukrainian, Russian and German policy, problem of extreme right movements in the post-Soviet area, East European geopolitics.

andreumland@yahoo.com

Vasilyeva Natalia, Dr. habil., Professor, Department of World Politics, School of International Relations, St. Petersburg State University. Research interests: philosophy of world politics, Eurasian integration, diplomacy of the United Nations.

n52basil@gmail.com

Voronkov Lev, Dr. habil., Professor, Department of Integration Processes, MGIMO-University. Research interests: integration processes, Nordic integration, European security, international intergovernmental and non-governmental organizations, global problems of modern civilization, geopolitical and international problems of the Arctic.

lvoronkov@yandex.ru

Zubkov Konstantin, PhD, Leading Research Fellow, Institute of History and Archaeology of Ural Branch of Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations, Ural Federal University. Research interests: European and Russian regionalism, geopolitics, conflict resolution studies, theories and patterns of regional integration.

zubkov.konstantin@gmail.com

Zhelobov Dmitry, Assistant Lecturer, Department of Regional Studies, Ural Federal University. Research interests: history and current state of China — Central Asia interaction.

dezhelobov@gmail.com

ABSTRACTS

On nature and diversity of integration processes

Participation of a state in integration is a tool of deliberate state policy. Integration does not follow the same rules, suitable for any country. There are no common integration standards. Different states imply the economic and political content, that meets their basic interests, in the processes of internationalization. The process of consolidation of political, economic, financial, military and propaganda forces of the leading countries, possessing the most competitive companies, occurs on the basis of the neo-liberal concept of globalisation. The main tools are the control of world trade and international financial institutions, the possession of the main reserve currencies, as well as Western democratic values. For the emerging markets the most important is the ability to ensure their state sovereignty, to develop competitive domestic production and to resist the economic dictate of the “Golden billion” countries. Available means are the elaboration of national models of development, the promotion of domestic production competitiveness, the changes in the nature of existing activities and the creation of new international economic and financial institutions, free from the dictate of Western countries. Another way is the development of international trade with the use of national currencies, introduction of new reserve currencies, promotion of national values and cultural, social, economic and political priorities.

The phenomenon of “international integration” and theories of integration processes

This chapter analyses the phenomenon of ‘international integration’ from theoretical and historical points of view. In the first part the author gives a summary of the main integration theories. The main idea of the author is that modern integration should be regarded as an effective tool of world politics by which world community tries to deal with global issues. In the second part of this chapter the author pays attention to regionalism and regionalisation, regarding the process of evolution from the so-called ‘old regionalism’ to ‘new regionalism’. The main conclusion is that global regionalisation is the main trend

of the modern international relations, and it drastically transforms the international system and gives birth to new forms of regional and global integration.

**Contemporary interregionalism:
formation of regional and interregional relations**

Regional processes have various forms and reasons for their formation. The process of building regional relations can be conditioned by economic, political, normative factors. Regions are becoming the important actors of international relations and start going beyond their traditional geographical boundaries, forming new mega-regions. This phenomenon was called “interregionalism”. The chapter analyses the features of modern interregional relations, their forms and types.

**The role of regional integration
in restructuring the international relations**

This chapter is aimed to investigate how the contemporary worldwide trend towards regional integration influences the post-Cold-War structure of international relations (IR). The first point concerns a blueprint of the new enlarged structure of IR based on global economic sectionalism as it emerges from interactions between various regional blocs of inter-state economic cooperation. The author argues that this transformation of the international system began long before the end of the Cold War as a result of gradual erosion of the bipolar IR system and, as a consequence, the rise of regional powers in the gaps of two superpowers’ spheres of influence. The second part deals with the changing structure of motivation, that stimulates a wide range of states to join the regional communities — not only of economic, but also of strategic, security, and idealistic nature. The case of the European Union is instructive for comprehension of the regional community as not a newly emerged single actor, but rather a multilayer system of interests and preferences — from the individual states through sub-regional blocs to consolidated community. This is why the present IR should be also seen as a system of complicated multi-dimensional architecture. The third part of the chapter focuses on world politics as the interplay between competing and overlapping projects of regional integration. The author suggests that boundaries between states, belonging to different competing regional blocs, are likely to be much more dividing than those between the independently acting neighbouring national states. This can be seen in the case of Ukrainian crisis of 2014.

Theories on the role of integration projects in the new world order (the case of BRICS)

The chapter deals with the phenomenon of BRICS in the light of various international relations theories — power transit theory, peaceful coexistence concept, “soft power” theory, and status theories. The chapter concludes that each of these theories, having its own merits, at the same time has its drawbacks and cannot have an ambition to be a universal one. BRICS’ political behavior has not had an unambiguous interpretation yet, but it may be explained with one theory or another, depending on the research focus. To sum up, these theories provide the basis for an interdisciplinary study of the BRICS.

European interregionalism in the 21st century

The EU external policy and its instruments continue to be a subject of research. The evolution of approaches to European interregionalism has passed several stages: heuristic, analytical or systemic, and, finally, post-revisionist. The chapter analyses theoretical and methodological approaches to the term “interregionalism”, to the European practice of interregionalism and the features of modern approaches. The change in approaches towards European interregionalism is conditioned both by internal processes in the EU and by changes in the nature of modern regional relations, which is more and more determined by the actions of new actors (rising powers) and rivalry in the framework of regional construction. This is an attempt to revise the practice of the EU regarding each region, taking into account the post-hegemonic order, the peculiarities of the development of each region and the search for different instruments for each region.

Intercultural dialogue as a tool of EU public diplomacy

The chapter discusses the concept of “intercultural dialogue” as one of the approaches to building intercultural relations in the EU. The beginning of the chapter briefly explains the main reasons for the collapse of the previous concept — multiculturalism. Initially, the ideas of multiculturalism were based on the recognition of different cultural groups within the framework of one society and the possibility of their equal coexistence. However, this policy led to the alienation of cultural groups from each other, which, in turn, led to marginalisation of migrants. EU politicians proposed a new paradigm — intercultural dialogue, which contributes to the creation of European identity, citizenship and social cohesion. For the purpose of intercultural dialogue, the following measures are set: promotion of the mobility of professionals in art; promotion

of cultural heritage. The chapter also analyses the EU's Working Plans on Culture». A general conclusion is drawn on the prospects of the model of building intercultural relations under study, which forms the foreign policy image of the EU as an organisation that can cope with the challenges of the modern world.

Black Sea Economic Cooperation: fields of cooperation and perspectives

For more than twenty years the Black Sea Economic Cooperation has transformed from an initiative to a full-fledged international organisation. BSEC is the only full-frame organisation in the Black Sea region, aimed at the development of mutually-beneficial cooperation, good-neighbourly relations and strengthening stability. BSEC declares cooperation in work than ten different areas. The chapter examines the current results of the cooperation in this framework.

A regional bloc concept for Central-Eastern Europe

After the end of the Cold War, as a result of an indecisive enlargement policy by the European Union and NATO, a post-Soviet geopolitical "grey zone" has been created in Eastern Europe and the Southern Caucasus. In the near future, these Western organisations are also unlikely to be ready and able to fill the security vacuum in this region. In this situation, a number of politicians, diplomats and scholars from the formerly communist countries have started to discuss alternative options of obtaining partial security guarantees and international embeddedness. The most visible idea among these regional coalition projects is the creation of the so-called "Intermarium" alliance between the Baltic and Black Sea states.

Construction of subregional blocs concepts in Polish academic community

Contemporary Poland plays an important role in reformatting the geopolitical space of Central and Eastern Europe after the dissolution of the Warsaw Pact, collapse of the USSR and withdrawal of Soviet troops. The chapter analyses the activities of governmental and non-governmental think tanks involved in research and forecasting of foreign and domestic security policies of Poland. Polish experts and politicians form Poland's national interest as one of a leading regional power. They are striving to find a new dimension of Eastern European policy, relying on the historical concepts of O. Halecki, J. Giedroyc. The chapter analyses the role of Poland in the EU Eastern Partnership project, Poland's

proposals and projects of subregional blocks of Intermarium and Three Seas Initiative. Cross-subregional agreements with NATO and EU members create prerequisites for the subsequent integration of neighboring states into global integration projects or participation in intermediate partner modules, the legal international status of which can be developed on an individual basis.

Eurasian idea in theory and political practice of the 20th — early 21st centuries

The Eurasian idea is, primarily, the idea of a civilisation based on the historical practice of the great Eurasian powers. It represents an interdisciplinary set of concepts (historical, geopolitical, cultural, philosophical, economic, political and legal), evolving in time. These concepts interpret the essence of Eurasia (within the boundaries of Russian Empire, USSR, CIS), as a historically formed unity in diversity, a unique socio-cultural synthesis of the people who inhabit it. It has sustainable features in the traditions of state system and culture, transforming Eurasia into an independent center of power. Eurasian idea is reflected in the works of theorists (classic period — N. S. Trubetsky, P. N. Sawicki, G. V. Vernadsky, N. N. Alekseev, L. N. Gumilev, etc., and contemporary period — B. S. Yerasov, I. B. Orlov, A. S. Panarin, K. S. Gadzhiev, M. L. Titarenko, N. N. Moiseev, D. S. Lvov, etc.), programs of political parties of Eurasian orientation, and views of state leaders (V. V. Putin, N. A. Nazarbayev, A. G. Lukashenko, etc.). At the level of internal politics — regionalism, federalism, representative democracy, mixed (public-private) economy, cultural autonomy, — it combines strong vertical of power, ethics, traditionalism, spirituality, ethno-religious tolerance and national unity. History of Eurasia demonstrates the need to preserve and combine this “Big space” on the new principles, appropriate to the modern era, relying on a synthesis of the millenary spiritual traditions and scientific and technological achievements of the 21st century.

The case of national interests of the Eurasian Economic Union integration participants

The purpose of this study was to reveal the peculiarities and contradictions in the implementation of national interests of the EEU member states. On the one hand, the participating countries of the EEU (Russia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Armenia, Belarus) have an objective interest in developing the Eurasian integration, driven by the desire to modernise their national economies through joint efforts and to use the geopolitical opportunities of the EEU in the region of Greater Eurasia. On the other hand, in these countries there is an ac-

tive process of sovereignty, that is leading to the formation of national interests, which are manifested in protectionist trends in foreign policy.

Disparities of regional integration in Central Asia

The chapter identifies the most significant problems that complicate regional integration in Central Asia. The first is the problem of ethnic contradictions and territorial conflicts, which often have centuries-old roots and create conflict relations between ethnic groups and elites, which impedes full-scale cooperation. The second problem is the multi-vector nature of the foreign policy of Central Asian states. It is based on long historical traditions, originating in ancient times and the Middle Ages. The third is the long-term problem of personalistic authoritarian regimes, oriented not at modernising and developing the economy (which would help to solve the urgent social problems), but personal enrichment and preservation of power. The fourth is the problem of the ambitions of the Russian political elite, which traditionally acts on the basis of political criteria rather than economic ones. At present, the economic union of the post-Soviet countries under the guidance of Moscow requires considerable expenses, but does not reach the necessary level of economic growth, isolating Russia from world markets and modernization trends.

Issues and trends of regional integration between the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan

The chapter discusses the main problems of regional integration of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. The author claims that the Republic of Kazakhstan is one of the most important strategic partners of Russia among post-Soviet states. The research has demonstrated the main stages of formation and development of economic, political, social and cultural cooperation between Russia and Kazakhstan. At the same time, the author defines some serious problems in Kazakhstan — Russia relations, such as lack of stability in political and economic systems, demographic and social issues. Finally, the author concludes that the most important challenge for Russia and Kazakhstan is to ensure equal and mutually beneficial cooperation.

Shanghai Cooperation Organisation as a regional integration unit

This chapter analyses Russian and foreign political discourse on the advantages of the Shanghai Cooperation Organisation as a regional organisation for the countries of Asia and other parts of the world. Alternatives to Russian and Chinese integration models, basic stages of “Shanghai process”, debates on

the specific features of SCO, as a regional organisation, are being discussed. The author concludes, that the contradictions in world political science on this issue occur not only due to personal views of experts, but also due to the use of different regionalism theories. On the whole, SCO should be regarded as a regional organisation, formed in order to deal with security issues and economic cooperation in Central Asia. Currently, its perspectives depend on the interaction between Russia, China, Central Asia and new member states.

**China's "One Belt, One Road" initiative:
global scale and internal development goals**

This chapter deals with the theoretical basis and the models of practical implementation of "One Belt, One Road" (OBOR) project, put forward by the People's Republic of China. The project is analysed in the context of China's foreign policy principles, implemented throughout the last two decades. As a result, we can consequently witness the following: as the PRC was gradually rethinking its global role, it started to put emphasis on international integration projects and embedded them into its global strategy. The chapter provides an in-depth insight into the communication routes of the "Belt and Road" and the proportion of interests of states involved in the project. OBOR is viewed as Beijing's major trans-regional project, ideally fitted to meet the key objectives of China's economic growth by boosting production and national economy on the whole, and giving an impetus to the development of primarily the north-west regions of the country.

**Variability of Silk Road Economic Belt
routes as a factor of Eurasian policy**

This chapter is dedicated to the peculiarities in the construction of various routes of the Silk Road Economic Belt project as an integral part of the PRC's "One Belt, One Road" initiative in terms of geopolitical opportunities and risks. The main geopolitical and geo-economic preconditions of this initiative are analysed. Two parts of the OBOR initiative, the SREB and the 21st Century Maritime Silk Route, are considered, respectively, as a symmetrical and asymmetrical response of the PRC to the challenges of the modern world. The prospects of Russia's participation in the implementation of the SREB project in global and regional aspects are estimated. The potential of alternative routes of the project through such countries, as Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, Azerbaijan, Iran and Turkey, is explored. A hypothesis of the possible connection of the Syrian conflict with the struggle around the SREB project is offered.

Problems and prospects of conjunction of the Eurasian Economic Union and "One Belt, One Road" project

This chapter analyses the problems and prospects of conjunction of the Eurasian Economic Union (EEU) and "One Belt, One Road" project. In this context the authors conduct a comparative analysis of Eurasian strategies of Russia and China. The relevance of the topic is based on the joint decision of Russian and Chinese leaders in May 2015 about the conjunction of Russian-Kazakh and Chinese integration projects and the development of modern Eurasia. This project is being actively discussed in the international expert community. The purpose of this chapter is to identify all possible ways and mechanisms of conjunction of the two projects, as well as to assess the benefits of the parties from such forms of integration. As a result, the authors conclude that the prospects for the implementation of plans for the conjunction of the two projects can be assessed as ambiguous.

Basic integration trends and areas in Asia-Pacific

In the context of the 1990s "new regionalism", the "actual integration" phenomenon appeared. In Asia-Pacific region, the "actual integration" had evolved at the local (local economic zones) and subregional (the Association of Southeast Asian Nations) levels until 1989, when Asia-Pacific Economic Cooperation was formed. In this region, there has been a priority of subregional integration rather than regional integration. International organisations after the World War II were formed with a specific intention to protect the interests of their members against the encroachment of states, which were not members of these associations. Historically, in Asia-Pacific region, subregional (the Association of Southeast Asian Nations) and regional (Asia-Pacific Economic Cooperation and the East Asian community) units demonstrated it. In the new conditions, WTO ties system does not meet modern requirements. Countries are looking for new, more effective ways and forms of cooperation at both regional and global level.

The problem of ASEAN unity under the new geopolitical conditions

ASEAN is considered to be the most successful integration project, with its model being fundamentally different from that of the European Union. European integration is built on the idea of delegating some power to supranational bodies, which, in fact, is a partial abandonment of individual states' sovereignty. ASEAN, by contrast, is an association of national states, united on principles of non-interference in the internal affairs of each other. Drawing on cultural and

historic traditions of the societies, ASEAN has established a mechanism of decision-making, the so called “ASEAN Way”, involving long and detailed consultations and consensus. No wonder the motto of ASEAN is “unity in diversity”. The success of ASEAN can be measured not only by the degree of economic interdependence, but also, what is more important, by the creation of extensive political network not only within Southeast Asia but also more broadly — including extra-regional powers. Thus, ASEAN has become an essential element of the emerging structures of security and cooperation in Asia-Pacific region. The unity of ASEAN is now experiencing serious pressure because of the contradictions between China and the United States in the region. The struggle of these powers for influence on ASEAN countries raises the question of preserving the unity of the Association.

Trans-Pacific Partnership: at odds between free trade and geopolitical tensions

This chapter discusses the specific features, the internal contradictions and discrepancies of the Trans-Pacific Partnership — an integration unit, initiated to a great deal by the United States of America and Japan in Asia-Pacific and including a considerable number of countries of the region. In spite of the US withdrawal from the agreement under President Trump, other members, e.g. Japan and Australia, continue planning of TPP development. Therefore, this integration project remains a factor of regional politics. The chapter consequently analyses, what internal problems have been turning the integration in TPP framework complicated so far, and traces how the approval or disapproval of the project took place in member states.

BRICS association: political foundations and opportunities for institutionalisation

This chapter analyses the implementation of the BRICS mandate in the spheres of global security and reshaping the world order as well as ongoing institutionalisation of BRICS. First of all, the term “institutionalization” itself appears to be applicable to BRICS from both scholarly and political points of view. That is, BRIC started off as an acronym used by Jim O’Neill, an American economist and former Goldman Sachs analyst, in one of his publications back in 2001. It was predominantly similar pattern of economic development that made it possible for the expert to single out these four economies and subsequently introduce this abbreviation. Since then, BRIC, which expanded to

BRICS in 2010 with the accession of South Africa, has evolved into one of the largest and most prospective platforms for uniting efforts of rapidly developing countries in many spheres.

Innovative development and disparity of BRICS economies

The importance of BRICS countries (Brazil, Russia, India, China and South Africa) in global economics is increasing. The growing amount of hi-tech goods in the structure of their national production and export is connected with the development of national innovative systems. Innovative systems formation in BRICS countries has geographical and historical features. Globalisation of world economy strengthens cooperation processes and technological transfer between innovative systems of all countries in the world. In order to measure the development of national innovative systems, quantitative indicators are used. BRICS countries are characterized by average world level of innovative systems development. The majority of resources are concentrated in the sub-system of knowledge production. The state sector is dominating in financing innovation activity in Russia, India and Brazil. The main problems of these countries are insufficient development of the knowledge implementation sub-system (entrepreneurial sector) and dominance in innovative production only of certain branches of industry. Serious problems, connected with the processes of knowledge transfer in technological innovations and their commercialisation, exist in the analysis of financing R & D, employment level, patent and export activities. In Russia, a considerable amount of innovations is produced in branches of industries with reasonably low R & D expenditures. The proportion of hi-tech enterprises does not exceed 10%. Significant results in the development of national innovative system were achieved in China, and within a short period of time it has become one of the biggest technological powers. Having followed the policy of “access to the domestic market through the technological transfer”, China reinforced its position in science-consuming production. Scientific know-how policy in BRICS countries is one of the most important factors of national innovative systems growth. It is possible to define four main streams in it: identification of prospective directions for technological development of the country, consolidation of scientific and technological potential, foreign investment in hi-tech sector and promotion of knowledge transfer between regional structures.

**Regionalisation policy of the PRC:
attempts to correct regional disparities**

This chapter provides a detailed outline of internal and external regionalisation policy, designed and implemented by the People's Republic of China. Although Russia is also involved in the external aspect of this strategy, little research has been done on this topic so far. The regionalisation is analysed at different levels and in terms of various approaches to classification of regions in China: from macro-planning, realised in six-regional or three-regional division, to local initiatives at the level of provinces. The research is based on a wide range of Chinese sources, primarily the official planning and reports of local administrations, central government and the Academy of Social Sciences. In conclusion, the problems of regionalisation policy are formulated. The disparities are still persisting. Although currently government is paying more attention to western, central and north-west regions, its policy has not been sufficiently modernised, as well as the law system. The problem of regional disparities is also designed to be solved at the expense of external regionalisation projects, involving cooperation projects with neighbouring countries.

**Modern Latin American regionalism:
clash of two models of integration**

The chapter discusses the Latin American regionalism and its evolution. Three waves of regionalisation are singled out, the first two occurred in the 1960s and 1990s and are characterised primarily by the orientation to the economic component. The third wave, which occurred at the beginning of the 21st century, gave birth to an evident hierarchy of old and new regional projects. This process coincided with the peak of the popularity of the "left turn" policy and the weakening of US influence in the region. This coincidence can hardly be called accidental, since three of the four newly formed blocks have left orientation. At the same time, there are unions in the region that are clearly pro-American, and their prospects remain unclear and depend on President Donald Trump's policy. But the "left turn" is gradually weakening, which raises the question: what will happen to integration associations in the face of a changing political course in many Latin American countries?

The problems of integration in the East African region

The chapter has three sections. In the introduction one can find a brief history of the main developments in the process of integration in East Africa from early 1960s to 2000s. Then, the author pays attention to current economic

and political situation in the region, as well as to relations between East African countries which strongly affect both the pace and the direction of the integration activities within the East African Community (EAC). Finally, the prospects of further EAC integration are evaluated with particular attention to the influence of external donors of the Community.

“The Global Arctic” as a new-type region

The chapter examines the rise of the Arctic as a “global region”, which affects the development of not only the states, which are an integral part of it or adjacent to it, but also the humankind at large. This is explained by the region’s abundant natural resources, promising sea and air communications, as well as by the role that the Arctic plays in shaping the planet’s climate. The authors destroy the myth of the inevitability of the “era of conflicts” in the Far North because of intentions of some players to establish strategic control over the natural resources of this region. They believe that Arctic powers and the entire world community will be able to solve forthcoming local and global problems in the Arctic in a peaceful way and make it a region of peace and cooperation.

Italy’s geopolitical interests in the Arctic

The admission of Italy as an Observer to the Arctic Council in 2013 started the process of transition towards a new “Northern dimension” in the foreign policy of the Italian Republic. This chapter traces the historical phases of Italy’s presence in the Arctic; commencing with the anthropological expeditions of S. Sommier in the 1879–1880, followed by the explorations of U. Nobile in 1926–1928 and culminated in December 2015 with the publication of the Italian Arctic strategy by the Ministry of Foreign Affairs. The formulation of this document allowed Italy to be officially included in the number of the countries outside the circumpolar North, that carry out a medium-long term Strategy in this region. The research provides analysis of the Italian engagement in the Arctic on bilateral and multilateral levels. In addition, the authors review the activity of national scientific agencies and examine Rome’s strengthening position in the industrial development projects. Particular attention is paid to the political dimension and, more specifically, to the involvement of the Government, Parliament, Ministry of Foreign Affairs and major think tanks in the definition and promotion of the Arctic policy of Italy.

Научное издание

Бибнев Андрей Александрович,
Васильева Наталия Алексеевна,
Воронков Лев Сергеевич и др.

АСИММЕТРИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ XXI ВЕКА

Редактор и корректор *Е. В. Березина*
Компьютерная верстка *В. К. Матвеев*

Подписано в печать 19.03.2018. Формат 60 × 84^{1/16}.

Усл. печ. л. 29,2. Уч. изд. 27,2 л.

Гарнитура Minion Pro.

Бумага офсетная. Тираж 100 экз. Заказ № 109.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4

Тел.: +7 (343) 350-58-20, 358-93-06, 350-90-13, 358-93-22,

Факс: +7 (343) 358-93-06

E-mail: press-urfu@mail.ru

<http://print.urfu.ru>

В монографии с применением разнообразных теоретико-методологических инструментов рассматриваются современные глобальные, региональные и субрегиональные интеграционные процессы. Показано, что регионы и регионализм играют центральную роль в современной глобальной повестке («мир регионов»). При этом регионы не сводимы к единому универсальному образцу, а отличаются разнообразием институтов, целей, форм организации.

Исследование подготовлено специалистами ведущих научных центров России и ряда зарубежных стран.

ISBN 978-5-7996-2328-9

9 785799 623289

